

BYZANTINO· TAURICA

ЖУРНАЛ ВИЗАНТИЙСКИХ
И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

..... I

BYZANTINOTAUICA

ISSN 2949-6136

BYZANTINOTAUICA

THE JOURNAL OF BYZANTINE
AND MEDITERRANEAN
STUDIES

..... I

ISSN 2949-6136

VOL. 1
2023

Saint Petersburg
ALETHEIA
2023

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВИЗАНТИНИСТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

.....

BYZANTINOTAUICA

.....

ЖУРНАЛ ВИЗАНТИЙСКИХ
И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

..... I

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЯ
2023

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

Ежегодный журнал

Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований / Севастопольский государственный университет; Национальный комитет византинистов Российской Федерации. – Севастополь; Санкт-Петербург: Алетейя.

2023. Т. 1 / отв. ред. С. П. Карпов. — 2023. — 256 с.: ил.

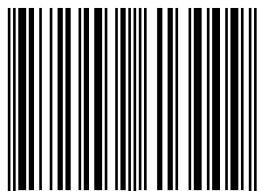
ISSN 2949-6136

В первом томе журнала представлены работы, посвященные различным аспектам истории и культуры Причерноморья и Средиземноморья в античный и средневековый период, а также в раннее Новое время. Опубликованы статьи по всеобщей истории, археологии и истории науки. Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей Крыма, Причерноморья и Византии.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

I S S N 2 9 4 9 - 6 1 3 6

9 772949 613009 >

- © Севастопольский государственный университет, 2023
- © Коллектив авторов, 2023
- © Издательство «Алетейя» (СПб.), 2023

Редакционная коллегия

Сергей Павлович КАРПОВ (ответственный редактор) — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Средних веков Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; руководитель Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Николай Николаевич БОЛГОВ — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского национального исследовательского университета; старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях»;

Сергей Геннадиевич БОЧАРОВ — кандидат исторических наук, доцент, директор НОЦ «Археологические исследования»; ведущий научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Михаил Вячеславович ГРАЦИАНСКИЙ — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Татьяна Викторовна КУЩ — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета (Екатеринбург); главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Юрий Миронович МОГАРИЧЕВ — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН;

Константин Александрович ПАНЧЕНКО — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Александр Васильевич ПОДОСИНОВ — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой древних языков Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Николай Игоревич БЫСТРИЦКИЙ (ответственный секретарь) — старший научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета.

Редакционный совет

Михаил Дмитриевич БУХАРИН — академик РАН; главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

Николай Николаевич КРАДИН — академик РАН; директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН;

Андреа НАНЕТТИ — профессор; Венецианский институт наук, словесности и искусств (Венеция); Наньянский технологический университет (Сингапур);

Владимир Дмитриевич НЕЧАЕВ — доктор политических наук, ректор Севастопольского государственного университета (Севастополь);

Михаил Борисович ПИОТРОВСКИЙ — академик РАН; генеральный директор Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург).

Славенко ТЕРЗИЧ — действительный член Сербской Академии Наук (Белград).

Editorial board

Sergey KARPOV (Editor-in-Chief) — Full Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair for Medieval History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University; Head of the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black Sea Region of Sevastopol State University;

Nikolay BOLGOV — Doctor of Sciences (History), Professor, the Chair for Universal History of Belgorod State University; Senior Researcher of the Centre for Digital Technologies in Historical and Archaeological Research of Sevastopol State University;

Sergey BOCHAROV — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Director of the Archaeological Research Centre of Sevastopol State University; Leading Researcher of the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black Sea Region of Sevastopol State University;

Mikhail GRATSIANSKIY — PhD, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher of the Centre for Byzantine and Black Sea Studies in the Middle Ages of Moscow State University and the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black Sea Region of Sevastopol State University;

Tatiana KUSHCH — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Ancient and Medieval History Department of Ural Federal University; Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;

Yuriy MOGARICHEV — Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Researcher of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences; Head of the Chair of Humanity and Social Science of the Crimean Republican Institute for Post-Graduate Pedagogical Education;

Constantin PANCHENKO — Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Near and Middle Eastern History of the Institute of Asian and African Countries of Lomonosov Moscow State University.

Alexander PODOSSINOV — Doctor of Sciences (History), Professor, the Head of the Department for Ancient Languages of Lomonosov Moscow State University; Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;

Nikolay BYSTRITSKIY (Editorial Secretary) — Senior Researcher of the Centre for Byzantine and Black Sea Studies in the Middle Ages of Moscow State University and the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black Sea Region of Sevastopol State University.

Editorial advisory board

Mikhail BUKHARIN — Full Member of the Russian Academy of Sciences; Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;

Sergey KRADIN — Full Member of the Russian Academy of Sciences; Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences;

Andrea NANETTI — Professor; Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti (Venice); Nanyang Technological University (Singapore);

Vladimir NECHAEV — Doctor of Political Sciences, Rector of Sevastopol State University;

Mikhail PIOTROVSKY — Full Member of the Russian Academy of Sciences; General Director of the State Hermitage (Saint-Petersburg);

Slavenko TERZIĆ — Full Member of the Serbian Academy of Sciences (Belgrade).

Содержание

Предисловие редколлегии	13
-----------------------------------	----

Taurica Romana, Byzantina et Januensis

С.Ю. Сапрыкин (Москва) Сочинение Константина Багрянородного <i>De administrando imperio</i> как источник по истории Херсонеса и позднеантичного Боспора	16
А.В. Подосинов (Москва) Позднеантичные и раннесредневековые источники по исторической географии Крыма: континуитет и новации	38
С.Г. Бочаров (Севастополь), А.Н. Масловский (Азов) Заметки о византийской тарной керамике в Северо-Восточном Причерноморье (середина X — первая треть XIII вв.)	64
Ю.М. Могаричев (Симферополь), А.С. Ергина (Санкт-Петербург) К вопросу о стенописи главного храма Шулдана	82
С.П. Карпов (Москва) Сталии: налоги на оклады магистратов генуэзских факторий Причерноморья. Анализ малоизвестных архивных источников	92
Л.А. Беляев (Москва) Центрические храмы в Московском Кремле и на городище Мангуп XIV–XV в.	106

Византия и Кавказ

Е.Ю. Ендольцева (Москва) Специфические черты архитектурной декорации храмов Северного Кавказа и Закавказья в IX–XI вв. как отражение локальных особенностей христианской культуры	116
С.Н. Малахов (Владикавказ) Аланская митрополия в церковно-административной структуре Константинопольского патриархата (X–XVI вв.)	133

Большое Средиземноморье

И.А. Ладынин (Москва) Египетский царь Сострис в «Хронографии» Иоанна Малалы: к вопросу о пересечении традиций	172
М.В. Грацианский (Москва) К вопросу о генезисе соборного строя христианской Церкви	184

Н.Н. Болгов (Белгород)

Византинизация позднеантичного города в Восточном Средиземноморье: к постановке проблемы 199

К.А. Панченко (Москва)

Арабы и Омейядский халифат в исторической перспективе 220

Instrumenta studiorum

Н.И. Быстрицкий (Москва)

Историческое картографирование византийского Крыма: некоторые соображения 232

Из истории отечественного византиноведения

А.Г. Цыпкина (Москва)

М.Я. Сюзюмов о феодализме: замечания к определению термина . . . 242

Contents

Editorial Preface	13
-----------------------------	----

Taurica Romana, Byzantina et Januensis

Sergey Yu. SAPRYKIN (Moscow)	
Constantine Porphyrogenitus' <i>De administrando imperio</i> as a Source on the History of Chersonesus and Bosphorus in Late Antiquity	16
Alexander V. PODOSSINOV (Moscow)	
Late Ancient and Early Medieval Sources on the Historical Geography of Crimea: Continuity and Innovations	38
Sergey G. BOCHAROV (Sevastopol), Andrey N. MASLOVSKIY (Azov)	
Notes on Byzantine Storage Pottery in the North-Eastern Black Sea Region (Middle of the 10 th — First Third of the 13 th Centuries)	64
Yuriy M. MOGARICHEV (Simferopol), Alena S. ERGINA (St. Petersburg)	
The Wall Painting of the Main Temple of Shuldan	82
Sergey P. KARPOV (Moscow)	
<i>Stalia</i> as Taxes on the Salaries of Magistrates of the Genoese Trading Stations of the Black Sea Region. Analysis of Little-Known Archival Sources	92
Leonid A. BELYAEV (Moscow)	
Centric Churches in the Moscow Kremlin and at the Mangup Settlement of the 14 th –15 th Centuries	106

Byzantium and the Caucasus

Ekaterina Yu. ENDOLTSEVA (Moscow)	
Specific Features in Architectural Decoration of Churches in Northern Caucasus and in Transcaucasia between the 9 th and the 11 th Centuries as Reflection of Local Christian Culture	116
Sergey N. MALAKHOV (Vladikavkaz)	
Metropolis of Alania in the Church-Administrative Structure of the Patriarchate of Constantinople (10 th –16 th Centuries)	133

The Greater Mediterranean

Ivan A. LADYNIN (Moscow)	
The Egyptian King Sostris in John Malalas' <i>Chronography</i> : A Crossing of Traditions	172
Mikhail V. GRATSIANSKIY (Moscow)	
The Question of the Genesis of the Church Synodal System Revisited	184

Nikolay N. BOLGOV (Belgorod)Byzantinization of a Late Antique City in the Eastern Mediterranean: Towards
Formulation of a Problem 199**Constantin A. PANCHENKO** (Moscow)

The Arabs and the Umayyad Caliphate: A Historical Retrospect 220

*Instrumenta studiorum***Nikolay I. BYSTRITSKIY** (Moscow)

Historical Mapping of Byzantine Crimea. Some Considerations 232

*From the History of the Byzantine Studies in Russia***Anna G. TSYPKINA** (Moscow)M.Ya. Syuzyumov on Feudalism: Some Comments on the Definition of
the Term 242

Предисловие редколлегии

Вниманию читателя предлагается первый том журнала «Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований» — периодического издания, задачей которого является всестороннее исследование истории макрорегиона — Большого Средиземноморья — на протяженном временном отрезке от поздней Античности до Нового времени. Побудительным мотивом к созданию и развитию журнала послужила исследовательская инициатива московских и севастопольских ученых-историков, оформленная в виде проекта «Комплексные историко-археологические исследования Византийского Причерноморья и Средиземноморья», поддержанного Мегагрантом Правительства РФ (Соглашение № 075–15–2022–1130) и реализуемого на площадке Севастопольского государственного университета. Основной целью проекта является объединение усилий археологов и историков, связанных с исследованием документальных и нарративных источников, в деле изучения византийской истории и византийского наследия в Крыму, Причерноморье и Средиземноморье, не исключая связанных с ними и прилегающих к ним регионов. При такой постановке задачи византийское наследие, понимаемое как наследие позднеантичной Римской империи IV–VI вв., является основой или отправной точкой исследования, а также культурной и цивилизационной парадигмой, определившей специфику развития макрорегиона Большого Средиземноморья и протекавших внутри него процессов.

В современной историографии благодаря внедрению понятия «поздней Античности» в значительной мере оказались размыты хронологические границы между античным и средневековым периодами. С другой стороны, не утихают споры о хронологических границах Средневековья и раннего Нового времени. Эта неопределенность дает возможность взглянуть поверх старых историографических клише на процессы, протекающие в макрорегионе Большого Средиземноморья вплоть до XV–XVI вв., как на производную от политических, экономических и идейных трансформаций Римской империи IV–VII вв., давших различные всходы и имевших различные последствия на Западе и на Востоке. Огромный средиземноморский бассейн, античная Ойкумена, на протяжении тысячелетия после распада единой Римской империи стал ареной конфликтов и взаимодействия, пространством военных, торговых, научных и религиозных отношений между многочисленными государствами-преемниками. Эта преемственность от Античности прослеживается на протяжении всего Средневековья, модифицируясь и приобретая новые черты и характеристики.

Географическим средоточием региона, связывающим обширные пространства от Скандинавии до Святой Земли и Эфиопии, с одной стороны, и степные коммуникации от Китая до Центральной Европы — с другой, являются причерноморский регион и Крымский полуостров. С глубокой древности

они оказываются местом встречи, совместного существования и взаимодействия самых разных народов, культур и религий, что предопределено самим историко-культурным ландшафтом этого региона. Встреча и пересечение степи, гор, крупных рек и моря создают в регионе уникальный вмещающий ландшафт, предопределяющий формы соприкосновения населяющих его племен и народов. Долгий период господства в Крыму и Причерноморье средневековой Римской (Византийской) империи, создал там особые формы провинциального уклада жизни граждан, на протяжении веков поддерживавших контакты с различными народами, приходившими в Причерноморье из самых разных и отдаленных земель — от Скандинавии до границ Китая, — создававшими в нем самые разные политические образования и распространявшими различные культурные и религиозные влияния. Процессы образования многочисленных итальянских факторий на всем побережье Черного (именуемого тогда Великим) моря в XIII–XV вв. внесли свой неповторимый колорит в исторический пейзаж региона. Именно этот аспект, отражающий географический взгляд на историю из Таврики, из древнего Херсонеса породил само название журнала — *Byzantinotaurica*.

Для публикации результатов исследования археологических памятников и артефактов материальной культуры, архивных документов, нарративных, эпистолярных и иных источников, относящихся к истории Причерноморья, Крыма и Средиземноморья в целом, приглашаются авторы, занимающиеся политическими, социальными, экономическими, религиозными, этнографическими, культурными и вещеведческими аспектами истории макрорегиона.

В основе настоящего тома лежат материалы прошедшей на базе Севастопольского государственного университета 25–28 сентября 2023 г. конференции «BYZANTINOTAUICA — I: Византия и византийское наследие в Причерноморье, Средиземноморье и Восточной Европе». Изучение Византии и византийского наследия означено в самом заглавии конференции. Однако цели организаторов изначально выходили за пределы узкого понимания этой темы. Была поставлена задача представить не совсем обычный для отечественного византиноведения ракурс рассмотрения традиционных тем. В результате территорию, политическое и интеллектуальное наследие Византийской империи участники конференции трактовали, с одной стороны, как источник наших знаний о более глубокой древности, а с другой — стремились охватить широкий горизонт влияния и региональных трансформаций этого наследия в самых разных частях бывшей римской Ойкумены. В итоге, значительная часть докладов конференции, оформленная в виде законченных научных статей, представляется читателю в настоящем томе. Важность византийских письменных памятников для изучения древней истории продемонстрирована в статье С.Ю. Сапрыкина, давшего всестороннюю оценку сведениям о позднеантичном Херсонесе в 58-й главе трактата «Об управлении империей» императора Константина Багрянородного, и в статье И.А. Ладынина, показавшего важность «Хроники» Иоанна Малалы (VI в.) для реконструкции политической истории Древнего Египта. История материальных связей византийской Таврики с Восточным Средиземноморьем изложена в статье С.Г. Бочарова и А.Н. Масловского, проблемам визан-

тийской живописи крымских пещерных храмов посвящена статья Ю.М. Мога-ричева и А.С. Ергинной, а Л.А. Беляев в своей работе обращает внимание на воз-можную связь между архитектурными чертами открытой археологами мангуп-ской базилики и центрического храма XIV в. Московского Кремля. Открывший конференцию доклад С.П. Карпова теперь в статейной форме демонстрирует потенциал малоизвестных архивных источников — регистров налогов, взимае-мых с магистратов Генуэзской республики, так называемых сталий, для рекон-струкции ряда важнейших политических, экономических и административных аспектов бытования генуэзских владений в Крыму. Гипотеза происхождения средневекового названия античного Херсонеса, ставшего византийским Херсо-ном, была обоснована в докладе А.В. Подосинова на лингвистическом материа-ле готского языка. Процессы «византинизации» городской жизни в Восточном Средиземноморье и критерии данного процесса были выделены и обоснова-ны в работе Н.Н. Болгова, а М.В. Грацианский обосновал возможность кон-тинуитета между традиционными античными гражданскими и религиозными союзами, с одной стороны, и синодальными структурами христианской Церк-ви — с другой, причем описываемый процесс был присущ всему средиземно-морскому региону римского времени. Проблемы политического, церковного, культурного и архитектурного влияния Византии на Кавказе освещаются в ста-тьях С.Н. Малахова и Е.Ю. Ендольцевой. Масштабная панорама этнических, политических, религиозных и лингвистических изменений, вызванных араб-ской экспансией в Средиземноморье и на Среднем Востоке, и их сравнение с последствиями Великого переселения народов в Западной Европе представле-ны в статье К.А. Панченко. Задачи составления исторической карты Крыма в византийский период на основе современных средств цифровой картографии поставлены Н.И. Быстрицким. И наконец, новые материалы из отечественных архивов, относящиеся к научным взглядам выдающегося советского византи-ниста М.Я. Сюзюмова, представлены А.Г. Цыпкиной. Во всех опубликованных работах также затрагиваются и иные стороны многовековой и турбулентной истории византийского Причерноморья и Средиземноморья, расширяя гори-зонты наших знаний и определяя перспективы грядущих исследований.

BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2023. Т. 1

С. 16–37

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 1: 2023

P. 16–37

Научная статья

DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.01

Сочинение Константина Багрянородного *De administrando imperio* как источник по истории Херсонеса и позднеантичного Боспора

Сергей Юрьевич САПРЫКИН¹⁻²

¹ доктор исторических наук; заведующий Кафедрой истории древнего мира; Исторический факультет; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, 119192 Москва;

² ведущий научный сотрудник; Институт всеобщей истории РАН; Ленинский проспект 32а, 119334 Москва; mithridates@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу первого сюжета трактата византийского императора X в. Константина Багрянородного «Повествование о крепости Херсон», где ведется рассказ о войне между Римом, Боспором и сарматами, напавшими на Лазик и владения римлян в Малой Азии. Согласно этому источнику, в войне, которая происходила при императоре Диоклетиане и Константе (Констанции Хлоре), будущем императоре, но являвшемся тогда цезарем, принял участие Херсонес Таврический, откликнувшийся на просьбу императора напасть на Боспор, чтобы принудить сарматов и боспорцев прекратить военные действия. Автор статьи стремится доказать, что в этой войне варварами командовал Савромат IV, боспорский царь в 275 г. н. э., к началу этого конфликта потерявший царский титул и ставший правителем Боспора (Пантикапея и его территории в Восточном Крыму). В статье отстаивается идея, что война происходила не в 292–293 гг. н. э., как принято считать в науке,

а в конце 80-х — начале 90-х гг. III в. н. э. и завершилась около 293–294 г. н. э. Конкретные факты из истории Боспора и Херсонеса, а также сведения трактата, находящие параллели в нумизматическом, эпиграфическом, археологическом материале, подтверждают, что трактат Константина написан на основе местной херсонесской хроники, которую на протяжении веков составляли местные херсонесские историки во главе с учениками и последователями Сирика — историка III в. до н. э. Она была переработана неизвестным автором в римскую эпоху и попала к Константину, который внес в нее некоторые термины, характерные для эпохи Византийской империи.

Ключевые слова: Херсонес, Боспор, Савромат, Диоклетиан, Констанций Хлор, сарматы, Лазика, херсонесская хроника, варвары, Пантикапей, Меотида, крепости на Меотиде, походы варваров в Понт, Константин Багрянородный.

Цитирование: Сапрыкин С.Ю. Сочинение Константина Багрянородного *De administrando imperio* как источник по истории Херсонеса и позднеантичного Боспора // *Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований*. 2023. Т. 1. С. 16–37. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.01.

Original article

Constantine Porphyrogenitus’ *De administrando imperio* as a Source on the History of Chersonesus and Bosphorus in Late Antiquity

Sergey Yu. SAPRYKIN¹⁻²

¹ Doctor of Sciences (History); Professor; Head of the Department of Ancient History; Faculty of History; Lomonosov Moscow State University; Lomonosovskiy prospect, 27/4, 119192 Moscow, Russian Federation;

² Leading Researcher; Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Leninskiy avenue 32a, 119334 Moscow, Russian Federation; mithridates@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the treatise “The Tale about the Fortress of Kherson” — a part of Constantine Porphyrogenitus’ work *De administrando imperio*, particularly to the first story which is the beginning of the Tale. It is a narrative about the war between Rome, Bosphorus and the Sarmatians who attacked Lazika and Roman possessions in Asia Minor. According to this narrative source, the war which took place during the rule of emperor Diocletian and Constant (future caesar Constantius) was held in the South, East and North Black Sea Littoral, and Tauric Chersonesus, the Greek city in the South-West Crimea, took an active part in it. This city responded to the request of Diocletian to attack the Kingdom of Bosphorus in order to stop the barbarian aggression against Roman territories and to incline their commander to conclude a peace treaty. The author of the article tries to prove that in course of this conflict the Sarmatians (and probably other barbarians) were under the command of Sauromates IV who was king

of Bosphorus in 275 AD. But closer to the beginning of the war he had lost his title and throne at Bosphorus, having become a ruler — *kurios* — of Bosphorus = Panticapaeum how the late ancient and medieval authors called the capital of the Bosporan kingdom.. The war was going on at the territory in East Taurica and should be dated not to 292/293 AD as had been earlier proposed in literature, but to the late 280s — early 290s AD. It was over approximately in 292/293 or 294 AD when Diocletian and Constantius got the title *Sarmaticus maximus*. Precise and concrete facts from the Bosporan and Chersonesus' history of this period as well as the evidence of the treatise which have good parallels in numismatics, epigraphy and archaeology, confirm that Constantine Porphyrogenitus' work was based on local Chersonesian chronic, composed throughout several centuries by the historians of Tauric Chersonesus — followers of the distinguished local historian Syrisus who wrote about the epiphanies of Maiden and relations with the neighbouring Bosphorus. This chronic was reworked by an unknown author in the Imperial times and this renewed version was used by Constantine who included some terminology of the Byzantine period.

Key words: Chersonesus, Bosphorus, Sauromates, Diocletian, Constantius, Sarmatians, Lazika, Chersonesian chronic, Barbarians, Panticapaeum, Maeotis, forts in Maeotida, barbarian invasion to Pontus, Constantine Porphyrogenitus.

For citation: Saprykin, S.Yu. "Constantine Porphyrogenitus' *De administrando imperio* as a Source on the History of Chersonesus and Bosphorus in Late Antiquity." *Byzantino-taurica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 1(2023). P. 16–37. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.01.

Сочинение византийского императора и писателя Константина Багрянородного «Об управлении империей» (X в.) (особенно глава 53 «Повествование о крепости Херсон») — важный источник по истории Херсонеса и Боспора в позднеантичную эпоху. «Херсонесские рассказы», как принято иногда называть означенный трактат, долгое время вызывали недоверие и скептическое отношение ученых (Т. Моммзен назвал их «херсонесскими сказками», а М.И. Ростовцев — «полулегендарными полуисторическими» свидетельствами)¹. Однако еще в конце XIX в. Р. Гарнетт доказал, что рассказы Константина появились ранее времени жизни самого их автора. Это мнение в отечественной науке было поддержано только Е.А. Ивановым², а в зарубежной его зна-

¹ См.: Григорьев В.В. Россия и Азия. СПб., 1876. С. 407; Бертъе-Делагард А.Л. Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // Записки Одесского Общества истории и древностей. 1893. Т. 16. С. 45–88 (здесь: С. 75); Brandis C. Chersonesos // RE. 1897. Bd. III. S. 2269; Шестаков С.П. Памятники христианского Херсонеса. Вып. 3 (Очерки по истории Херсонеса в VI–X вв. по Р.Х.). М., 1908. С. 5. Примеч. 5; Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P. 528–530; Rostovtzeff M.I. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922. P. 217; Васильев А.А. Готы в Крыму // Известия Российской академии истории материальной культуры. 1921. Т. 1. С. 179–282 (здесь: С. 288); Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930. С. 174; Моммзен Т. История Рима. Т. 5. М., 1949. С. 270. Примеч. 1.

² См.: Garnett R. The Story of Gycia // English Historical Review. 1897. Vol. 12. P. 100–105; Иванов Е.А. Херсонес Таврический. Симферополь, 1912. С. 59; М.И. Ростовцев отмечал, что сведения Константина Багрянородного совпадают с данными эпиграфики Херсонеса, а легенду о Гикии относил к эллинистической новелле: Ростовцев М.И. Новые латинские надписи из Херсонеса // Известия Императорской Археологической Комиссии. 1907. Т. 23. С. 1–20 (здесь: С. 9–11); Он же. Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 138. Примеч. 1.

чительно позже обосновали Дж. Бари и Р. Дженкинс³. В работах В.А. Анохина, В.Ф. Гайдукевича, Я. Харматты, Б. Надэля было окончательно доказано, что трактат Константина имеет важнейшее значение для истории Херсонеса и Боспорского царства⁴. Сведения Константина с позиции исторической объективности были особенно тщательно проанализированы на примере так называемой легенды о Гикии и боспорском царе Асандре, который пытался захватить Херсонес в середине I в. до н. э.⁵ События на Боспоре, которые подробно описаны в трактате, и, как установлено исследователями, происходили в III–IV вв. н. э., изучены не менее тщательно. Большинство ученых сошлись во мнении, что они правдоподобны, так как основаны на конкретных фактах⁶. Тем не менее до сих пор не утихают споры относительно датировки событий, ибо существуют разногласия о времени, когда они могли иметь место. Дискуссии, например, ведутся о том, когда Асандр пытался овладеть Херсонесом⁷, о периодизации боспоро-херсонесских войн, по поводу источников, которыми пользовался Константин⁸. По-прежнему идут споры об историчности или вымышленном характере персонажей, реальности изложенных фактов, наконец, об авторстве самого Константина⁹. Поэтому задачу данной работы мы видим в том, чтобы

³ См.: Bury J. The Treatise De administrando Imperio // *Byzantinische Zeitschrift*. 1960. Bd. 15. S. 517–557 (здесь: S. 538); Jenkins R. Commentary // *Constantine Porphyrogenitus. De administrando Imperio*. Vol. 2. L., 1962. P. 205–209.

⁴ См.: Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 460 (= Gajdukevič V.F. Das Bosporianische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971. S. 478); Надэль Б.И. Из политической истории Боспорского царства в Крыму в начале IV в. н. э. // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungariae*. 1961. Vol. 9. Fasc. 1–2. P. 231–237 (здесь: P. 231–234); Nadel B. Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus Information on the Bosporean Kingdom in the Time of Emperor Diocletian reconsidered // *Dialogues d'histoire ancienne*. 1971. № 3. P. 88–105; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 92; Он же. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 171, 172; Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // *Античное общество*. М., 1967. С. 204–208 (здесь: С. 205).

⁵ См.: Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикии) // *Советская археология*. 1987. № 1. С. 48–57. Легенда о Гикии как исторический источник рассматривалась также в сл. работах: Русяева А.С. Религиозный аспект исторической новеллы о Гикии Константина Порфирородного // *МОУΣΕΙΟΝ*. СПб., 1997. С. 281–290; Русяева А., Русяева М. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. С. 106–111.

⁶ См.: Белоголов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996; Петрова Э.Б. Античная Феодосия. История и культура. Симферополь, 2000. С. 131–133; Васильев А.А. Боспорский царь на Дунае (к интерпретации группы кочевнических подбойных погребений начала IV в. в Буджаке) // *Боспорский феномен*. 2002. Ч. 2. С. 8–14; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 153–161; Ярцев С.В. Античный мир и варвары Северного Причерноморья в первых сюжетах «Повествования о крепости Херсон» Константина Багрянородного // *Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика*. 2010. № 19 (90). Вып. 16. С. 20–28.

⁷ См., напр.: Зубарь В.М. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры // *Вестник древней истории*. 1987. № 2. С. 118–129, где оспаривается предложенная нами дата похода Асандра. Ср.: Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес... С. 48–57.

⁸ Об этом подробно: Бибииков М.В., Грацианская Л.И. Комментарии к гл. 53 // *Константин Багрянородный «Об управлении империей»*. М., 1989. С. 450–457.

⁹ Ср., напр.: Фролова Н.А. Монетное дело Фофорса (285–308 гг. н. э.) // *Советская археология*. 1984. № 2. С. 34–54 (здесь: С. 48–52); Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсонеса в IV в. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 1994. Т. 4. С. 545–560; Айбабин А.И.

доказать историческую значимость рассказов Константина о Боспоре и Херсонесе. Основное внимание будет уделено первому сюжету его произведения, который крайне важен и является полноценным историческим источником по истории Херсонеса Таврического и Боспора. На примере войн между херсонесцами, римлянами и боспорцами, что составляет фабулу данного сюжета и всего сочинения Константина, важно выявить источниковую базу автора и в зависимости от этого уточнить датировку событий.

Война Рима, Боспора и Херсонеса Таврического при Диоклетиане

Основная задача Константина Багрянородного как предполагаемого автора сочинения об истории крепости Херсон (так в византийские времена назывался Херсонес Таврический) — подробно рассказать о поддержке им политики римлян на примере походов савроматов, проживавших на Меотиде, против римских владений. Рассказ об этом распадается на четыре сюжета, из которых три первых последовательно взаимосвязаны, а четвертый — легенда о Гикий, которая хотя и вписана в общую сюжетную линию, однако явно выпадает из нее, так как по времени не согласуется с походами савроматов¹⁰.

Первый сюжет начинается с того, как при императоре Диоклетиане и военном трибуне Константе (Констанции Хлоре) боспорское войско, возглавляемое Савроматом, вторглось в Лазику (Колхиду) и захватило часть римских владений в Восточной Анатолии. Римляне терпели поражения и по просьбе императора херсонесцы вступили в войну с Боспором. Они завладели его столицей (Константин Багрянородный называет ее Боспором, как в эпоху поздней античности и раннего средневековья назывался Пантикапей), взяли в заложники семью Савромата и другие семьи боспорцев, а затем отправили послов, чтобы склонить его к решению прекратить войну с римлянами. После переговоров с Констанцием и Савроматом, в ходе которых херсонесские послы убедили Констанция расторгнуть невыгодный договор с Савроматом о дани и дали обещание отпустить всех заложников, как только он оставит римские владения, боспорцы покинули захваченные земли и ушли на Боспор. В награду за помощь Херсонес получил от Диоклетиана и будущего цезаря Констанция привилегии и богатые дары (Const. Porphyg. De adm. imp. 53).

События, изложенные в трактате, датируются по-разному. Их относят к I в. до н. э. (последний сюжет о подвиге Гикий) — II–IV вв. н. э. (три первых сюжета повести), а войны между Римом, Боспором и сарматами, и Херсонесом, которые упоминаются в трех первых рассказах, датируют 292 г. н. э.¹¹, 284–293 гг.

Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 47; *Он же*. Крым в период германских и аланских миграций. Середина II–IV в. // История Крыма. Т. 1. М., 2017. С. 151–182 (здесь: С. 160).

¹⁰ Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...». Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010. С. 153.

¹¹ Garnett R. The Story of Gycia. P. 102,

н. э.¹², 291–293 гг., первой половиной IV в. н. э.¹³ и даже позднее — 342 г. н. э.¹⁴ Л.И. Грацианская попыталась отнести первый сюжет трактата к царствованию боспорского царя Савромата II (174–210)¹⁵. Однако это вряд ли оправдано: Савромат II никогда не ходил походом на Лазику и не вторгался в римские владения в Малой Азии. Он проводил проримскую политику, так как был занят покорением тавро-скифов в интересах римлян. В 193 г. он заключил с римлянами и защищаемым ими Херсонесом договор о разграничении полномочий в Таврике: за Римом и Херсонесом оставался контроль над территорией в юго-западном Крыму до Харакса, а Боспор должен был осуществлять защиту областей в Центральном Крыму и побережье от Аю-Дага до Феодосии¹⁶. Поэтому в годы его царствования херсонесцы не вели военных действий против Боспора. Столь ранняя датировка опровергается также упоминанием в первом сюжете Лазского царства, которое, появившись на исторической арене во второй половине II–III вв., подвергалось нападениям северочерноморских варваров при содействии Боспора и сармато-аланов не ранее середины 50-х гг. III в., точнее в 258–260 гг. (Zosim. I.31–33)¹⁷. В современной историографии, опирающейся на сообщения Зосима, выделяют три похода северочерноморских варваров (готов, герулов, боранов, аланов, сарматов) в Лазику, которые происходили между серединой 50-х и 90-ми гг. III в.

Во время первого похода эта коалиция племен во главе с сарматами продвинулись не дальше побережья Западной Грузии, в ходе второго похода были захвачены Питиунт и Трапезунт, но варвары потерпели поражение у Фасиса. Третий поход, возглавленный боспорцем Савроматом, о чем сообщает Константин Багрянородный, завершился победой над лазами. После этого варвары двинулись в Понт и дошли до Галиса¹⁸. Поскольку в первом сюжете говорится о вторжении сармато-аланов в Северную Анатолию, то поход Савромата — это очередное нападение коалиции варваров во главе с сарматами на Римскую империю¹⁹.

¹² Jenkins R. Commentary. P. 205–209.

¹³ См.: Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 460; Харматта Я. К истории... С. 205; Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. С. 92; Он же. История Боспора Киммерийского. С. 172; Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. С. 34–36; Зубарь В.М. Северный Понт... С. 154, 155; Юрочкин В.Ю. Этно-политическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999. С. 279–281 (здесь: С. 280); Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Историческое развитие Херсонеса в конце III — начале V вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. Харьков, 2004. С. 495–520 (здесь: С. 509).

¹⁴ См.: Фролова Н.А. Монетное дело Фофорса... С. 52; Она же. Монетное дело Боспора. Ч. II. М., 1997. С. 94.

¹⁵ См.: Грацианская Л.И. Ранние херсонесские сюжеты Константина Багрянородного как источник по истории Боспора («De administrando imperio» Cap. 53, lin. 1–492) // Боспорский феномен. 2004. Т. 5. Ч. 1. С. 87–94.

¹⁶ Сапрыкин С.Ю. Античный Херсонес и Западный Крым. VI в. до н. э. — III в. н. э. // История Крыма. Т. 1. М., 2017. С. 92–121 (здесь: С. 120).

¹⁷ Braund D. Georgia in Antiquity. Oxford, 1994. P. 262–264.

¹⁸ Ломоури Н.Ю. История Эргисского царства. (С возникновения до V в. н. э.). Тбилиси, 1968. С. 124.

¹⁹ См.: Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954. С. 143; Он же. Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275–279 гг.

В рассказе Константина говорится, что Савромат «из боспорян», собрав сарматов, населяющих берега Меотиды, выступил против римлян, захватил страну лазов и, победив «тамошних» (местных жителей), дошел до реки Галис (Const. Porphyg. De adm. Imp. 53 184 r). Исследователями не остался не замеченным тот факт, что Константин, говоря о Лазике, не упоминает римские войска, а Савромат побеждает только местных жителей, после чего отправляется в поход на провинцию Каппадокийский Понт. На этом основании делается вывод, что в Лазике в то время уже не было римских гарнизонов²⁰. Это, как представляется, позволяет высказать предположение, что после победы над лазами боспорцы (и варвары) чувствовали себя в этой стране достаточно уверенно. Это позволило им превратить ее в базу для продвижения в Малую Азию и захвата римских владений. Ведь во времена Митридата Евпатора и Полемонидов Колхида (Лазика) составляла вместе с Боспором, Пафлагонией, Понтийской Каппадокией и Малой Арменией единый царский домен Понтийского царства. Не случайно, поэтому, Савромат пошел на Каппадокийский Понт — бывшие царские земли понтийских Митридатидов. Он, конечно, понимал, что восстановить Понтийское царство в его прежних границах вряд ли будет возможно, но пограбить его было вполне реально.

В этом сюжете повествования фигурируют император Диоклетиан и военный трибун Констант (Констанций Хлор), который стал экзархом (командующим) римскими войсками. Как и далее у Константина, здесь боспорский правитель имеет характерное династийное имя «Савромат», созвучное этническому названию племени савроматов/сарматов, тесно связанного с Боспором. Савроматы/сарматы были хорошо знакомы греческим и римским писателям, а через них и читающей античной публике. Из известных на Боспоре в I–III вв. царей с таким именем — Савромат I (93–123), Савромат II (173–210), Савромат III (229–231) — никто хронологически не вписывается в канву событий, изложенных в трактате Константина. Савромат, который упоминается в первом сюжете трактата как «боспорянин» (ὁ ἐκ τῶν Βοσποριανῶν) во время событий в Лазике и Понте, и воевавший с Херсонесом, скорее всего, боспорский царь Савромат IV. У Константина он назван «сыном Крискорона», что не без оснований воспринимается исследователями как искажение имени Рескупорид, очевидно, принадлежавшего боспорскому царю Рескупориду IV/V (242–276)²¹. Обращает на себя внимание, что Константин употребляет два этнических названия племени, которое Савромат привлек для своего похода — сарматы и савроматы. Последний термин часто применялся к сарматам в более ранние времена. Ав-

н. э. // Вестник древней истории. 1964. № 4. С. 131–139 (здесь: С. 133); Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 102.

²⁰ См.: Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. С. 381; Ломоури Н.Ю. Грузино-римские взаимоотношения. Тбилиси, 1981. С. 279.

²¹ См.: Cary M. Histoire de rois de Thrace et de ceux du Bosphore Cimmerien. P., 1752. P. 83. Против см. Григорьев В.В. Россия и Азия. С. 407. Ср., однако: Minns E. Scythians and Greeks. P. 525, который считал, что Савромат у Константина это боспорский царь Савромат V. Однако в хронологической таблице боспорских царей, имена которых сохранились в надписях и на монетах, последним Савроматом, который правил при императоре Диоклетиане, был Савромат IV. См.: Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 199; CIRB. P. 832, 833.

тор трактата использует его применительно к «семьям савроматов» и «женщинам савроматов», увязывая с упоминаемым ниже «властителем Савроматом» (Const. Porphyg. De adm. Imp. 53, 186rP–186vP). Скорее всего в этом месте трактата этническое обозначение сарматов как «савроматов» появилось вследствие омонимичности с личным именем правителя — Савромат. Это тем более вероятно, что далее говорится о «женах Савромата», взятых херсонесцами в заложники, и «народе Савромата», т. е. о его подданных.

Для более точной датировки событий и определения задествованного в них правителя неоценимую помощь оказывает нумизматика. Последние монеты Рескупорида IV/V датированы 275–276, в 275 г. были выпущены статеры Савромата IV, с 275 по 278 гг. монеты чеканил уже другой боспорский царь Тейран, а в 285–303 гг. царь Фофорс²². На основании этих данных высказывалась точка зрения, что Савромат из первого сюжета трактата Константина мог быть справителем отца — Рескупорида IV/V, а потом и его преемника Фофорса²³. Констант (Констанций Хлор), который выступил против Савромата, назван в трактате военным трибуном и экзархом, т. е. командующим римскими войсками. В 293 г. он был провозглашен цезарем, в 294 г. получил титул *Sarmaticus maximus*. Диоклетиан же обладал этим титулом в 285, 289, 294 гг., что стало основанием для датировки похода Савромата в пределах 284–293 г., точнее 291–293 гг. На этом основании Я. Харматта выдвинул предположение, что войну с римлянами и херсонесцами вел Фофорс, а династийное имя «Савромат» было искусственно привязано к этнониму «савроматов», основе правившей в Пантикапее сармато-аланской группировки²⁴.

Появление монет Рескупорида, Савромата и Тейрана в одно и то же время — в 275–276 гг. — показывает, что на Боспоре произошли события, которые повлияли на внутривосточную ситуацию в царстве и династийное наследование престола и царского титула. Судя по монетам и редким надписям²⁵,

²² См.: Фролова Н.А. Монетное дело Фофорса... С. 52; Она же. Монетное дело Боспора. С. 233–313. Ср.: Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 170–173.

²³ См.: Журавлев Д.В., Мокроусов С.В., Сапрыкин С.Ю. Эпоха поздней античности // Античное наследие Кубани. Т. 2. М., 2010. С. 166–204 (здесь: С. 175). Ср. тж.: Minns E. Scythians and Greeks. P. 526; Зубарь В.М., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Симферополь, Керчь, 2006. С. 221.

²⁴ Харматта Я. К истории... С. 205–208. О титулах Констанция Хлора и Диоклетиана см.: Barnes T. The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge, 1982. P. 255. Точку зрения Я. Харматты поддержали В.М. Зубарь (Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Историческое развитие Херсонеса... С. 509; Зубарь В.М. Северный Понт... С. 154, 155) и Н.Н. Болгов (Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. С. 35–38).

²⁵ В 242–276 гг. н. э. надписи и монеты фиксируют правление царя Тиберия Юлия Рескупорида IV/V. См.: CIRB 58–60; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. С. 233–280. В 275–278 гг. надписи и монеты свидетельствуют о правлении царя Тейрана, выпустившего статер со своим именем и титулом еще в 266 г. при Рескупориде IV/V: CIRB 36; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. С. 284–287. В 253–254 гг. при том же Рескупориде IV/V статеры чеканил царь Фарсанз: Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. С. 279, 280. Одновременное правление царей с традиционными династийными именами Рескупорид и Савромат и царей с варварскими именами Тейран, Фарсанз говорит о том, что престол делили представители разных политических и этнических групп, при том что последние усилились на Боспоре после походов готов в середине III в.

власть там стала объектом притязаний со стороны двух группировок — одну возглавлял Рескупорид, отец Савромата, выражавший интересы традиционной боспорской эллинизированной верхушки, связанной с династией Тибериев Юлиев, а другую, опиравшуюся на поддержку готских или сармато-аланских кругов, возглавил Тейран²⁶. Однако, если принять во внимание его полное тронное имя и традиционный титул боспорских царей — царь Тиберий Юлий Тейран, друг цезаря и друг римлян, благочестивый (CIRB 36), то возможно предположить, что он мог быть либо представителем побочной линии старой царской династии Тибериев Юлиев либо получил титул и римские родовые имена сразу после восшествия на престол. В последнем случае он должен был быть признан Римом, даже формально.

Появление в один и тот же 266 г. монеты Тейрана и монет Рескупорида IV/V могло быть следствием узурпации власти или соправительства²⁷, что по обыкновению связано с разделением правления на европейской и азиатской сторонах Боспора Киммерийского²⁸. Это могло быть также вызвано политикой римлян, которые, поддерживая разных царей, стремились усилить противоречия на Боспоре между двумя политическими партиями и тем самым ослабить натиск северочерноморских племен на свои владения. Поэтому, когда в 266 г. «скифы» (=сарматы) вторглись в Вифинию и дошли до Гераклеи Понтийской (SHA Gallien 12.6), римляне могли сделать ставку на Тейрана, посчитав Рескупорида IV/V виновным в том, что он допустил сарматов к участию в этом предприятии. Причины для этого у них были: накануне и в год похода Рескупорид выпустил обильные серии монет, явно предназначенные для оплаты расходов по подготовке этого похода.

Нельзя исключать, что такими же целями римляне руководствовались и по отношению к Савромату IV. Этот царь выпускал монеты с царским титулом недолго — только в 275 г.²⁹ Пять типов его монет, чеканенных в один год, должны были, скорее всего, покрыть расходы на какие-то нужды, возможно, связанные с подготовкой к военной акции. Он готовился и интенсифицировал чекан статеров, по всей вероятности, в связи с походом сармато-аланов («варваров с Меотиды») в 275 г. в Лазику, которую они захватили, после чего вторглись в малоазийские провинции Империи. Пройдя Понт и Вифинию, боспорцы и сарматы дошли до Киликии (SHA. Tacit. XII.2–3; Zonar. XII.28)³⁰. На Боспоре в 275 и 276 гг. Рескупорид IV/V, отец Савромата IV, выпустил монеты 275 и 276 гг. со своим именем и царским титулом, однако в 275 г. у власти опять встал Тейран. В течение приблизительно одного года он делил власть с Рескупоридом IV/V. Не

²⁶ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 453.

²⁷ См.: Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. С. 55–60; Сапрыкин С.Ю. Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н. э. — середина III в. н. э.) // Античное наследие Кубани. Т. 2. М., 2010. С. 80–134 (здесь: С. 127).

²⁸ См.: Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 206; Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 17, 199.

²⁹ См.: Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 171, № 725, 725 а-в; Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. С. 281–283.

³⁰ См.: Ременников А.М. Борьба племен Подунавья... С. 131–138; Буданова В.П. Готы... С. 101, 102.

исключено, что на Боспоре не без подачи римлян вновь обострился политический кризис и Савромат, который осуществлял подготовку к походу, лишился римской поддержки. В результате власть перешла к его отцу, который, однако, не пользовался особым доверием проримской верхушки боспорской элиты, которая вновь привела во власть Тейрана, пользовавшегося благосклонностью Рима. Через некоторое время часть варваров, захватившая римские владения в Северной Анатолии, отступила (SHA Tacit. 12.2; Zosim. I.64.2; Zonar. XII.28). Сарматы погрузились на корабли и вернулись в Меотиду, т. е. на Боспор (Zosim. I.64.2), а другая их часть осталась и в 282 г. была разбита³¹.

В литературе высказывалась точка зрения, что Савромат IV мог принимать участие в этом походе³². К сожалению, источники об этом умалчивают. В трактате Константина Савромат нигде не назван царем, однако прямо указывается, что его домен — это «хора боспорян», город Боспор и крепости на Меотиде, соседями которых были херсонесцы.

Последние осаждали и захватили город Боспор и крепости на Меотиде и, никого не убивая, удерживали Боспор (город) и охраняли его (Const. Porphyg. De adm. imp. 53.184–186r). Весь контекст первого сюжета повести строится на событиях, происходивших на территории европейского Боспора и вблизи города Боспор, т. е. Пантикапея. Там прямо говорится, что Савромат владел «полисом Боспор», т. е. Пантикапеем, и считался «господином» (κύριος) его жителей³³. Пантикапей именовали Боспором в позднеантичное время (Procop. Goth. IV (VIII).5.26)³⁴, поэтому рассказ об этом отражает реальное положение, сложившееся в Боспорском царстве к концу III в. Однако монеты свидетельствуют, что в 275 г. Савромат IV имел титул царя, тогда как у Константина он этого титула не имеет. Это может означать, что Савромат, герой трактата Константина, участвовал в событиях похода не в 275 г., когда он являлся царем, а позднее, после того как утратил царский титул и владел лишь территорией города Боспор (Пантикапея) и его округой в Восточной Таврике³⁵.

Следовательно, в 275 г. и позднее Савромат IV, по-видимому, находился на Боспоре и подчинялся своему отцу Рескупориду IV/V, вновь получившему

³¹ Буданова В.П. Готы... С. 102.

³² См.: Зубарь В.М. Северный Понт... С. 152; Ярцев С.В. Античный мир... С. 24 (допускает возможность участия этого царя в походе 275 г. и связывает поход с первым сюжетом повести Константина, но настаивать на этом не решается).

³³ Источник Константина четко делит боспорское воинство на боспорцев, очевидно, жителей городов и их хоры, главным образом, Пантикапея (Боспора), и «толпу» с Меотиды — сарматов, аланов и готов, населявших земли в окрестностях Меотиды (см. Const. Porphyg. 53.223–224).

³⁴ См.: Блаватский В.Д. Пантикапей. С. 225; Gajdukevič V.F. Das Bosporianische Reich. S. 496. Город Боспор = быв. Пантикапей владел лишь небольшой территорией в пределах Восточного Крыма.

³⁵ Еще Б. Кене полагал, что Савромат в трактате Константина правил на Европейском Боспоре, правда, во времена правления царя Фофорса. См.: Кене Б.В. Описание музея великого князя В.В. Кочубея. СПб., 1857. С. 173–175. Против соправительства Савромата и Фофорса выступил В.В. Григорьев: Григорьев В.В. Россия и Азия. С. 407. Действительно, рассказ Константина не говорит о таком соправительстве, более того, из него следует, что Савромат имел более низкий ранг сравнительно с царской властью, так как владел только полисом и областью Боспор, т. е. Пантикапеем.

престол, а затем и Тейрану. Однако с 276–277 гг. Тейран правил единолично, возможно, вследствие устранения или естественной смерти Рескупорида V/IV. Это могло произойти в 276 г., когда была выпущена последняя монета этого царя. Тейран принял тронные имена и титулатуру и правил в 276–278 гг. К этому времени относится боспорская надпись в честь Зевса Спасителя и Геры Спасительницы, где перечислены сторонники нового царя — крупные боспорские чиновники царской канцелярии, жрецы, граждане из числа боспорской верхушки (CIRB 36).

Упоминание среди них «наместника Феодосии» показывает, что в те годы границы Боспора простирались до Горного Крыма. Следовательно, данная надпись появилась до захватов Херсонесом восточно-крымских владений Боспора при Диоклетиане, о чем говорится у Константина Багрянородного. Надпись за победу и долголетие царя Тейрана и царицы Элии и за верховных богов-спасителей появилась как результат успехов царя внутри страны. Есть мнение, что она поставлена за победу Тейрана над сарматами и другими варварами, когда они вернулись из похода 275 г. против римлян³⁶. В таком случае находит объяснение факт прекращения царского чекана Савроматом IV, очевидно, вследствие опалы, которой он подвергся со стороны боспорской элиты, а главное — римлян. Верноподданническое упоминание об этой победе и то, что под ней подписалась почти вся боспорская знатная верхушка, являются доказательством появления надписи после устранения от власти Рескупорида IV/V и Савромата IV и их сторонников.

В 279–285 гг. на Боспоре прекратился чекан царских монет³⁷, что могло быть вызвано означенными негативными для Боспора событиями. Поражения в Малой Азии обострили политический кризис, в результате власть перешла к ближе неизвестному царю Хедосбию (CIRB 846): судя по имени представителю сармато-аланской или готской группировки, свергнувшей Тейрана. В результате Савромат IV окончательно потерял права на престол, но сохранил влияние как единственный представитель прежней законной династии боспорских царей. Поэтому источник Константина нигде не говорит, что Савромат являлся царем. Имея законные права на власть, он сохранил ее только в пределах столицы и ее хоры. Его полномочия, по всей видимости, не отличались от архонтских, что соответствовало традициям Боспора (ср. CIRB 1051: архонты Агриппии и Кесарии, 307 г. н. э.). Очевидно, Савромат заручился поддержкой нового ставленника сармато-алан Фофорса, который пришел к власти в 285 г. и начал чеканить монету со своим именем и титулом. Новый царь, по-видимому, стремился опереться на прежнюю боспорскую эллинизированную знать, поэтому Савромат сохранил высокое положение в иерархии Боспора.

Некоторые исследователи принимают точку зрения Я. Харматты, что Савромат трактата Константина — это Фофорс, а имя «Савромат» является общим обозначением сарматизированных царей Боспора. Поэтому поход в Лазик и Понт совершил Савромат-Фофорс, что произошло в 292–293 гг., когда в

³⁶ См.: *Зубарь В.М.* Северный Понт... С. 152; *Ярцев С.В.* Античный мир... С. 23–25.

³⁷ *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. С. 286.

чеканке монет Фофорса был перерыв³⁸. Против этих построений активно выступила Н.А. Фролова, которая исходила из того, что ни метрологические, ни типологические данные монет Фофорса и других царей конца III — начала IV в. не подтверждают сведений Константина Порфирогенита о войнах боспорцев с римлянами при Диоклетиане и Константине Великом. По ее мнению, то, что описано в трактате о Херсоне, относится к более позднему времени уже ближе к середине IV в.³⁹

Исследовательница права в том, что Савромата из повести о крепости Херсон нельзя отождествлять с Фофорсом, однако остальные ее выкладки не совсем верны. Во-первых, Константин Багрянородный определенно говорит о войнах римлян с боспорцами и варварами при Диоклетиане и Константине Великом; во-вторых, детали повествования, как давно доказано, выдают какой-то надежный первоисточник, откуда Константин или его посредник-автор почерпнул детали и основные сведения; в-третьих, лакуна в чеканке монет Фофорса в 292 г. требует логического объяснения. Поскольку у Константина в первом сюжете действует Савромат, а не Фофорс, то вполне логично, что лакуна в монетном деле последнего действительно может иметь отношение к походу Фофорса в Закавказье. Его интересовали богатые земли, поэтому, как показывает сасанидская надпись из Пайкули, он послал своего сына с войском в Армению⁴⁰. Отсутствие монет Фофорса 292/293 г. может быть следствием начала этого закавказского похода северо-черноморских варваров.

Труднее с определением начала похода Савромата в Лазику и Понт. Причины его несомненно отличались от закавказской экспедиции, но они могли быть вызваны историческими традициями северо-причерноморских кочевников совершать рейды на малоазийские области. С событиями этой войны связано описание в первом сюжете главы 53 трактата Константина начала похода Савромата, собравшего варваров-сарматов с берегов Меотиды. Война началась не ранее 284 г., так как в трактате упомянут император Диоклетиан, который начал

³⁸ См.: Зубарь В.М. Северный Понт... С. 155; Зубарь В.М., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский... С. 222.

³⁹ См.: Фролова Н.А. Монетное дело Фофорса. С. 46–52; Она же. Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // Советская археология. 1989. № 4. С. 196–207 (здесь: С. 199); Она же. Монетное дело Боспора. С. 85–95.

⁴⁰ Харматта Я. К истории... С. 207. В поддержку концепции Я. Харматты выступил О.В. Шаров, который считал, что Боспорское царство перешло к антиримской политике из-за недостатка финансирования. Фофорс воспользовался обострением династийной борьбы в Иране в 293 г. и ослаблением Армении вследствие ее захвата Сасанидами. См.: Шаров О.В. Боспорское царство и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV в. н. э.). М., 2022. С. 113, 114. Армения, Иберия, Мидия Атропатена и соседние регионы еще с I в. н. э. были объектом нападений сарматских племен аорсов и аланов. См.: Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказ. Грозный, 1963. С. 166; Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // Вестник древней истории. 1994. № 2. С. 151–171 (здесь: С. 159); Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I — середине IV в. н. э. // Петербургский археологический вестник. 1993. № 6. С. 83–88 (здесь: С. 86). Поэтому вторжение в Армению отражало общее направление движений северочерноморских варваров в направлении богатых добычей земель на Переднем Востоке. О вторжении аланов в Закавказье в середине III в. н. э. см.: Акопян А.А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987. С. 69.

правление с этого года. Савромату и его войску противостояло римское войско во главе с Констанцием, военным трибуном с 274 г.

Для определения даты начала войны можно привести данные эпиграфики. В одной из боспорских надписей упоминается Аврелий Валерий Сог, наместник в Феодосии, который до 306 г. в течение 16 лет находился в изгнании в «эпархии» — в одной из римских провинций. Он был известен императорам Диоклетиану и Максимиану, которые оказали ему почтение (CIRB 64). Выдвигалось предположение, что Аврелий Валерий Сог был поставлен на Боспоре не боспорскими царями, а римлянами, хотя он и служил царю Фофорсу⁴¹. Согласно другой точке зрения, Сог находился в оппозиции боспорскому царю, предпринявшему враждебные действия против Империи⁴². Однако отсутствие упоминания в этой надписи боспорского царя, как и у авторов надписи CIRB 307 от 307 г., еще ни о чем не говорит, тем более по ним нельзя судить о существовании на Боспоре оппозиции царской власти. В 306 и 307 гг. среди боспорцев были еще свежи в памяти успехи римлян и херсонесцев в войне с Савроматом IV, поэтому проримские симпатии боспорской элиты были весьма сильными.

Данная надпись знаменательна тем, что Аврелий Валерий Сог, скорее всего, покинул Феодосию и отправился в изгнание, когда терпевшие поражения от сарматов и боспорцев римляне обратились к Херсонесу, войска которого заняли Восточный Крым, Пантикапей и берега Меотиды. Вернувшись на родину, он стал наместником Феодосии и поставил стелу Богу Высочайшему Внемлющему. Если отсчитать назад 16 лет его отсутствия с 306 г., то его изгнание приходится на 290 г., когда херсонесцы могли захватить Феодосию и Восточную Таврику. Как сообщается в трактате Константина, неудачи постигли Савромата IV после того, как в войну вступил Херсонес. У Константина говорится также, что война сарматов и боспорцев в Лазике и Понте началась с побед над римлянами. Таким образом между началом войны и вступлением в нее Херсонеса прошел какой-то период времени, в течение которого Савромат занял почти всю Восточную Анатолию. В таком случае начало конфликта падает на отрезок времени до 290 г. А это означает, что поход Савромата в Понт приходится на вторую половину — конец 80-х гг. III в.

Константин говорит, что вторжение Савромата в Лазикую произошло, «когда Диоклетиан царствовал в Риме». Диоклетиан был провозглашен императором в 284 г., в 284–285 гг. он победил в Мезии Карина, сына Кара. В следующем 286 г., взяв в соправители Максимиана, он дал ему титул Августа. Констанций Хлор, с 274 г. военный трибун, перешел на сторону Диоклетиана в 285 г. и до 288 г. возглавлял провинцию Далмацию. В 289 г. он участвовал в войнах против алеманов на Рейне и Дунае под командованием Максимиана и в 293 г. стал Цезарем при Максимиане⁴³. Если сопоставить эти даты, то получается, что сарматы и боспорцы вторглись в Лазикую и Понт между 284 и 286 гг., когда в Римской

⁴¹ См.: Петрова Э.Б. Менестрат и Сог (к вопросу о наместниках Феодосии первых веков н. э.) // Боспорские исследования. 2001. № 1. С. 49–52; Она же. Античная Феодосия. С. 129–131.

⁴² См.: Зубарь В.М. Северный Понт... С. 155–156; Зубарь В.М., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский... С. 222. Ср.: Петрова Э.Б. Античная Феодосия. С. 131.

⁴³ Potter D.S. The Roman Empire at Bay, AD 180–395. Routledge, 2004. P. 280.

империи правил Диоклетиан до объявления им Максимиана соправителем и Августом. В это время Констанций Хлор, презид (наместник) Далмации и сторонник Диоклетиана, был назначен командующим римскими войсками, чтобы победить вторгшихся боспорцев и сарматов. Это позволяет предположить, что война с Савроматом началась около 284–285 гг. или чуть позднее и вряд ли была кратковременной, как иногда предполагается в литературе. Она продолжалась и тогда, когда Констанций стал цезарем в 293 г. в Медиолане и дважды посещал Рим. Неслучайно, поэтому, херсонесские послы после этого визита обращались к нему как к «повелителю» и посоветовали ему сообщить Савромату, что он понес большие расходы на войско по пути из Рима.

Война римлян с сарматами и боспорцами на рубеже 80–90-х гг. III в. подтверждается почетными титулами римских императоров Диоклетиана, Максимиана и Констанция. Первый раз Диоклетиан получил титул *Sarmaticus Maximus* в 285 г. за войну с сарматами на Балканах, в 289 г. он получил его во второй раз уже в Никомедии при не совсем понятных обстоятельствах, в третий раз стал его обладателем в 294 г. Максимиан владел им дважды: как и Диоклетиан в 289 и 294 гг., а Констанций только в 294 г.⁴⁴ Вполне вероятно, что титул *Sarmaticus* мог быть присвоен им в 289 и 294 гг. в том числе за войну с сарматами в Малой Азии. Это может означать, что война, о которой рассказывается в первом сюжете трактата о крепости Херсон, происходила в конце 80-х — начале 90-х гг. III в. Ее датировка 284–292 гг. уже предлагалась в литературе⁴⁵. В последнее время С.В. Ярцев попытался доказать, что описанные Константином события не относятся к Фофору, а соотносятся с ситуацией на Боспоре в 80-х гг. III в. Он связывает следы разрушений на сельских поселениях Восточного Крыма с войной Тейрана и оставшихся в живых участников похода варваров 275 г., когда царь, опираясь на римские войска, навел порядок на Боспоре. При этом одним из главных аргументов сторонников данной точки зрения является отсутствие монет Фофора в слоях разрушений на сельских поселениях⁴⁶.

Однако аргументация в пользу этого предположения опровергается тем, что свидетельств о пребывании в это время римских войск на Боспоре не имеется. Нет и прямых доказательств вооруженной борьбы Тейрана с бывшими участниками похода 275 г., так как надпись CIRB 36 говорит лишь о какой-то победе, не уточняя какой именно (см. выше). К тому же В.Г. Зубарев, на работы которого ссылается С.В. Ярцев, конкретизировал датировку разрушений на хоре Европейского Боспора и отнес их к периоду между 276 и 90-ми гг. III в., осторожно предположив, что они могли бы быть последствием войн с варвара-

⁴⁴ См.: *Barnes T.* The New Empire of Diocletian...P. 255; *Williams S.* Diocletian and the Roman Recovery. N.Y., 1997. P. 63.

⁴⁵ См.: *Garnett R.* The Story of Gycia. P. 102; *Анохин В.А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 92.

⁴⁶ *Ярцев С.В.* Античный мир и варвары. С. 20–28. Автор этой гипотезы опирается на следы разрушений на поселении Белинское в Восточном Крыму, датированные В.Н. Зубаревым серединой — третьей четвертью III в. и связываемые им с борьбой Тейрана и римских войск с остатками участников похода 275 г. См.: *Зубарев В.Н.* Некоторые вопросы позднеантичной истории Европейского Боспора по результатам раскопок городища у села «Белинское» // Древности Боспора. 2002. № 5. С. 120–132 (здесь: С. 121–125).

ми при Диоклетиане, если бы не являлись следами борьбы Тейрана с участниками похода 275 г.⁴⁷

Между тем вопрос с разрушениями поселений на хоре европейского Боспора и малых городов — не прост. Действительно, монет Фофорса в слоях разрушений не прослеживается, они встречаются только в кладах с монетами более позднего чекана и в более поздних слоях вместе с монетами Радамсада, Рескупорида VI, что дало право связать разрушения на хоре с событиями 267–268 гг.⁴⁸ Разрушения в Мирмекии датируются концом III в.⁴⁹, Илурат прекращает функционировать приблизительно в 70-х гг. III в., однако границы территории Боспора при этом не изменились⁵⁰. Уточненная хронология сельских поселений показывает, что после разрушений 60–70-х гг. III в., ближе к концу III в. некоторые из них быстро возрождаются и только на городищах и поселениях западной части хоры жизнь медленно замирает⁵¹. Отсутствие на поселениях в слоях разрушений монет Фофорса объясняется не тем, что они пострадали от карательных мер Тейрана, а скорее тем, что в 80-х гг. III в. на хору Боспора вторглись херсонесцы и удерживали ее достаточно длительное время, как минимум до начала 90-х гг. III в. пока шла война с Римом. На это косвенно указывают клады из Судака 1958 г. и 1908 г. (Таракташский) с большим количеством римских монет, обращавшихся в конце III в. в Херсонесе, и немалое количество боспорских монет чекана Фофорса и последующих царей в самом Херсонесе⁵².

Любопытно, что хора европейского Боспора была разорена лишь частично. Малые города, в частности, Зенонов Херсонес и Китей, серьезно не пострадали. Это согласуется с описанием Константином пребывания херсонесцев на Боспоре. Констант, пишет он, призвал херсонесцев разорить «их семьи» (боспорян), т. е. разрушить их поселения и дома. Диоклетиан также просил их «разорить страну боспорян и сарматов и пленить их семьи». Херсонесцы, поэтому, «размышляли, каким бы образом они могли захватить город (полис) Савромата Боспор, (т. е. Пантикапей) и крепости (кастели) на Меотиде», т. е. укрепленные поселения, примыкавшие к Азовскому морю. «Собрав мужей из соседних крепостей», говорит далее автор трактата, херсонесцы с войском оказались под стенами «города боспорян» (Пантикапей) и малыми силами пытались его захватить. Этот пассаж вызвал ожесточенные споры о подлинности описываемых событий. Противники исторической объективности Константина выдвигали

⁴⁷ См.: *Зубарев В.Г.* К вопросу о периодах дестабилизации на Боспоре во второй половине III — начале V веков н. э. // *Боспорские чтения*. 2005. Т. 6. С. 125–127; *Он же.* Из истории Боспорского царства во второй половине III — начале V вв. н. э. // *Боспорские исследования*. 2006. Т. 11. С. 187–193 (здесь: С. 187–190).

⁴⁸ *Масленников А.А.* Системный кризис III в. н. э. на Боспоре и крах античного военного искусства // *Проблемы истории и археологии Украины*. Харьков, 2004. С. 58.

⁴⁹ *Бутягин А.М.* К вопросу о времени разрушения античного Мирмекия // *Проблемы истории и археологии Украины*. Харьков, 2004. С. 59.

⁵⁰ *Голенко В.К.* Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2007. С. 126.

⁵¹ *Масленников А.А.* Крымское Приазовье в античную эпоху // *Античный мир и варвары на юге России и Украины*. Ольвия, Скифия, Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007. С. 181–219 (здесь: С. 211, 212).

⁵² *Голенко В.К.* Древний Киммерик... С. 127.

тезис, что упоминаемые им «соседние крепости», откуда херсонесцы призвали воинов для похода на Боспор, вымышлены, так как вокруг Херсонеса в это время не было никаких крепостей-кастелей. Поэтому сведения автора повести о событиях на Боспоре и в Херсонесе в конце III в. также являются вымыслом⁵³.

Однако этот тезис несостоятелен: на возрожденной в римское время ближней хоре Херсонеса располагались сильно укрепленные усадьбы, расцвет которых приходится на II–IV вв.⁵⁴ В окрестностях Херсонеса, в Бельбекской, Инкерманской и Байдарской долинах, в это время концентрировались многочисленные этнические группы местного населения. Они проживали в укрепленных городищах, напоминавших поздне-скифские I — середины III вв. н. э., возделывали землю и в случае войны, подобно катойкам или клерухам, должны были служить херсонесской общине (их еще сближают с федератами Империи)⁵⁵. Таким образом текст трактата соотносится с историческими и археологическими реалиями Боспора и Херсонеса III в. и заслуживает полного доверия.

Причины быстрого возрождения хоры европейского Боспора после вторжения херсонесцев объясняет фраза из трактата Константина: «херсониты... захватили Боспор, а также крепости на Меотидском озере и все семьи савроматов и расположились на Боспоре, никого более не убивая, кроме продолжающих воевать, и, удерживая Боспор, охраняли его» (Const. Porphyg. De adm. imp. 53.186r). Она раскрывает, почему некоторые укрепления прекратили существование, как Илурат, а другие пострадали, но быстро восстановились. Полному разрушению подверглись только те из укреплений, обитатели которых оказывали сопротивление, а подчинившиеся херсонесцам сохранили своих жителей, которые вскоре восстановили свои дома. Это происходило не без участия самих херсонесцев, которые «удерживали Боспор и охраняли его». Протевон херсонесцев (первый архонт или диойкет) очень либерально обошелся с населением Пантикапея и обещал отпустить женщин в случае обмена послами с Савроматом и заключения мира. Согласно рассказу Константина, херсонесцы удерживали в заложниках в основном жен Савромата, а население особых тягот не испытывало. Вот почему данные археологии показывают, что города Боспора не пострадали от нападения Херсонеса, а разрушенные поселения были быстро восстановлены.

В последние годы войны Савромат IV, как следует из трактата Константина, находился в Лазике (на Боспор он, очевидно, возвращаться побоялся). По договору с Римом, точнее с Константином, уже цезарем, и херсонесскими послами, он отослал этих послов вместе со своими людьми для передачи им города (полиса) Боспора (Пантикапея) и семей боспорцев, находившихся в заложни-

⁵³ Ср., напр.: Айбабин А.И. Крым... С. 160.

⁵⁴ Николаенко Г.М. Херсонесская округа в I в. до н.э. — IV в. н. э. (по материалам Гераклейского полуострова) // Античные древности Северного Причерноморья. Киев, 1988. С. 203–211.

⁵⁵ Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Историческое развитие... С. 497–499. Известно несколько таких городищ, одно из них Кермен-Бурун (У стены 2) датируется серединой II — первой половиной III в. н. э. См.: Рукавишникова И.В., Волошинов А.А., Бейлин Д.В. Исследования позднескифского поселения Кермен-Бурун (У стены 2) // Крым — Таврида. Т. 2. М., 2019. С. 342–362 (здесь: С. 361).

ках. В рассказе Константина говорится, что херсонесцы передали «человеку Савромата Боспор и крепости на Меотиде, а также все семьи без ущерба» и заключили мир. Из этого следует, что Савромат, очевидно, уже не имел на Боспоре всей полноты власти. «Человеком Савромата», которому были переданы захваченные херсонесцами территории и люди, по всей видимости, был его доверенный, возможно, кто-то из его окружения, но приближенный к Фофору, царю Боспора с 285 г. За время отсутствия Савромата Фофорс подавил смуту, стабилизировал политическую ситуацию и укрепил власть, что подтверждается чеканкой им в 285–308 гг. статеров со своим именем и царским титулом. Очевидно, херсонесцы, находившиеся в те годы на Боспоре, оказали ему поддержку, что объясняет столь быстрое расторжение Савроматом договора с Римом (лично с Констанцием) о выплате римлянами дани боспорянам и савроматам, наложенной на римские власти после первых поражений римских войск. С этим же мог быть связан мирный и быстрый уход херсонесцев с захваченных земель в Восточном Крыму и новое размежевание границ между боспорскими и херсонесскими владениями в районе Феодосии (Кафы, по Константину). К этому можно добавить и археологически засвидетельствованное неполное разорение Европейского Боспора за годы оккупации херсонесскими войсками. Неоднократный обмен посольствами и возвращение херсонесских послов и боспорских заложников на родину заняло достаточно много времени. Но это уже был заключительный акт конфликта.

Окончание войны приходится на 294 г. когда у Констанция и Диоклетиана появился титул *Sarmaticus maximus*. Диоклетиан похвалил Констанция за достигнутые успехи и вскоре убыл в Никомедию, где находилась его постоянная резиденция. Констанций, «став знатным и сановитым», по словам автора трактата, «через недолгое время принял и царство ромеев», т. е. стал Августом (304 г.).⁵⁶ В пользу предложенной даты завершения войны свидетельствуют, на наш взгляд, два фактора, которые сохранил текст трактата Константина. Первый связан с длительным характером конфликта, о чем говорит требование послов Херсонеса и Констанция к Савромату отказаться от дани, наложенной сарматами на римлян после захвата земель в Южном Причерноморье. Вряд ли римляне выплачивали дань, если бы война была кратковременной. Второй фактор — передача города Боспор (Пантикапея) не Савромату, мирно завершившему войну, а другому лицу из его свиты, отправленной на Боспор вместе с послами херсонесцев. Сам же Савромат прибыл туда позднее, чтобы проследить за возвращением семей и отступлением херсонесцев с Боспора. Любопытно связать окончание войны с лакуной в чеканке статеров царя Фофорса, которая

⁵⁶ Я. Харматта (*Харматта Я.* К истории... С. 205) не совсем прав, объясняя фразу Константина — Констанций «стал царем римлян, когда Диоклетиан снова удался в Никомедию» (*Const. Porphyg. De adm. imp.* 53.120) — тем, что термин «царь» (василевс) применительно к Констанцию в данном случае отражает его провозглашение цезарем в 293 г. Однако этот термин по отношению к императорскому титулу Диоклетиана не исключает трактовки его в аналогичном значении и в отношении Констанция. Тем более что речь идет о византийской терминологии. Констанций Хлор стал императором в 304 г. вскоре после отречения Диоклетиана, отбывшего в Никомедию, поскольку угрожавшие Вифинии сарматы и боспорцы были разбиты и ушли на Боспор в Меотиду.

приходится на 292 г. Вполне вероятно, как отмечалось выше, что это могло быть вызвано отсутствием царя на Боспоре в связи с подготовкой к походу и началом похода в Закавказье. Поэтому Савромат и назначил доверенного, чтобы проверить выполнение обещаний херсонесцев и Констанция. В таком случае война действительно могла завершиться в 292–294 г.

Из всего сказанного следует, что конфликт римлян с варварами в Малой Азии при Диоклетиане продолжался в течение нескольких лет — гораздо дольше, чем предполагается в науке. Соответствующий пассаж трактата Константина восходит к надежному источнику, поскольку некоторые факты находят подтверждение в археологии, эпиграфике и нумизматике Боспора. Рассказ Константина раскрывает положение Херсонеса и Боспорского царства в системе управления Римской империей в конце III — начале IV в. В нем сообщается, что после победы над Боспором Диоклетиан принял послов Херсонеса со словами, что он мог бы дать их городу за оказанную помощь. Послы высказали единственное пожелание: предоставить Херсонесу «приличествующие ему свободу (элеветерию) и освобождение от налогов (ателию)». Император уступил просьбе и предоставил городу права и свободы и полное освобождение от налогов (Const. Porphyg. De adm. imp. 53. 250Be–190gP).

Эти благодеяния были исключительно важны для херсонесцев. Еще во времена ранней Империи Херсонес заключил с Римом договор о помощи, согласно которому в 62 г. отправил войска римлянам, когда Нерон вел войну с Парфией. Чуть ранее Херсонес оказал им содействие во время их экспедиции на Боспор против Митридата VIII. В свою очередь, при Тиберии Плавтии Сильване римляне предоставили Херсонесу помощь против вторгшихся сарматов и тавро-скифов. Херсонес находился под протекторатом Империи, которая следила, чтобы город, сохраняя привилегии, не терял полисные свободы. Римляне периодически расширяли права его элеветерии в той степени, в которой это было им выгодно. Херсонес по отношению к Риму оставался «свободным и союзным городом», хотя подчинялся решениям императора и легатов провинции Нижняя Мезия, а в более поздние времена наместникам провинций, созданных по реформе Диоклетиана. Но при этом не имел права нарушать решения римских властей, согласно которому соседний Боспор, вассал Римской державы, осуществлял над ним протекторат. Договор Рима с Херсонесом со временем утрачивал силу, изменялся в зависимости от обстановки, и тогда, как показывает трактат Константина, император либо его возобновлял, либо подтверждал прежние обязательства Рима, но исключительно в обмен на военное содействие. Ведь, как показывает хроника Константина, договор о помощи между Римской империей и Херсонесом не утратил силу при Диоклетиане. В III–IV вв. Херсонес был включен в состав Римской империи и подчинялся наместникам Мезии, а затем, вероятно, вошел в диоцез Фракия.

Но, несмотря на то, что в Херсонесе, как и ранее, сохранялся полисный строй, город имел собственные органы власти, право на посольства с поручениями заключать договоры и соглашения, право набирать собственное войско, в том числе полисное ополчение граждан, его полисные привилегии были тем не менее сокращены, права элеветерии ограничены, а граждане должны были

платить высокие налоги в казну Империи. Вот почему Диоклетиан пошел на удовлетворение просьбы послов предоставить их полису больше политических прав и самостоятельности, ограничить зависимость от властей провинции и освободил от уплаты налогов.

Точные и исторически реальные детали в трактате Константина показывают, что в нем использована местная херсонесская хроника, где освещалась история Херсонеса и Боспора. В повести о крепости Херсон ничего не говорится о готах, упоминаются исключительно боспорцы и савроматы с Меотиды (или просто «меотиды», см. SHA. Tacit. 13.2–3). Это доказывает, что трактат был написан на основе херсонесского первоисточника, поскольку Херсонес не был затронут готским вторжением. В Херсонесе с ранних времен существовала местная школа историков. В III в. до н. э. ее возглавлял Сириск, награжденный венком за написание истории родного города, в которой был сделан упор на описание эпифаний Девы и отношения с Боспором (IOSPE I² 344)⁵⁷. Эту традицию продолжали его последователи и ученики, о чем свидетельствует декрет конца II в. до н. э. в честь Диофанта (IOSPE I² 352). Местная хроника, очевидно, составлялась в традиционном ключе и в позднеантичное время, так как в трактате Константина главный сюжет сводится к описанию отношений Херсонеса с соседним Боспорским царством и Римской империей. Неслучайно в повести о Херсоне упоминаются должностные лица херсонесского полиса и подчеркивается, что херсонеситы являются «соседствующими со страной боспорян и Меотидским озером» (Const. Porphyg. De adm. imp. 53.184 vP). Однако позднее херсонесская хроника была препарирована другим автором, сделавшим из нее нечто вроде беллетристической новеллы, которая в уже обновленном виде попала к Константину. Он внес в нее ряд современных ему византийских терминов, например, упоминание о Кафе, как называлась Феодосия в средние века, о протевонах для обозначения херсонесских должностных лиц, стратии для характеристики херсонесского войска, а командующего римскими войсками назвал экзархом и т. п.

Список литературы

- Айбабин А.И. Крым в период германских и аланских миграций. Середина II–IV в. // История Крыма. Т. 1. М., 2017. С. 151–182.
- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Акопян А.А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987.
- Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.

⁵⁷ См.: Ростовцев М.И. Сириск — историк Херсонеса Таврического // Журнал Министерства народного просвещения. 1915, апрель. С. 151–170; Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С. 147–149.

- Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977.
- Бибиков М.В., Грацианская Л.И. Комментарий к гл. 53 // Константин Багрянородный «Об управлении империей». М., 1989. С. 450–457.
- Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975.
- Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964.
- Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996.
- Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.
- Бутягин А.М. К вопросу о времени разрушения античного Мирмекия // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2004. С. 59.
- Васильев А.А. Боспорский царь на Дунае (к интерпретации группы кочевнических погребений начала IV в. в Буджаке) // Боспорский феномен. 2002. Ч. 2. С. 8–14.
- Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...». Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010.
- Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказ. Грозный, 1963.
- Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // Вестник древней истории. 1994. № 2. С. 151–171.
- Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.
- Голенко В.К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2007.
- Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.; Л., 1930.
- Грацианская Л.И. Ранние херсонесские сюжеты Константина Багрянородного как источник по истории Боспора («De administrando imperio» Cap. 53, lin. 1–492) // Боспорский феномен. 2004. Т. 5. Ч. 1. С. 87–94.
- Журавлев Д.В., Мокроусов С.В., Сапрыкин С.Ю. Эпоха поздней античности // Античное наследие Кубани. Т. 2. М., 2010. С. 166–204.
- Зубарев В.Г. Из истории Боспорского царства во второй половине III — начале V вв. н. э. // Боспорские исследования. 2006. Т. 11. С. 187–193.
- Зубарев В.Г. К вопросу о периодах дестабилизации на Боспоре во второй половине III — начале V веков н. э. // Боспорские чтения. 2005. Т. 6. С. 125–127.
- Зубарев В.Н. Некоторые вопросы позднеантичной истории Европейского Боспора по результатам раскопок городища у села «Белинское» // Древности Боспора. 2002. № 5. С. 120–132.
- Зубарь В.М. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры // Вестник древней истории. 1987. № 2. С. 118–129.
- Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998.
- Зубарь В.М., Зинько В.Н. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Симферополь, Керчь, 2006.
- Зубарь В.М., Сорочан С.Б. Историческое развитие Херсонеса в конце III — начале V вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э. Харьков, 2004. С. 495–520.
- Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966.
- Ломоури Н.Ю. Грузино-римские взаимоотношения. Тбилиси, 1981.
- Ломоури Н.Ю. История Эргисского царства. (С возникновения до V в. н. э.). Тбилиси, 1968.
- Масленников А.А. Крымское Приазовье в античную эпоху // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007. С. 181–219.
- Масленников А.А. Системный кризис III в. н. э. на Боспоре и крах античного военного искусства // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2004. С. 58.

- Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
- Моммзен Т. История Рима. Т. 5. М., 1949.
- Надэль Б.И. Из политической истории Боспорского царства в Крыму в начале IV в. н. э. // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungariae*. 1961. Vol. 9. Fasc. 1–2. P. 231–237.
- Николаенко Г.М. Херсонесская округа в I в. до н. э. — IV в. н. э. (по материалам Гераклеяского полуострова) // *Античные древности Северного Причерноморья*. Киев, 1988. С. 203–211.
- Петрова Э.Б. Античная Феодосия. История и культура. Симферополь, 2000.
- Петрова Э.Б. Менестрат и Сог (к вопросу о наместниках Феодосии первых веков н. э.) // *Боспорские исследования*. 2001. № 1. С. 49–52.
- Ременников А.М. Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275–279 гг. н. э. // *Вестник древней истории*. 1964. № 4. С. 131–139.
- Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. М., 1954.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Рукавишникова И.В., Волошинов А.А., Бейлин Д.В. Исследования позднескифского поселения Кермен-Бурун (У стены 2) // *Крым — Таврида*. Т. 2. М., 2019. С. 342–362.
- Русяева А., Русяева М. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999.
- Русяева А.С. Религиозный аспект исторической новеллы о Гикий Константина Порфирородного // *ΜΟΥΣΕΙΟΝ*. СПб., 1997. С. 281–290.
- Сапрыкин С.Ю. Античный Херсонес и Западный Крым. VI в. до н. э. — III в. н. э. // *История Крыма*. Т. 1. М., 2017. С. 92–121.
- Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикий) // *Советская археология*. 1987. № 1. С. 48–57.
- Сапрыкин С.Ю. Позднеэллинистический и римский периоды (I в. до н. э. — середина III в. н. э.) // *Античное наследие Кубани*. Т. 2. М., 2010. С. 80–134.
- Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С. 147–149.
- Фролова Н.А. Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // *Советская археология*. 1989. № 4. С. 196–207.
- Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Ч. II. М., 1997.
- Фролова Н.А. Монетное дело Фофорса (285–308 гг. н. э.) // *Советская археология*. 1984. № 2. С. 34–54.
- Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // *Античное общество*. М., 1967. С. 204–208.
- Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсонеса в IV в. // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. 1994. Т. 4. С. 545–560.
- Шаров О.В. Боспорское царство и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV в. н. э.). М., 2022.
- Юрочкин В.Ю. Этно-политическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // *Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья*. Запорожье, 1999. С. 279–281.
- Ярцев С.В. Античный мир и варвары Северного Причерноморья в первых сюжетах «Повествования о крепости Херсон» Константина Багрянородного // *Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика*. 2010. № 19 (90). Вып. 16. С. 20–28.
- Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I — середине IV в. н. э. // *Петербургский археологический вестник*. 1993. № 6. С. 83–88.

Barnes T. The New Empire of Diocletian and Constantine. Cambridge, 1982.

Braund D. Georgia in Antiquity. Oxford, 1994.

Bury J. The Treatise De administrando Imperio // Byzantinische Zeitschrift. 1960. Bd. 15. S. 517–557.

Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971.

Jenkins R. Commentary // Constantine Porphyrogenitus. De administrando Imperio. Vol. 2. L., 1962.

Nadel B. Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus Information on the Bosporan Kingdom in the Time of Emperor Diocletian reconsidered // Dialogues d'histoire ancienne. 1971. No 3. P. 88–105.

Potter D.S. The Roman Empire at Bay, AD 180–395. Routledge, 2004.

Williams S. Diocletian and the Roman Recovery. N.Y., 1997.

BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2023. Т. 1

С. 38–63

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 1: 2023

P. 38–63

Научная статья

DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.02

Позднеантичные и раннесредневековые источники по исторической географии Крыма: континуитет и новации

Александр Васильевич Подосинов¹⁻²

¹ доктор исторических наук; профессор; заведующий Кафедрой древних языков; Исторический факультет; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

² главный научный сотрудник; Институт всеобщей истории РАН; Ленинский проспект 32а, 119334 Москва; podossinov@mail.ru

Аннотация: В статье обсуждаются некоторые тексты позднеантичного и раннесредневекового времени, в которых наряду с воспроизведением античных реалий приводятся новые сведения о географии Крыма. В основном речь идет о произведениях греческих и латинских авторов VI в. н. э. Прокопия Кесарийского, Иордана, анонимного автора «Космографии» из Равенны, Псевдо-Арриана. В этих трудах появляется информация о готах в Крыму, о распространении здесь готского языка, приводятся топонимы, отражающие готское присутствие на этом полуострове. Особое внимание уделено возможному «готскому следу» в переименовании Херсонеса в Херсон. Для подтверждения этой гипотезы приводятся лингвистические, исторические, археологические, эпиграфические аргументы.

Ключевые слова: Прокопий Кесарийский, Иордан, «Космография» Равеннского анонима, «Перипл Понта Эвксинского» Псевдо-Арриана, Крым, готы, Херсонес, Херсон.

Цитирование: Подосинов А.В. Позднеантичные и раннесредневековые источники по исторической географии Крыма: континуитет и новации // *Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований*. 2023. Т. 1. С. 38–63. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.02.

Original article

Late Ancient and Early Medieval Sources on the Historical Geography of Crimea: Continuity and Innovations

Alexander V. PODOSSINOV¹⁻²

¹ Doctor of Sciences (History), Professor; The Head of the Department for Ancient Languages; Faculty of History; Lomonosov Moscow State University; Lomonosovskiy prospect, 27/4, 119192 Moscow, Russian Federation;

² Chief Researcher; The Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Leninskiy avenue 32a, 119334 Moscow, Russian Federation; podossinov@mail.ru

Abstract: The article discusses some texts of Late antiquity and early Middle Ages, which, along with the reproduction of ancient realities, provide new information about the geography of Crimea. We are mainly talking about the works of Greek and Latin authors of the 6th century AD Procopius of Caesarea, Jordan, anonymous author of the “Cosmography” from Ravenna, Pseudo-Arrianus. In these works, information appears about the Goths in Crimea, about the spread of the Gothic language there, and toponyms are mentioned that reflect the Gothic presence on this peninsula. Particular attention is paid to the possible “Gothic trace” in the renaming of Chersonesos to Kherson. To confirm this hypothesis, linguistic, historical, archaeological, and epigraphic arguments are given.

Key words: Procopius of Caesarea, Jordanes, “Cosmography” of the Ravenna anonymous, “Periplus of Pontus Euxinus” of Pseudo-Arrianus, Crimea, Goths, Chersonesos, Kherson.

For citation: Podosinov, A.V. “Late Ancient and Early Medieval Sources on the Historical Geography of Crimea: Continuity and Innovations.” *Byzantinotaurica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 1(2023). P. 38–63. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.02.

Тема преемственности и новаций в историко-географических описаниях античности и средних веков всегда актуальна в современной науке, что и понятно, поскольку изменения геополитической ситуации в различных регионах вызывали (или должны были вызывать) также изменения в описаниях этой ситуации. Интересно наблюдать, как несмотря на большие исторические изменения (подвижки в кочевническом мире, «переселения народов», возникновение и гибель городов, царств и империй) иногда на многие века консервируются

представления, высказанные авторитетным автором и ставшие *locus communis* для последующих авторов. Напомню только о знаменитом «Скифском логосе» Геродота, ставшим образцом для описания обитателей Северного Причерноморья на многие столетия, когда самих скифов там уже давно не было. В качестве примера живучести таких представлений приведу один пример: в 1051 г. французский король Генрих I женился на Анне, дочери киевского князя Ярослава Мудрого, и в Вандомских анналах XII в. под этим годом появилась следующая запись: «Генрих, король французский, взял в жены русскую (или рыжую. — А.П.) скифянку (*Scithicam et Rufam*)».

Переход от античности к средним векам с его этнической и политической турбулентностью представляет интереснейший пример преемственности и новаций в этногеографическом восприятии исторической действительности, когда на старые схемы накладывалась новая актуальная информация.

Ярко выразил сложности создания географической картины современности анонимный автор из Равенны, написавший ок. 700 года «Космографию», в которой он дает подробное описание всей ойкумены. Космография содержит более 5000 названий стран, городов, племен, народов, местностей, гор, рек, островов, заливов, многие из которых, почерпнутые из античных источников, дошли только в «Космографии». Это значит, что «Космография» играет роль передатчика неизвестных нам и утраченных сведений географического характера¹.

В Предисловии к своему труду Аноним пишет (*Cosm. I.1*): «Итак, как было условлено, я... подробно расскажу с помощью Христа обо всем, если только не буду введен в заблуждение тем, что различные племена, возжелав вследствие своей чрезмерной дерзости чужих или лучших земель, или же, возможно, терпя тяжкие притеснения от других народов, переместились из собственных владений, и, как бывает у варваров, страны, города или же реки, названные когда-то <одним именем>, теперь стали называться иначе».

С похожими проблемами столкнулся и византийский автор VI в. Прокопий Кесарийский, писавший в «Войне с готами»: «Многие века, которые протекли со времен тех, кто раньше писал об этих вопросах, внеся новое в положение дел, могли изменить то, что было прежде, в силу ли переселения племен, в силу ли следовавшей одна за другой перемены властей и названий; поэтому я счел крайне важным все это точно расследовать и изложить...» (*Goth. bell. VII.1.11–13*, перевод здесь и далее С.П. Кондратьева).

Он же учит современников учитывать новые историко-географические реалии, когда пишет: «Я знаю, что по большей части все люди, проникшись каким-нибудь учением, восходящим к древним временам, упорно придерживаются его, не желая уже работать над дальнейшим исследованием истины и перемучиваться в этом вопросе, и принимать во внимание новые точки зрения: для них всегда всё более древнее кажется правильным и заслуживающим уважения, а

¹ См.: Подосинов А.В. Традиции античной географии в «Космографии» Равеннского Анонима // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования., 1987 г. М., 1989. С. 248–256.

то, что является в их время, они считают заслуживающим презрения и смехотворным» (Goth. bell. IV.6).

* * *

В этой статье я коснусь нескольких примеров новаций в раннесредневековых описаниях Крыма на фоне следования античным источникам этих описаний.

Начну я с интереснейшего греческого памятника — «Перипла Понта Эвксинского», выполненного анонимным автором во второй половине VI в. н. э. (далее AnPPE). Как известно, основу этого сочинения составляет «Перипл Понта Эвксинского» автора II в. н. э. Арриана (поэтому Аноним часто называется в научной литературе Псевдо-Аррианом); некоторые фрагменты принадлежат произведениям античных географов Мениппа, Пс.-Скимна и Пс.-Скилака. Кое-что добавил сам Аноним к текстам этих произведений. Были эти дополнения его собственные или они заимствованы из какого-то другого, нам не известного источника? Как он работал со своими источниками? Многие из этих вопросов были затронуты О. Диллером в его фундаментальном труде «The Tradition of the Minor Greek Geographers»². Но многие остаются еще неисследованными.

Итак, Аноним или его неизвестный нам источник часто добавлял второе, очевидно, более актуальное название к тем, которые были им заимствованы в основных источниках. Существует примерно 45 названий со стереотипной формулой «ныне называемый» (ὁ νῦν λεγόμενος или νῦν λέγεται), и более половины из них скорее всего принадлежат времени автора, поскольку нигде больше до него не упоминаются (см. параграфы 6, 12, 13, 38, 39, 48, 59, 86, 87, 89, 104, 116, 120). Это означает также, что выражение νῦν («ныне») не всегда означает время Анонима, но иногда и время его источника (например, того же Арриана). Большинство дополнений в AnPPE относится к Северному (16) и Южному (11) Причерноморью; в Западном Причерноморье их всего 4 и в Восточном — 5.

² См.: Diller Au. The Tradition of the Minor Greek Geographers. Lancaster, 1952. На русском языке о AnPPE писали: *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Петроград, 1925. С. 69–73; *Азбунов М.В.* Заметки по античной географии Нижнего Поднепровья // Вестник древней истории. 1979. № 2. С. 118–138; *Скрябинская М.В.* «Перипл Понта Эвксинского» анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 115–125; *Азбунов М.В.* Античная лоция Черного моря. М., 1987; *Он же.* Античная география Северного Причерноморья. М., 1992; *Подосинов А.В.* К вопросу об источниках «Перипла Понта Эвксинского» Псевдо-Арриана // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIX. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 22–25 июня 2015 г. СПб., 2015. С. 637–649. Частично русский перевод AnPPE, выполненный Э.Н. Штерном с дополнениями В.В. Латышева, доступен в Вестнике древней истории. 1948. № 1. С. 226–238. Последнее издание греческого текста AnPPE с английским переводом выполнено мной в FGrHist. IV 1.2037 F. В марте 2015 г. в Париже состоялась конференция, целиком посвященная AnPPE — International Workshop ‘La mer Noire (4e–7e siècles apr. J.-C.): la fin du monde antique, début d’un ordre nouveau?’ organised by A. Dan, H.J. Gehrke and A. Podossinov in the École Normale Supérieure, Paris, 23–25 March 2015. К сожалению, материалы этой конференции до сих пор не изданы.

Подробное рассмотрение этих дополнений показывает, что большинство новых названий либо неизвестны из других источников, либо зафиксированы только в позднеантичной и ранневизантийской литературе. Это предполагает существование недошедших до нас описаний Черного моря в период между Аррианом и Анонимом.

К. Мюллер предположил, что большинство дополнений объясняется происхождением Анонима из Византии или даже с Понта³. Последний вариант кажется мне более вероятным, если под Понтом понимать южную часть Черного моря, ведь именно здесь встречается изобилие новых названий. Но и в Северном Причерноморье мы видим большое количество новых имен. Как объяснить этот факт?

В параграфе 55 мы читаем следующую фразу (она испорчена): «...<расстояние> до Себастополя и Абазгии⁴..., остальное я опишу во всей полноте (τὰ δὲ λοιπὰ οὕτως πληρῶ λέξας)». Эта фраза от первого лица отсутствует у Арриана, при этом Аноним сам никогда не говорит ни до, ни после этого места от первого лица. Возможно, поскольку Арриан описывает эту часть Понтийского побережья (т. е. Северное Причерноморье) весьма кратко, так как никогда лично не бывал на северном побережье Черного моря западнее Севастополя-Диоскуриады (совр. Сухум)⁵, Аноним решил добавить больше информации, чем в других частях «Перипла».

* * *

В качестве примера приведу одно из самых ярких и важных добавлений Анонима в Северном Причерноморье (параграфы 63–64; полужирным выделены добавления Анонима)⁶:

63. Ἀπὸ δὲ Ἱεροῦ λιμένος ἦτοι Νίκαξιν εἰς Σινδικὴν ἦτοι Σινδικὸν λιμένα, νῦν δὲ λεγόμενον Εὐδουσίαν , σταδ τ' μιλ μ'.	От Священной гавани или Никакис до Синдики или Синдской гавани, теперь называемой Эвдусией , 300 стадиев, 40 миль.
64. Ἀπὸ οὖν Σινδικοῦ λιμένος ἕως Πάγρας λιμένος πρῶην ᾤκουν ἔθνη οἱ λεγόμενοι Κερκέται ἦτοι Τορίται, νῦν δὲ οἰκοῦσιν Εὐδουσιανοὶ λεγόμενοι τῇ Γοθικῇ καὶ Ταυρικῇ χρώμενοι γλώττῃ.	Пространство же от Синдской гавани до гавани Паграс раньше населял народ, называемый керкетами или же торитами, но сейчас живут те, кого теперь называют эвдусианами; они пользуются готским и таврским языком.

Это место вызвало много комментариев историков о готском (или гуннском) присутствии на Таманском полуострове и распространении местных

³ Müller K. Geographi Graeci minores. Vol. 1. Parisiis, 1855. P. 403.

⁴ Конъектура О. Диллера.

⁵ Сам Арриан доплыл из Трапезунта только до Севастополя, где, как он выразился, «кончается власть Рима» (τελευτᾷ Ῥωμαίοις ἡ ἐτικράτεια), дальнейший маршрут он описал, основываясь не на своих наблюдениях, а на литературных источниках.

⁶ Нумерация параграфов дается по моему изданию во FGrHist.

языков⁷. Название местности *Эвдусия* давно сопоставили с *Эвлисией* (Εὐλυσία), упомянутой Прокопием Кесарийским (Goth. bell. IV.4.7) между Питиунтом (совр. Пицунда), Меотийским озером (Азовским морем) и Танаисом (Доном), т. е. практически на всем Таманском полуострове, и местные жители назывались готы-тетракситы (Γότθοι οἱ Τετραξῖται)⁸. Тацит в конце I в. н. э. упоминает германское племя в Скандинавии под именем *Eudoses* (Germ. 40.1), что может свидетельствовать о том, что *Эвлисия* Прокопия — ошибочное написание названия *Эвдусия*.

Таким образом, готы, появившиеся в середине III в. н. э. в Северном Причерноморье⁹, оказались и в поле зрения Псевдо-Арриана, добавившего «свежую» информацию к античному описанию Арриана.

* * *

Переходя к самому Крыму, процитирую хорошо известное дополнение Анонима к пересказанному с небольшими изменениями текста Арриана (19) о новом названии Феодосии (80, полужирным шрифтом выделено добавление Анонима)¹⁰:

Арриан	Перевод Арриана	Аноним	Перевод Анонима
Ἐνθὲνδε (Ἀπὸ δὲ Καζέκαν. — <i>А.П.</i>) ἐς Θεοδοσίαν πόλιν ἐρήμην στάδιοι ὀγδοήκοντα καὶ διακόσιοι. Καὶ αὕτη πάλαι ἦν Ἑλλὰς πόλις Ἰωνική, Μιλησίων ἄλοικος, καὶ μνήμη ἐστὶν αὐτῆς ἐν πολλοῖς γράμμασιν.	Оттуда (от Казеки. — <i>А.П.</i>) до Феодосии, покинутого города, 280 стадиев. И это был древний эл- линский ионийский город, колония ми- летян; и упоминания о нем есть во многих сочинениях.	Ἀπὸ δὲ Καζέκαν εἰς Θεοδοσίαν πόλιν ἐρημον ἔχουσιν καὶ λιμένα σταδ σλ' μιλ λζ' γ'. καὶ αὕτη παλαιὰ ἦν Ἑλλὰς πόλις τῶν Μιλησίων ἄλοικος, καὶ μνήμη αὐτῆς ἐστὶν ἐν πολλοῖς συγγράμμασιν.	От Казеки до Фев- досии, покинутого города, имеющего и гавань , 280 стадиев, 37 и 1/3 мили; и это был древний эллинский город, колония милетян; и упоминания о нем есть во многих сочинениях.

⁷ См., напр.: *Loewe R.* Die Reste der Germanen am Schwarzen Meere. Eine ethnologische Untersuchung. Halle, 1896; *Vasiliev A.A.* The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936. P. 57–69; *Kazanski M.* Les antiquités germaniques de l'époque romaine tardive en Crimée dans la région de la Mer d'Azov // *Ancient West and East.* 2002. Vol. 1. № 2. P. 392–441; *Шукин М.Б.* Готский путь: Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005. С. 420–465; *Казанский М.М.* Готы на Боспоре Киммерийском в начале эпохи Великого переселения народов // *Боспорские исследования.* 2020. Вып. 40. С. 140–156; *Заморяхин А.* Готы Северного Причерноморья III–IV вв. в дореволюционной отечественной историографии // *Исседон: альманах по древней истории и культуре.* Т. 2. Екатеринбург, 2003. С. 171–183; *Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь, 2017.

⁸ О. Диллер сомневается в том, что из двух авторов (Прокопий или Аноним) кто-то был источником другого, так как их описания совершенно различны. См.: *Diller Au.* The Tradition... P. 112.

⁹ *Айбабин А.И.* О дате вторжения германцев в Крым // *Сто лет черняховской культуре.* Киев, 1999. С. 242–251.

¹⁰ Об истории Феодосии см.: *Петрова Э.Б.* Античная Феодосия. История и культура. Симферополь, 2000.

Арриан	Перевод Арриана	Аноним	Перевод Анонима
		νῦν δὲ λέγεται ἡ Θεοδοσία τῇ Ἀλανικῇ ἥτοι τῇ Ταυρικῇ διαλέκτῳ Ἀρδάβδα, τοῦτ' ἔστιν Ἑπτάθεος. ἐν ταύτῃ δὲ τῇ Θεοδοσίᾳ λέγεται ποτε καὶ φυγάδας ἐκ τῶν Βοσπόρου οἰκῆσαι.	Теперь же Февдо- сия на аланском или таврском на- речии называется Ардабда, что озна- чает Семибожный. В этой Февдосии, как говорят, жили некогда и беглецы из Боспора.

Название Ардабда (Ἀρδάβδα), или Абдарба (Ἀβδάρβα), или Ардавда (Ἀρδαύδα Müller) упомянуто только в AnPPP. В. Томашек читает это имя как Ἀβδάρβα и выводит его из осет. *awd- ‘семь’ и зенд. *areta (осет. *ard?, балкар. asš) ‘святой’¹¹. Возможно, личное имя Ardabur (Ardaburius, Ardabur, Ἀρδαβούριος), которое часто встречается в греческих документах в V–VI вв., — аланского происхождения и имеет тот же корень *ard¹².

От античности сохранилась карта части Черноморского побережья, нарисованная на кожаной обшивке щита римского legionera и найденная в римской крепости Дура Европос на Евфрате (рис. 1). Карта датируется первой половиной III в. н. э.¹³ На ней сохранилось несколько топонимов, написанных по-гречески, и вслед за Тирой, Борисфеном, Херсонесом и неким Трапе... следует надпись Арта... Р. Уден видит в этих буквах не сокращенное имя армянского города Артаксаты, как большинство исследователей, а Ардабду (с цитированием имени из AnPPE)¹⁴. К такому же выводу пришли недавно К. Бошнаков и Й. Нихоф Панайотидис¹⁵.

Иранское племя аланов появилось в Северном Причерноморье уже в I в. до н. э. Римляне встретились с ними впервые в Закавказье во время кампании Помпея против понтийского царя Митридата VI Евпатора (Lucan. Phars. VII.133). Иосиф Флавий упомянул аланов около Танаиса и Меотиды (De bello Iud. VII.7.4)¹⁶. Для Павла Орозия в начале V в. н. э. на востоке Европы нахо-

¹¹ Tomaschek W. Abdarba // RE. I. 1. 1894. Sp. 22.

¹² Alemany A. Sources on the Alans: A Critical Compilation. Leiden, 2000. 3.23.

¹³ См. ее публикацию и комментарий: Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. [Древнейшие государства на территории Восточной Европы]. М., 2002. С. 77–99.

¹⁴ Uhden R. Bemerkungen zu dem römischen Kartenfragment von Dura Europos // Hermes. 1932. Bd. 67. S. 117–125.

¹⁵ Boshnakov K. New Observations on the Dura Periplus-Map // Paper at the International Workshop ‘La mer Noire (4e–7e siècles apr. J.-C.): la fin du monde antique, début d’un ordre nouveau?’ organised by A. Dan, H.J. Gehrke and A. Podossinov in the École Normale Supérieure, Paris, 23–25 March 2015; Niehoff Panagiotidis J. Persistence or New Beginning? Byzantium on the Crimea // Ibidem.

¹⁶ Об аланах в античных и средневековых источниках см.: Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899; Aalto P., Pekkanen T. Latin Sources

дилась страна Алания, к западу от нее Дакия, которая и Готия, а затем Германия (I.53).

В связи с «аланским наречием» следует упомянуть интереснейшие эпиграфические памятники, свидетельствующие о «варварских» языках на территории Боспорского царства¹⁷. В греческой надписи 208 г. н. э., найденной в 1910 г. в Гермонассе (совр. Тамань), фигурирует некий Герак, сын Понтика, который был «главным переводчиком аланов» (КБН 1053: Ἦρακῆς Ποντικῆς ἀρχερμηνεύς Ἀλανῶν). В 2017 г. была найдена еще одна надпись, где фигурирует тот же Герак, сын Понтика, но на этот раз в перечислении его должностей, кроме переводческой, указано, что он был управляющим царским двором и руководил восстановлением неких разрушенных построек¹⁸. Этот факт подтверждает оживленные связи боспорских греков с аланами в начале III в.¹⁹

Есть еще две надписи, в которых упоминаются переводчики с местных «варварских» языков в Боспорском царстве. В одной надгробной надписи II в. н. э., найденной в Керчи, сохранилось имя с указанием профессии умершего (КБН 698): «Перисал, сын Саврофа, переводчик» (Παρίσαλος Σαυρόφου ἑρμενεύς). В греческой надписи из Рима (CIL VI.2.5207) упоминается некий «Аспург, сын Биомаса, переводчик сарматов, боспорянин» (Ἀσποῦργος Βιομάσου υἱὸς ἑρμενεύς Σαρματῶν Βωσπορανός).

В связи с этими эпиграфическими свидетельствами В.В. Латышев справедливо, на мой взгляд, считал, что эта должность была на Боспоре государственной (ср. мнение Н.Н. Казанского: «Можно думать, что не одни аланы имели своих переводчиков, необходимых для поддержания связей с греческим государственным аппаратом»²⁰).

of North-Eastern Eurasia. [Asiatische Forschungen; 44]. Part 1. Wiesbaden, 1975; Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1983; *Абрамова М.П.* Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н. э. М., 1997; *Габуев Т.А.* Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999; *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999; *Alemanu A.* Sources... (см. также русский перевод: *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003).

¹⁷ См.: *Казанский Н.Н.* Социолингвистическая ситуация в Боспорском царстве и особенности языковой политики эллинистических государств // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 г. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Под ред. А.В. Подосинова и О.Л. Габелко. М., 2014. С. 188–199; *Подосинов А.В.* К вопросу о языковой ситуации в греко-варварском Боспорском царстве // Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры. XXVIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2016. С. 230–235.

¹⁸ См.: *Павличенко Н.А.* Вторая надпись Герака, сына Понтика, главного переводчика аланов // Таврические студии. Сер.: Ист. науки. 2020. № 22. С. 119–127; *Вдовченков Е.В.* Герак, главный переводчик аланов // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти В.Т. Пашуто. Вып. XXXIV. Межэтнические контакты в социокультурном контексте. М., 2022. С. 41–46.

¹⁹ См.: *Вдовченков Е.В.* Герак... С. 43 о Гераке: «Его функции явно выходили за пределы обычного переводчика с аланского на греческий. Он, безусловно, был тесно связан с иранским миром степей, он являлся посредником и представителем царской администрации, отвечавшим за взаимодействие с иранскими кочевниками, которые играли важную роль в варварском окружении Боспорского царства во время правления Савромата II».

²⁰ *Казанский Н.Н.* Социолингвистическая ситуация... С. 189.

Итак, на Таманском полуострове Аноним отмечает, как мы видели выше, распространение гото-таврского языка (τῇ Γοτθικῇ καὶ Ταυρικῇ χρώμενοι ὑλώττη), а в «таврической» Феодосии — алано-таврского (τῇ Ἀλανικῇ ἤτοι τῇ Ταυρικῇ διαλέκτῳ). Во втором случае названия двух языков соединяются союзом ἤτοι ('или же, то есть'), что может быть пояснением — аланский, т. е. таврский. Но что подразумевается под таврским языком, не совсем ясно. А.А. Васильев, как кажется, считает, что в обоих случаях речь идет о готском языке — крымских готов-трапезитов и таманских готов-тетракситов²¹. Возможно всё же, что речь во втором случае идет о крымских аланах, которые жили здесь до прихода готов²².

Византийский автор Приск Панийский, в 448 г. участвовавший в посольстве к гуннскому царю Атилe, с удивлением встречает у ворот дворца Атилы одетого в варварскую одежду человека, который говорил по-гречески. Далее Приск пишет: «Ибо [скифы], будучи смешанными, сверх собственного варварского языка, ревностно стремятся [овладеть языком] или гуннов, или готов, или даже авсониев, у кого из них сношения с римлянами» (Hist. III.45.5–10, перевод Л.А. Гиндина и А.И. Иванчика). Итак, именно готский и гуннский (таврский?) языки имели в V в. хождение среди «варваров»²³.

* * *

Что касается высказывания Анонима о «беглецах из Боспора», то Диллер считает это заимствованием из Пс.-Скимна (PsScymn. v. 832–833 Diller = Fr. 13 Marcotte). Маркотт, однако, сомневается, что этот текст принадлежит Пс.-Скимну²⁴. Информация о беглецах из Боспора восходит, вероятно, к греческому оратору Исократу (17.5), который рассказал о беглецах из Пантикапея во время войны боспорских правителей с Феодосией в начале IV в. до н. э.

Для нашей постановки вопроса важно отметить, что Аноним использовал здесь название Боспора вместо Пантикапея, как это было, вероятно, в античности уже у Демосфена (20.33; 34.34) и Плиния (NH IV.78), см. также Стефана

²¹ Vasiliev A.A. The Goths... P. 60: «Under the Gothic and Tauric language we may understand the language of Goths, who lived in Tauric peninsula since the first half of the 4th c.» Так же М. Казанский: Kazanski M. Les antiquités... P. 394. Об истории крымско-готского языка см.: Ганина Н.А. Крымско-готский язык. СПб., 2011.

²² В 1436–1437 гг. венецианский купец и дипломат Иософат Барбаро вполне исторично написал о крымских «готаланах»: «Вокруг, за островом Кафы, которая расположена на большем море, находится Готия, а затем Алания, которая простирается через остров в направлении Монкастро... Готы говорят на немецком языке (Gothi parlano in tedesco)... Из-за этого соседства готов и алан, я считаю, должно происходить имя готаланы (il nome de Gothalani); ибо аланы были первыми на этом месте; однако затем пришли готы и завоевали эти страны, смешивая свое имя с аланами» (цит. по: Могаричев Ю.М. Крымская Алания и Чуфут-Кале // Херсонесский сборник. Вып. 14. 2005. С. 249–256 [здесь: С. 250]).

²³ См.: Скардилю П. Готы: язык и культура. СПб., 2012. С. 97: «Готский язык был в ходу у гуннов, особенно в кругу приближенных Атилы».

²⁴ Marcotte D. Géographes grecs. T. 1 (Introduction générale; Ps.-Scymnos: Circuit de la terre). [Collection des Universités de France publiée sous patronage de l'Association Guillaume Budé]. Paris, 2000. Fr. 13.

Византийского (St. Byz. s.v. Βόσπορος)²⁵, и как это стало обычным в византийских источниках.

Показательно, что в византийской литературе, особенно у тех авторов, которые были хорошо знакомы с Северным Причерноморьем, имя Пантикапей практически не встречается. Оно всегда заменяется названием Боспор (Воспор)²⁶. Вместе с названием Херсона Боспор составляет традиционное сочетание имен двух известнейших крымских городов.

Уже Равеннский аноним дает пару «Боспор и Херсон»: «Второй залив — Понтийский (речь идет о Черном море. — А.П.), он тянется вдоль морского побережья от Иера и земли халдеев до страны лазов, однако от Абсилии, Авасгии и Фанугории он заворачивает к Воспору и Херсону (usque Vosporum vel Chersona), а также к месту впадения в море реки Данубий» (Cosm. I.17). То же сочетание «Боспор и Херсон» встречается у Прокопия Кесарийского (VI в.): ἐκ δὲ Βοσπόρου πόλεως ἐς πόλιν Χερσῶνα ἰόντι... (De aed. III.7.10; Goth. bell. IV.5.27). В «Житии Св. Феодора Студита» (ок. 795 г.) упоминаются епископы и пресвитеры в областях Боспора и Херсона (ἐν τοῖς κλίμασι τῆς κατὰ Χερσῶνα καὶ Βόσπορον: PG. T. 99. Col. 253); ср. в «Житии св. Стефана Нового» (ок. 775 г.): ἀπὸ Βοσπόρου, Χερσῶνος (PG. T. 100. Col. 1117C); Феофан Исповедник (ок. 760–818 гг.) и патриарх Никифор (ок. 758–829 гг.) также знают только Боспор (Босфор) и Херсон²⁷. Особенно часто пара «Херсон — Боспор» встречается у Константина Багрянородного (ср.: De adm. imp. 11, 37, 42, 53 и др.). Вследствие этого многие исследователи склонны считать, что в средние века (скорее всего, с V в.) город Пантикапей назывался Боспором (Воспором)²⁸. И опять подчеркнем — уже авторы VI века Прокопий Кесарийский и Равеннский аноним начинают эту традицию.

²⁵ Подробнее о таком метонимическом употреблении названия Боспор см.: Подосинов А.В. Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир. Византия. К 70-летию профессора В.И. Кадеева. Харьков, 1997. С. 155–171 (здесь: С. 162). Ср. тж.: Тохтаев С.Р. ΒΟΣΠΟΡΟΣ // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 86–92. См. сомнения в античном употреблении названия Боспор для Пантикапея: Виноградов А.Ю. Херсонес — Херсон, Пантикапей — Воспор: вопрос идентичности или общеимперский процесс? // Вестник древней истории. 2020. Т. 80. № 4. С. 995–1006 (здесь: С. 997–998).

²⁶ См., напр., уже в IV в. у Епифания Кипрского (Pap. I.182), в актах IV Вселенского собора в Халкидоне (451 г.) (АСО II.1.1. Р. 146: Εὐδόκιος ἐπίσκοπος πόλεως Βοσπόρου), у авторов VI в.: Menandr. Prot. Fr. 45, 47; Malalas. 431.21 и др.

²⁷ См. в издании: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. [Древнейшие источники по истории народов СССР]. М., 1980. С. 50, 51, 63, 164.

²⁸ См., напр.: Кулаковский Ю.А. К вопросу об имени города Керчи // ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΑ. Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Ф.Е. Корша. М., 1896. С. 185–201 (здесь: С. 187–188); Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 69; Иваненко П.И., Иванина О.А. Керчь: история имени. Этимологический очерк. Керчь, 1996. С. 7; Молев Е.А. О двойном наименовании столицы Боспора // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2018. Т. 10. С. 287–295; Виноградов А.Ю. Когда же Пантикапей стал Воспором? // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы X международного Византийского семинара / Отв. ред Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2018. С. 49–52; Виноградов А.Ю. Херсонес... С. 996–1001.

* * *

Интересный и во многом загадочный феномен — изменение названия Херсонес на Херсон (Херсону) или даже Керсону, ставшую в русских источниках Кóрсунем²⁹. Четыре автора практически одного времени, VI века — Иордан, автор AnPPP, упомянутый в начале статьи анонимный Равеннский автор «Космографии» и Прокопий Кесарийский — называют этот город Херсоном или Херсоной. То есть название Хερσόνησος, состоящее из двух корней χέρσος ('твердая земля, суша') и νῆσος ('остров'), в названии *Херсон(а)*, когда от второго корня остается одна буква *н*, теряет свое этимологическое значение «остров, связанный с материком, полуостров». Принимая во внимание прозрачность этой этимологии для греков, можно было бы предположить, что форма Херсон(а) появилась в какой-то иноязычной среде (латинской или готской?), чему подтверждением является появление этой формы у Иордана³⁰ и Равеннского анонима, но практически одновременно мы видим эту форму и в греческом AnPPP и у грека Прокопия Кесарийского, что делает ситуацию запутанной.

Правда, связь автора AnPPP с латинской традицией можно усматривать в том факте, что все дистанции, указанные Анонимом по Арриану и взятые у других античных описаний, помимо обозначения в греческих стадиях имеют также пересчет в римские мили. А Иордан, очевидно, владел, кроме латинского, греческим языком — в Get. 10 он признается, что использовал греческие источники: «ut a Graecis Latinisque auctoribus asserimus». Вероятно, для этого периода можно говорить о единой греко-латинской образованности и культуре.

Форма *Chersona* (женский род этой латинской формы сохраняет, вероятно, грамматический род греческого названия Хερσόνησος³¹) одной из первых в греко-латинской литературе появляется у Иордана, закончившего свой труд «Гетика» в середине VI в.³² (Get. 32): «С той своей стороны, которой Скифия достигает Понтийского побережья, она охвачена небезызвестными городами;

²⁹ См.: Aalto P., Pekkanen T. Latin Sources... P. 149–150; Pekkanen T. The Pontic civitates in the *Periplus* of the Anonymus Ravennas // *Arctos. Acta philologica Fennica*. 1979. Vol. 13. P. 111–128 (здесь: P. 124).

³⁰ Об особенностях языка Иордана см.: Смирнов В.В. «Гетика» Иордана как памятник поздней латыни (фонетика и грамматика). Автореферат диссертации. М., 1956.

³¹ Виноградов А.Ю. Херсонес... С. 1003: «Этот факт говорит в пользу преемственности между двумя именами города».

³² Как известно, «Гетика» Иордана представляет собой сокращение «Истории готов» Кассиодора, написавшего свой труд за 20 лет до иордановского переложения при дворе остроготского правителя Теодориха, так что свидетельства «Гетики» могут быть датированы еще более ранним временем. Форма *Chersona* также могла быть уже у Кассиодора. См.: Werner F. Die Latinität der *Getica* des Jordanes. Diss. Halle, 1908. S. 28; Анфертьев А.Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. Том I (I–IV вв.). М., 1994. С. 98–161 (здесь: С. 142). По мнению А.Ю. Виноградова, уже начиная с IV в. появляется форма Херсон: Виноградов А.Ю. Херсонес... С. 1002. В надписи из Херсонеса 392–393 гг. упоминается постройка «стены Херсона» (τὸ τῆ[ος] Χ[ερ]σόν[ος] τ[ῆ]ς). Так считают все издатели надписи (последнее издание с литературой см.: Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...». Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010. С. 100–107). Впрочем, есть также место сомнению, что здесь был начертан Херсон, а не Херсонес, во-первых, потому что обычное написание родительного падежа Херсона (например, у Прокопия) выглядит как Χερσώνος (т. е. *omega* вместо

это — Борисфенида, Ольвия, Каллиполида, **Херсона** (*Chersona*), Феодосия, Кареон, Мирмикий и Трапезунта, основать которые дозволили грекам непокоренные скифские племена с тем, чтобы греки поддерживали с ними торговлю» (перевод здесь и далее Е.Ч. Скржинской; см. т.ж. *Get.* 37: *Chersona*). У Иордана эта форма явно стоит в именит. падеже женского рода.

Город *Chersona* упоминается также в описании Черного моря у Равеннаты в I.17: здесь это название стоит в винит. падеже; в IV.3 то же название *Chersona* стоит уже в именит. падеже, а в V.11 тоже в именит. падеже, но уже как *Cersona*. Начиная с Борисфена (Ольвии) и до Трапезунта список крымских городов «Космографии» удивительно близок списку северочерноморских городов у Иордана и считается заимствованием из последнего или некоего общего для обоих авторов источника³³. Т. Моммзен в своем издании Иордана даже использовал чтения Равеннаты как достаточно ранние, авторитетные и корректирующие рукописный текст «Гетики».

Следует также иметь в виду возможность использования Иорданом и Равеннатом готских источников: Иордан прямо говорит как о своих источниках в «Понтийском логосе» о готском фольклоре и первом историке готов Аблавии³⁴, а Равеннат ссылается на трех готских авторов («готских философов») Маркомира, Элдевалда и Айтанаарида, у которых он заимствовал географическую информацию (*Cosm.* IV.13, 19, 24, 25 и др.) и которые, по мнению ряда ученых, могли состоять на службе при дворе Теодорика Великого³⁵. А Пс.-Арриан, как мы видели, прямо говорит о распространении в Северном Причерноморье готско-таврского и аланско-таврского языков. В этом случае можно думать и о готском влиянии на произношение названия Херсон(а).

И для этого, на мой взгляд, есть некоторые основания, связанные с особенностями готского языка в Крыму³⁶ и пребывания здесь готов.

омикрона), во-вторых, указанная после Χ[ε]ρ[σ]όν лакуна вполне могла содержать окончание родительного падежа от названия Херсонес (Χερσονήσου).

³³ Schnetz J. Jordanis beim Geographen von Ravenna // *Philologus. Zeitschrift für klassische Altertum*. 1926. Bd. 81. S. 86–100 (здесь: S. 91–93).

³⁴ См., напр., *Get.* 28–29: «Отсюда уже, как победители, движутся они (*sc.* готы) в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аблавий, выдающийся описатель готского народа, в своей достовернейшей истории»; 82: «Историк Аблавий сообщает, что там, на берегах Понта... часть их, владевшую восточной стороной, возглавлял Острогота». См. также: Löwe H. Vermeintliche gotische Überlieferungsresten bei Cassiodor und Jordanes // *Ex ipsis rerum documentis. Festschrift für Harald Zimmermann*. Sigmaringen, 1991. S. 17–30; Gillett A. Jordanes and Ablabius // *Studies in Latin Literature and Roman History*, X. [Collection Latomus; 254]. Bruxelles, 2000. P. 479–500. П. Скардильи, несмотря на свой скептицизм в вопросе о реальности историка Аблабия, тем не менее признает, что «нет сомнения в том, что этот Аблавиус мог быть псевдонимом для одного из информантов Кассиодора...» и что Кассиодор «точно знал и мог оценить рассказы, передаваемые готами из поколения в поколение» (*Скардильи П. Готы...* С. 200).

³⁵ См., напр.: Staab F. Ostrogothic Geographers at the Court of Theodoric the Great: A Study of Some Sources of the Anonymous Cosmographer of Ravenna // *Viator: Medieval and Renaissance Studies*. 1976. Vol. 7. P. 27–64.

³⁶ См. о нем: Wrede F. Über die Sprache der Ostgoten in Italien. Strassburg, 1891; Loewe R. Die Reste... S. 113–209; Гухман М.М. Готский язык. М., 1958; Ганина Н.А. Готские языковые реликты. Дисс.

Рис. 1. Фрагмент карты из Дура Европос

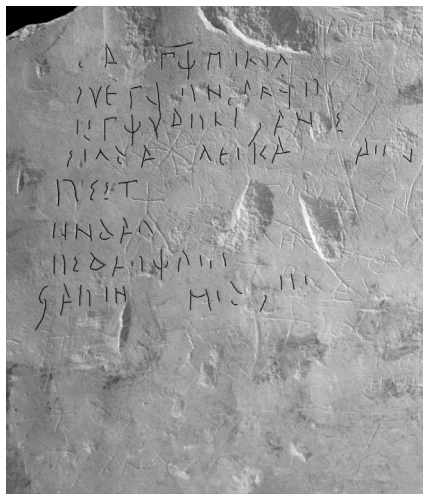
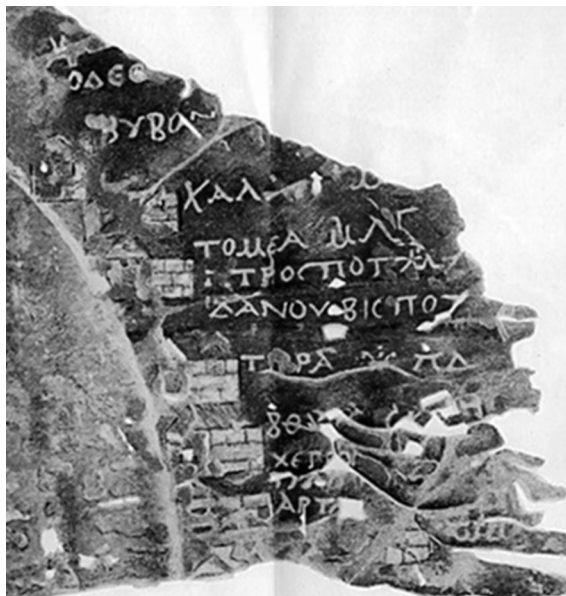

Рис. 2. Одна из готских надписей
из мангупской базилики
(прорисовка А.Ю. Виноградова и М.И. Коробова)

1. Для готов, обитавших в Крыму с середины III в. и имевших, очевидно, тесную связь с Херсонесом, этимологический смысл греческого названия Херсонеса («суша-остров») был неактуален, и уже поэтому это название легко могло сократиться в готском наречии до Херсона³⁷.
2. Более того, в готском языке в именах собственных, которые упоминались римскими авторами, фиксируется интересная диалектная особенность — тенденция к отпадению конечного -s³⁸.
3. Установлено, что «безударные слоги, особенно конечные гласные многосложных форм, подвергались значительным изменениям, а нередко и отпадали совсем»³⁹. Именно такими безударными слогами было -ηρος в античном названии Херсонеса, предположительно редуцированное в готском произношении⁴⁰.
4. В готском языке буква *o* всегда обозначала долгий гласный звук⁴¹, и мы видим, как из краткого *o*-микрона в слове *Χερσόνηρος* получилась *o*-мега (*Χερσών*)⁴². Известно, что в готском языке склонение на -*ōn* (*o* здесь долгое!) было весьма продуктивным, и слова этого склонения были всегда женского рода, как и наш(а) Херсон(а)⁴³.

доктора филол. наук. М., 2008; Ганина Н.А. Готские имена: проблемы и интерпретации // Именослов. История языка, история культуры. [Труды Центра славяно-германских исследований; I]. СПб., 2010. С. 42–63; Ганина Н.А. Крымско-готский язык. СПб., 2011.

³⁷ Ср. аналогичный случай перехода греч. слова в крымско-готский язык: Ганина Н.А. К новой этимологической редакции крымско-готских данных // Scientific papers of the University of Latvia. Vol. 720. Linguistics: Studia Etymologica Germano-Balto-Slavica I. Vol. 1. Riga, 2007. С. 7–20 (здесь: С. 11): «Это название копья (*kovtáριον* или *kovdáριον*) имеет большое сходство с крым.-гот. *cadaroiu* / *cadarion*. Таким образом, возможно, перед нами заимствование греч. *kovtáριον* / *kovdáριον* в крымско-готский язык с упрощением группы (nt / nd) в языке готов или информанта (причем последний уже явно не распознает здесь греческого слова, возможно, специального или архаичного)».

³⁸ Wrede F. Über die Sprache... S. 176–181; Гухман М.М. Готский язык. С. 19.

³⁹ Гухман М.М. Готский язык... С. 52. О редукции конечных безударных слогов см.: Там же. С. 57, 71 и 72: «В результате редукции безударных слогов словоизменительная форма, состоявшая ранее из трех элементов — корня, основообразующего суффикса и окончания, могла быть сведена до одного корневого элемента...».

⁴⁰ Фердинанд Вреде замечает, что «Das Bestreben hingegen, die Aussprache der Namen zu erleichtern, wird auf ganz anderem Wege erreicht: durch die kürzenden Koseformen. Die Hypocorismen vereinfachen das ursprüngliche Compositum, und zwar taten dies die ostgot. durchweg durch Unterdrückung des einen Compositions-gliedes» (Wrede F. Über die Sprache... S. 193). Такое Unterdrückung des einen Compositions-gliedes могло произойти и со словом Херсонесос!

⁴¹ Гухман М.М. Готский язык. С. 73, 79.

⁴² А.Ю. Виноградов считает, что ойконим *Χερσών* произошел в византийской языковой среде путем «усечения старой основы... посредством суффикса -ων» и видит здесь «обычный для Византии процесс сокращения топонима» (Виноградов А.Ю. Херсонес... С. 1003). В качестве примеров такого сокращения он приводит формы Мико (из Микале), Додо (из Додоны), Сирако (из Сиракуз) со ссылкой на Grasberger L. Studien zu den griechischen Ortsnamen. Mit einem Nachtrag zu den griechischen Stichnamen. Würzburg, 1888. S. 307. Эти примеры (формы Додо и Сирако приводятся уже Страбоном в конце I в. до н. э. — VIII.2.3) недостаточно объясняют окончание -он в нашем случае.

⁴³ Не тем же ли готским влиянием можно объяснить «загадочный», по мнению С.Р. Тохтасьева факт, что Βόβλорος в DAI Константина Багрянородного выступает в женском роде, а не

5. Несколько выпадает из всех указанных соответствий окончание *-a* в именительном падеже у Иордана и Равенната (оно отсутствует у византийских авторов). Можно только предполагать, что *Херсона* могла склоняться и по склонению с основой на *-a*, также очень продуктивному в готском языке и охватывающему слова только женского рода⁴⁴. В этом склонении именит. и винит. падежи совпадают и имеют окончание *-a* (см., например, склонение слова *boka* — «буква»: им. *boka*, род. *bokos*, дат. *bokaī*, вин. *boka*)⁴⁵, и мы только что видели удивительное явление: у Равенната форма *Chersona* употреблялась и в именит. и в винит. падежах. Примечательно, что и несколько других топонимов в Крыму в выше цитированном перечне Иордана (Get. 32) имеют в именит. падеже необычную для греческого форму на *a-* (Борисфенида вместо Борисфенис, Каллиполида вместо Каллиполис и Трапезунта вместо Трапезус) и в том же параграфе форму винит. падежа *Meotida* при нормальном *Meotidem*⁴⁶.
6. Написание и произношение *Херсона* как *Керсона* также соответствует готской передаче греческих топонимов, что мы видим в готских переводах библейских и литургических текстов, см., например, греч. Ἀχαῖα (Ахей) > готск. *Akaia*, греч. Ἀντιόχεια (Антиохия) > готск. *Antiokja*, греч. Ἱερὺχὼ (Иерихон) > готск. *Iairiko*. Готы и греков (*Graecus*) называли *креками* (*Kreks*)⁴⁷. Кроме Равенната (см. выше) и Феодосия (см. ниже) форма на *C-* в названии *Херсона* упоминается также в «Мученичестве св. Климента», где город назван *Cerson*⁴⁸.
7. По поводу именования Феодосии (Теодосии) Февдосией (Теудосией) в *AnPRP* (см. выше) замечу, что и главу готских племен Теодорика византийцы могли называть Тевдори́ком или Февдери́хом (Θευδέρῑχος), как мы это читаем в «Византийских событиях» византийского автора V в. Мал-

в мужском, как прежде. См.: *Тохтасьев С.Р.* Язык трактата Константина Багрянородного *De administrando imperio* и его иноязычная лексика. СПб., 2018. С. 233–234. Прим. 1058. См. тж.: *Виноградов А.Ю.* Херсонес... С. 999–1001, где женский род имени города объясняется его сочетанием с ἡ πόλις («город» женского рода).

⁴⁴ *Гухман М.М.* Готский язык... С. 74, 79–80. А вот что пишет П. Скардилли о слове *handa* («рука») в знаменитом словаре крымско-готского языка Бусбека середины XVI в.: «*Handa* разочаровывает нас из-за окончания на *-a*, которого мы не ожидали бы, если сравнить с библ.-гот. *handus*: однако переход в другой класс склонений, по какой бы причине это не происходило, в любом случае — знак подлинности, доказательство неконтролируемого, отнюдь не закономерного, но меняющегося с обстоятельствами развития, которого мы должны ожидать в любом языке на протяжении длительного отрезка времени» (*Скардилли П.* Готы... С. 259). Подробный анализ этого слова у Бусбека см.: *Ганина Н.А.* Крымско-готский язык... С. 125 (автор не предполагает здесь перехода на склонение на *-a*).

⁴⁵ *Гухман М.М.* Готский язык... С. 80.

⁴⁶ А.Н. Анфертьев почему-то считает, что нормальной должна была быть форма *Meotidam* и объясняет форму *Meotida* «как неправильной постановкой падежа при *ultra*, так и апокопой *-m*» (*Анфертьев А.Н.* Иордан. С. 123). Такая апокопа как раз и может характеризовать готскую языковую особенность.

⁴⁷ *Скардилли П.* Готы... С. 91: «Очевидно, что в готском имела тенденция произнесения *z* (особенно в сочетании *gr*) как глухого согласного...».

⁴⁸ *Виноградов А.Ю.* Херсонес... С. 1002. *Cersona* в женском роде звучит еще в рассказе Вильгельма Рубрука в 1253 г. о готах в Крыму (глава I).

ха (фрагм. 2, 9, 13, 17–21; см. также Ioan. Antioch. Achaeol. 326.2; Procop. Goth. bell. I.1 et passim; De aed. III.7.13: Θεωδέριχος; Epiph. Mon. Vita S. Andr. 34; Greg. Tour. Hist. franc. 108.2, 112.2 etc. — Theudoricus). Но ведь форма Февдерик воспроизводит готское личное имя (Feuderik), состоящее из двух германских корней — *fēuda- / fīuda- 'народ' + *rīkaz 'правитель'⁴⁹. Так что и Февдосия вместо Феодосия, возможно, отражает готскую форму названия, искажающую к тому же его обычную для греков этимологию⁵⁰. Прокопий, таким образом, воспроизводит готскую форму имени Теодорика⁵¹. Почему бы ему в соседнем с Феодосией городе — Херсонесе — не воспроизвести также готскую форму названия?

Впрочем, написание «Февдосия» встречается еще у греческих авторов: у Демосфена в его «Речи против Лептина» (III.33: ἐμλόριον Θεωδοσία)⁵², а также у автора середины II в. н. э. Полиэна в его «Военных хитростях» 5.23, «Тинних»: «Тинних, когда Феодосия (в греч. оригинале — Θεωδοσία) была осаждена соседними тиранами и подвергалась опасности быть покоренной, снял осаду» (перевод А.К. Нефёдкина), у Стефана Византийского в VI в. (Steph. Byz. s.v. Θεωδοσία — Ταυρικὴ πόλις παραλία. Στράβων ζ [7,4,4]⁵³. τὸ ἐθνικὸν Θεωδοσιανός καὶ Θεωδοσιεύς). Мы можем здесь видеть или вариативность Фео / Феу в самом греческом языке (Де-

⁴⁹ См. подробнее: Wrede F. Über die Sprache... S. 51–57; Ганина Н.А. Готские имена... С. 42.

⁵⁰ Были попытки интерпретировать как германское название крымского города Алушта, упомянутое Прокопием Кесарийским (De aed. III.7.11). См.: Neumann G., Düwel K. Alust — ein krimgotischer Name? // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1985. Bd. 98. H. 2. S. 280–284 [здесь: S. 280]), а также названия крымских рек Бельбек и Стилы, топонима Мангуп и некоторых других названий. См.: Фадеева Т.М., Шапошников А.К. Княжество Феодоро и его князья. Симферополь, 2005. С. 274–275. См., впрочем, критику этих интерпретаций: Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999. С. 215–216 (об Алуште); Ганина Н.А. Готские языковые реликты... С. 189–194; Ганина Н.А. Крымско-готский язык... С. 241–245. Готская этимология Алушты недавно была поддержана в работе В.Л. Мыца, который считает, что «предложенная Г. Нойманом этимология топонима Алушта от германского *Alusta — ольховая подтверждается тем, что русла рек Улу-Узень и Демерджи, огибающие крепостной холм, покрыты зарослями ольхи. О пребывании в Алуштинской долине германцев, начиная с последней трети III в. н. э., свидетельствуют материалы археологических исследований» (Мыц В.Л. Крепость Алустон в VI–XV вв.: от византийского фруриона до генуэзского консульства // Byzantinoturcica: Византия и византийское наследие в Причерноморье, Средиземноморье и Восточной Европе. Тезисы докладов всероссийской научной конференции, Севастополь, 25–28 сентября 2023 г. / Под ред. С.П. Карпова, М.В. Грацианского, С.Г. Бочарова. СПб., 2023. С. 63–70 (здесь: С. 63–64).

⁵¹ Странно, что в русских и иностранных переводах Прокопия вместо аутентичного Тевдериха везде стоит Теодорик.

⁵² Ссылки на это написание топонима у Демосфена встречаются в лексикографической литературе последующих времен, например, у лексикографа II в. н. э. Валерия Гарпократина (Harpocrat. Lexicon, s.v. Θεωδοσία), у грамматика III в. н. э. Ульпиана в схолиях к этой речи Демосфена (Ulpian. Scholia in Demosth. XX.33: «ἐμλόριον Θεωδοσία»), в «Лексиконе» патриарха Фотия (IX в.; s.v. Θεωδοσία), а также в словаре Суда (X–XI вв.; s.v. Θεωδοσία).

⁵³ Кстати, цитируемый Стефаном Византийским Страбон дает в 7.4.4 (и в 7.4.3) на самом деле чтение Θεοδοσία, поэтому некоторые издатели Стефана (например, Berkel) предпочитают видеть в его тексте Θεοδοσία, а не Θεωδοσία. Второе написание, кроме того, нарушает алфавитную последовательность слов в словаре Стефана.

мосфен), или влияние на рукописное чтение привычек последующих эпох (например, единственная рукопись Полиэна датируется XIII веком), или уже готским произношением топонима (Стефан Византийский). Замечу, что местная античная эпиграфика, упоминающая Феодосию, ни разу не дает чтение «Февдосия».

8. Напомню также о находке в Крыму надписей на готском языке, свидетельствующих о существовании там готской письменности⁵⁴.

Кстати, на одной из мангупских граффито читается имя, начинающееся на Февс- (Fews-)⁵⁵, что отражает готскую форму двучленных имен типа Февдерих (рис. 2).

9. Прокопий говорит о том, что в Крыму «есть страна по имени Дори, где с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию (ἐκ παλαιῶν Γότθοι ὥκνηται οἱ Θεουδερῖχῳ ἐς Ἰταλίαν ἰόντι οὐκ ἐπιστόμενοι). Они добровольно остались здесь и в мое еще время были в союзе с римлянами...». Итак, в Крыму (в стране Дори) с давних пор живут готы, находящиеся в союзе с римлянами. Ушедшие из Нижнего Подунавья в Италию в 488 г. остроготы Теодориха вполне могли стать информаторами по крымской тематике для Кассиодора, жившего при дворе Теодориха и ставшего главным источником Иордана⁵⁶. Этим можно было бы объяснить употребление Иорданом «готского» варианта названия Херсонеса. Более того, есть мнение, что готы, не ушедшие в Италию, могли ездить к своим родичам, обмениваться подарками, прини-

⁵⁴ См., напр., знаменитые граффити из Мангупа. Первое издание греческих надписей этих граффити: Тиханова М.А. Базилика // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. Вып. 34: Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес — Мангуп). С. 334–389. Датировка Тихановой — V–VI вв. А.Ю. Виноградов и М.И. Коробов датировали греческие надписи и, соответственно, готские IX–XI вв.: Виноградов А.Ю., Коробов М.И. Готские граффити из мангупской базилики // Средние века. 2015. Т. 76. № 3–4. С. 57–75. Их вывод вызвал критику М.А. Курьшевой и Б.Л. Фонкича, настаивающих на возможности удревнения надписи до VI в.: Курьшева М.А., Фонкич Б.Л. К палеографической интерпретации греческих граффити мангупской базилики // Средние века. 2017. Т. 78. № 3. С. 167–179. А.Ю. Виноградов и М.И. Коробов опубликовали, перевели и прокомментировали пять надписей на готском языке. См. также: Науменко В.Е. К дискуссии об этнополитической истории Крымской Готии в X в.: археологический комментарий к надписям с Мангупского городища // Восточная Европа в древности и Средневековье: XVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 20–22 апреля 2016 г.: Материалы конференции. М., 2016. С. 202–206 (здесь: С. 204 — автор придерживается датировки надписей А.Ю. Виноградова и М.И. Коробова): «Эти надписи непосредственно свидетельствуют о сохранении, пусть и на бытовом уровне, готской письменности и языка, а в широком смысле — о самоидентификации их носителей в среде полиэтничного населения горной части полуострова. Авторы граффити, несомненно, были христианами и свободно владели греческим языком, выполнявшим роль официального языка на Мангупе в фемный период его истории, что закономерно, с учетом вхождения региона в состав византийского военно-административного округа».

⁵⁵ Виноградов А.Ю., Коробов М.И. Готские граффити... С. 67.

⁵⁶ См.: Скардильи П. Готы... С. 198: «... Готско-романская группа ученых, которой была поручена (при дворе Теодориха. — А.П.) разработка готской истории... не могла отказаться от опросов, в которых готы, и в особенности старые и мудрые из них, были единственными информантами».

мать у себя гостей из Западной Европы⁵⁷, и, «что существенно, крымские готы сообщались с готами, находившимися в Византии»⁵⁸.

10. Анализ готских надписей из Мангупа приводит к выводу: «Знакомство с алфавитом и, вероятно, Библией Вульфилы показывает, что крымские готы были, по крайней мере, в ранневизантийскую эпоху частью готского культурного мира, с которым его связывали готы Нижнего Подунавья, где богослужение на готском совершалось еще в IX в.»⁵⁹. Удивительную параллель этим богослужебным надписям из Мангупа составляет так называемая *Gothica Bononiensia* — проповедь из остготской Италии, написанная на готском языке не позднее первой половины VI века и обнаруженная в 2009 г.⁶⁰, а также другие памятники готской письменности этого времени, в основном, североиталийского происхождения⁶¹. Это свидетельство того, что крымские готы не были так сильно изолированы от готского мира, чтобы их традиция, скажем, в наименовании Херсона и Февдосии, не могла быть услышана.
11. Высказывалось также мнение, что отдаленным источником Иордана, будь то Кассиодор или Аблавий, был текст на готском языке, основанный на устных преданиях готов⁶², и уже там Херсонес мог получить готскую форму.
12. Одновременное появление формы *Херсон* у Иордана и Прокопия может объясняться еще и тем обстоятельством, что, как предполагают исследователи⁶³, Иордан писал «Гетику», находясь в 40–50-х гг. VI в. вместе

⁵⁷ См.: Щукин М.Б. Готский путь: Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005. С. 459.

⁵⁸ Ганина Н.А. Крымско-готский язык... С. 32. Коль скоро на I Вселенском соборе в 325 г. в Никее присутствовали Филипп, епископ Херсон(ес?)ский, Феофил, митрополит Готии и Кадм, епископ Боспорский, то можно себе представить возможности коммуникации представителей греческой и готской церковной иерархии в Крыму и византийских церковных властей, тем более, что епископы Готии поставлялись из Константинополя: Там же. С. 44–46. Названия епархий даны по *Sinait. graec. 1117*, списку XIV века. См.: Бенешевич В.Н. Синайский список отцов Никейского первого вселенского собора // Известия Императорской Академии Наук. СПб., 1908. С. 281–396.

⁵⁹ Виноградов А.Ю., Коробов М.И. Готские граффити... С. 73. П. Скардилю считает, что «не будет слишком смелой гипотеза о том, что язык Вульфилы скорее стал разговорным языком у восточных германцев, и прежде всего у германцев Причерноморья» (Скардилю П. Готы... С. 246).

⁶⁰ Finazzi R.B., Tornaghi P. *Gothica Bononiensia: Analisi linguistica e filologica di un nuovo document* // *Aevum*. 2013. Vol. 87. № 1. P. 113–155.

⁶¹ См. о них подробнее: Скардилю П. Готы... С. 190–196, 266–370.

⁶² Анфертьев А.Н. Иордан. С. 147–149, 151.

⁶³ См.: Luiselli B. *Sul De summa temporum di Jordanes* // *Romanobarbarica* 1. Roma, 1976. P. 81–133 (здесь: P. 118–121); Amici A. *Iordanes e la storia gotica*. [Quaderni della Rivista di Bizantinistica; 6]. Spoleto, 2002. P. 15–19; Momigliano A. *Gli Anicii e la storiografia latina del VI secolo d. C.* // *Histoire et historiens dans l'antiquité*. [Entretiens sur l'antiquité classique; 4]. Genève, 1956. P. 249–290 (здесь: P. 266–270); *Idem*. *Cassiodor und italienische Kultur seiner Zeit* // *Momigliano A. Ausgewählte Schriften zur Geschichte und Geschichtsschreibung* / Hrsg. von A. Grafton. Bd. 2 (Spätantike bis Spätaufklärung). Stuttgart; Weimar, 1999. S. 37–58 (здесь: S. 55–56); Напольских В.В. Иордан и его «Гетика» в труде Родриго Хименеса де Рады «De rebus Hispaniae» // Вестник древней истории. 2023. № 4. С. 850–867.

с папой Вигилием в Константинополе. Про Прокопия мы знаем, что с 540 года до конца жизни он жил в Константинополе, где достиг высокого положения при дворе и, возможно, в 562 г. даже занимал должность столичного префекта⁶⁴. Таким образом, византийская и латинская ветви «Готско-Крымского логоса» могли иметь одно — Константинопольское — происхождение.

Таковы основания видеть в новой форме названия Херсонеса возможное готское влияние⁶⁵. Понятно, что это весьма гипотетичное построение, поскольку из-за скудости источников остаются неизвестными масштаб готского присутствия в самом Херсоне, пути попадания и распространения готской ономастической информации в византийской и латинской традициях, возможности взаимных заимствований и прочее. Мы помним слова О.Н. Трубачева о том, что «географическая номенклатура Крыма готских (германских) следов практически не сохранила»⁶⁶, но важно и продолжение этой цитаты: «И всё же отказываться от дальнейшего продолжения поисков не следует».

А.Ю. Виноградов, подробно рассмотрев все источники, свидетельствующие о переходе от Херсонеса к Херсону, считает, что в 380 — начале 90-х гг. IV в. в Херсонесе произошел «кризис городской идентичности и частичная смена населения» (выселение язычников и поселение христиан, а также размещение на постоянное жительство 500 воинов, присланных из Константинополя), что «проявилось и в трансформации древнего имени, уже непонятного новым поселенцам...»⁶⁷. Интересно, кто были эти «новые поселенцы», которые переназвали город на свой лад? Виноградов этим вопросом не задается, а может быть, это были как раз готы?⁶⁸

АпРРР в параграфе 83 дает античное название (очевидно, следуя Арриану) ἡ Ταυρικὴ χερώνησος (здесь имеется в виду Гераклеийский полуостров), в 84 Χερρώνησος πόλις, а уже в 85 наряду с ἡ Ταυρικὴ χερώνησος дважды упоминает в родит. падеже Χερσῶνος, так же в 86, 92 (дважды) и 120.

⁶⁴ Rubin B. Prokopios von Kaisareia. Stuttgart, 1954. S. 27–28.

⁶⁵ Я хотел бы здесь поблагодарить Н.А. Ганину, А.Ю. Виноградова и Н.Н. Казанского за их советы, предложения (и предостережения) в этой очень темной и трудной теме.

⁶⁶ Трубачев О.Н. Indoarica... С. 215.

⁶⁷ Виноградов А.Ю. Херсонес... С. 1004. См. подробнее: Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...»... С. 52–53, 69–71, 81. См. об этом эпизоде тж. в: Цукерман К. Епископы и гарнизоны Херсонеса в IV в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1995. Вып. 4. С. 545–561.

⁶⁸ Ср., что случилось с готами на службе византийских императоров на Боспоре: «По свидетельствам источников (св. Феофан Исповедник, Иоанн Малала), в 527–528 или 533–534 гг. (по псевдо-Дионисию) гунны захватили Боспор и уничтожили византийский гарнизон. Император Юстиниан послал против них войска готов. Затем готские вожди приняли участие в боях с булгарами во Фракии (538–539 гг.)... а отряды остались. Готы, прибывшие для защиты с византийскими полками из Подунавья, были христианами, как и все солдаты того времени. Видимо, они поселились в Боспоре с семьями» (Ганина Н.А. Крымско-готский язык... С. 28). Итак, готы в Крыму, да еще на службе у византийского императора, к тому же с семьями и, видно, надолго! Известно также, что в 351 г. Констанций II сформировал отряд телохранителей из готов-федератов, которые, возможно, были потом отправлены на Боспор. См.: Щукин М.Б. Готский путь... С. 451.

Очевидно, в греч. языке Χερσών (как слово 3-го склонения типа χειμών ‘зима’) должен был иметь в родит. падеже форму Χερσώνος (как мы видели только что у Пс.-Арриана и как зафиксировано у Прокопия — Goth. bell. IV.5.28: ἄρχου Χερσώνος и 29: ἐκ δὲ Χερσώνος πόλεως), а в винит. — Χερσῶνα (как у Прокопия — Goth. bell. IV.5.27: ἐς πόλιν Χερσῶνα). Возможно, эту греческую форму винит. падежа сохраняет и латиноязычный Равеннат (Cosm. I.17): usque Vosporum vel Chersona, если не считать эту форму готским винит. падежом, как мы предположили выше. Феодосий в своем «Описании Святой Земли» ок. 530 г. в 12 параграфе пишет: Civitas Chersona (именит. падеж), quae est ad mare Pontum — «Город Херсона, который находится на море Понт», а в 13 параграфе: De Cersona (аблатив показывает, что слово женского рода) usque in Sinore... Обратим внимание на первую согласную в названии Херсона, которая могла писаться и произноситься и как Ch, и как C (ср. выше подобную ситуацию у Равенната).

В такой же форме (Cersona) этот город присутствует на Мюнхенской копии Сен-Викторской карты (München, BS, CLM, 10058, f. 154 v.) XII в. и в форме Gersanis на Эбсторфской карте (XIII в.)⁶⁹.

На карте из Дура Эвропос (напомню — первая половина III в. н. э.) все издатели читают Χερ[σ]όν[ησος], хотя на карте есть только буквы Χερ[σ]όν (последние две буквы также читаются с трудом).

Возникает подозрение, а не был ли здесь изначально надписан Херсон, а не Херсонес. По эпиграфическим данным известно, что во II–III вв. н. э. в Херсонесе стояли солдаты I Италийского, XI Клавдиева легионов, I Киликийской, I Бракаравгустанской и II Луцензиевой когорт вспомогательных войск, а также Флавиева эскадра Мезийского флота. Карта на щите римского legionera могла отразить новое (латинское или уже готское?) произношение и написание названия Херсонеса⁷⁰.

Интересно, что в параграфе 92 Пс.-Арриан использует форму Херсон в цитате из труда Артемидора Эфесского: Ἀρτεμίδωρος δὲ ὁ γεωγράφος ἀπὸ πόλεως Χερσώνος μέχρη Τύρα ποταμοῦ σὺν τῷ περὶ πλῶ τοῦ Καρκινίτου κόλπου γράφει σταδίους δυκ’ μὴ φλθ’ γ’. — «Географ Артемидор пишет, что от города Херсона до реки Тирас с плаванием вдоль побережья Каркинитского залива — 4420 стадиев, 589 и 1/3 мили»⁷¹. Едва ли Артемидор, писавший в первой половине I в. до н. э., уже называл Херсонес Херсоном, такое написание надо отнести к узусу самого Анонима.

* * *

В выше цитированном списке городов Скифии у Иордана перечислены города Крыма: Каллиполида, Херсона, Феодосия, Кареон, Мирмикий, Трапезун-

⁶⁹ См.: Чекин Л.С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. [Древнейшие источники по истории Восточной Европы]. М., 1999. С. 123, 146.

⁷⁰ А.Ю. Виноградов приводит надпись, датируемую 392–393 гг. (IOSPE³ V.5), в которой читается Χ[ερ]σόνος[ς] в родит. падеже: Виноградов А.Ю. Херсонес... С. 1002.

⁷¹ Об Артемидоре как источнике AnPPP см.: Подосинов А.В. К вопросу об источниках... С. 637–649.

та. Обращает на себя внимание тот факт, что здесь не упомянут главный город Боспорского царства — Пантикапей. Вместо него между Феодосией и Мирмекием, где должен быть назван Пантикапей, стоит непонятный топоним Кареон⁷². Равеннат в IV.3 дает близкий Иордану перечень городов: Бористенида / Ольбиаболис (Ольвия) / Каполис (Каллиполида) / Дори / Херсона / Теосиополис (Феодосия) / Кареон / Трапезус, в V.11: Оливаполис / Пористенида / Калиполис / Керсона / Теодосия / Досиополис / Кареон / Трапезус.

Город Кареон из других источников неизвестен. По мнению многих исследователей, Сагеон < Сареон представляет собой вторую половину названия Рантисараеон, который в полном виде отсутствует как у Равенната, так и у Иордана⁷³. На мой взгляд, город Кареон представляет собой стяженную форму названия Са<esa>реон⁷⁴, которое Пантикапей получил в результате своего переименования в 20-х гг. I в. до н. э. боспорской царицей Динамией и которое стало — через тюркское посредство⁷⁵ — основой для возникновения современного названия города Керчь⁷⁶.

И в заключение упомяну интересный факт — отсутствие Крыма как полуострова на карте из Дура Европос (рис. 1) и на Певтингеровой карте (латинской карте мира первых веков нашей эры) (рис. 3)⁷⁷, а также отсутствие его упоминания у Иордана, в «Космографии» Равеннского анонима, в AnPPP и у Прокопия Кесарийского.

Прокопий даже крымский Херсон рассматривает как город, рядом (ἀρχοῦ) с которым находятся таманские города Кепы и Фанагория (Goth. bell. IV.5.28: καὶ ἄλλα δὲ πόλεις αὐτοῦ Χερσῶνος, Κήλοι τε καὶ Φανάγουρις καλούμενα). А в сочинении «О постройках» (III.7.10–13) говорится: «Сверх того, что касается городов Боспора и Херсона, которые являются приморскими городами на том же берегу <Эвксинского Понта> за Меотидским болотом, за таврами и тавроскифами, и находятся на краю пределов римской державы, то, застав их

⁷² См. подробнее: Подосинов А.В. Еще раз... С. 155–171.

⁷³ См.: Mommsen Th. Jordanis Getica // Monumenta Germaniae Historica; Auctores antiquissimi. Vol. I. Berolini, 1882. P. 62; Кулаковский Ю.А. К вопросу... С. 195–197; Tomaschek W. Careon // RE. 1899. Bd. 6. Sp. 1588–1589; Rebuffat R. Le Bouclier de Doura // Syria. Revue d'art oriental et d'archéologie. 1986. T. 63. P. 85–105 (здесь: P. 96); Dillemann L. La Cosmographie du Ravennate. [Latomus. Revue d'études latines; 235]. Bruxelles, 1997. P. 92; Pekkanen T. The Pontic civitates... P. 124.

⁷⁴ Так же см. в: Виноградов А.Ю. Херсонес... С. 1001. Ср. тот же фонетический процесс в слове *цезарь* (кайсар), которое, по М. Фасмеру, пришло через готское посредство (готск. Káisar) к славянам как *царь* — Са(esa)г. См. уже болг. *цар* как титул болгарского царя Симеона I (917 г.).

⁷⁵ Как др.-русс. Корсунь восходит через тюркскую гармонию гласных к греч. Χερσῶν, -ῶνος (М. Фасмер), так и Кареон благодаря тому же явлению превратился со временем в Керчь.

⁷⁶ См. подробнее: Подосинов А.В. Керчь — город греческий, хазарский, русский (к происхождению названия) // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Папуто. Москва, 17–19 апреля 1996 г. М., 1996. С. 77–83; Подосинов А.В. Еще раз... С. 155–171. См. тж.: Иваненко П.И., Иванина О.А. Керчь... С. 9: «Итак, мы считаем правильным признать дохазарское происхождение имени Керчь, так как оно в форме Кареон стояло уже на той карте, которой пользовался Иордан. Это имя не вошло в литературный оборот. Трудно сказать, что оно означает в переводе».

⁷⁷ См. о ней: Подосинов А.В. Восточная Европа... С. 287–378.

Рис. 1. Фрагмент карты из Дура Европос

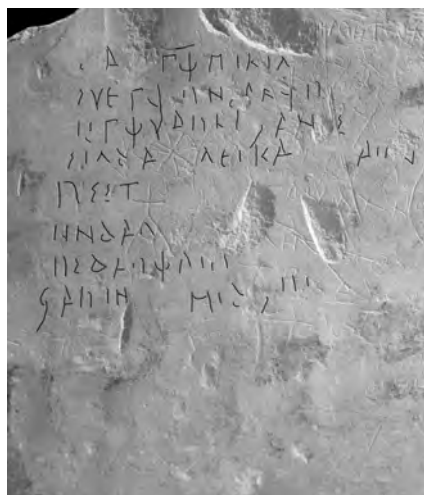
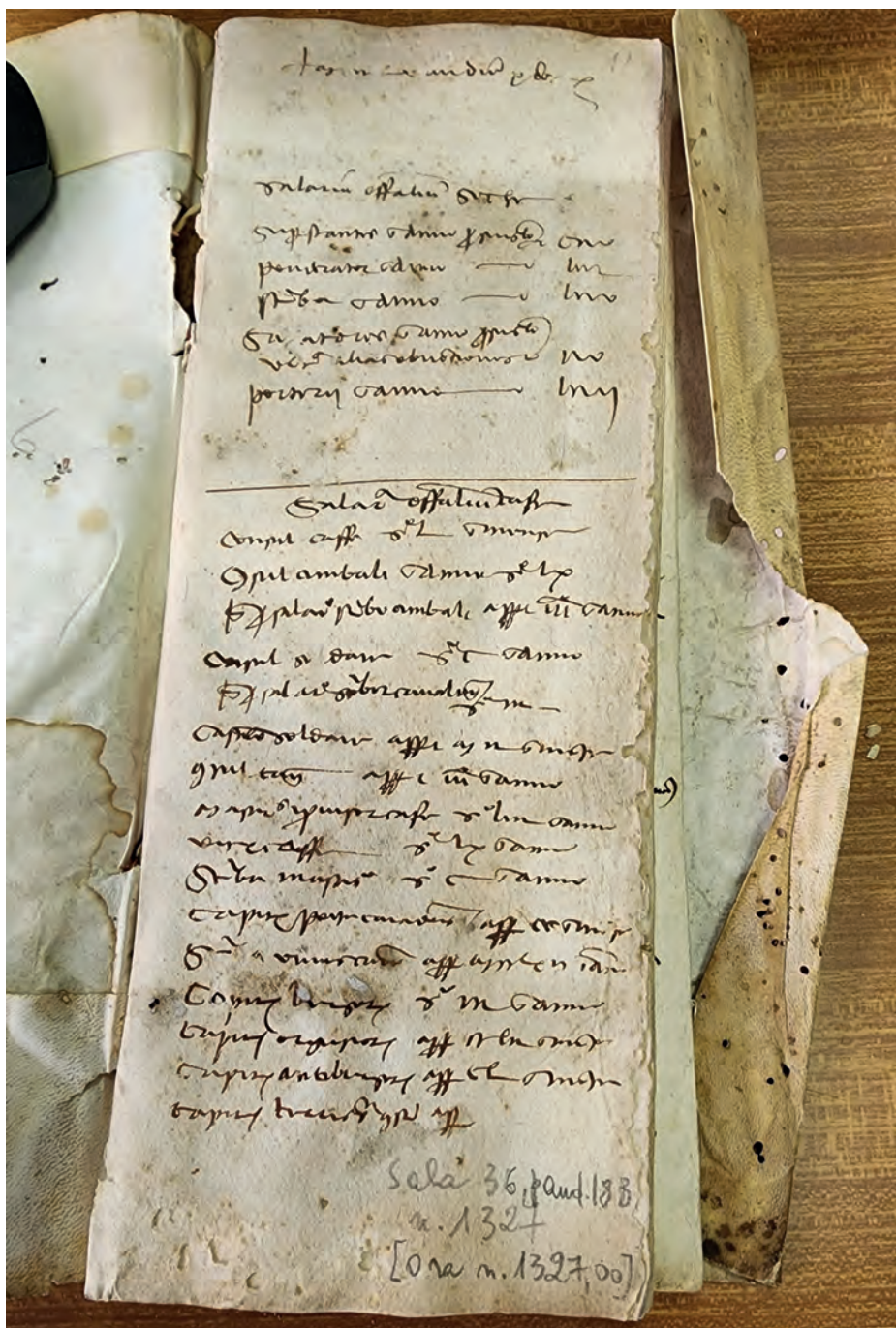

*Рис. 2. Одна из готских надписей
из мангупской базилики
(прорисовка А.Ю. Виноградова и М.И. Коробова)*

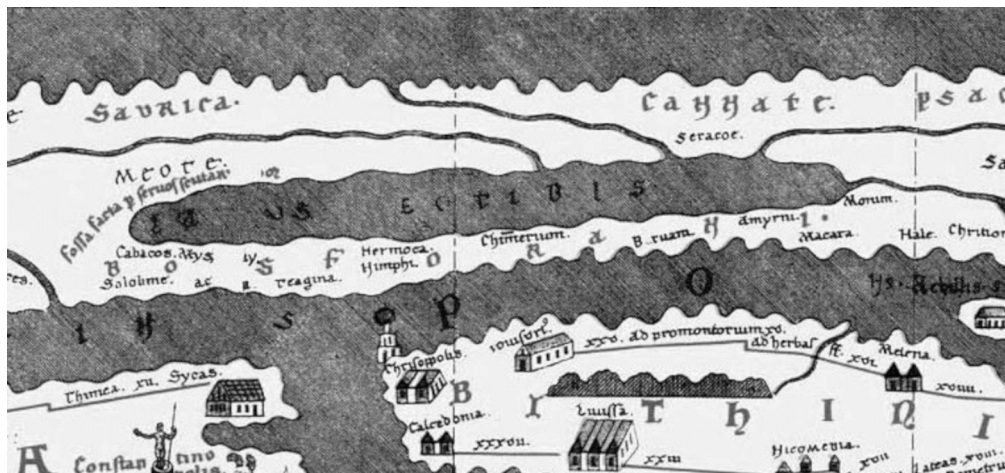

Рис. 3. Азовское море на Певтингеровой карте (прорисовка К. Миллера)

стены в совершенно разрушенном состоянии, он сделал их замечательно красивыми и крепкими. 11. Он воздвиг там и два укрепления, так называемое Алуста и в Горзубитах. 12. Особенно он укрепил стенами Боспор; с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян. 13. Здесь же, на этом побережье есть страна по имени Дори, где с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию». Это все, что говорится о крымской территории, которая не представлена как полуостров.

Что касается «Космографии» Равеннаты, то многочисленные совпадения в перечнях городов в «Космографии» с порядком следования городов на дорогах, изображенных на Певтингеровой карте, а также наличие сходных ошибок в написании одних и тех же имен заставляют думать, что анонимный автор для составления «Космографии» воспользовался или картой типа Певтингеровой, или литературным трудом, основанным на такой карте⁷⁸. Как мы видели, на Певтингеровой карте Крымский полуостров не обозначен.

Пс.-Арриан в 83 параграфе упоминает Таврический полуостров, но это то, что мы сегодня называем Гераклейским полуостровом, на западной оконечно-

⁷⁸ См.: *Mommsen Th.* Über die Unteritalien betreffenden Abschnitte der ravennatischen Kosmographie // *Berichte über die Verhandlungen der königlichen Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-hist. Klasse.* III. Leipzig, 1851. S. 96–103; *Kubitschek W.* Eine römische Straßenkarte // *Jahreshefte des österreichischen archäologischen Instituts.* 1902. Bd. 5. S. 20–96 (здесь: S. 60); *Gross H.* Zur Entstehungs-Geschichte der Tabula Peutingeriana. Bonn, 1913. S. 5–7, 33; *Stolte B.H.* De Cosmographie van den Anonymus Ravennas. Een Studie over de Bronnen van Boek II–V. Amsterdam, s.a. [1949]. S. 121–122; *Schillinger-Häfele U.* Beobachtungen zum Quellenproblem der Kosmographie von Ravenna // *Bonner Jahrbücher.* 1963. Bd. 163. S. 238–251 (здесь: S. 238); *Dillemann L.* La Carte routière de la Cosmographie de Ravenne // *Bonner Jahrbücher.* 1975. Bd. 175. P. 165–170 (здесь: P. 170); *Dillemann L.* La Cosmographie... P. 38–40. См. тж.: *Gückelsberger K., Mittenhuber F.* Überlegungen zur Kosmographie des anonymen Geographen von Ravenna // *Vermessung der Oikumene / Hrsg. von K. Geus, M. Rathmann.* Berlin, 2013. S. 287–310.

сти которого располагался Херсонес: Ἡ Ταυρικὴ δὲ χερώνησος λεγομένη τοῦτοις συνάλττει, πόλιν ἔχουσα Ἑλληνίδα. — «Близко от них (тавров) находится Таврический полуостров, имеющий греческий город...» (далее речь идет о Херсонесе-Херсоне).

Я связываю это обстоятельство (отсутствие Крыма как полуострова) с существовавшим еще в античности представлением о том, что Азовское море, отделяющее Крым от материка, является всего лишь приустьевым озером Танаиса, далее впадающего в Черное море через Керченский пролив, и поэтому Крым выглядел не как полуостров, выдающийся в море, а как побережье, ровной линией идущее от устья Борисфена (Днепра) до Севастополя (Сухума). Но об этом я уже писал в другом месте⁷⁹.

Список литературы

- Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н. э. М., 1997.
- Агбунов М.В. Античная география Северного Причерноморья. М., 1992.
- Агбунов М.В. Античная лоция Черного моря. М., 1987.
- Агбунов М.В. Заметки по античной географии Нижнего Поднестровья // Вестник древней истории. 1979. № 2. С. 118–138.
- Айбабин А.И. О дате вторжения германцев в Крым // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 242–251.
- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III–VII в.). Симферополь, 2017.
- Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
- Анфертьев А.Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. Том I (I–IV вв.). М., 1994. С. 98–161.
- Вдовченков Е.В. Герак, главный переводчик аланов // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти В.Т. Пашуто. Вып. XXXIV. Межэтнические контакты в социокультурном контексте. М., 2022. С. 41–46.
- Виноградов А.Ю. «Миновала уже зима языческого безумия...». Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М., 2010.
- Виноградов А.Ю. Когда же Пантикапей стал Воспором? // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. Материалы X международного Византийского семинара / Отв. ред Н.А. Алексеенко. Симферополь, 2018. С. 49–52.
- Виноградов А.Ю. Херсонес — Херсон, Пантикапей — Воспор: вопрос идентичности или общеимперский процесс? // Вестник древней истории. 2020. Т. 80. № 4. С. 995–1006.
- Виноградов А.Ю., Коробов М.И. Готские граффити из мангупской базилики // Средние века. 2015. Т. 76. № 3–4. С. 57–75.
- Габуев Т.А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999.

⁷⁹ См.: Подосинов А.В. Меотиды — море, озеро, болото? (по данным Певтингеровой карты) // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. Второй полutom. СПб., 2018. С. 1032–1042; *Он же*. Еще раз о Меотиде как озере // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры Альманах. Т. 8 (Памяти Сергея Ремировича Тохтасьева (1957–2018)). М., 2019. С. 309–329.

- Ганина Н.А. Готские имена: проблемы и интерпретации // Именослов. История языка, история культуры. [Труды Центра славяно-германских исследований; 1]. СПб., 2010. С. 42–63.
- Ганина Н.А. Готские языковые реликты. Дисс. доктора филол. наук. М., 2008.
- Ганина Н.А. К новой этимологической редакции крымско-готских данных // Scientific papers of the University of Latvia. Vol. 720. Linguistics: Studia Etymologica Germano-Balto-Slavica I. Vol. 1. Riga, 2007. С. 7–20.
- Ганина Н.А. Крымско-готский язык. СПб., 2011.
- Гухман М.М. Готский язык. М., 1958.
- Заморяхин А. Готы Северного Причерноморья III–IV вв. в дореволюционной отечественной историографии // Исседон: альманах по древней истории и культуре. Т. 2. Екатеринбург, 2003. С. 171–183.
- Иваненко П.И., Иванина О.А. Керчь: история имени. Этимологический очерк. Керчь, 1996.
- Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском в начале эпохи Великого переселения народов // Боспорские исследования. 2020. Вып. 40. С. 140–156.
- Казанский Н.Н. Социолингвистическая ситуация в Боспорском царстве и особенности языковой политики эллинистических государств // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 г. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / Под ред. А.В. Подосинова и О.Л. Габелко. М., 2014. С. 188–199.
- Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1983.
- Курышева М.А., Фонкич Б.Л. К палеографической интерпретации греческих граффити мангупской базилики // Средние века. 2017. Т. 78. № 3. С. 167–179.
- Могаричев Ю.М. Крымская Алания и Чуфут-Кале // Херсонесский сборник. Вып. 14. 2005. С. 249–256.
- Молев Е.А. О двойном наименовании столицы Боспора // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2018. Т. 10. С. 287–295.
- Мыц В.Л. Крепость Алустан в VI–XV вв.: от византийского фруриона до генуэзского консульства // Byzantinoturcica: Византия и византийское наследие в Причерноморье, Средиземноморье и Восточной Европе. Тезисы докладов всероссийской научной конференции, Севастополь, 25–28 сентября 2023 г. / Под ред. С.П. Карпова, М.В. Грацианского, С.Г. Бочарова. СПб., 2023. С. 63–70.
- Напольских В.В. Иордан и его «Гетика» в труде Родриго Хименеса де Рады «De rebus Hispaniae» // Вестник древней истории. 2023. № 4. С. 850–867.
- Науменко В.Е. К дискуссии об этнополитической истории Крымской Готии в X в.: археологический комментарий к надписям с Мангупского городища // Восточная Европа в древности и Средневековье: XVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 20–22 апреля 2016 г.: Материалы конференции. М., 2016. С. 202–206.
- Павличенко Н.А. Вторая надпись Герака, сына Понтика, главного переводчика аланов // Таврические студии. Сер.: Ист. науки. 2020. № 22. С. 119–127.
- Петрова Э.Б. Античная Феодосия. История и культура. Симферополь, 2000.
- Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. [Древнейшие государства на территории Восточной Европы]. М., 2002. С. 77–99.
- Подосинов А.В. Еще раз о Меотиде как озере // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры Альманах. Т. 8 (Памяти Сергея Ремировича Тохтасьева (1957–2018)). М., 2019. С. 309–329.

- Подосинов А.В. Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир. Византия. К 70-летию профессора В.И. Кадеева. Харьков, 1997. С. 155–171.
- Подосинов А.В. К вопросу о языковой ситуации в греко-варварском Боспорском царстве // Восточная Европа в древности и средневековье. Письменность как элемент государственной инфраструктуры. XXVIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2016. С. 230–235.
- Подосинов А.В. К вопросу об источниках «Перипла Понта Эвксинского» Псевдо-Арриана // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XIX. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 22–25 июня 2015 г. СПб., 2015. С. 637–649.
- Подосинов А.В. Керчь — город греческий, хазарский, русский (к происхождению названия) // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. М., 17–19 апреля 1996 г. М., 1996. С. 77–83.
- Подосинов А.В. Меотида — море, озеро, болото? (по данным Певтингеровой карты) // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XXII. Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. Второй полутом. СПб., 2018. С. 1032–1042.
- Подосинов А.В. Традиции античной географии в «Космографии» Равеннского Анонима // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования., 1987 г. М., 1989. С. 248–256.
- Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Петроград, 1925.
- Скардильи П. Готы: язык и культура. СПб., 2012.
- Скржинская М.В. «Перипл Понта Эвксинского» анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. С. 115–125.
- Скржинская М.В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
- Смирнов В.В. «Гетика» Иордана как памятник поздней латыни (фонетика и грамматика). Автореферат диссертации. М., 1956.
- Тиханова М.А. Базилика // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. Вып. 34: Археологические памятники Юго-Западного Крыма (Херсонес — Мангун). С. 334–389.
- Тохтасьев С.Р. ВОΣΠΟΡΟΣ // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 86–92.
- Тохтасьев С.Р. Язык трактата Константина Багрянородного De administrando imperio и его иноязычная лексика. СПб., 2018.
- Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М., 1999.
- Фадеева Т.М., Шапошников А.К. Княжество Феодоро и его князья. Симферополь, 2005.
- Цукерман К. Епископы и гарнизоны Херсонеса в IV в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1995. Вып. 4. С. 545–561.
- Чекин Л.С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. [Древнейшие источники по истории Восточной Европы]. М., 1999.
- Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. [Древнейшие источники по истории народов СССР]. М., 1980.
- Щукин М.Б. Готский путь: Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
- Aalto P., Pekkanen T. Latin Sources of North-Eastern Eurasia. [Asiatische Forschungen; 44]. Part 1. Wiesbaden, 1975.

- Alemany A. Sources on the Alans: A Critical Compilation. Leiden, 2000.
- Amici A. Iordanes e la storia gotica. [Quaderni della Rivista di Bizantinistica; 6]. Spoleto, 2002. P. 15–19.
- Dillemann L. La Carte routière de la Cosmographie de Ravenne // Bonner Jahrbücher. 1975. Bd. 175. P. 165–170.
- Dillemann L. La Cosmographie du Ravennate. [Latomus. Revue d'études latines; 235]. Bruxelles, 1997. P. 92.
- Diller Au. The Tradition of the Minor Greek Geographers. Lancaster, 1952.
- Finazzi R.B., Tornaghi P. Gothica Bononiensia: Analisi linguistica e filologica di un nuovo document // Aevum. 2013. Vol. 87. No 1. P. 113–155.
- Gillett A. Jordanes and Ablabius // Studies in Latin Literature and Roman History, X. [Collection Latomus; 254]. Bruxelles, 2000. P. 479–500.
- Gückelsberger K., Mittenhuber F. Überlegungen zur Kosmographie des anonymen Geographen von Ravenna // Vermessung der Oikumene / Hrsg. von K. Geus, M. Rathmann. Berlin, 2013. S. 287–310.
- Kazanski M. Les antiquités germaniques de l'époque romaine tardive en Crimée dans la region de la Mer d'Azov // Ancient West and East. 2002. Vol. 1. № 2. P. 392–441.
- Löwe H. Vermeintliche gotische Überlieferungsresten bei Cassiodor und Jordanes // Ex ipsi rerum documentis. Festschrift für Harald Zimmermann. Sigmaringen, 1991. S. 17–30.
- Luiselli B. Sul De summa temporum di Jordanes // Romanobarbarica 1. Roma, 1976. P. 81–133.
- Marcotte D. Géographes grecs. T. 1 (Introduction générale; Ps.-Scymnos: Circuit de la terre). [Collection des Universités de France publiée sous patronage de l'Association Guillaume Budé]. Paris, 2000.
- Momigliano A. Cassiodor und italienische Kultur seiner Zeit // Momigliano A. Ausgewählte Schriften zur Geschichte und Geschichtsschreibung / Hrsg. von A. Grafton. Bd. 2 (Spätantike bis Spätaufklärung). Stuttgart; Weimar, 1999. S. 37–58.
- Momigliano A. Gli Anicii e la storiografia latina del VI secolo d. C. // Histoire et historiens dans l'antiquité. [Entretiens sur l'antiquité classique; 4]. Genève, 1956. P. 249–290.
- Neumann G., Düwel K. Alust — ein kringotischer Name? // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1985. Bd. 98. H. 2. S. 280–284.
- Pekkanen T. The Pontic civitates in the Periplus of the Anonymus Ravennas // Arctos. Acta philologica Fennica. 1979. Vol. 13. P. 111–128.
- Rebuffat R. Le Bouclier de Doura // Syria. Revue d'art oriental et d'archéologie. 1986. T. 63. P. 85–105.
- Rubin B. Prokopios von Kaisareia. Stuttgart, 1954.
- Schillinger-Häfele U. Beobachtungen zum Quellenproblem der Kosmographie von Ravenna // Bonner Jahrbücher. 1963. Bd. 163. S. 238–251.
- Schnetz J. Jordanis beim Geographen von Ravenna // Philologus. Zeitschrift für klassische Altertum. 1926. Bd. 81. S. 86–100.
- Staab F. Ostrogothic Geographers at the Court of Theodoric the Great: A Study of Some Sources of the Anonymous Cosmographer of Ravenna // Viator: Medieval and Renaissance Studies. 1976. Vol. 7. P. 27–64.
- Stolte B.H. De Cosmographie van den Anonymus Ravennas. Een Studie over de Bronnen van Boek II–V. Amsterdam, s.a. [1949].
- Uhden R. Bemerkungen zu dem römischen Kartenfragment von Dura Europos // Hermes. 1932. Bd. 67. S. 117–125.
- Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, 1936.

BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2023. Т. 1

С. 64–81

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 1: 2023

P. 64–81

Научная статья

DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.03

Заметки о византийской тарной керамике в Северо-Восточном Причерноморье (середина X — первая треть XIII вв.)

Сергей Геннадиевич БОЧАРОВ¹, Андрей Николаевич МАСЛОВСКИЙ²

¹ кандидат исторических наук, доцент; директор НОЦ «Археологические исследования»; ведущий научный сотрудник Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья; Институт общественных наук и международных отношений; Севастопольский государственный университет; ул. Университетская, 33, 299053 Севастополь; sgbotcharov@mail.ru

² Кандидат исторических наук; заведующий Отделом по обеспечению сохранения и использования объектов культурного наследия; Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник; ул. Московская, 38/40, 346780 Азов; maslovskiazak@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются находки тарной керамики византийского производства, поступавшие в Северное Причерноморье в период от конца существования Хазарского каганата (салтово-маяцкая археологическая культура) и до монгольского завоевания в хронологических рамках от середины X до первой трети XIII вв. В качестве источниковой основы используется керамический комплекс сельских поселений Северо-Восточного Причерноморья. В целом за изучаемый период на сельские памятники региона поступали восемь различных групп тарных сосудов византийского происхождения: кувшины «тмутараканского типа», амфоры «трилийской» группы, амфоры «трапезундской» группы, желто-глиняные небольшие амфоры с верхними прилепами ручек к середине низкого горла, амфоры «группы клейма SSS», группа темно-коричневых амфор с пластинчатыми минералами в

формовочной массе, красноглиняные пифосы и тарные красноглиняные кувшины крымского производства.

Ключевые слова: Византия, Северо-восточное Причерноморье, международная торговля, археология, керамология, гончарное дело, тарные сосуды, амфоры, кувшины, пифосы.

Финансирование: Исследование С.Г. Бочарова (вклад участника — 50%) подготовлено в Севастопольском государственном университете в рамках реализации Мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации «Комплексные историко-археологические исследования Византийского Причерноморья», соглашение № 075–15–2022–1130.

Цитирование: Бочаров С.Г., Масловский А.Н. Заметки о византийской тарной керамике в Северо-Восточном Причерноморье (середина X — первая треть XIII вв.) // *Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований*. 2023. Т. 1. С. 64–81. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.03.

Original article

Notes on Byzantine Storage Pottery in the North-Eastern Black Sea Region (Middle of the 10th — First Third of the 13th Centuries)

Sergey G. BOCHAROV¹, Andrey N. MASLOVSKIY²

¹ Candidate of Sciences (History); Associate Professor; Director of the Archaeological Research Centre; Leading Researcher; Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black Sea Region; Institute of Social Sciences and International Relations; Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation; sg-botcharov@mail.ru

² Candidate of Sciences (History); Head of the Department for the Preservation and Utilization of Cultural Heritage Objects; Azov Historical-Archeological and Paleontological Museum-Reserve; 38/40 Moskovskaya St., 346780 Azov; maslovskiazak@mail.ru

Abstract: The article deals with the finds of Byzantine-made storage pottery, which arrived in the Northern Black Sea Region in the period from the end of the Khazar Khaganate (Saltovo-Mayak archaeological culture) to the Mongol conquest from the middle of the 10th to the first third of the 13th centuries. The ceramic complex of rural settlements of the North-Eastern Black Sea region is used as a source basis. In general, during the period under study, eight different groups of container vessels of Byzantine origin arrived at rural sites in the region: “Tmutarakan-ware” jugs, amphorae of the “Trillia” ware, amphorae of the “Trebizond-ware” type, yellow-clay small amphorae-low throat, amphorae of the “SSS stamp” ware, a group of dark brown amphorae with lamellar minerals in the molding mass, red-clay pithoi and tare red-clay jugs of Crimean production.

Key words: Byzantium, the North-Eastern Black Sea region, international trade, archaeology, ceramology, pottery production, storage pottery, amphorae, jugs, pithoi.

Funding: S.G. Bocharov's contribution to this research (50%) is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Agreement no. 075–15–2022–1130. Research is conducted on the basis of Sevastopol State University.

For citation: Bocharov, S.G., Maslovskiy, A.N. "Notes on Byzantine Storage Pottery in the North-Eastern Black Sea Region (Middle of the 10th — First Third of the 13th Centuries)." *Byzantinotaurica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 1(2023). P. 64–81. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.03.

Данная работа является кратким обзором темы, которой посвящено огромное число научных публикаций. Не претендуя на исчерпывающее освещение всех сторон данного вопроса, остановимся на некоторых его аспектах — вопросах классификации и хронологии. Тарная керамика на причерноморских памятниках составляет зачастую наиболее массовую категорию находок. Помимо того, что она — важный источник для изучения экономического развития и торговых связей региона, византийская тарная керамика является важнейшим датированным материалом, поскольку стандартна, а значит, может быть легко определена и сопоставлена на разных памятниках: будучи массовым материалом, она использовалась в быту заведомо непродолжительное время.

Нельзя сказать, что тарная керамика эпохи развитого средневековья обделена вниманием исследователей. Число работ, посвященных ей, намного выше, чем для любой другой темы средневековой археологии Причерноморья. Вместе с тем, в изучении средневековой, и, в частности, византийской тарной керамики, существует ряд проблемных моментов. Прежде всего, большинство предложенных классификаций построено исключительно на морфологии сосудов¹. Как результат, произведенные в одном центре в разное время, а иногда и синхронно, типы амфор оказываются оторванными друг от друга и рассматриваются по отдельности. Это выглядит тем более странно при сопоставлении с изучением античной амфорной тары, которое строится именно на выделении продукции отдельных производственных центров и рассмотрении ее изменений.

С другой стороны, в пределах одной классификационной ячейки могут оказаться сосуды, произведенные не просто в различных центрах, но в мастерских с разными технологическими традициями. Различия в морфологии сосудов,

¹ См.: *Якобсон А.Л.* Средневековые амфоры Северного Причерноморья (Опыт хронологической классификации) // Советская археология. 1951. Т. 15. С. 325–344; *Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И.* Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. 1971. Вып. 7. С. 81–101; *Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В.* Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1995; *Булгаков В.В.* Византийские амфоры IX–XIV вв.: основные типы // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. No 4 (5). URL: <http://archaeology.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm>. Дата обращения: 04.12.2024; *Todorova E.P.* Byzantine Amphorae from Present-Day Bulgaria (7th–14th century AD) Summary of a PhD thesis. Sofia, 2012; *Günsenin N.* La typologie des amphores Günsenin. Une mise au point nouvelle // *Anatolia Antiqua*. 2018. Т. 26. P. 89–124.

включенных в один таксон, при этом могут быть весьма существенными². Это вызывает необходимость дополнять классификацию добавочными «гибридными» типами³, хотя при этом возникает вопрос, почему они объявляются промежуточными типами, а не выделяются в самостоятельный таксон.

Рассмотрение изменений амфорной тары в таких условиях становится задачей трудноразрешимой, поскольку в реальности эволюционировали не абстрактные формы сосудов, а производство в конкретных гончарных мастерских. Нельзя сказать, что исследователи не видят этой проблемы. То, что амфоры выделенных морфологических типов — в реальности продукция разных центров, признается авторами, придерживающимися данной системы классификации⁴.

Учитывая, что любая классификация оправдана в той мере, в которой она отражает реальные взаимосвязи вещей и способствует их изучению, следовало бы признать неполноту морфологических классификаций и начать разработку понятийного аппарата и выявление дополнительных признаков, в том числе технологических, для выявления специфических черт продукции отдельно взятых производственных центров. Пока же даже рисунки в представленных работах достаточно схематичны и не передают многих существенных деталей, которые было бы любопытно уточнить⁵.

Недостатки методик чисто морфологических классификаций их авторы пытаются компенсировать обилием использования естественнонаучных анализов. По весьма распространенному мнению, именно они способны стать решающим аргументом, перевешивающим все свидетельства других видов источников в вопросе о месте производства того или иного типа амфор. Между тем, к возможностям такого рода анализов следует относиться скептически. Конечно, по возможности необходимо привлекать результаты всевозможных естественнонаучных анализов. Авторы статьи тоже принимали участие в проведении подобных исследований⁶.

Однако, не следует считать, что естественные науки самостоятельно решают проблему, возникшую вследствие существования методологических изъянов археологических исследований. Месторождения глины не уникальны в сравне-

² Günsenin N. La typologie... P. 92, 96, 98, 103–107.

³ Ibid. P. 98–99.

⁴ См.: Тесленко И.Б. Керамика Крыма XV века. Киев: ИА НАН Украины, 2021. С. 54; Майко В.В., Василенко Д.Э., Соков П.В., Тищенко И.Б. Материалы к типологии, хронологии и клеймлению некоторых типов византийских амфор XIII–XIV вв. (по материалам Восточного Крыма и западного Закубанья) // Боспорские исследования. 2014. Вып. 30. С. 329–343 (здесь: С. 334–335); Гинькут Н.В., Лебединский В.В. «Воротничковые амфоры» Типа Günsenin II с затонувшего корабля близ Балаклавы византийского корабля // Античная древность и средние века. 2018. Вып. 46. С. 151–165 (здесь: С. 159); Günsenin N. La typologie... P. 94–95.

⁵ К примеру: Günsenin N. La typologie... Fig. 9–11, 13, 15.

⁶ См.: Бочаров С.Г., Коваль В.Ю., Масловский А.Н., Ситдииков А.Г., Френкель Я.В. Использование естественно-научных методов в изучении средневековой поливной керамики (на примере средневековой посуды Юго-Восточного Крыма) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2013. С. 65–70 (здесь: С. 50–53).

нии с отпечатками пальцев или кимберлитовыми трубками с алмазами. Анализы всего лишь определяют тип глины и приуроченность пласта к той или иной геологической формации. Учитывая, что число типов глин не бесконечно, а процессы осадконакопления в любой из геологических периодов протекали на обширных территориях, весьма вероятно, что идентичные глины будут встречены не только в соседних городах, но и в разных регионах. С другой стороны, вполне вероятна ситуация, когда в пределах небольшого района можно найти самые разнообразные типы глин.

К этому следует добавить, что, согласно данным этнографии, гончар при переезде на новое место старался найти глину аналогичную той, что использовал на родине, и только в случае неудачи переходил к использованию нового сорта⁷. Сами определения, данные специалистами соответствующего профиля, написаны предельно осторожно⁸. Из них всего лишь следует, что представленные образцы могли быть изготовлены из такой-то глины, которая встречена в указанном районе. При большом числе проведенных анализов могут быть не определены примеси в формовочной массе амфоры⁹, хотя это один из субстратных признаков, характеризующих соответствующую гончарную традицию.

На настоящий момент следует признать, что естественнонаучные анализы имеет смысл проводить на втором этапе изучения керамики, и пока не завершены исследования привычными методами археологической науки с привлечением данных анализа гончарных технологий, письменных источников, картографирования находок, их результаты не только не являются решающим аргументом, но могут только запутать и без того сложную картину гончарного производства в древних обществах. То есть естественно-научные анализы имеют сугубо вспомогательное, а не самостоятельное значение.

Альтернативой чисто морфологической систематики является предложенный И.В. Волковым принцип классификации керамики на основании анализа технологии ее производства на всех этапах от отбора глин и составления формовочных масс до особенностей обработки поверхности и обжига. Это позволяет выделять изделия одной или нескольких близкородственных мастерских при всех различиях форм сосудов, изготавливавшихся в них. Продукция одного производственного центра объединяется в группу.

Эта система классификации является многоуровневой. Выделение таксонов по признаку морфологии сосудов начинается только на третьем и четвертом этапах. Естественнонаучные анализы имеют вспомогательное значение. Они позволяют составить формализованное описание визуально фиксируемых признаков черепка. Данная систематика является достаточно универсальной, и была применена И.В. Волковым, в том числе, к амфорным находкам¹⁰. Ее ис-

⁷ Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. С. 76.

⁸ Günsenin N. La typologie... P. 95.

⁹ Ibid. P. 100–101.

¹⁰ См.: Волков И.В. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье о взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1989.

пользование для определения и датирования возможно при работе не только с археологически целыми образцами, но и со сравнительно небольшими обломками. К числу недостатков предложенной И.В. Волковым методики исследований следует отнести необходимость хорошей квалификации исследователя и его знакомство с коллекциями из разных регионов. Поскольку при ее помощи можно статистически обработать весь массив находок, данная методика является одновременно и значительно более трудоемкой.

Вероятно, вследствие указанных сложностей, а также отсутствия до сих пор полной и систематической публикации И.В. Волковым методики построения такой классификации, она получила далеко не достаточное распространение. Полностью или частично она используется рядом российских исследователей, занимающихся преимущественно изучением средневековой керамики, но осталась, по-видимому, совершенно неизвестной за рубежом. Правда, здесь следует сделать оговорку. Речь идет скорее о ее игнорировании. Любой исследователь вправе выбрать для своей работы ту методику, которую он считает наиболее продуманной и удобной, принять ту или иную точку зрения и оспаривать мнение оппонента. Аргументированный разбор положений различных концепций выявляет их сильные и слабые стороны.

Что же говорит об исследователе игнорирование формальной системы, альтернативной твоей? На наш взгляд, это свидетельство слабости ученого и признание им уязвимости собственных построений. В обширной работе 2018 г. по типологии византийских амфор Нергис Гюнсенин (Nergis Günsenin), при обилии приводимых аналогий, отсутствуют ссылки на находки с территории Золотой Орды, хотя их число здесь очень велико. Единственным исключением является странная ссылка на сообщение А.И. Романчук о большом числе амфор в музее Азака-Таны в Восточном Крыму (именно так!)¹¹. Это нельзя объяснить недоступностью русскоязычной литературы для зарубежных исследователей, поскольку ссылки на нее имеются — как на давние, так и на относительно современные публикации. Но при этом, работа об амфорах Новгорода¹², которая могла бы помочь исследовательнице в вопросах датировки, отсутствует.

Выяснить, насколько обоснованы методологические подходы обеих систем классификации, можно, применив обычный для современной науки метод выведения из формальной системы гипотез, в случае опровержения которых опровергается и сама формальная система. В археологии подобный ме-

С. 85–100 (здесь: С. 86–87); *Он же*. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // *Донские древности* / Под ред. В.Я. Кияшко, В.Е. Максименко. Вып. 1. Азов, 1993. С. 143–157 (здесь: С. 144–145); *Он же*. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 90–103; *Он же*. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // *Морская торговля в Северном Причерноморье*. Киев, 2001. С. 130–144; *Он же*. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240–1260) // *Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: Сборник научных трудов* / Под ред. С.Г. Бочарова, В.Л. Мыца. Т. 1. Киев: Стило, 2005. С. 122–159 (здесь: С. 129–130. Рис. 9).

¹¹ Günsenin N. La typologie... Р. 107.

¹² Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого... С. 90–103.

тод вполне работоспособен. О некоторых контрольных гипотезах будет сказано ниже.

Второй большой проблемой является хронология производства отдельных групп и типов тарной керамики. Причина этого кроется в малом числе закрытых комплексов на археологических памятниках, расположенных в Средиземноморье. Большая часть находок происходит из многовековых напластований, которые заведомо неоднократно переоткладывались. Но даже если слои оказываются относительно однородными, длительный период их формирования не позволяет получить более приемлемую точность датировок. Это ярко иллюстрируют материалы крымских памятников, например Судака¹³.

К этому добавляются сложности, вытекающие из самой системы классификации исключительно по формам сосудов. При бытовании сходных форм среди продукции разных гончарных центров вовсе не обязательно, что их выпуск осуществлялся синхронно. Даже исходя из умозрительных соображений, следует полагать, что в таких случаях время начала и окончания производства определенных форм тарной керамики в разных центрах совпадать не будет.

В результате точность датировок отдельных типов амфор укладывается в пределы столетия¹⁴. Нередко такие датировки базируются просто на личном мнении исследователя. Например, А.В. Сазанов датирует одну из фаз эволюции амфор триллийской группы, которую он именует вследствие не критичного прочтения зарубежных публикаций «тип Günsenin III», XII — первой третью XIII в.¹⁵ и полагает, что находки второй половины XIII в. объясняются пережиточным сохранением амфор в быту. Из публикации не ясно, чем обусловлена столь курьезная датировка, однако она свидетельствует, что ее автор вовсе не знаком с золотоордынскими материалами, среди которых амфоры, которые формально можно отнести к типу Günsenin III, хотя и не часты, но встречены не только в крупных городских центрах типа Азака, Маджара, Сарая и Укека, но даже на сельских поселениях округа Укека¹⁶. В Азаке встречено несколько фрагментированных экземпляров. Ни на одном из этих золотоордынских памятников нет домонгольских напластований, откуда теоретически могли бы попасть фрагменты этой группы амфор.

Очевидный способ решения данной проблемы — привлечение материалов поселений с особыми условиями накопления находок: 1) памятники, на которых отдельные прослойки формировались в короткие сроки; 2) поселения, существовавшие непродолжительное время; 3) памятники с большим числом закрытых комплексов.

¹³ Майко В.В. Византийские амфоры Сугдеи середины X–XII вв. как исторический источник // Античная древность и средние века. 2018. Вып. 46. С. 134–150 (здесь: С. 142–146).

¹⁴ См.: Günsenin N. La typologie... P. 96, 98, 101, 107; Todorova E.P. Byzantine amphorae... P. 20.

¹⁵ Сазанов А.В. Византийские амфоры: проблемы типологии, хронологии, локализации мест производства // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Материалы Всероссийской научной конференции. Севастополь, 25–29 сентября 2022 г. Симферполь: Антиква, 2022. С. 154–161 (здесь: С. 158).

¹⁶ Недашковский Л.Ф. Исследования Багаевского селища // Ученые записки Казанского университета. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 7–19 (здесь: С. 9, 11, 16).

Первый тип памятников представлен Новгородом. Его материалы уже были продуктивно использованы¹⁷, хотя за прошедшие десятилетия наверняка накопился новый материал, нуждающийся в анализе. Состязаться в точности датировок с ними в настоящее время невозможно. Третий тип памятников на настоящее время для домонгольского времени неизвестен. Для периода Золотой Орды эталоном такого рода является Азак.

В данных заметках мы рассмотрим материалы нескольких поселений второго типа, расположенных в дельте р. Дон. Этот район невозможно было обойти стороной при движении по Донскому торговому пути и поэтому, хотя бы и в единичных находках, здесь представлены все разновидности тарной керамики Причерноморья за два тысячелетия. Помимо амфор необходимо рассмотреть и другие виды тарной керамики византийского происхождения.

Закономерности поступления керамической тары в этот район можно экстраполировать и на другие регионы Северного Причерноморья и, в частности, Крым. В дальнейшем следует все же попытаться выделить памятники с кратким периодом обитания и на территории Крыма, хотя это представляется нелегкой задачей.

Для периода от конца существования салтово-маяцкой культуры до монгольского завоевания (середина X — первая треть XIII вв.) выделяется три группы памятников. Материалы этих слабо изученных и в настоящее время сильно разрушенных памятников введены в научный оборот слабо¹⁸.

Первая группа памятников представлена местонахождениями к западу от хутора Рогожкино в районе ерика Переволочный. Этот участок расположен в центральной части сильно заболоченной и пересеченной дельты Дона. Ни на одном из указанных местонахождений не было сделано даже полноценных сборов и известны они по случайным находкам, переданным местными рыбаками. Возможно все они происходят из одного памятника, на котором была собрана небольшая коллекция. Она целиком состоит из фрагментов кувшинов «тмутараканского типа» (Рис. 1; 9, 1).

Единичные находки кувшинов «тмутараканского типа» встречены также на Новомаргаритовском поселении на берегу Таганрогского залива. Никакой специфики в находках из дельты Дона не прослежено. Отметим только фрагмент с черными потеками, которые перекрывают друг друга (Рис. 9, 1), т. е. данный кувшин использовался для хранения нефти неоднократно. В плане же наблюдений за хронологией поступления кувшинов этого типа важно отметить, что за возможными единичными исключениями они не встречены на памятниках с фрагментами амфор крымского производства времен существования салтово-маяцкой культуры, которых в низовьях Дона и Северо-Восточном Приазовье фантастически много. В силу этого маловероятным представляется их совместное бытование и на других территориях. Относительно верхней хронологиче-

¹⁷ Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого... С. 90–103.

¹⁸ См.: Гадло А.В. Поселение XI–XII вв. в дельте Дона // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1964. Вып. 99. С. 40–45; Волков И.В. Поселения Приазовья в XII–XIII веках // Русь в XIII веке. Древности темного времени / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 108–130 (здесь: С. 111–113).

ской границы периода их производства материалы рассматриваемого микрорегиона информации не дают.

В целом в научной литературе их датируют второй половиной IX — первой половиной XI вв. хотя наибольший период их распространения приходится на X в.¹⁹ Преобладание кувшинов тмутараканского типа среди всех прочих групп керамики, судя по Саркелу (Белой Веже), приходится на вторую половину X — начало XI вв.²⁰ Они встречаются с ранними разновидностями триллийских амфор²¹. Для поздних вариантов кувшинов выделяются следующие признаки: более вытянутый корпус, меньший диаметр дна и более широкое горло. Венчик имеет диаметр 10–12 см²². Исходя из этих признаков, находки с Переволочного Ерика относятся к поздним разновидностям типа и их следовало бы датировать второй половиной X — первой половиной XI вв. Такая датировка не выглядит неправдоподобной, но вместе с тем она представляется несколько умозрительной и поэтому неокончательной.

Данный вид керамической тары производился в целом ряде центров с весьма неодинаковыми технологическими традициями. В частности, есть немало число кувшинов, изготовленных путем ленточного налёпа. Пока не проведено исследование, в рамках которого были бы описаны признаки продукции всех центров, которые производили эти сосуды, данный таксон во многом остается неоднозначным. Говорить о единых хронологических рамках бытования этого вида керамической тары на настоящее время представляется преждевременным.

Находки из дельты Дона относятся к продукции одного гончарного центра. Они имеют оранжевый цвет черепка и примесь разноцветного остроугольного песка, наиболее крупной фракцией которого являются частицы черного цвета.

Второй хронологический горизонт представлен двумя неравными группами поселений. Первую из них составляет единственное поселение Рогожкино XII, где средневековые материалы являются вкраплением на позднеантичном памятнике, который и изучался В.В. Чалым в 1983 г. Здесь было исследовано жилище и несколько хозяйственных ям средневекового периода. К сожалению, состояние документации оставляет желать лучшего, а полной статистики по изученным объектам не сохранилось. В настоящее время памятник застроен капитальны-

¹⁹ См.: *Якобсон А.Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики / Под ред. П.А. Раппопорта. Л.: Наука, 1979. С. 32–33; *Плетнева С.А.* Саркел и «шелковый путь». Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. С. 12; *Майко В.В.* Судея во второй половине X — начале XI вв. // Сугдейский сборник. Вып. 1. Киев; Судак: Академперіодика, 2004. С. 201–244 (здесь: С. 226).

²⁰ См.: *Плетнева С.А.* Керамика Саркела-Белой Вежи // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 75. С. 212–272 (здесь: С. 249); *Артамонова О.А., Плетнева С.А.* Стратиграфические исследования Саркела-Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. 1998. Вып. 6. С. 539–624 (здесь: С. 580, 601).

²¹ *Зеленко С.М.* Кораблекрушения IX–XI вв. в Судакской бухте // Морская торговля в Северном Причерноморье / Под ред. О.О. Паршина. Киев: Стило, 2001. С. 82–92 (здесь: С. 84).

²² *Плетнева С.А.* Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Издательство Академии наук, 1963. С. 5–72 (здесь: С. 54).

ми коттеджами. Поселение, судя по бытовой керамике, принадлежало тюрмакогузам. Амфорная керамика составляет здесь всего около 5% (около 30 обломков). Помимо этого здесь же встречены круговая сероглиняная керамика, фрагменты русских горшков и фрагмент византийской поливной чаши.

Большую часть амфорной керамики составляют фрагменты амфор триллийской группы (Рис. 2, 1–2, 6–7), а амфоры трапезундской группы представлены 1–2 фрагментами. Однако поскольку материалы брались в коллекцию выборочно, подобный состав может быть всего лишь следствием субъективного отбора автора отчета. Это доказывает и находка фрагмента амфоры группы клейма SSS (Рис. 6, 1), который В.В. Чалым не был отнесен к числу средневековых.

С поселения Рогожкино XII происходит единственный идентифицированный в дельте Дона фрагмент ранней разновидности триллийских амфор (Рис. 2, 1) с воротничковым венчиком. Судя по находкам из Великого Новгорода исчезновение этого типа происходит в конце третьей четверти XI в.²³ Остальные фрагменты относятся к разновидности с высоко поднятыми ручками, которая появляется спустя несколько десятилетий²⁴. В коллекции сохранилось примерно 25 фрагментов. Из них 20 ручек и горл и 5 днищ. Все амфоры относятся к разновидности с коротким венчиком, отогнутым наружу (Рис. 2, 6, 7). Присутствие среди небольшой выборки столь разновременных находок указывает на длительный период обитания данного поселка, который возникает еще в третьей четверти XI в. и еще существует тогда, когда в дельте возникают поселения нового типа.

Наибольший объем материалов получен с поселений «Петровский. Пост № 2» и Казачий Ерик. Встречены сосуды этого периода также на многослойных средневековых поселениях Донской и Узьяк. На первом памятнике доля амфор составляет около 95%, на втором — около 70% всей керамики. Первое известно исключительно по сборам, на Казачьем Ерике трижды проводились археологические раскопки, но основная часть материалов также происходит из сборов. Всего на данных памятниках отмечено 7 групп тарной керамики византийского происхождения. Если на поселении «Петровский. Пост № 2» встречены единичные находки золотоордынского времени, то Казачий Ерик был обитаем только в домонгольский период. Для него датировка в пределах XII в. подтверждена и другими категориями находок²⁵.

Наиболее примечательны амфоры триллийской группы с высоко поднятыми ручками (Рис. 2, 3–4, 8–10; 3–4; 9, 2–3). Новгородские материалы позволяют датировать их XII в., исключая его самое начало, и ограничивают период их поступления самым началом XIII в.²⁶ Согласно наиболее распространенной зарубежной классификации, тип Günsenin III датируется XII–XIV вв.²⁷ В зо-

²³ Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого... С. 93–94. Рис. 2.

²⁴ Там же. С. 94. Рис. 2.

²⁵ Волков И.В. Поселения Приазовья... С. 111.

²⁶ Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого... С. 94. Рис. 2.

²⁷ Günsenin N. La typologie... P. 100–102.

лотоордынский период на территорию Восточной Европы начинает поступать близкая, но все-таки отличимая разновидность данного типа амфор.

Керамика данной группы обладает хорошо определяемыми признаками. Сосуды вытянуты из глины с небольшой примесью шамота и органики. В разновидностях амфор, встреченных на поселениях типа Казачий Ерик, глина ручек и вытянутого отдельно горла отличается от глины остальной части сосуда намного большей примесью органики в формовочной массе. Очень характерны и другие признаки, которые позволяют опознать даже небольшие фрагменты сосудов. Черепок очень часто имеет сиреневый оттенок, а поверхность зеленоватого цвета. Фактура черепка комковатая, с разрывами, что очень часто ведет к его расслаиванию. Это наиболее многочисленная группа на всех поселениях этого периода. На поселении «Петровский» они составляют порядка 90% всех находок. На самом Казачьем Ерике ее около 65%. Поскольку большая часть находок сильно фрагментирована, типология полной считаться не может. Два экземпляра (один без ручек и дна) выловлены рыбаками у хутора Петровского (Рис. 4, 1–2): они вполне обычны и находят массу аналогий.

Третий экземпляр происходит из раскопок 1964 г., и хотя он был опубликован²⁸, внимания не привлек: вероятно, в силу низкого качества фотографии и отсутствия его описания в тексте. Сосуд имеет грушевидное тулово и покрыт врезными желобками, отличающимися по характеру на верхней и нижней части корпуса (Рис. 4, 3; 9, 3). Рифление выделяет этот сосуд среди всех других изделий группы. Особенно примечательны желобки на придонной части сосуда, которые явно имитировали рифление на нижней части трапезундских амфор (Рис. 9, 3). Формально его следовало бы отнести к типу Günsenin IV или придумать некий гибридный тип Günsenin III–IV. При этом разновидности такого типа нужно было бы датировать уже XIII–XIV вв. Между тем без всякого химического анализа очевидно, что эта амфора произведена в той же мастерской, что и все остальные амфоры группы. В очередной раз морфологические сходства и различия оказываются обманчивыми.

Выделяется два варианта профилировки венчика: первый — верхняя часть горла с венчиком образует воронковидное расширение (Рис. 2, 5, 10; 3, 1–2); второй — наружу отогнут короткий несколько утолщенный венчик (Рис. 2, 8, 9; 4, 2). Существует также и два варианта рифления стенок: первый — желобки и валики крупнее и имеют более округлые контуры; второй — желобки очень мелкие и угловатого контура. При этом первый тип профилировки венчика сочетается с первым вариантом рифления стенок. На амфорах достаточно часто встречаются граффити (Рис. 3, 3; 4, 1, 3), среди которых есть буквенные. Обе встреченные разновидности амфор по материалам Новгорода датируются периодом от 30-х гг. XII в. до 1204 г.²⁹ При этом, первый вариант более ранний и относится к первой половине XII в. Данная группа керамики многократно описана и очень многочисленна на памятниках не только Причерноморья, но и Руси³⁰.

²⁸ Гадло А.В. Поселение XI–XII вв... Рис. 18, 2.

²⁹ Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого... С. 94.

³⁰ См.: Якобсон А.Л. Керамика и керамическое... Рис. 68; Волков И.В. О происхождении и эволю-

Относительно места производства амфор этой группы было высказано три предположения. Первое из них было обосновано И.В. Волковым, который предположил, что эти амфоры следует связывать с упоминаемым вывозом вина из порта Триллия на южном берегу Мраморного моря³¹. Второе предположение о производстве этих амфор в районе Трапезунда было аргументировано В.В. Булгаковым³². В настоящее время в зарубежной литературе активно продвигается точка зрения о производстве этих амфор на острове Эвбея в районе Халкиды³³. Горячим сторонником этой гипотезы среди российских исследователей является А.В. Сазанов³⁴. Возможно этим объясняется предложенная им странная датировка данного типа амфор. Однако внимательное прочтение работ международной группы исследователей, занимающихся изучением гончарного центра, исследованного в Халкиде, заставляет относиться к этому варианту локализации несколько скептически. Дело в том, что здесь засвидетельствовано только производство поливной керамики. Предположение об изготовлении здесь амфор опирается на сравнительные анализы глин поливных чаш и амфор с составом местных глинищ. При этом о находках бракованных экземпляров амфор или об особом печном припасе информации не представлено.

Для проверки предложенных локализаций производства данной группы керамической тары можно выдвинуть проверяемые гипотезы. Производство амфор на Эвбее, принимая во внимание местоположение региона, развитие в это время морской торговли и заслуженную славу греческих вин, которые ценились выше вин Западного Средиземноморья, должно было бы привести к распространению амфор как в восточном, так и в западном направлении. Халкида должна была бы располагаться близко к центру ареала распространения этих амфор. Между тем, Эвбея сдвинута на его западную периферию. Большая часть находок происходит из Причерноморья и Восточной Европы, а в Западном Средиземноморье они встречены только в Отранто³⁵. Такая география распространения амфор делает их производство в Халкиде крайне маловероятным, если не брать недоказуемого предположения, что подобные амфоры из однотипных глин производили в разных регионах византийского мира. Также не объясняет предположение о производстве амфор в Халкиде и хронологию их бытования.

ции... С. 150, 153. Рис. 5, 4, 5; Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов... Таб. 43, 44; Коваль В.Ю. Амфоры византийского культурного круга... С. 347; Коваль В.Г. Керамика Востока на Руси IX–XVII веков / Отв. ред. Л.А. Беляев. М.: Наука, 2010. С. 159. Рис. 56.

³¹ Волков И.В. О происхождении... С. 150, 153. Рис. 5; Он же. Амфоры Новгорода Великого... С. 93–95. Рис. 2.

³² Булгаков В.В. Метки-дипинто византийских амфор XI в. // Морская торговля в Северном Причерноморье. Киев: Стило, 2001. С. 163–165 (здесь: С. 163–164).

³³ См.: Waksman S.Y., Skartsis S.S., Kontogiannis N.D., Vaxevanis G. The Main «Middle Byzantine Production» and Pottery Manufacture in Thebes and Chalcis // Annual of the British School at Athens. 2014. Vol. 109. P. 379–422; Waksman S.Y., Skartsis S.S., Kontogiannis N.D., Todorova E.P., Vaxevanis G. Investigating the Origins of Two Main Types of Middle and Late Byzantine Amphorae // Journal of Archaeological Science: Reports 21 (2018). P. 1111–1121.

³⁴ Сазанов А.В. Византийские амфоры... С. 158–159.

³⁵ Günsenin N. La typologie... P. 102.

Недавно была предпринята попытка оспорить хронологию, установленную И.В. Волковым по материалам Новгорода³⁶. На основании распределения амфорных находок в культурных напластованиях Переяславля Рязанского и Рязани был сделан вывод о поступлении амфор «триллийской» группы на территорию Рязанского княжества вплоть до монгольского нашествия. Исследование основано на скрупулезных подсчетах и снабжено графиком, но вывод вызывает обоснованные сомнения, поскольку точность датировки отдельных пластов культурного слоя средневекового города, накапливавшегося много столетий, имеет свои пределы. В противном случае, уже бы давно исследователи смогли согласовать свои хронологические наблюдения с точностью до десятилетия.

Можно констатировать, что в поступлении амфор данного типа в Восточную Европу в XIII в. наблюдается длительный перерыв. Между тем исследователи гончарного центра в Халкиде подчеркивают преемственность производственных традиций после латинского завоевания. Следовательно, признание данной локализации перерыв в поступлении амфор объяснить не может. В случае, если эти амфоры производили в Никее-Триллии, они должны были бы исчезать в начале второй четверти XIV в. после османского завоевания этого региона. И это действительно подтверждается находками из закрытых комплексов золотоордынского Азака. Прекращение поступления амфор этой группы именно в этот момент также говорит против локализации их производства в Трапезунде. Поэтому предположение о производстве этих амфор неподалеку от Триллии на настоящий момент выглядит наиболее обоснованным.

Амфоры «трапезундской» группы (Рис. 5, 8), широко известные в литературе также как амфоры с дуговидными ручками, упоминаются практически в любой работе, посвященной археологии Причерноморья XII–XIV вв. Нужно подчеркнуть, что группа амфор не тождественна выделяемому типу Günsenin IV³⁷, поскольку к нему на практике могут быть отнесены изделия любого центра, вплоть до продукции городов Золотой Орды. Формовочная масса содержит большую примесь остроугольных зерен песка и чешуек слюды: она достаточно специфична. Благодаря этому могут быть опознаны самые мелкие фрагменты стенок. На поселении Казачий Ерик встречена разновидность амфор, датирующаяся XII — началом XIII в. Отличительной технологической особенностью амфор этого хронологического периода является сборка сосуда из трех отдельно изготовленных частей³⁸. Причем верхний стыковочный шов располагался на уровне несколько выше места максимального диаметра (Рис. 5, 1–2; 8, 3–4). Для увеличения толщины дна с внутренней стороны и заделки трещин использовалась глина с примесью навоза (Рис. 8, 1).

Несмотря на то, что амфорам данной группы посвящена серия работ И.В. Волкова, в которых сделана попытка создания максимально дробной хронологии, основанной на изменениях в технологии, следует учитывать, что мелкие фрагменты датироваться точно не будут никогда. Следовательно, для мно-

³⁶ Коваль В.Ю. Византийские амфоры в Переяславле Рязанском // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2016. Вып. 245. С. 117–130 (здесь: С. 125–127).

³⁷ Günsenin N. La typologie... P. 102–108.

³⁸ Волков И.В. О происхождении... С. 147; Он же. Поливная керамика... С. 129. Рис. 9.

гослоинных памятников численность амфор этой группы, для данного отрезка, установить затруднительно. Единственной достоверной цифрой являются данные по Казачьему Ерику. Здесь амфоры этой группы составляют около 10% всего комплекса.

Здесь следует сказать два слова о поступлении амфор двух вышеупомянутых групп кочевникам в прилегающие к дельте Дона районы. Единичные фрагменты трилийских амфор встречаются регулярно в ходе сборов как на водоразделах, так и на крае надпойменных террас. Фрагментированные развалы встречены в тризнах половецких святилищ. Две фрагментированные трапезундские амфоры встречены в курганных насыпях³⁹. Одна из них происходит из половецкого святилища к югу от р. Кагальник, другая — с тризны печенежского погребения. Учитывая особенности быта поздних кочевников, можно говорить о значительном объеме поступления к ним византийских вин.

Три других группы византийских амфор представлены единичными находками. Желтоглиняные небольшие сосуды с верхними прилепами ручек к середине низкого горла (Рис. 6, 4–5). На Казачьем Ерике найдено всего два определенных профильных фрагмента. Ручки — уплощенные, отходят от верхнего прилепа горизонтально. Верхняя часть горла воронкообразно расширяется. Стенки покрыты глубоким равномерным рифлением. Формовочные массы насыщены хорошо заметными мельчайшими слюдистыми блестками. Черепок имеет светло-желтый или светло-бежевый окрас. Амфоры этой группы в домонгольское время поступали на территорию Древней Руси⁴⁰. Здесь они составляют 2–5% находок амфор. В домонгольское время они отмечены и в Крыму⁴¹. В это время сосуды имели острое дно. Ввоз их никогда не был массовым.

И.В. Волковым было высказано чисто гипотетическое предположение об их производстве на о. Хиос⁴². Оно не встретило возражений, но скорее потому, что данных для определения места производства этой группы амфор явно недостаточно. Других даже гипотетических предположений о месте их производства не предлагалось.

На внутренней стороне всех амфор из кораблекрушения в бухте Судак-Лимен встречен смолообразный осадок коричневого цвета⁴³. По мнению С.М. Зеленко это указывает на перевозку в амфорах оливкового масла. Данная мысль представляется разумной, но ее можно было бы дополнить химическим анализом осадка.

Амфоры группы клейма SSS (Рис. 6, 1–2). На поселении Казачий Ерик встречено всего два фрагмента, один из которых является придонной частью. Тем не менее, существенным представляется то, что все три находки XII в. из

³⁹ Гончаров М.Ю., Масловский А.Н. Погребение печенег из кургана № 1 курганный группы Зеленый-IV // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 г. Вып. 29. Азов: Азовский музей-заповедник, 2016. С. 332–341.

⁴⁰ См.: Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого... С. 97. Рис. 5; Коваль В.Г. Керамика Востока... С. 160–162. Рис. 52, 5; 55, 3–10.

⁴¹ Мыц А.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. / Отв. ред. Г.Ю. Ивакин. Киев: Наукова думка, 1991. С. 97. Рис. 34, 4–5.

⁴² Волков И.В. Амфоры Новгорода... С. 97.

⁴³ Зеленко С.М. Итоги... С. 228.

дельты Дона принадлежат различным подгруппам, более характерным для середины XIII в. Группа получила название по единственному известному клейму из раскопок Новгорода и была выделена И.В. Волковым в материалах поселений Приазовья⁴⁴, Новгорода⁴⁵ и Восточной Европы в целом⁴⁶. Им же было обосновано производство этих амфор на территории Палестины⁴⁷.

В.В. Булгаковым на основании анализа распространения находок XII в. была выдвинута альтернативная гипотеза о производстве таких амфор в Фессалонике⁴⁸. Одним из авторов данной статьи предложено еще одно определение места производства амфор группы клейма SSS в районе, входившем в первой половине XIII в. в сферу экономического влияния Трапезундской империи, где проживало армянское население⁴⁹. Таким регионом могла быть Западная Грузия.

По более осторожному предположению В.Ю. Коваля, этот производственный центр мог размещаться и в Средиземноморье: например, в Киликии или другой области со значительной долей армянского населения⁵⁰. Свою лепту в дискуссию внес и Р.В. Прокофьев⁵¹. Им была отмечена возможность прочтения клейма SSS как греческих букв и приведены примеры из средневековой греческой эпиграфики. Высказано мнение, отрицающее само выделение этой группы амфор⁵².

Последняя группа амфор, встреченных на поселениях Казачий Ерик и «Петровский. Пост № 2» в научной литературе, кажется, еще не была отмечена и представлена большей частью стенками. Тем не менее, обломки являются очень характерными и не могут быть спутаны с другими группами керамики. Формовочные массы насыщены смесью минеральных частиц размерами в несколько миллиметров, пластинчатых по структуре, включая слюду. Ручка округлая в сечении (Рис. 7, 14; 9, 4). Тулово покрыто широким мягким рифлением. Условно назовем эту группу темно-коричневыми амфорами с пластинчатыми минералами в формовочной массе.

Помимо амфор, на поселения донской дельты поступали единичные пифосы (Рис. 7, 13).

Последняя группа тарной керамики на поселении Казачий Ерик — крупные красноглиняные тарные кувшины (Рис. 6, 6, 7, 9, 10; 7, 1–12; 10). Это единственная группа тарной керамики, поступавшей в устье Дона с террито-

⁴⁴ Волков И.В. Импорт из Святой земли? (Амфоры группы клейма SSS в северном Причерноморье и городах Древней Руси) // Проблемы истории (Тезисы докладов научной конференции). Ростов-на-Дону: РГУ, 1994. С. 3–8

⁴⁵ Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого... С. 95–96. Рис. 4.

⁴⁶ Волков И.В. О происхождении... С. 135–144.

⁴⁷ Там же. С. 140–144.

⁴⁸ Булгаков В.В. Византийские амфоры... URL: <http://archaeology.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm>. Дата обращения: 04.12.2024.

⁴⁹ Масловский А.Н. Керамический комплекс... С. 445–446.

⁵⁰ Коваль В.Ю. Керамика Востока... С. 162.

⁵¹ Прокофьев Р.В. Древнерусское поселение в устье р. Лихая у г. Белая Калитва Ростовской области // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции 15–18 ноября 2016 года. Элиста: Изд-во Калмыцкого Университета, 2016. С. 262–267 (здесь: С. 263).

⁵² Майко В.В., Василенко Д.Э., Соков П.В., Тищенко И.Б. Материалы к типологии... С. 335.

рии Крыма. Сосуды изготовлены при помощи жгутового налепа на этапе РФК-2–3⁵³. Незаглаженные места спая жгутов фиксируются даже на средней части горла (Рис. 10, 1–3). На некоторых образцах слабо заметны и следы машинного заглаживания внешней поверхности. На внутренней стороне иногда видны следы выколотки.

По числу находок на Казачьем Ерике группа примерно равна трапезундским амфорам. Формовочные массы очень однородны и пластичны. Никаких искусственных примесей они не содержат. Имеется небольшая естественная примесь известковых частиц, частично выгорающих. При этом образуются округлые поры с белесым ореолом. Обжиг сквозной, кирпично-красного цвета. Характерной особенностью обжига является высветленная внешняя поверхность, которая иногда приобретает белый цвет (Рис. 10, 3). Это может быть воспринято как белый ангоб. Тарные кувшины относятся к одному типу. Горло узкое, короткое. Диаметр венчика около 8,0–8,5 см. Верхний прилеп ручки расположен на средней части горла. Ручка массивная, короткая, слабо изогнутая. Дополнительный жгут глины на нижнем прилепе отсутствует. Плечико широкое, короткое. На нижней части горла и плече имеется врезной орнамент (Рис. 6, 10; 7, 7–9) в виде короткой асимметричной волнистой линии или волнистых линий между прямыми. Помимо тарных кувшинов, единственная находка данной группы керамики на Казачьем Ерике — фрагмент кувшина меньшего размера с прилепом ручки к венчику (Рис. 6, 8). Кроме поселения Казачий Ерик эта группа керамики встречена на территории Нижнего Подонья на маленьком сельском поселении Тузлов-1, исследованном в 2006 г. на донском правобережье. Место производства группы можно локализовать на территории юго-западной части Византийской Таврики за пределами собственно Херсонеса и вне пределов Восточного Крыма.

В заключении отметим, что для периода от конца существования салтовомаяцкой культуры и до монгольского завоевания (середины X — первой трети XIII вв.) удалось выделить на основании изучения материального комплекса сельских поселений Северо-Восточного Причерноморья восемь различных групп тарных сосудов византийского происхождения: кувшины «тмутараканского типа», амфоры «триллийской» группы, амфоры «трапезундской» группы, желто-глиняные небольшие амфоры с верхними прилепами ручек к середине низкого горла, амфоры «группы клейма SSS», группу темно-коричневых амфор с пластинчатыми минералами в формовочной массе, красноглиняные пифосы и тарные красноглиняные кувшины крымского производства.

Список литературы

Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // Античная древность и средние века. 1971. Вып. 7. С. 81–101.

⁵³ Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы... С. 28, 42–51.

- Артамонова О.А., Плетнева С.А. Стратиграфические исследования Саркела-Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. 1998. Вып. 6. С. 539–624.
- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978.
- Бочаров С.Г., Коваль В.Ю., Масловский А.Н., Ситдилов А.Г., Френкель Я.В. Использование естественно-научных методов в изучении средневековой поливной керамики (на примере средневековой посуды Юго-Восточного Крыма) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2013. С. 65–70.
- Булгаков В.В. Византийские амфоры IX–XIV вв.: основные типы // Восточноевропейский археологический журнал. 2000. № 4 (5). URL: <http://archaeology.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm>.
- Булгаков В.В. Метки-дипинто византийских амфор XI в. // Морская торговля в Северном Причерноморье. Киев: Стилос, 2001. С. 163–165.
- Волков И.В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 10. Новгород, 1996. С. 90–103.
- Волков И.В. Импорт из Святой земли? (Амфоры группы клейма SSS в северном Причерноморье и городах Древней Руси) // Проблемы истории (Тезисы докладов научной конференции). Ростов-на-Дону: РГУ, 1994. С. 3–8.
- Волков И.В. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // Северное Причерноморье и Поволжье о взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI вв. / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1989. С. 85–100.
- Волков И.В. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Морская торговля в Северном Причерноморье. Киев, 2001.
- Волков И.В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности / Под ред. В.Я. Кияшко. В.Е. Максименко. Вып. 1. Азов, 1993. С. 143–157.
- Волков И.В. Поливная керамика комплекса Кабарди (1240–1260) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв.: Сборник научных трудов / Под ред. С.Г. Бочарова, В.Л. Мыца. Т. 1. Киев: Стилос, 2005. С. 122–159.
- Волков И.В. Поселения Приазовья в XII–XIII веках // Русь в XIII веке. Древности темного времени / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 108–130.
- Гадло А.В. Поселение XI–XII вв. в дельте Дона // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1964. Вып. 99. С. 40–45.
- Гинькут Н.В., Лебединский В.В. «Воротничковые амфоры» Типа Günsenin II с затонувшего корабля близ Балаклавы византийского корабля // Античная древность и средние века. 2018. Вып. 46. С. 151–165.
- Гончаров М.Ю., Масловский А.Н. Погребение печенег из кургана № 1 курганный группы Зеленый-IV // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2013–2014 г. Вып. 29. Азов: Азовский музей-заповедник, 2016. С. 332–341.
- Зеленко С.М. Кораблекрушения IX–XI вв. в Судакской бухте // Морская торговля в Северном Причерноморье / Под ред. О.О. Паршина. Киев: Стилос, 2001. С. 82–92.
- Коваль В.Г. Керамика Востока на Руси IX–XVII веков / Отв. ред. Л.А. Беляев. М.: Наука, 2010.
- Коваль В.Ю. Византийские амфоры в Переяславле Рязанском // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2016. Вып. 245. С. 117–130.

- Майко В.В. Византийские амфоры Сугдеи середины X–XII вв. как исторический источник // *Античная древность и средние века*. 2018. Вып. 46. С. 134–150.
- Майко В.В. Сугдея во второй половине X — начале XI вв. // *Сугдейский сборник*. Вып. 1. Киев; Судак: Академперіодика, 2004. С. 201–244.
- Майко В.В., Василенко Д.Э., Соков П.В., Тищенко И.Б. Материалы к типологии, хронологии и клеймлению некоторых типов византийских амфор XIII–XIV вв. (по материалам Восточного Крыма и западного Закубанья) // *Боспорские исследования*. 2014. Вып. 30. С. 329–343.
- Мыц А.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. / Отв. ред. Г.Ю. Ивакин. Киев: Наукова думка, 1991.
- Недашковский Л.Ф. Исследования Багаевского селища // *Ученые записки Казанского университета*. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 7–19.
- Плетнева С.А. Керамика Саркела-Белой Вежи // *Материалы и исследования по археологии СССР*. 1959. № 75. С. 212–272.
- Плетнева С.А. Саркел и «шелковый путь». Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996.
- Плетнева С.А. Средневековая керамика Таманского городища // *Керамика и стекло древней Тмутаракани* / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Издательство Академии наук, 1963. С. 5–72.
- Прокофьев Р.В. Древнерусское поселение в устье р. Лихая у г. Белая Калитва Ростовской области // *Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции 15–18 ноября 2016 года*. Элиста: Изд-во Калмыцкого Университета, 2016. С. 262–267.
- Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1995.
- Сазанов А.В. Византийские амфоры: проблемы типологии, хронологии, локализации мест производства // *История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Материалы Всероссийской научной конференции*. Севастополь, 25–29 сентября 2022 г. Симферполь: Антиква, 2022. С. 154–161.
- Тесленко И.Б. Керамика Крыма XV века. Киев: ИА НАН Украины, 2021.
- Якобсон А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики / Под ред. П.А. Раппопорта. Л.: Наука, 1979. С. 32–33.
- Якобсон А.Л. Средневековые амфоры Северного Причерноморья (Опыт хронологической классификации) // *Советская археология*. 1951. Т. 15. С. 325–344.
- Günsenin N. La typologie des amphores Günsenin. Une mise au point nouvelle // *Anatolia Antiqua*. 2018. Т. 26. Р. 89–124.
- Todorova E.P. Byzantine Amphorae from Present-Day Bulgaria (7th–14th century AD) Summary of a PhD thesis. Sofia, 2012.
- Waksman S.Y., Skartsis S.S., Kontogiannis N.D., Todorova E.P., Vaxevanis G. Investigating the Origins of Two Main Types of Middle and Late Byzantine Amphorae // *Journal of Archaeological Science: Reports* 21 (2018). P. 1111–1121.
- Waksman S.Y., Skartsis S.S., Kontogiannis N.D., Vaxevanis G. The Main «Middle Byzantine Production» and Pottery Manufacture in Thebes and Chalcis // *Annual of the British School at Athens*. 2014. Vol. 109. P. 379–422.

BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2023. Т. 1

С. 82–91

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 1: 2023

P. 82–91

Научная статья

DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.04

К вопросу о стенописи главного храма Шулдана

Юрий Миронович МОГАРИЧЕВ¹⁻², Алена Сергеевна ЕРГИНА³

¹ доктор исторических наук; профессор; ведущий научный сотрудник; Институт археологии Крыма РАН;

² заведующий кафедрой социального и гуманитарного образования; Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования; ул. Ленина, д. 15, 295051 Симферополь; mogara@rambler.ru

³ кандидат искусствоведения; доцент; кафедра живописи Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А.Л. Штиглица; Соляной переулок, д. 13, 191028 Санкт-Петербург; yergina.alyna@gmail.com

Аннотация: Монастырь Шулдан в нынешнем виде сформировался в хронологическом промежутке 20-х гг. XV в. — 1475 г. Однако, возник он на месте более раннего, созданного, очевидно, не ранее XIII–XIV вв., а скорее всего, в XIV в. В главном храме на северной стене сохранились фрагменты стенописи, которая дошла к нам в крайне неудовлетворительном состоянии. Никто из путешественников и ученых не оставил зарисовок увиденной ими живописи, что, казалось бы, делает невозможной ее научный анализ. Однако, как нам представляется, одна копия изображений из шулданской церкви все же существует. Мы обратили внимание на один из рисунков монументальной живописи из «Неизданного альбома А.С. Уварова». В каталоге ГИМа он обозначен как «Фрагменты фресковой живописи пещерного храма» авторства М.Б. Вебеля. В верхней его части, несомненно, представлена копия изображений из эски-керменской церкви «Успения». Нижний же рисунок, вероятнее всего запечатлел остатки росписей Шулдана. Композиция соответствует описанию,

составленному Д.М. Струковым. На ней представлен наиболее распространенный тип изображения Богородицы — Одигитрия.

Ключевые слова: Византия, Крым, пещерные города, Шулдан, стенопись, А.С. Уваров.

Цитирование: Могаричев Ю.М., Ергина А.С. К вопросу о стенописи главного храма Шулдана // *Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований*. 2023. Т. 1. С. 82–91. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.04.

Original article

The Wall Painting of the Main Temple of Shuldan

Yuriy M. MOGARICHEV¹⁻², Alena S. ERGINA³

¹ Doctor of Sciences (History); Professor; Leading Researcher; Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences;

² Head of the Chair of Humanity and Social Science; Crimean Republican Institute for Post-Graduate Pedagogical Education; Lenin str. 15, 295000 Simferopol, Russian Federation; mogara@rambler.ru

³ Candidate of Sciences (Art History); Head of the Department of Postgraduate Studies; Associate Professor; Department of Painting; Saint Petersburg State Academy of Arts and Design named after A.L. Stieglitz; Solyanoy per. 13, 191028 St. Petersburg, Russian Federation; yergina.alyna@gmail.com

Abstract: Shuldan Monastery was formed in the chronological period from 1420 to 1475 in its present form. It arose on the site of an earlier one, created, obviously, not earlier than the 13th–14th centuries, but most likely in the 14th century. Fragments of the painting have been preserved in the Main Church on the northern wall. The paintings have survived to this day in an extremely unsatisfactory condition. None of the travelers and scholars left sketches of the picture they saw. This makes scientific analysis impossible. However, it seems to us that one copy of the images from the Shuldan church still exists. “Unreleased album by A.S. Uvarov” attracts attention, especially one of the drawings of monumental painting form. In the catalogue of the State Historical Museum, it is designated as “Fragments of fresco painting of a cave temple” by M.B. Webel. In its upper part, undoubtedly, a copy of the images from the Assumption Church of Eski-Kermen is presented. The lower drawing, most likely, depicts the remains of the Shuldan mural. It depicts the most common type of Mother of God — Hodegetria.

Key words: Byzantium, Crimea, cave cities, Shuldan, wall painting, A.S. Uvarov.

For citation: Mogarichev, Y.M., Ergina, A.S. “The Wall Painting of the Main Temple of Shuldan.” *Byzantinoturica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 1(2023). P. 82–91. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.04.

Монастырь Шулдан расположен к северу от села Терновка (Балаклавский район г. Севастополя) в обрывах скалы Шулдан, нависающей над Шульской долиной. Он состоит из двух пещерных храмов и сопутствующих им помещений

(кельи, хозяйственные и др.), общим числом до 20, которые расположены в два яруса (**рис. 1, 2, 3, 4**).

В 1848–1853 гг. внутренний вид Главного (Большого) шулданского храма по поручению А.С. Уварова зарисовал художник И.Н. Медведев (**рис. 5**). Это первое в историографии упоминание, соответственно и изображение, Шулдана. Данный рисунок вошел в так называемый «Неизданный альбом А.С. Уварова». Рассматриваемое изображение, в отличие от ряда иных рисунков «Альбома» (с которых были выполнены литографии), не было введено в научный оборот и долгое время оставалось вне поля зрения исследователей. Недавно оно было опубликовано на сайте Государственного Исторического музея (ГИМ). Правда, атрибутировали его там неверно — как зарисовку одного из пещерных храмов Тепе-Кермена¹. Заметим, в незаконченной и опубликованной в 2019 г. Ю.М. Могаричевым рукописи А.С. Уварова «От Днепра до Таврических гор», где присутствует обзор «пещерных городов» Таврики², информации о Шулдане нет. Однако, несомненно, исследователь знал этот памятник, и, судя по всему, планировал включить его в окончательный вариант своей работы.

В 1876 г. краткое описание монастыря и его главного храма опубликовал Д.М. Струков: «В скале близ селения Шули, в пятнадцати верстах от Инкермана, в вершине скалы иссечен ряд малых помещений, соединяющихся с храмом. Храм 6 арш. шириной и 10 арш. длины: над стенами иссечен свод; алтарь отделен от храма преградою, высотой 1 арш. 5 верш. С одним входом посередине, следов жертвенника не видно, но из алтаря есть выход к югу, в особое помещение, где у восточной стены в нише выдолблено помещение, высотой 1 арш. 5 верш., удобное служить жертвенником, куда есть еще отдельный выход из помещения комнат. Престол высотой 1 арш. 6 верш., шириною 14 верш., в верхней стороне углубление, удобное для вложения св. мощей; по сторонам престола по полукругу сопристалие, высотой 1 арш. 4 верш.: ниже — седалище для священнослужащих высотой 9 верш. На северной стене храма сохранилась фресковая живопись, изображающая Богоматерь с Предвечным младенцем и напоминающая икону, именуемую Ржевской, и двое святых во весь рост». Он привел и схематичный план алтарной части описанной им церкви³.

Памятник был обследован А.Л. Бертье-Делагардом. Архитектурные аналогии главному Шулданскому храму исследователь видел в «Храме с крещальней» в Инкермане, а малую церковь считал близкой к церкви скита у станции Инкерман 1⁴. Что касается сохранившихся на тот момент росписей, то ученый писал:

¹ *Медведев И.Н.* Тепе-Кермен // Изобразительные материалы к изданию «Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря, графа Алексея Уварова» (СПб., 1851–1853). МФ/2–2170. Номер ГИМ 105190/243. Номер ГК 17198714. // Электронный ресурс <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6236517?kit=625516286&index=12> (2 ноября 2022 г.).

² *Могаричев Ю.М.* «Пещерные города» Горной Юго-Западной Таврики в описании А.С. Уварова. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019.

³ *Струков Д.М.* Древние памятники христианства в Тавриде. М.: Университетская типография, 1876. С. 31.

⁴ *Бертье-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // *Бертье-Делагард А.Л.* Избранные труды по истории средневекового Крыма.

«в северной стене церкви, еще можно приметить следы живописи (кажется Богоматерь) масляной краской». Он также отметил на стене часовни наличие плохо различимых следов надгробных надписей, нанесенных красной краской⁵.

Археологически Шулдан был исследован в 1931–1933 гг. В.П. Бабенчиковым, который, в рамках Эски-Керменской экспедиции провел на памятнике зачистки монастырской церкви и ряда других скальных сооружений. Им было составлено подробное описание монастыря, в первую очередь главного храма, и выполнены архитектурные обмеры помещений⁶. На момент осмотра памятника: «живопись эта уничтожена «ямчугой». Рассмотреть что-либо нет никакой возможности: штукатурка исковыркана, побита, поцарапана, местами отслоилась, пошелушилась, а неосыпавшиеся части закопчены и покрыты черной плесенью. Само присутствие краски можно приметить с большим трудом. Относительно техники живописи приходится согласиться с Д.М. Струковым: живопись *al fresco*, а не «масляная», как полагал А.Л. Бертье-Делагард. При расчистке центральной части пещерного храма на полу, под слоем помета, был обнаружен слой штукатурки, обвалившейся с южной стены или с потолка. На обломках штукатурки хорошо сохранились следы краски, легко поддающейся анализу»⁷. Характер изображений Шулдана, по мнению В.П. Бабенчикова, аналогичен росписям храмов «Трех всадников» и «Успения» на Эски-Кермене⁸. Соответственно шулданские росписи следует датировать не позднее конца XII — начала XIII вв. Причем, по мнению исследователя, фрески в храме Шулдана имели несколько слоев⁹.

Заметим, что в 1933 г., по информации Ф.И. Шмита, памятник был осмотрен и участниками так называемой «советско-американской крымской экспедиции», проводившей работы в составе Эски-Керменской экспедиции ГАИМК¹⁰.

Сведения о монастыре, основанные на материалах В.П. Бабенчикова, приведены и в «Археологической карте» Н.И. Репникова¹¹. Касательно стенописи он заметил: «На северной стене храма жалкие фрагменты в рост, на синем фоне в обрамлении широкой красной каймы. Время стенописи XIII в.»¹².

Симферополь: Доля, 2012. С. 7–153 (здесь: С. 74–76). О «Храме с крещальной» см.: Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь: Таврия, 1997. С. 11–13; Он же. «Пещерные города»... С. 292–295. О пещерном храме напротив станции Инкерман I см.: Могаричев Ю.М. Пещерные церкви... С. 26.

⁵ Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений... С. 74–76.

⁶ Бабенчиков В.П. Пещерный комплекс Шулдана // Материалы Эски-Керменской экспедиции. Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. С. 88–101.

⁷ Там же. С. 95.

⁸ Об этих памятниках см.: Могаричев Ю.М., Ергина А.С. Монументальная живопись средневековой Таврики (пещерные церкви). Симферополь: ООО «Антиква», 2023. С. 72–91.

⁹ Бабенчиков В.П. Пещерный комплекс... С. 95.

¹⁰ Сыченко Л.А. «Памятник вскрыт интересный и ценный»: Эски-Керменские экспедиции 1930–1933 гг. Ф.И. Шмита // Материалы Эски-Керменской экспедиции. Т. 2. Симферополь: Антиква, 2022. С. 197–221 (здесь: С. 215).

¹¹ Репников Н.И. Материалы к Археологической карте Юго-Западного нагорья Крыма. Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 10. Д. 10. Л. 71–74.

¹² Там же. Л. 73.

Остатки росписей шулданского храма были проанализированы О.И. Домбровским в монографии «Фрески средневекового Крыма». Саму церковь исследователь по архитектурным особенностям датировал XII–XIII вв. Что касается стенописи, то ученый отмечал: «Судя по слабо сохранившимся остаткам росписи ... можно понять, что иконографическая схема была сложной и многоярусной. По-видимому, она содержала полный репертуар общепринятых изображений: от святителей внизу над скамьей горного места до изображения вседержателя на плафоне, напоминающем купол. Многочисленные обломки штукатурки с росписью, собранные внутри Шулданского храма при зачистках 1931–1933 гг., ... не помогают восполнить утрату его росписи. Куски фресок при раскопках были извлечены хаотично; это не позволяет их систематизировать и соединить»¹³.

Шулдан в ряде публикаций рассмотрел Ю.М. Могаричев¹⁴. По его мнению, в истории монастыря выделяются два строительных периода. Первоначальный христианский культовый комплекс в скале Шулдан мог возникнуть в XIII–XIV вв. Скорее всего он был небольших размеров. На месте современной церкви (главного храма) располагалась более ранняя с примыкающей к ней с юга крещальней. В период Феодоро, вероятнее не ранее 20-х гг. XV в., монастырь перестраивается, храм расширяется, появляется новый баптистерий. Учитывая пропорции храма (см. ниже), его архитектурную компактность и наличие горного места, монастырь в XV в., вероятно, был резиденцией Готского митрополита. По-видимому, в XV в. были созданы и большинство сохранившихся ныне монастырских помещений. С конца XV в., после захвата Крыма турками, Шулдан практически не функционировал, а его помещения использовались жителями соседней деревни для содержания скота.

По мнению Е.Н. Осауленко, росписи в Шулдане не могли появиться ранее конца XIV в. и обновлялись в XV в. Исследователь считает, что заказчики стенописи (та располагалась на северной стене храма) поручили художникам выполнить ее в традициях оформления центральной части алтарной преграды¹⁵.

Храмовый комплекс, в котором были выявлены росписи (церковь №1 или главный храм), находится в первом ярусе (первый ярус монастыря расположен в естественном гроте). Он состоит из собственно церкви, часовни и баптистерия (рис. 2, 3, 4)¹⁶. В плане церковь представляет собой вытянутый прямоугольник, перекрытый полуциркульным сводом. Алтарная часть подковообразной формы, размерами 3 × 2, 55 × 3, 65 м, приподнята над уровнем пола на 0,15 м.

¹³ Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1966. С. 51.

¹⁴ См.: Могаричев Ю.М. Пещерные церкви... С. 35–38; Он же. «Пещерные города»... С. 312–317, а также другие работы.

¹⁵ Осауленко Е. М. Збираючи мозаїку знюв: середньовічні фрески Кримської Готії // Collegium. 2008. № 24. С. 127–147.

¹⁶ Настоящее описание отражает ситуацию до возобновления служб в церкви в начале 2000-х гг. См.: Неделькин В.Е. Пещерный монастырь Шулдан в начале XXI в. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Нижневартовск, 2015. Вып. 7. С. 184–190 (здесь: С. 187–188).

Апсида отделялась от наоса алтарной преградой, вырубленной в скале, шириной 0,12 м и высотой 1,4 м. Та сохранилась фрагментарно, у стен на высоту 0,85 м. Над алтарной преградой просматриваются пазы для установки деревянного иконостаса, который достигал 2,5 м высоты. В полу имеются подрубки для установки царских врат. В полу апсиды вырублено прямоугольное углубление для престола, а в нем подрубка для вложения мощей. В основании стены апсиды, на высоте 1 м помещается двухступенчатый синтрон. В центре синтрона — горнее место и ниша для установки запрестольного образа. Наос прямоугольный, размерами 4 × 3, 3 × 3, 65 м. В северной стене вырублена скамья. На стыке последней с алтарной преградой высечена гробница в виде аркосолии 1,80 × 0,4 × 0,65 м, а под ней в полу могила. Наос от апсиды отделялся полуциркульной аркой. В южной стене имеется дверной проем на скальную площадку над обрывом, рядом с ним в стене ниша с окном, а под ней гробница. Всего на данной площадке три могилы. Над западной стеной высечена ниша для иконы. Вход в нартекс со стороны наоса плохо сохранился, его приблизительные размеры 2,6 × 3,2 × 2,6 м. Кроме этого из наоса имелись выходы на южную площадку и в часовню, расположенную к северу. В нартексе вдоль северной стены вырублена скамья, а в южной имелся выход на балкон, нависавший над обрывом. Как отмечалось, на северной стене храма фиксируются остатки росписи.

Часовня размерами 4,1 × 2,1 × 1,95 м, неправильной в плане формы расположена к северу от церкви. В нее вели два хода — арочный с запада (с нартекса) и уже упоминавшийся из наоса. Над первым вырублена ниша для установки иконы. В северной стене часовни расположена усыпальница, под ней в полу гробница.

Крещальня прямоугольная, с закруглением в восточной части, размерами 2,1 × 2,05 × 2 м. Арочный вход (1,95 × 0,73 м) с двумя ступенями вел из алтаря храма. В восточной стене расположена ниша, в основании которой вырублена купель, перекрывавшаяся деревянным щитом. В южной части на высоте 0,55 м вырублено окно (1,2 × 0,65 × 0,8 м). К западу от крещальни видны остатки какого-то помещения и вырубки — круглой ямы с прямоугольной подрубкой размерами 1,6 × 1,1 × 1,2 м. На последнем этапе жизни монастыря здесь совершались захоронения. Но на первом этапе, скорее всего, это первоначальный баптистерий.

Вероятно, как уже отмечалось, сохранившийся храм не был первоначальным, а возник на месте более раннего и меньшего по размерам. Его апсида очевидно, заканчивалась на линии современной алтарной преграды. Из алтаря имелся выход в древнюю крещальню. Затем церковь расширили и построили новый баптистерий.

Можно предполагать, что в нынешнем виде комплекс Шулдана сформировался в хронологическом промежутке 20-х гг. XV в. — 1475 г. Однако возник он на месте более раннего, созданного, очевидно, не ранее XIII–XIV вв., а скорее всего, в XIV в.

Что касается стенописи (она дошла к нам в крайне неудовлетворительном состоянии), то все исследователи локализуют ее исключительно на северной

стене храма, хотя, конечно, нельзя исключать, что ранее они могли быть и в апсиде.

Описание росписей авторства Е.Н. Осауленко противоречит информации более ранних исследователей. По мнению этого автора, на них был представлен поясной Деисус. Фигуры Христа, Девы Марии и Иоанна Предтечи помещены внутрь нарисованной аркады. По бокам каждой фигуры находилась пара круглых клейм под надписи. Ему удалось разглядеть фрагменты изображений Христа (от него сохранились остатки нимба, волос, лица и плеча) и Иоанна Крестителя. Рядом с головой Христа располагались поясные изображения меньшего размера — ангелы. От фигуры Иоанна Предтечи просматриваются фрагменты головы, лица, плеч и протянутой руки. Волосы этого святого падают на плечи двумя волнистыми линиями. У него низкий лоб, маленькие узкие глаза, большой и массивный нос с горбинкой¹⁷.

При этом, никто из путешественников и ученых не оставил зарисовок увиденной ими живописи, что, казалось бы, делает невозможной ее научный анализ.

Однако, как нам представляется, одна копия изображений из шулданской церкви все же существует. Мы обратили внимание на рисунки монументальной живописи из «Неизданного альбома А.С. Уварова». Как отмечалось, часть изображений, с которых были изготовлены литографии, давно известна исследователям, а несколько неизвестных ранее рисунков только недавно были опубликована на сайте ГИМа. В итоге выясняется, что по поручению А.С. Уварова, М.Б. Вебелем и И.Н. Медведевым были сделаны зарисовки интерьера и сняты копии изображений, следующих внутрискальных культовых памятников: церкви Южного монастыря (Мангуп)¹⁸; храмов «Успения», «Донаторов», «Трех всадников» (Эски-Кермен)¹⁹; церкви разрушенного при строительстве железной дороги в Севастополь во второй половине XIX в. скита в Георгиевской (Крымской) балке²⁰. Напомним, рисунок интерьера шулданского храма также был сделан.

Обращает на себя внимание один из листов (акварель) (рис. 6). В каталоге ГИМа он обозначен как «Фрагменты фресковой живописи пещерного храма» авторства М.Б. Вебеля²¹. В верхней его части, несомненно, представлена копия изображений из эски-керменской церкви «Успения». Нижний же рисунок, на первый взгляд, идентификации не поддается. Эта зарисовка не соответствует отображенной помощниками А.С. Уварова стенописи иных пещерных храмов, которая хорошо атрибутируется. Не похожа она и на не вошедшую в «Альбом»

¹⁷ Осауленко Е.М. Збираючи мозаїку... С. 33–34.

¹⁸ Могаричев Ю.М., Ергина А.С. Монументальная живопись... С. 197–198.

¹⁹ Там же. С. 239–240, 253–254, 264–265.

²⁰ Там же. С. 173–174.

²¹ Вебель М.Б. Фрагменты фресковой живописи пещерного храма. Бумага, акварель, тушь // Изобразительные материалы к изданию «Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря, графа Алексея Уварова» (СПб., 1851–1853). И/н. МФ/2–2181. Номер ГИМ 105190/254. Номер ГК 1719868. Электронный ресурс: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6237734?kit=625516286&index=23> (2 ноября 2022 г.).

живопись других скальных церквей: «Храма с крещальной», церкви «География (Евграфия)», базилики св. Георгия (Климента) (Инкерман): церкви на поляне Кильсе-Тубю (Мангуп).

При этом, рассматриваемый фрагмент вполне соответствует описанию росписей Шулдана, опубликованному Д.М. Струковым. Напомним: «На северной стене храма сохранилась фресковая живопись, изображающая Богоматерь с Предвечным младенцем и напоминающая икону, именуемую Ржевской, и двое святых во весь рост»²².

Как видим, изображение разделено на три аркосолии. В центральном выделяется фигура Богородицы в полный рост на синем фоне с младенцем Христом. Нимб золотой охры, лик и надпись МР ΘΥ (от греч. Μῆτηρ Θεοῦ) хорошо просматриваются на синем фоне. Богородица изображена одетой в голубое платье. Поверх него одет красный мафорий, голова покрыта красным платом. Богоматерь держит младенца Христа одной рукой, показывая на него. Младенец одет в золотистое платье, руки в жесте благословления.

Отметим богатый орнамент арки центрального аркосолия — растительный, предположительно из листов аканфа. Арку подпирают снизу красные колонны с небольшими капителями дорического ордера.

По сторонам Богоматери, также в аркосолиях, изображены на синем фоне две фигуры с нимбами и крыльями, в позе моления — ангелы. Однако они менее богато декорированы, чем Богородица. Вероятно, лучше на момент копирования росписи М.Б. Вебелем сохранилась фигура правого ангела в диаконском облачении. Он одет в светлый хитон и гиматий, а также хламиду с застежкой на груди. Что касается левой фигуры, то художник показал лишь лик и правую руку в жесте моления.

На парусах, образованных в местах пересечения арок, также переданы орнаментальные мотивы на красном фоне. С одной стороны, изображена розетка из трех листов синего цвета, с другой стороны — растительный орнамент в треугольнике. По низу композиции орнаментальное обрамление — фриз-полотнище.

Можно предположить, что в центральной арочной нише передан наиболее распространенный тип изображения Богородицы — Одигитрия²³. Как нам представляется, по иконографии наиболее близка с представленным акварельным изображением мозаика Богоматерь-Одигитрия с предстоящими архангелами Михаилом и Гавриилом в церкви Панагии Ангелоктисты в Кити (Кипр, вторая половина — конец VI в.) (рис. 8).

В качестве аналогий мы также можем привести: «Богородица на престоле, с предстоящими архангелами», церковь Панагии в Троносе (Кипр, XIII–XIV вв.) (рис. 9) и «Мария и младенец Иисус с архангелами Гавриилом и Михаилом», пещерный монастырь Эски Гюмюшлер, (г. Ниде, провинция Нида, Турция) (около XI в.) (рис. 3). Однако в двух последних примерах Богородица с младен-

²² Струков Д.М. Древние памятники... С. 31.

²³ Майорова Н., Скоков Г. Шедевры русской иконы. М.: Белый город. С. 45.

цем восседает на богато украшенном троне, а не стоит. Как видим, стенопись в Шулдане выполнена в достаточно архаичной традиции.

Переданные в рассматриваемой акварели фрагменты росписей позволяют отметить сходство стенописи северной стены пещерного храма Шулдана со стенописью западной, а также северной (!!!) стен пещерного храма Донаторов (округа Эски-Кермена) (середина — начало 80-х гг. XIV в.)²⁴ (рис. 11, 12). У выше отмеченного памятника подобна схема решения орнаментального декорирования отдельных архитектурных членений.

Что касается отмеченного ранее несоответствия между интерпретацией стенописи Е.Н. Осауленко и предыдущих авторов, заметим, что данный исследователь объясняет это так: росписи имели несколько слоев, что отмечали и иные авторы. Д.М. Струков видел «последний вариант», который отслоился²⁵. Соответственно затем, разглядеть можно только первоначальные изображения. Данная гипотеза представляется перспективной. Напомним, при расчистке храма исследователи указывали на многочисленные куски украшенной штукатурки, отколовшиеся со стен.

Таким образом, мы предполагаем, что в «Неизданном альбоме А.С. Уварова» присутствует единственный известный сегодня рисунок стенописи главного храма Шулдана, который позволяет провести искусствоведческий анализ.

Список литературы

- Бабенчиков В.П. Пещерный комплекс Шулдана // Материалы Эски-Керменской экспедиции. Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. С. 88–101.
- Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // Бертье-Делагард А.Л. Избранные труды по истории средневекового Крыма. Симферополь: Доля, 2012. С. 7–153.
- Вебель М.Б. Фрагменты фресковой живописи пещерного храма. Бумага, акварель, тушь // Изобразительные материалы к изданию «Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря, графа Алексея Уварова» (СПб., 1851–1853). И/н. МФ/2–2181. Номер ГИМ 105190/254. Номер ГК 1719868. Электронный ресурс: <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6237734?kit=625516286&index=23> (2 ноября 2022 г.).
- Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1966.
- Медведев И.Н. Тепе-Кермен // Изобразительные материалы к изданию «Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря, графа Алексея Уварова» (СПб., 1851–1853). МФ/2–2170. Номер ГИМ 105190/243. Номер ГК 17198714. // Электронный ресурс <https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6236517?kit=625516286&index=12> (2 ноября 2022 г.).
- Могаричев Ю.М. «Пещерные города» Горной Юго-Западной Таврики в описании А.С. Уварова. Симферополь: Бизнес-Информ, 2019.

²⁴ Могаричев Ю.М., Ергина А.С. Монументальная живопись... С. 92–100.

²⁵ Осауленко Е.М. Збираючи мозаїку... С. 134.

- Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь: Таврия, 1997.
- Могаричев Ю.М., Ергина А.С. Монументальная живопись средневековой Таврики (пещерные церкви). Симферополь: ООО «Антиква», 2023. С. 72–91.
- Неделькин В.Е. Пещерный монастырь Шулдан в начале XXI в. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Нижневартонск, 2015. Вып. 7. С. 184–190.
- Осауленко Є.М. Збираючи мозаїку знров: середньовічні фрески Кримської Готії // Collegium. 2008. № 24. С. 127–147.
- Сыченкова Л.А. «Памятник вскрыт интересный и ценный»: Эски-Керменские экспедиции 1930–1933 гг. Ф.И. Шмита // Материалы Эски-Керменской экспедиции. Т. 2. Симферополь: Антиква, 2022. С. 197–221.

BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2023. Т. 1

С. 92–105

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 1: 2023

P. 92–105

Научная статья

DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.05

Сталии: налоги на оклады магистратов генуэзских факторий Причерноморья. Анализ малоизвестных архивных источников

Сергей Павлович КАРПОВ¹⁻²

¹ доктор исторических наук; академик РАН; профессор; заведующий Кафедрой средних веков; Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, 119192 Москва;

² руководитель Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья; Институт общественных наук и международных отношений; Севастопольский государственный университет; ул. Университетская, 33, 299053 Севастополь; spkarp1204@yandex.ru

Аннотация: Целью данной статьи является выяснение роли и значения сталий — налогов на оклады магистратов Генуи — для изучения экономики и управления генуэзских факторий Причерноморья. В первую очередь, цифровые показатели платежей позволяют сопоставить финансовое положение, престижность и благосостояние самих факторий, куда направлялись магистраты. Во-вторых, в ряде случаев записи сталий позволяют отождествить имена самих высших магистратов Каффы (Феодосии), Солдайи (Сугдеи, Судака), Чембало (Балаклавы), Таны (Азака, Азова), Трапезунда, Самастро (Амастриды, Амасры), Симиссо (Самсуна), Синопа, Копы (поселения в устье Кубани), Севастополя (Сухуми), капитанства Готии (крымского Южнобережья). Многие лица не были ранее известны и, кроме того, можно уточнить даты их правления. В-третьих, мы узнаем имена и порядок действий откупщиков этих налогов и политику генуэзского Банка св. Георгия по отношению к

факториям, особенно после того, как они попали под прямое управление Банка с 1453 г. В-четвертых, перед нами открывается мир финансового делопроизводства Генуи и Банка св. Георгия, особенности учета и регистрации платежей и фиксации задолженностей по ним. Следует учесть, что сталии уплачивали не только консулы и высшие магистраты, но и главы важнейших официий — массарии, капитаны бургов, писцы скрибаний и др.

Ключевые слова: Каффа, Крым, Генуя, Генуэзская Газария, налогообложение, сталии, оклады, консулы, магистраты, Генуэзский архив, Банк св. Георгия, хронология, просопография.

Финансирование: Работа подготовлена в Севастопольском государственном университете в рамках выполнения мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации, соглашение № 075–15–2022–1130.

Цитирование: Карпов С.П. Сталии: налоги на оклады магистратов генуэзских факторий Причерноморья. Анализ малоизвестных архивных источников // *Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований*. 2023. Т. 1. С. 92–105. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.05.

Original article

Stalia as Taxes on the Salaries of Magistrates of the Genoese Trading Stations of the Black Sea Region. Analysis of Little-Known Archival Sources

Sergey P. KARPOV¹⁻²

¹ Doctor of Sciences (History); Professor; Full Member of the Russian Academy of Sciences; Head of the Chair for Medieval History of the Moscow State University; Lomonosovsky prospect, 27–4, 119192 Moscow;

² Head of the Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black Sea Region; Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol; spkarp1204@yandex.ru

Abstract: The purpose of this article is to clarify the role and significance of *stalia* — taxes on the salaries of the magistrates of Genoa — for studying the economy and management of the Genoese trading stations of the Black Sea region. First of all, digital indicators of payments make it possible to compare the financial situation, prestige and well-being of the trading stations themselves, where the magistrates were sent. Secondly, in a number of cases, the records of *stalia* make it possible to identify the names of the highest magistrates of Caffa (Theodosia), Soldaia (Sugdea, Sudak), Cembalo (Balaklava), Tana (Azak, Azov), Trebizond, Samastro (Amastris, Amasra), Simisso (Samsun), Sinop, Copa (settlement at the mouth of the Kuban river), Sevastopol (Sukhumi), the captaincy of Gothia (Crimean South Coast). Many persons had not been previously known and, in addition, it is possible to clarify the dates of their tenures. Thirdly, we learn the names and

procedures of the tax collectors and the policies of the Genoese Bank of St. George in relation to the trading stations, especially after they came under the direct control of the Bank from 1453 onwards. Fourthly, the world of financial records management of Genoa and the Bank of St. George opens up before us, the features of accounting and registration of payments and recording of debts on them. It should be taken into account that the fees were paid not only by consuls and high magistrates, but also by the heads of the most important offices — *massarii*, captains of burghs, scribes, etc.

Key words: Caffa, Crimea, Genoa, the Genoese Gazaria, taxation, *stalia*, salaries, consuls, magistrates, the Genoese Archive, the Bank of St. George, chronology, prosopography.

Funding: The research is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Agreement no. 075–15–2022–1130. Research is conducted on the basis of Sevastopol State University.

For citation: Karpov, S.P. “*Stalia* as Taxes on the Salaries of Magistrates of the Genoese Trading Stations of the Black Sea Region. Analysis of Little-Known Archival Sources.” *Byzantinoturica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 1(2023). P. 92–105. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.05.

В распоряжении исследователей имеется немного источников, позволяющих сравнивать финансовое положение различных генуэзских факторий Причерноморья, верифицировать имена и сроки правления консулов и иных магистратов, сам порядок замещения должностей. Отчасти эти лакуны позволяют заполнить записи сталий.

В Генуе не существовало развитой системы прямого обложения граждан, за исключением так называемых «*avaría capitum*», небольшого налога, взимаемого по месту проживания¹. Они раскладывались по территориальному признаку и были минимальны. При этом генуэзские фактории, за редчайшим исключением, не знали прямого обложения жителей налогом².

Сталия или *stagia* была более значимым и прямым обложением окладов должностных лиц метрополии и всех ее владений и факторий³. Сталии в Генуе были введены в 1335 г.⁴, когда Республика вновь обрела политическую самостоятельность, освободившись от власти своего прежнего сеньора — короля Неаполя Роберта Анжуйского. Тогда была проведена реорганизация административных и финансовых органов управления Республики и введен этот налог на оклады ее основных магистратов, включая управлявших ее основными колониями и факториями. Сталию уплачивали магистраты как самой Генуэзской Республики, так и всех ее владений и факторий.

На роль и значение сталий первым обратил внимание Г. Зивекинг в книге о финансах Генуэзской Республики⁵. Значительно позднее появилась публикация М. Буонджорно с наиболее подробным и детальным рассмотрением сталий,

¹ Sieveking H. Studio sulle finanze genovesi e in particolare sulla casa di S. Giorgio, trad. dal tedesco da O. Soardi // Atti della Società Ligure di Storia Patria. 1906. T. 35. Parte 1. P. 152–156.

² Balard M. La Romanie Génoise (XIIe — début du XVe siècle). T. 1. Roma; Genova, 1978. P. 402–403.

³ Buongiorno M. L'amministrazione genovese nella «Romania». Legislazione — magistrature — fisco. Genova, 1977. P. 152–153.

⁴ Ibid. P.123

⁵ Sieveking H. Studio sulle finanze genovesi... Parte 1–2.

публикацией самого раннего документа о них 1380 г. и сравнительными таблицами сталий магистратов различных факторий и поселений⁶. Буонджорно изучил порядок взимания сталий в 1380–1428 гг., и в качестве примера обратился к практике начала XVI в., однако из поля его рассмотрения выпал период между 1428–1475 гг., богато представленный документами, особенно из архива Банка св. Георгия. Краткое упоминание сталий в связи с назначением консулов имеется в фундаментальной монографии М. Балара⁷. Балар попытался сопоставить размер сталий с окладами магистратов в 1393–1427 гг., однако не перевел упомянутые суммы в одни и те же денежные единицы, что затрудняет вычисление процента налога⁸. Автор этих строк анализировал материал сталий в применении к генуэзским факториям Северного и Южного Причерноморья и к Тане (Азову)⁹. Краткие упоминания о сталиях (по известным публикациям) и их значения имеются в монографии А.Г. Еманова¹⁰.

Первый сохранившийся декрет дожа и совета старейшин (анцианов) Генуи, касающийся сталий, относится к 5 января 1380 г. Он был опубликован М. Буонджорно по записи в «*Diversorum, Registri*» Секретного архива Генуи¹¹. Разъяснения о порядке продажи этого налога с указанием магистратур содержится также в рукописи конца XVI в., содержащей сводку постановлений о сталиях¹².

Декрет дожа и анцианов об увеличении сталий от 18 декабря 1393 г. был опубликован Д. Джоффри по трем рукописям Генуэзского архива¹³. Он имеется также и в неучтенных Джоффри и изученных нами рукописях ASG, Cod. Membr. X, f. 1r–3v и Cod. Membr., XIII, f. 146r–147r, содержащих незначительные разночтения.

В 1423 г. по случаю войны с каталанцами Генуэзская Республика сделала заем у Банка св. Георгия на сумму 32 000 лир. Очередное повышение сталий было произведено для уплаты долга и процентов по этому займу. Соглашение об этом было подписано 17/IX 1423 г., а 23 октября того же года Правление Банка произвело раскладку платежей. Публикация этих документов содержится также в книге Д. Джоффри по рукописи Cod. Membr. XVIII¹⁴. Некоторые дополнения содержатся и в упомянутой рукописи Cod. Membr. XIII, f. 147v.

5 июня 1424 своим постановлением правление Банка устанавливает процедуру уплаты повышенных сталий, упоминая субъекты обложения и суммы вы-

⁶ Buongiorno M. L'amministrazione... P. 121–186.

⁷ Balard M. La Romanie Génoise... T. 1. P. 138, 360, 373.

⁸ Ibid. P. 478–480.

⁹ См.: Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990. С. 82, 242; Он же. История Трапезундской империи Второе издание, исправленное и дополненное. СПб., 2017. С. 26, 383–384, 386.

¹⁰ Еманов А.Г. Небесный Иерусалим или Вавилон. Выбор судьбы средневековой Кафы/Феодосии. СПб., 2022. С. 41, 321, 354, 500.

¹¹ Archivio di Stato di Genova (далее: ASG), Archivio Segreto (далее: AS), 496, Diversorum, Registri. 1, ff. XI v.–XV r. См.: Buongiorno M. L'amministrazione... P. 277–286.

¹² ASG, Cod. Membr., XIII, f. 145r–146r.

¹³ ASG, Cod. Membr., V, X, XVIII. См.: Gioffrè D. Liber Institutionem Cabellarum veterum (Communis Ianue). Milano, 1967. P. 190–196.

¹⁴ Gioffrè D. Liber Institutionem... P. 277–283.

плат, определенные в 1423 г.¹⁵ В 1427 г. в связи с нарастанием турецкой угрозы правительство Генуи, возглавляемое миланским губернатором города и анцианами, вновь заняло у Банка св. Георгия солидную сумму — 26 250 лир. Для погашения займа и выплаты процентов по нему были введены новые налоги на оклады, называемые квадристалиями¹⁶. Публикация постановления была сделана Д. Джоффри по Cod. Membr. XVIII¹⁷. Это же постановление, не учтенное Джоффри, содержится в ASG, AS, 3024. Diversorum, Filze, 4, doc. № 104.

Отдельная серия записей сталий содержится в фонде Архива Банка св. Георгия ASG, SG, Sala 36-Cabella Staliarum, № 1316–1329. Все эти материалы не изданы и не подвергались системному изучению. Это уже внутреннее дело производства Банка, записи которого охватывают 1449 г. (№ 1316) и (с лакунами и повторами) период с 1455 по 1480 гг. (№ 1317–1329). Особенностью этих регистрационных записей является то, что они содержат указания как на установленные нормы взыскания сталий, так и на временную уплату сталий должностными лицами, и в ряде случаев содержат упоминания имен высших магистратов, вносивших эти платежи. В ряде случаев за одни и те же годы сохранилось несколько картуляриев, как, например, за 1466–1467 гг. — № 1321–1323. Отдельные картулярии, как, например, 1324 (за 1469–1470 гг.) дошли до нас не в полном виде, часть листов в них отсутствует. Картулярии сталий содержат иногда также имена поручителей за плательщиков этого налога с указанием сумм, ибо за одного откупщика, особенно при больших суммах, могло поручаться по квотам несколько лиц.

Правление Банка иногда рассматривало споры по поводу правильности и процедуры взимания сталий откупщиками и выносило в спорных случаях свои директивные решения¹⁸.

Постановление о сталиях, введенное в 1380 г. предусматривало прежде всего унификацию должностей, замещаемых по жребию с определением, какие из них должны получать оклад от республики и, следовательно, какой налог они должны платить с окладов. Этот налог и получил именование сталий. Из причерноморских магистратов в список должностей, подлежащих уплате сталий, вошли официалы подестатов, консулатов, скрибаний и др. магистратур Перы, Каффы, Трапезунда, Таны, Чембало, Симиссо¹⁹.

Взиманием сталий занимались откупщики налога, получившее это право по результатам публичных аукционов. Первоначально магистраты должны были вносить сталии в течении 8 дней после избрания, в течение которых они имели право отказаться от должности. После этого срока они были должны уплачивать сталии независимо ни от чего. Избранные магистраты получали на руки

¹⁵ ASG, San Giorgio (далее: SG), Sala 34, No 607, cart. 2231, Diversorum Cancellerie, 5 (1421–1425), f. 88v–91v.

¹⁶ Buongiorno M. L'amministrazione... P. 131–132.

¹⁷ Gioffrè D. Liber institutionum... Doc. 48. P. 196–205. [ASG. Cod. Membranacei XVIII. Institutionum Cabellarum Veterum, ff. CXXXXIX–CLVv].

¹⁸ ASG, SG, 607/2253, Diversorum Cancellerie, 27 (1467–1469), f. 181r–v — 5/XII 1468. Подробнее см. ниже.

¹⁹ ASG, AS 496, Diversorum, Registri. 1, ff. XI v.–XV r. (см.: Buongiorno M. L'amministrazione... P. 277–286) — 5/I 1380.

специальный документ — лицензию или «аподиксию», без которого они не могли вступить в должность. Если же они это делали, то лишались и должности, и всего оклада за период нарушения. Высокий штраф, равный сумме сталии, грозил и чиновнику, выдавшему такой документ до уплаты магистратом сталии²⁰. Однако поскольку свои оклады чиновники получали авансом каждые три месяца, а не всю сумму сразу, то они должны были вносить каждый раз четверть сумм сталий²¹.

Особенностью откупов сталий Причерноморья было то, что откупщики должны были получать документы на взимание этих сумм от массариев Каффы, которые не всегда были готовы предоставить им такую информацию, видимо, желая скрыть часть платежей. Откупщики требовали, и добились от Банка предписания массариям выдавать такие документы по результатам откупов²². Еще одной особенностью назначений на должности магистратов в Генуе было то, что выборы могли производиться задолго до вступления магистрата в должность, еще тогда, когда их предшественник продолжал исполнять свои функции. И тогда вновь назначаемый должен был дожидаться своего срока, иногда получая небольшой оклад от казны, ежели он прибывал к месту назначения²³. Это отчасти затрудняет понимание записей регистрации сталий, особенно тогда, когда в соответствующих текстах нет дополнительных оговорок или вводится двусмысленное слово *лосо*, которое может обозначать как ссылку на замещение должности по договоренности иным лицом, так и указанием предшественника.

Первый из целиком сохранившихся документ о сталиях от 5 января 1380 г. затрагивал оклады 183 магистратур на общую сумму 2610,25 лир. Магистратуры Заморья/Востока должны были вносить 947,5 лир или 36,29% всех поступлений²⁴.

18 декабря 1393 г. было введено повышение сталий, а точнее новый особый налог на оклады, называемый «*suprastalia*». На этот раз список уплачивавших супрасталии был расширен: кроме прежних магистратур были добавлены новые, числом 85, из которых 29 относились к «Востоку». Некоторые из прежних магистратур, включая, например, и консула Трапезунда, не подверглись этому дополнительному обложению. Но в целом магистраты восточных факторий должны были дополнительно уплатить 1190,5 лир (общая сумма возросла до 225%), тогда как официалы чисто лигурийских мест должны были уплачивать всего на 914,5 лир больше²⁵. Все это указывает на возросшую роль заморских территорий в бюджете республики. Эта же тенденция отмечается и позднее, когда в 1423 и 1427 гг. повышение сталий коснулось почти исключительно заморских факторий²⁶.

²⁰ ASG, SG, Sala 34, No 607, cart. 2231, Diversorum Cancellerie, 5 (1421–1425) f. 88v–89r.

²¹ Buongiorno M. L'amministrazione... P. 123.

²² ASG, SG 607/2253, Diversorum, 27, f. 181r–v — 5/XII 1468.

²³ Баллетто Л. Каффа и Черное море в генуэзских нотариальных актах накануне и после османского завоевания (6 июня 1475 г.) // Причерноморье в средние века. Т. 12 (в печати). Примеч. 20.

²⁴ Buongiorno M. L'amministrazione... P. 126.

²⁵ Ibid. P. 126–127.

²⁶ Ibid. P. 128.

С 1421 г. поступления с доходов консулата Каффы поступали в распоряжение Банка св. Георгия, включая ранее установленные сталии. Однако вновь вводимые сталии регулировались самой Генуей, пока не передавались на тех или иных условиях Банку за долги или инвестиции²⁷.

Итак, до передачи управления факториями Банку св. Георгия в 1453 г. правительством Генуи были установлены: сталия 1380 г., супрасталия 1393 г., тристалия 1423 г. (с повышением на 3135 лир) и квадристалия 1427/28 г. (с повышением на 3205 лир). При этом уже с 1423 г. 3135 лир должны были уплачиваться Банку св. Георгия в счет займа в 32 000 лир, предоставленного Республике из расчета 9,79% годовых. Введенное обложение коснулось 36 официй Заморья: для них это было новое обложение, а для магистратов 19 официй были повышены прежние сталии. Всего на долю Заморья приходится 73,37% от суммы всех платежей сталий.

В 1427 г. новый кредит Банка (26 250 лир) потребовал введения квадристалий для уплаты процентов уже по ставке 12,2% в год. Повышение составило, как указывалось, 3205 лир и уплачивать налог должны были те же официи, за исключением капитана Готии (25 лир), зато была добавлена сталия консула Синопа (20 лир)²⁸.

Итак, в целом: сталия 1380 г. составляла 2610,25 лир, из которых 947 лир уплачивали заморские владения; супрасталия 1393 г. была увеличением на 3052 лир, из которых 2137 лир приходились на Заморье; тристалия 1423 г. была увеличением на 3135 лир, из которых 2500 лир выплачивали нелигурийские территории; квадристалия 1427 г. равнялась 3205 лир, из которых уплата 2500 лир приходилась на Заморье.

Всего в виде сталий в 1427 г. взыскивалось 12 002 лир, из которых 7885 лир (или 65,70%) приходилось на Заморье. Из всех этих сумм только 5662,25 лир (т. е. 47,19%) шли в доход Генуэзской Республике, остальное перечислялось Банку²⁹. Средний бюджет Генуэзской Республики в первой половине XV в. составлял от 65 до 75 тыс. лир. Таким образом, сталии в конце 20-х гг. XV в. равнялись от 16 до 18% от всех поступлений в казну Генуи³⁰.

Многие консулаты и официи не облагались сталиями, т. к. оклады за них не платились³¹. Взимание сталий с большинства черноморских официй, подведомственных Каффе, Банк св. Георгия поручал массарии Каффы. В том случае, если какой-то период времени та или иная официия не была замещена, соответствующий платеж за этот период Банку св. Георгия вносила массария Каффы³².

В 1449–1480 гг. номенклатура сталий не менялась. В основном они подвергались коррекции в сторону их небольшого увеличения и уточнения порядка

²⁷ *Seveking H.* Studio sulle finanze genovesi... Pt. 1. P. 187; Pt. 2. P. 41, 49, 74; *Buongiorno M.* L'amministrazione... P. 153. N. 4.

²⁸ *Ibid.* P. 131–132.

²⁹ *Ibid.* P. 132. N. 61–62.

³⁰ *Ibid.* P. 133.

³¹ *Ibid.* P. 135.

³² Например, сталию за капитана бургов Каффы с 1 марта по 7 июля 1466 г. до того, как этот пост занял Джованни Дория, платила массария: ASG, SG, Sala 36, 1322 Cabella Staliarum, f. 15v.

Оффиция	stalia	+supra-stalia	+tri-stalia	+quadri-stalia	Все сталии													
					1380	1393	1423	1427	1449-55	1455?	1456-57	1459-60	1463	1466	1467	1468	1469-70	1472
Каффа,консул	200	400	700	1000	1175,1	1175,1							1226	1226,3	1226,3	1226,3	1226,3	1237,75
Каффа, 3 скрибанини курии	90	120	160	250										302,5	305		305	
Каффа, скрибания массариев		30	50	125	137									143,25	144,4		144,4	
Каффа 2 массария		50	80	170										151,4	153,2		152,55	132,1
Каффа, капитан бургов		75	200	450										523,15	523,15		523,15	
Каффа, министрия		30	230	460										562,15	562,15		562,15	562,15
Чембало, консул и все проч.	25	25	100	150	161,5	176,4	178,25	186,4	182	184,4	184,4						184,45	
Коппа, консул			50	100	112	113,1		118,15	117	118,15	119,2						118,15	
Готия, капитан			25		31,8	31,4		33,15	32	33,15	33,15						33,15	
Севастополь, консул		25	15	45	48,25	49,4	50		50	51,65	53,3						51,65	
Самастро, консул			125	250	281,25	282												
Синоп, консул				20	21	20,1				21,1	21	23,15					21,65	
Симиссо, консул	25	50			31,25	63,1												
Симиссо, скрибания	5																	
Солдайя, кастеллан		10			13,1	13,1	13,1		13	14,3	14,3						13,65	
Солдайя, консул с проч.		25	175	300	355,25	347,25	345,1		358,25	360,15	360,15						360,7	362,65
Тана, консул	10	100	175	300	15	25	31,25	31,25	358,2	358,25	40	45					35	
										(31 или 35)								
Тана, скрибания	5								6	6	6						6,5	
Трапезунд, консул	15		25	35	45,1	45,6	40		42	42							43,15	
Трапезунд, скрибания	2,5								3,2	3,25							3,5	

Таблица 1. Эволюция сталий в факториях Причерноморья

платежей. Однако в отдельных случаях, рассмотренных ниже, могли меняться и общие суммы платежей.

Табл. 1 показывает эволюцию сталий в факториях Причерноморья.

По соотношению величины сталий на первом месте неизменно находился консул Каффы, за ним следовали консулы Солдайи (с 1393 г.), Чембало, Самастро (с 1423 до 1455 г.), Коппы (с 1423 г.), Симиссо (с 1380 до 1455 гг.), Севастополя (с 1393 г.), Трапезунда, капитанства Готии (с 1423 г.), кастелланства Солдайи. Налогообложение консула Таны подвергалось сильным колебаниям.

В 1380 г. сталия с оклада консула Таны составляла скромную сумму 10 лир и была меньше, чем у консула Трапезунда. Затем неожиданно в 1393 г. супресталия многократно и беспрецедентно увеличилась на 90 лир, составив в сумме 100 лир, что было одной из самых высоких ставок налогообложения магистратов Причерноморья. В 1423 г. тристалия была увеличена еще на 75 лир, а в 1427 г. квадристалия возросла на 125 лир и общая сумма налога составляла тем самым уже 300 лир. Возможно, это свидетельствует о богатстве фактории, несмотря на трагедии 1395, 1412 и 1418 гг.³³, однако показатели сталий за период 1393–1449 гг. отсутствуют. Вероятно, учитывались относительно высокие доходы фактории от торговли в 80-е гг. XIV в. и в 20-е гг. XV в. Но на рубеже 40–50-х гг. XV в. положение ухудшилось и годовые сталии консула Таны составили лишь 15 лир³⁴. Тем не менее, представление о высоком нормативе взысканий 300 лир с оклада сохранялось, и откупщики пытались взыскать эту сумму, что было непосильно для консула Таны.

Ситуация была рассмотрена 5 декабря 1468 г. руководством (семью протекторами) Банка. Консул Таны, которого направил Банк, обозначив сталию в 35 лир, отметил, что в течении многих предшествующих лет консулы Таны уплачивали сталии, не превышавшие 35 лир, а зачастую и гораздо меньше и тем самым требования откупщиков были завышенными. На самом деле, в 1449–1451 гг. официально установленные сталии консулата Таны составляли 15 лир³⁵. В 1459 г. они выросли до 31,25 лир³⁶. Зато в 1463 г. в номинальном исчислении они равнялись 358,2 лир³⁷. Мы обнаружили в регистрах сталий запись, что оклад консула Таны в 1464 г. составлял 15,8 соммов или 89,27 лир в год³⁸ и предполагаемые откупщиками отчисления в масштабе 300 лир с оклада были просто нереальны.

Помета на полях кабеллы сталий фиксирует неуплату этого налога (*dicunt, quod iste officia non solverunt*)³⁹. Тогда с 1 марта по 11 декабря 1466 г. сталии

³³ См.: Карпов С.П. О разгроме Таны Тамерланом в 1395 г.: событие и его последствия // Поволожская археология. 2020. № 2 (32). С. 38–47; *Он же*. Как Феникс из пепла: возрождение торговли в Тане после катастрофы 1395 г. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 3. С. 504–514; *Он же*. Тимур-султан и Керим-бирди: два нападения на венецианскую Тану в 1410 и в 1418 гг. // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 4. С. 758–769.

³⁴ ASG, SG, Sala 36, 1316 Cabella Staliarum, f. 18r.

³⁵ ASG, SG, Sala 36, 1317 Cabella Staliarum, f. 11v.

³⁶ ASG, Sala 36, 1318 Cabella Staliarum, sine num. — 2/IV 1459.

³⁷ ASG, SG, Sala 36, 1320 Cabella Staliarum (1463), f. 20v.

³⁸ SG, Sala 36, 1327 Cabella Staliarum, f. 1r. Подробнее см. ниже.

³⁹ ASG, SG, Sala 36, 1321, Cabella Staliarum (1466), f. 38v.

взыскивали с временного магистрата исполнявшего консульские обязанности «*per angeriam*» из расчета 35 лир за год⁴⁰. В 1468 г. протекторы предписали взимать с оклада консула именно эту сумму 35 лир⁴¹. Примечательно, что если сталии большинства черноморских факторий отнесены к зоне ответственности массарий Каффы (например, «*Massaria Caphe pro consulatu Soldaie*»), то сталии Таны, по которым велся спор, напрямую регулировались Оффицией св. Георгия Генуи с записью «*Officium sancti Georgii... pro consulatu Tanne*»⁴².

Интересной особенностью было то, что те магистраты, которые замещали свои должности лишь несколько месяцев, подчас получали предписание исполнять их весь год, с уплатой соответствующих сталий. Так было, например, в 1450 г., когда консул Коппы, замещавший этот пост в апреле и мае должен был продолжать делать это в течение года. Примечательно, что консул Коппы Андреоло Дория в 1449/50 г. не исполнял эту должность, находясь под запретом консула Каффы Джованни Джустиниани⁴³. 1469 г. время замещения этой должности определялось с мая по июль⁴⁴, что, возможно, связано с наиболее прибыльным для консула периодом, связанным с нерестом рыбы и доходами от ее реализации. Это же касалось капитана Готии, где ключевым периодом считалось время вендемии — сбора урожая винограда и изготовления вина (*tempore vinogum*)⁴⁵.

Еще одной особенностью было то, что сами должности магистратов стали продаваться с аукционов с тем расчетом, чтобы приобретатели сами извлекали доход от этих должностей. Так, например, было в 1459 г. с консулами Коппы и Севастополя и капитаном Готии. Соответствующие суммы продажи составили 24 550, 6000 и 4925 аспров год. В одном случае сказано, что покупка должности капитана Готии осуществлена вместе со сталиями, в других случаях таких упоминаний нет⁴⁶. При курсе лиры равном 26,6 аспрам⁴⁷, сумма покупки должности капитанства Готии равнялась 181,15 лирам. А если сталии капитанства Готии в это время исчислялись нормативом от 31,4 до 32 лир⁴⁸, то их величина была сравнительно невысока: 17,3–17,6% от оклада. Интересно, что платежи сталий иногда осуществлялись в ходячей монете — аспрах и тогда пересчитывались в дукаты и затем в генуэзские лиры. К примеру, это касалось консулата Коппы в 1469/70 г.⁴⁹

При взыскании сталий с магистратов, если они являлись нобилями, взыскивалась небольшая дополнительная плата в 13 солидов — с консула Каффы, капи-

⁴⁰ ASG, SG, Sala 36, 1323 Cabella Staliarum, f. 108r; ASG, SG, Sala 36, 1324 Cabella Staliarum, f. 10v.

⁴¹ ASG, SG 607/2253, Diversorum, 27, f. 181r-v — 5/XII 1468.

⁴² ASG, SG, Sala 36, 1321 Cabella Staliarum, f. 208v.

⁴³ ASG, SG, Sala 36, 1317 Cabella Staliarum, f. 2v.

⁴⁴ ASG, SG, Sala 36, 1324 Cabella Staliarum (1469), f. 8r.

⁴⁵ ASG, SG, Sala 36, 1320 Cabella Staliarum, f. 1r alleg. Повторено в 1469 г. с указанием на время вендемии — июль и август: SG, Sala 36, 1324 Cabella Staliarum (1469), f. 8r.

⁴⁶ ASG, SG, Sala 36, 1320 Cabella Staliarum, f. 10r allegato.

⁴⁷ ASG, SG, Sala 36, 1323 Cabella Staliarum (1466), f. 98v

⁴⁸ ASG, SG, 36 1320 Cabella Staliarum, f.all.

⁴⁹ ASG, SG, Sala 36, 1324 Cabella Staliarum, f. 159v: 1 дукат равен 72 аспрам или 2,75 генуэзским лирам.

Магистрат / Оклад в соммах	Оклад в соммах (в год)	Примерный оклад в лирах	Сумма сталий (в лирах)	Сталии — процент от оклада
Консул Каффы	600	4284	1226,3	28,6251167
консул Чембало	60	428,4	184,4	43,0438842
консул Солдайи	100	714	360,15	50,4411765
кастеллан Солдайи	64,4 (или 5,3)	459,86 (или 37,842)	14,3	3,1 (или 37,78)
Консул Таны	15,8	112,812	35	31,0250683

Таблица 2. Оклады магистратов и суммы сталий в 1464–1472 гг.

тана бургов, массариев, министрاليا (контролера рынков), иегатария (смотрителя за торговлей зерном) Каффы⁵⁰, капитана Готии, консулов Солдайи, Чембало, Копы и Севастополя⁵¹.

И еще одной особенностью было то, что сталии иногда автоматически продолжали записываться в регистрах относительно тех магистратов, чьи фактории уже были завоеваны османами, например, в 1469 г. для консулов Синопа и Трапезунда⁵². Между тем, сталии с магистратов Самастро и Симиссо не упоминаются с 1456 г. Вероятнее всего, что включение Синопа и Трапезунда в перечень сталий связано скорее с автоматической работой писца, хотя определенное латинское население в Трапезунде сохранялось и после 1461 г.⁵³ и потому исключить там наличие какой-то генуэзской администрации нельзя.

Благодаря двум регистрам сталий (ASG, SG, Sala 36, 1326⁵⁴–1327⁵⁵), где есть записи сумм окладов магистратов Причерноморья за 1464 и 1473 гг. (они одинаковы), мы можем определить процент некоторых сталий от суммы окладов. Оклады исчислялись в местных счетных единицах — соммах и в ходячей монете — аспрах Каффы, а сталии исчислялись в генуэзских лирах. При обычном соотношении аспра и сомма — в среднем 190 аспров за сомм⁵⁶ и курсе лиры, как указывалось выше, равном 26,6 аспрам, сомм составлял 7,14 лир. Тогда получаем следующие предварительные результаты за 1464–1472 гг. (табл. 2).

Как видим, процент налога на оклады составлял от 28,6 до 50,4%. Примечательно, что повышение суммы оклада консула Каффы с 500 до 600 соммов было осуществлено в 1457 г. для стимулирования тех, кто не желал занимать этот пост

⁵⁰ ASG, SG, Sala 36, 1324 Cabella Staliarum (1469), f. 9r. И эта прибавка зачастую включена в сталии с консула, что указывает на предполагаемое патрицианское происхождение магистрата. В расчет сталий консулов Солдайи и Чембало включены также должности писца и массария, за каждую из которых, если они нобили, они вносит дополнительно по 13 сольди за каждую.

⁵¹ ASG, SG, Sala 36, 1324 Cabella Staliarum (1469), f. 8r, 9r.

⁵² ASG, SG, Sala 36, 1324 Cabella Staliarum, f. 8r.

⁵³ См.: Lowry H.W. The Islamization and Turkification of the City of Trabzon (Trebizond), 1461–1583. Istanbul: Isis Press, 2009; Idem. Studies in Deferology. Ottoman Society in the Fifteenth and Sixteenth Centuries. Istanbul, 1992. P. 115–121.

⁵⁴ ASG, SG, Sala 36, 1326 Cabella Staliarum (1473), f. 1r

⁵⁵ ASG, SG, Sala 36, 1327 Cabella Staliarum (1475), f. 1r — указаны оклады 1464 г.

⁵⁶ См.: Spufford P. Handbook of Medieval Exchange. London, 1986. P. 289; Пономарев А.Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М., 2011. С. 345.

в далекой фактории в условиях османской угрозы⁵⁷. Поскольку сталии в тот период составляли 1175,1 лир, процент от оклада консула Каффы до 1457 г. был выше — 30,4%.

Особый случай касается сталий кастеллана Солдайи, которые всегда были невысоки (от 10 до 14,3 лир в течении всего периода). Неожиданно в записи оклада этого магистрата в 1464 г. означена сумма 1020 аспров в месяц или 12 240 аспров в год = 64,4 сомма в год (*Castelanus Soldaie aspri MXX in mense*) или 459,86 лир, и тогда сталии в 14,3 лиры составляли бы всего 3,1%, что не соответствует указанному диапазону выплат. И сам оклад кажется невероятно высоким и превосходит оклады консула Чембалло и, тем более, Таны. Между тем, кастеллан Солдайи был всего лишь субалтерном консула этой фактории. В это же время и там же указано, что капитан Кайядорских ворот крепости Каффы получал 200 аспров в месяц, капитан бургов — 30 соммов в год, или 475 аспра в месяц, капитан оргузиев — 270 аспров в месяц, капитан антибургов — 150 аспров в месяц.

Возникают два возможных предположения: либо роль кастеллана резко возрастала (см. ниже об увеличении его оклада до 12 соммов в год в 1460 г.), либо писец регистра 1327 ошибся, и вместо записи «*in anno*», в год, написал «*in mense*». Если принять второе предположение, тогда сумма отчислений составит 37,78%, что укладывается в указанный выше интервал. Проверочным материалом является прямое свидетельство в акте проведиторов Банка св. Георгия от 2 апреля 1460 г., где указывается, что оклад кастеллана составляет 1 сомм в месяц, или 12 соммов = 85,68 лир в год⁵⁸. Возможно, это было персональное повышение для кастеллана Адамо Чентурионе (на что указывает слово «*interim*»). Тогда при сумме сталий в том же 1460 г. 14 лир в год⁵⁹ налог составил бы 16,35% от оклада.

Помимо консулов, сталиями облагались оклады ведущих магистратов факторий, к которым относили массариев, капитана Готии и кастеллана Солдайи, писцов курии и массарий, капитана бургов, министрария и иегатария Каффы. При этом сталии капитана бургов и министрария превосходили даже сталии большинства консулов и, следовательно, были весьма доходными. Сталии писцов (скрибаний массарий) приближались к сталиям самих массариев, что указывает на высокое положение писцов-скрибанов, многие из которых являлись нотариями. Должности писцов массарий и писцов курии (консулата) Каффы различались. У массариев было по писцу, а в курии работали три скрибана с меньшими сталиями, чем у писцов массарий, ведавших бухгалтерией фактории. Скрибании были только в главнейших факториях: помимо Каффы, в Симиссо,

⁵⁷ *Vigna A. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV) // Atti della Società Ligure di Storia Patria. 1868. T. 6. P. 752–26/IX 1457.*

⁵⁸ *Vigna A. Codice diplomatico delle colonie Tauro-Liguri durante la signoria dell'Ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV) // Atti della Società Ligure di Storia Patria. 1871. T. 7. Parte 1. P. 60.*

⁵⁹ ASG, SG, Sala 36, 1320 Cabella Staliarum, f. 11r allegato.

Солдае (где они с конца XIV в. стали объединяться с магистратурой консула), Тане и Трапезунде.

Записи сталий позволяют также восстановить и уточнить имена и даты правления консулов. Сложностью при этом является то, что в записях часто обозначены даты номинального вступления и номинального прекращения исполнения должности. Иногда эти сроки менялись, сокращались или, напротив, продлевались, что фиксировалось в некоторых из регистров (к сожалению, не во всех, да и сами регистры за многие периоды не дошли до нас). Эта работа по верификации записей продолжается с контрольным использованием других источников и будет предметом специальной публикации.

Список литературы

- Еманов А.Г. Небесный Иерусалим или Вавилон. Выбор судьбы средневековой Кафы/Феодосии. СПб., 2022.
- Карпов С.П. История Трапезундской империи Второе издание, исправленное и дополненное. СПб., 2017.
- Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М., 1990.
- Карпов С.П. Как Феникс из пепла: возрождение торговли в Тане после катастрофы 1395 г. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8. № 3. С. 504–514.
- Карпов С.П. О разгроме Таны Тамерланом в 1395 г.: событие и его последствия // Поволожская археология. 2020. № 2 (32). С. 38–47.
- Карпов С.П. Тимур-султан и Керим-бирди: два нападения на венецианскую Тану в 1410 и в 1418 гг. // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 4. С. 758–769.
- Пономарев А.Л. Эволюция денежных систем Причерноморья и Балкан в XIII–XV вв. М., 2011.
- Balard M. La Romanie Génoise (XIIe — début du XVe siècle). T. 1. Roma; Genova, 1978.
- Buongiorno M. L'amministrazione genovese nella «Romania». Legislazione — magistrature — fisco. Genova, 1977.
- Gioffrè D. Liber Institutionem Cabellarum veterum (Communis Ianue). Milano, 1967.
- Lowry H.W. Studies in Defterology. Ottoman Society in the Fifteenth and Sixteenth Centuries. Istanbul, 1992.
- Lowry H.W. The Islamization and Turkification of the City of Trabzon (Trebizond), 1461–1583. Istanbul: Isis Press, 2009.
- Spufford P. Handbook of Medieval Exchange. London, 1986.

BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2023. Т. 1

С. 106–115

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 1: 2023

P. 106–115

Научная статья

DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.06

Центрические храмы в Московском Кремле и на городище Мангуп XIV–XV в.

Леонид Андреевич БЕЛЯЕВ

доктор исторических наук; член-корреспондент РАН; заведующий Отделом археологии Московской Руси; Институт археологии РАН; улица Дмитрия Ульянова, д. 19, 117292 Москва; labeliaev@bk.ru

Аннотация: В статье предлагается включить в обсуждение проблемы генезиса октагонального храма на городище Мангуп в Крыму (первая половина XV в.) еще один памятник: речь идет об октагональной постройке на центральной площади Московского Кремля. Ее фундамент был найден при работах 1913 г. недалеко от Успенского собора и зафиксирован известным реставратором П.П. Покрышкиным. Однако опубликовали материал значительно позднее, в 1995 г. При публикации открытый фундамент определили как остатки построенного в 1329 г. храма Иоанна Лествичника, святого патрона московского князя Ивана Даниловича Калиты. До сих пор эта атрибуция найденного в 1913 г. фундамента как одного из первых каменных храмов Кремля вызывала известные сомнения. Сопоставление близких по формам и размерам сооружений позволяет, во-первых, поддержать ее, во-вторых — поднять вопрос о возможной связанности строительной традиции ранней Москвы с поздневизантийским Крымом. Предлагается и ряд аргументов в пользу таких связей в области архитектурной орнаментики Москвы первой четверти XV в.

Ключевые слова: раннемосковская архитектура, архитектура Крыма, декоративная резьба, октагональные храмы, сельджукский орнамент, международные связи.

Финансирование: Статья выполнена в рамках коллективной плановой темы Института археологии РАН «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси — археологическое измерение» — № НИОКТР АААА–А18–118021690056–7.

Цитирование: Беляев Л.А. Центрические храмы в Московском Кремле и на городище Мангуп XIV–XV в. // *Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований*. 2023. Т. 1. С. 106–115. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.06.

Original article

Centric Churches in the Moscow Kremlin and at the Mangup Settlement of the 14th–15th Centuries

Leonid A. BELYAEV

Doctor of Sciences (History); Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of Archaeology of Moscow Rus'; Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; Dmitriy Ulyanov Str. 19, 117292 Moscow, Russian Federation; labeli-aev@bk.ru

Abstract: The article proposes to include in the discussion about the problem of the genesis of the octagonal temple at the Mangup settlement in Crimea (first half of the 15th century) another monument: an octagonal building on the central square of the Moscow Kremlin. Its fundament was found during the work of 1913 near the Assumption Cathedral and recorded by the famous restorer P.P. Pokryshkin. However, the material was published much later, in 1995. During publication, the open fundament was identified as the remains of the temple of John Climacus, built in 1329, the holy patron of the Moscow prince Ivan Danilovich Kalita. Until now, this attribution of the fundament found in 1913 as one of the first stone churches of the Kremlin has raised certain doubts. A comparison of structures that are similar in shape and size makes it possible, firstly, to support it, and secondly, to raise the question of the possible connection of the building tradition of early Moscow with the late Byzantine Crimea. A number of arguments are also offered in favour of such connections in the field of architectural ornamentation of Moscow in the first quarter of the 15th century.

Key words: early Moscow architecture, Crimean architecture, decorative carvings, octagonal temples, Seljuk ornament, international relations.

Funding: The article was carried out within the framework of the collective planned theme of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences “Dynamics of historical life and cultural identity in Eastern Europe from the era of the Great Migration to Muscovite Rus’ — an archaeological dimension” — № НИОКТР АААА–А18–118021690056–7.

For citation: Karpov, S.P. “Centric Churches in the Moscow Kremlin and at the Mangup Settlement of the 14th–15th Centuries.” *Byzantinoturica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 1(2023). P. 106–115. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.06.

Цель настоящей статьи двоякая: включить в процесс рассмотрения очень известного памятника, октагона¹ на городище Мангуп, столице Феодоро, еще один объект. Он тоже довольно известен, но не в пространстве исследований Крыма. Это октагональный в плане фундамент в Московском Кремле. Их сопоставление кажется хорошим поводом и для того, чтобы обратить внимание и на другие возможные примеры контактов Руси XIV–XV вв. с территориями вокруг Черного моря, включая Малую Азию.

Начнем с севера. В последней четверти XIX — начале XX в. в Кремле прошел ряд обширных работ по реставрации и благоустройству церквей и дворцов, в то время использовавшихся по назначению. В том числе, была проведена вертикальная планировка Соборной (Царской) площади, имевшая целью понижение уровня мощения и вывод его на отметки, близкие к XVI в., вернув зданиям их первоначальную высоту. Эти работы в литературе очень мало отражены, но при них был сделан ряд неожиданных открытий. Так, внезапно «всплыли» выложенные в грунте кирпичные воздухопроводы калориферной системы, устроенной в 70-х гг. XIX в. Понижение было довольно значительным: так, крыльца Успенского собора Аристотеля Фиораванти оказались к началу XX в. на глубине 60–100 (рис. 1).

Планировала работы и руководила ими специально созданная комиссия, чьи материалы частично опубликованы, но в основном просто забыты. Комиссия существовала до 1918 г., и в ее работе активную роль играл известный архитектор — археолог Петр Петрович Покрышкин.

При снятии мостовой в центре площади, примерно в 12 метрах к югу-юго-востоку от Успенского собора, прямо под мощением, открылись руины неизвестной каменной постройки: П.П. Покрышкин не уделил ей особого внимания. Ограничились тем, что открытую часть здания отсняли и обмерили, причем два листа кроки сохранились. Это детальный обмер с привязкой к существующим сооружениям. Существенный по толщине культурный слой вдоль стен скрупулезно зачерчен и описан, можно понять, что это стратифицированный слой, а не засыпка фундаментного рва.

То, что памятник не привлек особого внимания, трудно объяснить. По видимому, древнего здания в этом месте Кремля встретить не ожидали, зато примерно здесь позднейшие документы отмечали сооружения, связанные с подъемом и хранением колоколов в XVI–XVIII вв. Кладка залегала высоко, практически прямо под мощением, и это заставило ассоциировать постройки с одним из них. Ее отнесли к XVIII в., и после прекращения работ (1918 г.) просто забыли. Однако, кроме кроки, были сделаны три фотографии, которые сохранились в Музеях Московского Кремля. На них открытая часть каменного октагона, хотя и не полностью расчищенного, представлена довольно наглядно (рис. 2).

Эти фотографии и кроки обнаружили сотрудник Музеев Кремля Татьяна Дмитриевна Панова и архитектор Вольфганг Вольфгангович Кавельмахер².

¹ Поскольку в обсуждении объекта уже всплывала тема огласовки названия, оговорюсь, что выбираю «акающий» вариант, хотя в греческом и латыни это, конечно, «окающая» форма. Московскому уху так привычнее.

² Кавельмахер В.В., Панова Т.Д. Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади Московского Кремля // Культура средневековой Москвы. XIV–XVII вв. М., 1995. С. 66–83.

Они определили фундамент как храм-колокольню Иоанна Лествичника — святого патрона князя Ивана Калиты, о построении которой было известно из летописной статьи 1329 г. Для публикации В.В. Кавельмахер и его ученица Екатерина Ивановна Рузаева, опираясь на замеры П.П. Покрышкина, выстроили белой чертеж и поместили октагон на общий план Соборной площади³ (рис. 3).

Если атрибуция верна, то постройку в 1505–1509 гг. сменил новый храм, поставленный на другом месте, существенно восточнее. После ряда перестроек он превратился в комплекс церквей со звонами, всем известный ныне под именем Ивана Великого. Он отнесен очень далеко даже от нынешнего Успенского собора, а ведь собор Ивана Калиты был в его юго-западной части. Так что между ним и местом новой колокольни оказалось бы не меньше 60–70 метров, что явно много. В то время как древний октагон помещен практически в центре площади, между древнейшими соборами.

После некоторых колебаний, сохраняя сомнения, история архитектуры приняла предложенную атрибуцию, и она была учтена, пусть с оговорками, в новой «Истории русского искусства»⁴. Но ни 30 лет назад, ни в тексте 2019 г. о здании аналогичного плана на Мангупе не было сказано ни слова. Нет до сих пор в литературе и обратной отсылки, от крымского октагона к кремлевскому⁵.

Только в мемуарах, записанных с его слов и опубликованных после смерти автора, В.В. Кавельмахер в двух фразах указал на него, правда, без ссылки на какой-либо источник: «Такой же октагон, как показанный мною Иоанн Лествичник, есть в крепости на Мангупе в Крыму. Это — византийская крепость»⁶. Безусловно, пора сравнить эти два сооружения (рис. 4).

К чертам сходства отнесем уникальный характер обоих памятников для заданного места и времени; их центральный характер по отношению к ансамблю; очень схожий план (восьмигранник с вписанными крестообразно ячейками и одной полукруглой апсидой), не менее близкие размеры (на Мангупе — 8.0 × 8.5 м, в Кремле — поперечник 8.49 м) и технические особенности (кладка из крупных квадров известняка). Правда, есть и отличия, главное из которых — колонки по углам: они есть у московского октагона, но их нет у крымского. Заметно отличается и толщина стен: в Москве она более 1.5 м, в Крыму — менее 1.0 м, что, возможно, связано с разницей в подошве: на Мангупе стены стоят

³ Существенное внимание в статье 1995 г. было уделено вопросам использования здания как колокольни и приведены многочисленные примеры звонниц в России и на Кавказе, так что впоследствии для историка науки будет интересно сравнить ход рассуждений В.В. Кавельмахера и работавших с крымским октагоном ученых, поскольку они делали это независимо друг от друга.

⁴ Баталов А.Л., Беляев Л.А. Архитектура Твери и Москвы // История русского искусства в 22 томах / Под ред. А.С. Смирновой. Т. 4 (Искусство середины XIII — середины XIV века). М., 2019. С. 158–205 (здесь: С. 187–189).

⁵ Во всяком случае, мне она не встретилась в литературе вплоть до свода 2021 г.: Науменко В.Е., Герцен А.Г., Йожица Д.В. Христианский Мангуп. Современная источниковая база и основные этапы истории // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2021. Вып. 25. С. 255–281.

⁶ В.В. Кавельмахер о себе и современниках. Электронный ресурс: <http://www.kawelmacher.ru/kavelmakher5.htm> (посещение 06.08.2023).

прямо на скале, а в Москве на глине, причем к собственной тяжести построй- ки прибавляется вес колоколов. У крымского здания есть западный «притвор», но, возможно, он есть и в Москве: западная часть здания еще не раскрыта.

В остальном мангупский октагон здесь характеризовать нет нужды. Он выделяется даже на фоне чрезвычайно богатой архитектурной истории Крыма, давно известен (открыт в конце XIX в.), изучался много раз и полностью раскопан в 90-х гг. XX в. под руководством А.Г. Герцена и В.Е. Науменко. Все исследователи соглашались с тем, что это христианское здание, вероятно, капелла. Но узкую атрибуцию октагона, включая дату и архитектурную традицию, до последнего времени оживленно обсуждали⁷.

Дата, постепенно сдвигаясь от середины I к середине II тысячелетия, стала частью общих споров о хронологии церковного зодчества Крыма. Не вполне ясно видели и корни архитектурной традиции: армянские? общие раннехристианские и византийские в частности? исламские? европейские позднесредневековые?

Это требовало обширных экскурсов в архитектурную традицию Средиземноморья и Закавказья, а также выхода в область теории архитектурных форм в манере А.Л. Якобсона. Нам близка атрибуция, ориентирующаяся на средиземноморскую традицию, уходящую в позднее Средневековье, но и от других связей того же примерно времени пока нет нужды решительно отказываться.

Археологическая дата памятника, несмотря на значительные усилия опытных исследователей, все еще расплывчата и говорит скорее о времени разрушения объекта. Даты по архитектурным признакам мало надежна. Аргументы от общей истории Мангупа и отсылка к яркому эпиграфическому памятнику, надписи 1427 г. о церкви святых Константина и Елены, привязаны к октагону все же условно. Но и оспаривать археологическую дату в пределах раннего XV в. у меня нет серьезных оснований.

Допустимо думать, что появившийся примерно на 100 лет раньше московский октагон и сравнительно молодое здание на Мангупе — примеры одной архитектурной традиции. В дальнейшем, с XVI в., московские колокольни и небольшие храмы будут получать восьмигранное основание, вероятно, под воздействием итальянских прототипов, где такие решения достаточно обычны уже в развитии средневековье.

⁷ Полная история открытия и изучения мангупской базилики излагалась не раз, причем повторялись и аргументы дискуссии. Основная литература: *Мыц В.Л.* Крестообразный храм Мангупа // Советская археология. 1990. № 1. С. 224–242; *Кирилло В.П., Мыц В.Л.* Октагональный храм Мангупа // Античная древность и Средние века. 2001. Вып. 32. С. 354–375; *Кирилло В.П.* О времени строительства Мангупского октагона и его идентификации (к вопросу об интерпретационных возможностях источника) // Stratum plus. 2010. № 6. С. 103–120; *Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Октагональная церковь Мангупской цитадели по данным археологических исследований 1997–1999 гг.: планировка, стратиграфия, хронология // Античная древность и Средние века. 2009. Вып. 39. С. 423–466; *Герцен А.Г., Науменко В.Е.* Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 53 (Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв.: материалы международного семинара). СПб., 2010. С. 227–253; *Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю.* Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.; СПб., 2017. С. 43.

Однако, насколько вообще корректно сравнивать материал столь далеких памятников? Напомним, что в обоих случаях мы имеем дело с уникальным для местного строительства сооружением, причем в Крыму этот случай считается единственным. На то, что и там, и здесь линия активно тянется, по крайней мере, в избранном хронологическом пласте, в Европу и даже уже — в Италию, уже указывалось. В последние годы становится все яснее, что крымские и крымско-итальянские сюжеты для ранней Москвы не случайное явление.

Что, кроме части плана и технических деталей, мы знаем о кремлевском октагоне? Прежде всего, к нему гипотетически относят блоки архивольтов. Один происходит из заполнения фундамента комплекса Ивана Великого и, вполне возможно, от октагона (или другого здания эпохи Калиты). Это вполне традиционная владими́ро-суздальская резьба, которую можно при желании увести в домонгольский период. Резьба нечеткая и очень простая, в данном случае грубоватая, мотив простейший (рис. 5).

Если сравнить его с камнями из Кремля примерно на 100 лет позже, то разница выступит наглядно (рис. 6). За этот период сложилась «первая редакция» московского белокаменного зодчества. Мы находим его в созревшем виде к началу XV в., представленным тремя сохранными храмами (Звенигород, Троице-Сергиева лавра, остатки двух-трех сооружений в Москве, в Кремле и в Богоявленском за Торгом монастыре)⁸.

Это храм с куполом на четырех столпах, который отличает открытый фасад с трехчастным резным фризом. Его генезис, как в части конструкции, так и в отношении истории орнамента, вызывал вопросы десятилетиями. В последние годы всё яснее, что это работа малоазийских и крымских резчиков, знакомых с построением сложного (привычное условное название — «сельджукский») декора⁹. Сами резчики вряд ли были тюрками и мусульманами: скорее всего, это армянские ремесленники из центральной Малой Азии (Коньи, Киликии), работавшие и для заказчиков-христиан, и для приверженцев ислама. Принесенный ими «арабеск» получит серьезное распространение в Москве и будет популярен вплоть до русско-итальянских построек конца XV–XVI вв. рис. 7. Более сложные растительные ленты, напротив, быстро исчезнут.

Это общая тенденция с Европой. Но есть и прямые, особенные аналоги между резьбой Москвы и Крыма, откуда след ведет дальше на юг, в Малую

⁸ В это время в раннем зодчестве Москвы есть и другой тип здания, представленный постройками прежде всего в Коломне, «храм с угловыми опорами» конца XIV в. Эту группу нужно изучать заново. Сложнее с датой непохожего на две описанные группы храмом Спаса Преображения в Андрониковом монастыре, дата которого в последнее время подвергается обоснованным сомнениям: *Баталов А.Л.* Собор Андроникова монастыря и раннемосковская архитектурная традиция: проблемы соотношения // *Русское искусство. I. Норма и разрыв* / Под ред. Вл.В. Седова. СПб., 2019. С. 7–19.

⁹ *Беляев Л.А.* Исламский Восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке // *Поволжская археология*. 2016 № 2 (16). С. 18–33; *Баталов А.Л.* «Арабский цветок»: к вопросу о генезисе декоративных мотивов в московской архитектуре XIV–XV вв. // *Российская археология*. 2018. № 3. С. 153–163; *Belyaev L.* The Seljuk Stone Carving of the Late 14th — Early 15th Century: Jerusalem, Anatolia, Crimea and Moscow // *Abstract book of the 25th EAA Annual Meeting* (Bern, 2019). Bern, 2019. P. 604, а также другие работы.

Азию. Так, аналогии для сложной, даже запутанной и непонятной резьбы храмов раннемосковского типа удастся найти с привлечением именно крымско-анатолийских связей. Белокаменные резные фризы трех храмов, построенных в первой четверти XV в. (Успенский собор на Городке и Благовещенский монастырский в Звенигороде, Троицкий в Сергиевой лавре) долго оставались харах раннемосковской архитектуры. Явление явно носит ограниченный характер и хронологически связано с первой четвертью XV в. Эти камни не имеют прототипов в архитектурной орнаментике XII–XIII вв., как и в древнейшей московской традиции первой половины XIV в., о которой мало что известно. Но у этих орнаментов не видно серьезного продолжения и с середины XV в.

Речь идет не только о мотивах резьбы, которые можно выявить, сделать очевидными, сравнив, скажем, блок из музея в Старом Крыму с одним из фризов Успенского собора на Городке в Звенигороде или верхним рядом фриза главной церкви Троице-Сергиевой лавры **рис. 8, 9 и 10**. Или на прочно вошедшем в сюжеты русской резьбы упрощенном арабеске, роль которого и связь с тюркской, в том числе сельджукской орнаментальной традицией не раз обсуждались. Не менее важна сама конструкция фриза, которая, видимо, ни что иное как приспособление исламской системы архитектурного орнамента к православной церковной постройке. Сходными чертами тут выступают трехчленный фриз, проходящий по барабанам и куполам, а часто еще и по стенам. Важно, что этот фриз в обоих случаях ступенчатый, а его верхний ряд вынесен и артикулирован в качестве карниза **рис. 11, 12**.

Возможно, что и якобы готический ромбовидный декор капителей в московской версии прекрасно объясним через исламские формы. Мы помним, что само европейское искусство испытывало в период готики и Ренессанса, да и позже, мощное воздействие восточного искусства: сначала наивно-прямолинейно, и лишь позже начало смотреть на него свысока, перейдя к модели ориентализма. Москва не исключение, а скорее особый вариант того же процесса.

Из храмов, которые построены во времена Калиты, нам известны теперь два. Простор для фантазии все еще велик, но вполне вероятно, что его постройки наследовали владимиро-суздальской традиции. Видимо, только в конце XIV — начале XV в. в Москве сложился новый архитектурный контекст, в чем приняли участие мастера из Крыма и Причерноморья, как хорошо знакомые с техникой и стилистикой восточной резьбы исполнители. Об их этноконфессиональном составе нужно говорить отдельно, но ясно, что среди них могли быть христиане, прежде всего армяне и греки¹⁰.

Хронологически первый фриз с арабеском, ориентированным на резьбу центральной Анатолии и Крыма, относят к церкви Рождества Богородицы на

¹⁰ Как известно, строители из Крыма уезжали далеко от полуострова, используя связи купцов, о чем говорит строительство армянского собора во Львове на средства и при помощи армянских купцов из Кафы. См.: *Казарян А.Ю.* Архитектура армянского собора во Львове. Истоки композиции и декора первоначального храма // *Художественная культура армянских общин на землях Речи Посполитой*. Минск, 2013. С. 116–126. См. тж.: *Казарян А.Ю.* Армяне в Крыму: архитектура // *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. Т. 9. СПб., 2019. С. 326–338.

Рву, 1394 года¹¹. Все остальные памятники этого круга построены *после* уничтожения главных центров Золотой Орды в 1395 г., независимо от решения вопроса о степени разрушений этого времени в самом Крыму, а главное — после голода и чумы, которые длились до 1405 г. и заставили многих искать спасение в бегстве¹². Дорога для них была, возможно, знакома: со времен В.Е. Сыроечковского принято учитывать устойчивые контакты с итальянскими колониями, при посредстве чиновников Орды или напрямую¹³. Если верить Никоновской летописи, еще в 1346 г., вскоре после постройки кремлевского октагона (и, вероятно, для него) пресловутый колокольный мастер Борис, названный летописью Римлянином, отлил в Москве набор колоколов¹⁴. Отмечается их возможное участие и в других областях искусства, прежде всего в орнаментике¹⁵. При наследниках Дмитрия Донского можно говорить о посредничестве или прямом участии гостей-сурожан. В XV в. некоторые из них обосновались в Москве и вели здесь каменное строительство. Григорий Ховра, его сын и внук Ховрины построили собор Симонова монастыря и были «предстателями» Успенского собора¹⁶.

Итак, в Московском княжестве на рубеже XIV–XV вв. строительство каменных храмов резкое оживляется. В работу включаются мастера, владеющие восточной орнаментальной резьбой, имеющей параллели в Крыму и в Анатолии. Это, видимо, говорит о системе сложных по географии контактов, в этноконфессиональном отношении столь же пестром, как в исходных точках, в пространстве от почти приморской Нийдэ через Каппадокию (Кайсери, Суз) до Эрзерума с их христианско-исламским греческим, армянским, тюркским населением, не обходя стороной Хан и памятники окрестностей этого пути, такие как очаровательный Сусуз, и наконец, сам Крым¹⁷.

Вернемся к исходному сопоставлению октагонов. Наследник восьмигранных конструкций ранних христиан, храмов поздней Византии и переработанных исламских дюрбе, октагон в Кремле возведен, возможно, при участии мастеров из Крыма, знакомых с традицией строительства капелл на восьмигранном основании.

¹¹ ПСРЛ. Т. 24: Типографская лет. Пг., 1921 (репринт: 2000). С. 160.

¹² Миргалеев И. Попытки возрождения Золотой Орды в конце XIV — начале XV века // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 698–704.

¹³ Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. [Известия ГАИМК; 127]. М.; Л., 1935. С. 23.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 10: Никоновская летопись. СПб., 1885 (репринт: М., 2000). С. 217.

¹⁵ Орлова М.А. К изучению фронтисписов «Онежской псалтири» 1395 года (ГИМ, Муз. 4040) // Образ христианского храма: Сборник статей по древнерусскому искусству к 60-летию А.Л. Баталова / Сост. Л.А. Беляев, Вл.В. Седов. М.: Арткитчен, 2015. С. 150–169 (здесь: С. 166).

¹⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III / Отв. ред. Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин и др. М., 1964. № 479. С. 465; ПСРЛ. Т. 12. Никоновская летопись. СПб., 1901 (репринт: М., 2000). С. 153. См. тж.: Выголов В.П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988.

¹⁷ Полагаю, что эта проблема может стать темой специального проекта с участием и турецких коллег, изучающих резьбу и вообще строительство XIII–XV веков.

Список литературы

- Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. III / Отв. ред. Б.Д. Греков, Л.В. Черепнин и др. М., 1964.
- Баталов А.Л. «Арабский цветок»: к вопросу о генезисе декоративных мотивов в московской архитектуре XIV–XV вв. // Российская археология. 2018. № 3. С. 153–163.
- Баталов А.Л. Собор Андроникова монастыря и раннемосковская архитектурная традиция: проблемы соотношения // Русское искусство. I. Норма и разрыв / Под ред. Вл.В. Седова. СПб., 2019. С. 7–19.
- Баталов А.Л., Беляев Л.А. Архитектура Твери и Москвы // История русского искусства в 22 томах / Под ред. А.С. Смирновой. Т. 4 (Искусство середины XIII — середины XIV века). М., 2019. С. 158–205.
- Беляев Л.А. Исламский Восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке // Поволжская археология. 2016 № 2 (16). С. 18–33.
- Выголов В.П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь Мангупской цитадели по данным археологических исследований 1997–1999 гг.: планировка, стратиграфия, хронология // Античная древность и Средние века. 2009. Вып. 39. С. 423–466.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е. Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 53 (Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв.: материалы международного семинара). СПб., 2010. С. 227–253.
- Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.; СПб., 2017.
- Кавельмахер В.В., Панова Т.Д. Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади Московского Кремля // Культура средневековой Москвы. XIV–XVII вв. М., 1995. С. 66–83.
- Казарян А.Ю. Армяне в Крыму: архитектура // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Т. 9. СПб., 2019. С. 326–338.
- Казарян А.Ю. Архитектура армянского собора во Львове. Истоки композиции и декора первоначального храма // Художественная культура армянских общин на землях Речи Посполитой. Минск, 2013. С. 116–126.
- Кирилко В.П. О времени строительства Мангупского октагона и его идентификации (к вопросу об интерпретационных возможностях источника) // Stratum plus. 2010. № 6. С. 103–120.
- Кирилко В.П., Мыц В.Л. Октагональный храм Мангупа // Античная древность и Средние века. 2001. Вып. 32. С. 354–375.
- Миргалеев И. Попытки возрождения Золотой Орды в конце XIV — начале XV века // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 698–704.
- Мыц В.Л. Крестообразный храм Мангупа // Советская археология. 1990. № 1. С. 224–242.
- Науменко В.Е., Герцен А.Г., Иожица Д.В. Христианский Мангуп. Современная источниковая база и основные этапы истории // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2021. Вып. 25. С. 255–281.
- Орлова М.А. К изучению фронтисписов «Онежской псалтири» 1395 года (ГИМ, Муз. 4040) // Образ христианского храма: Сборник статей по древнерусскому искусству

к 60-летию А.Л. Баталова / Сост. Л.А. Беляев, Вл.В. Седов. М.: Арткитчен, 2015. С. 150–169.

Сыроечковский В.Е. Гости-сурожане. [Известия ГАИМК; 127]. М.; Л., 1935.

Belyaev L. The Seljuk Stone Carving of the Late 14th — Early 15th Century: Jerusalem, Anatolia, Crimea and Moscow // Abstract book of the 25th EAA Annual Meeting (Bern, 2019). Bern, 2019. P. 604.

BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2023. Т. 1

С. 116–132

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 1: 2023

P. 116–132

Научная статья

DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.07

Специфические черты архитектурной декорации храмов Северного Кавказа и Закавказья в IX–XI вв. как отражение локальных особенностей христианской культуры

Екатерина Юрьевна ЕНДОЛЬЦЕВА

доктор искусствоведения; ведущий научный сотрудник; Институт востоковедения РАН;
ул. Рождественка, д. 12/1, 107031 Москва; kat345@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена синкретизму христианской культуры и традиционных верований в специфических регионах Кавказа (центральная часть Главного Кавказского хребта) в эпоху возобновления христианского строительства после арабских нашествий. В фокусе внимания зооморфные образы — скульптурные изображения рогатых черепов животных (быки, бараны и др.), животные со сложной биологической идентичностью (гибридные существа), змеи и змей-драконы, рыбы и другие специфические виды орнаментов (плетенные геометрические, розетки, геометрические), а также концепция традиционного жилища в осмыслении пространства христианского храма.

Ключевые слова: зооморфные образы, растительные мотивы, скульптурные рельефы, Кавказ.

Цитирование: *Ендольцева Е.Ю.* Специфические черты архитектурной декорации храмов Северного Кавказа и Закавказья в IX–XI вв. как отражение локальных

особенностей христианской культуры // *Byzantinoturica*. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2023. Т. 1. С. 116–132. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.07.

Original article

Specific Features in Architectural Decoration of Churches in Northern Caucasus and in Transcaucasia between the 9th and the 11th Centuries as Reflection of Local Christian Culture

Ekaterina Yu. ENDOLTSEVA

Doctor of Art History; Senior Researcher; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences: Rozdestvenka Str., 12/1, 107031 Moscow, Russian Federation; kat345@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the syncretism of Christian culture and traditional beliefs in specific regions of the Caucasus (the central part of the Main Caucasus Range) in the era of the resumption of Christian construction after the Arab invasions. The focus is on zoomorphic images representing sculptural images of horned animal skulls (bulls, rams, etc.), animals with complex biological identities (hybrid creatures), snakes and dragon snakes, fish, etc. and specific types of ornaments (braided lintel, rosettes, geometric), as well as the concept of a traditional home in understanding the space of a Christian temple.

Key words: zoomorphic images, plant motifs, sculptural reliefs, Caucasus.

For citation: Endoltseva, E.Yu. "Specific Features in Architectural Decoration of Churches in Northern Caucasus and in Transcaucasia between the 9th and the 11th Centuries as Reflection of Local Christian Culture." *Byzantinoturica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 1(2023). P. 116–132. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.07.

Среди сюжетов, представленных в архитектурной декорации некоторых христианских церквей Северного Кавказа и Закавказья, встречается ряд необычных изображений, появление которых трудно объяснить с точки зрения канонического христианского искусства. В ходе исследований, которые продолжаются уже более десяти лет, удалось сделать некоторые наблюдения касательно репертуара этих сюжетов, их места в декоративной системе внешнего и внутреннего убранства храма, возможных истоков, функции, периода наибольшего распространения. Данная статья имеет целью обобщить накопленный материал и, по возможности, выделить основные тенденции, которые помогли бы понять эстетические трансформации в системе украшения христианских церквей Северного Кавказа и Закавказья в послерабский период.

Среди мотивов, которые удалось подробнее рассмотреть в ходе многолетних исследований, можно выделить две основные группы: зооморфные образы

и орнаментальные мотивы. Важно отметить, что речь в каждом случае идет исключительно об одиночных мотивах, которые не входят в состав многофигурных композиций. Последние, в свою очередь, зачастую имеют вполне каноническое традиционное для христианской культуры Средневековья значение.

К первой группе относятся: рогатые животные или их дериваты в виде про- том или голов (черепов) различных животных (**рис. 1**) (быки¹, бараны², олени), змеи³, змеи-драконы⁴ и рыбы, медведи, гибридные зооморфные существа⁵, личины-маски (без нимбов и атрибутов)⁶. Во второй группе рассмотрены такие распространенные орнаментальные мотивы, как геометрические⁷, розетки, плетеные геометрические орнаменты⁸.

Были проанализированы случаи, когда мотивы из двух вышеназванных групп представлены изолированно, а также в составе конфигураций разной степени сложности (по преимуществу в сочетании друг с другом).

В ходе исследований применялась в целом одна и та же стратегия, основанная на пристальном внимании к возможной преемственности археологических культур и художественных традиций в определенных регионах Кавказа. Эта стратегия не нова. Она основывается прежде всего на широком привлечении данных не только из традиционного арсенала средств искусствоведа, но и локальной этнографии, отчасти археологии с поправкой на специфику региона (Кавказ). О ней говорил еще А.А. Миллер⁹, известный искусствовед, кавказовед и знаток древностей Кавказа.

¹ Ендольцева Е.Ю. Синкретические образы: изображение бычьей головы в архитектурной пластике христианских храмов на южном Кавказе в период Средневековья // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 2. С. 323–338.

² Ендольцева Е.Ю. Мотив головы барана в архитектурной пластике Кавказа X–XIV вв. // ALLON. К 60-летию заслуженного деятеля науки РЮО профессора Ю.А. Дзицойты: Коллективная монография / Отв. ред. А.Ю. Скаков, И.В. Скакова. Москва, 2021. Москва, 2021. С. 161–173.

³ Ендольцева Е.Ю. Образы змеи и рыбы в архитектурной декорации христианских храмов Кавказа в эпоху Средневековья: некоторые размышления // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2022. Вып. 47. С. 34–53.

⁴ Kuehn S. The Dragon in Medieval East Christian and Islamic Art. Leiden; Boston, 2011.

⁵ Ендольцева Е.Ю., Скаков А.Ю. Зооморфные образы в архитектурной пластике Кавказа IX–XI вв. // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2020. Вып. 37. С. 9–27.

⁶ Ендольцева Е.Ю., Тахнаева П.И. Изображения личин в христианском искусстве Кавказа (пластика, фрески) в IX–XI вв.: возможные интерпретации мотива // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сборник научных статей / Под ред. Ю.А. Прокопенко, С.Н. Малахова. Вып. 16. Ставрополь; М., 2023. С. 351–366.

⁷ Ендольцева Е.Ю., Шевченко Д.В. Некоторые геометрические мотивы на Кавказе и в Каппадокии в эпоху Средневековья: размышления об их истоках и смысле // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 6. С. 255–275.

⁸ Ендольцева Е.Ю. Плетеный ленточный орнамент на Кавказе в период Македонской династии: истоки и значение мотива (на примере архитектурной пластики) // Byzantino-Caucasica. Вып. 2: сборник статей / Отв. ред. В.Н. Чхаидзе. М., 2022. С. 131–159.

⁹ Миллер А.А. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана // Материалы по этнографии. Ленинград, 1927. С. 15–76.

О консерватизме материальной культуры на Кавказе рассуждали многие этнографы. Они обосновывали методологическую возможность использовать этнографический материал XVIII–XX вв. при интерпретации предметов, относящихся к гораздо более древним археологическим периодам и культурам. А.А. Миллер неоднократно подчеркивал устойчивость материальной культуры многих народов Кавказа, в особенности тех, кто населял горные районы (аварцы, лакцы). Он указывал на удивительную сохранность «архаизмов в живом обиходе по крайней мере, в части культуры материальной»¹⁰. Этот исследователь одним из первых сформулировал ключевой для изучения древностей Кавказа тезис о «преемственности и непрерывности в развитии основных форм» материальных предметов в «кавказском яфетическом мире ... при сравнительно незначительных вариационных изменениях»¹¹. Этот тезис исследователь проиллюстрировал помимо прочего тем, что показал, как древнейшие сакральные знаки (различного рода розетки, рога, некоторые орнаменты и т. д.) используются в бытовой материальной культуре современного ему Дагестана. А.А. Миллер подчеркивал также особую роль Кобанской культуры в формировании системы этих сакральных знаков. Еще одна важная идея, высказанная этим исследователем и имеющая существенное значение в изучении зооморфных образов в этом регионе — выделение именно «абхазо-свано-мегрельской среды» как территории особенно богатой «реликтовыми формами»¹².

Идею преемственности и консерватизма форм в традиционно-бытовой культуре Северного Кавказа поддерживал и известный этнограф Ю.Ю. Карпов¹³, который отмечал особое значение рогов (рогатые черепа разного рода), в системе традиционных сакральных образов на Кавказе. Он же усматривал связь этого сакрального символа с древними культами Ближнего и Среднего Востока.

Похожие соображения относительно обилия архаизмов в концепции украшения традиционного дома в горных регионах Кавказа (на примере аварского традиционного дома) высказывал Г.Я. Мовчан. Анализируя памятники, исследователь отмечал «поистине феноменальную сохранность древнейших реликтовых свойств, возникновение которых и породившие их жизненные условия уходят вглубь на многие тысячелетия»¹⁴.

Сходные выводы позволил сделать анализ графического искусства и системы украшения традиционного жилища в горной северо-западной части Грузии, Сванетии¹⁵. Как и в случае с горными областями Дагестана, обращает на себя внимание обилие архаизмов в материальной культуре людей, проживающих на

¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹ Там же. С. 19.

¹² Там же. С. 18.

¹³ Карпов Ю.Ю. «Рогатые» деревянные сосуды западного Дагестана // Этнографические тетради. № 12. СПб., 1998. С. 5–12.

¹⁴ Мовчан Г.Я. Старый аварский дом в горах Дагестана и его судьба. По материалам авторских обследований 1945–1964 гг. М., 2001. С. 370.

¹⁵ См.: Бардавелидзе В.В. Древнейшие верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957; Он же. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.

этой территории. Эту же идею относительно преемственности форм в традиционной культуре от глубокой древности до наших дней развивают исследователи и на осетинском материале¹⁶.

Со своей стороны, ученые-археологи, которые специализируются на изучении одной из самых значительных древних локальных археологических культур Кавказа, кобано-колхидской культурно-исторической общности, приходят к схожим выводам относительно устойчивости ее форм. Так, например, А.Ю. Скаков отмечает: «... локализация кобано-колхидской культурно-исторической общности в значительной степени на территории горной части Кавказа, от Чечни до района Туапсе-Сочи, позволяет привлечь к анализу эпос и фольклор населения, проживающего в этих ущельях вплоть до сегодняшнего дня. Не вдаваясь в не поддающийся уверенному разрешению на современном уровне развития науки вопрос об этнической принадлежности кобано-колхидских племен, примем как данность несомненное сохранение на протяжении тысячелетий местного субстрата в горных районах Большого Кавказа. Миграции, создание анклавов, вторжения иноплеменных захватчиков — все это могло привести, как показывают более поздние исторические периоды, лишь к уходу коренного местного населения в труднодоступные горные ущелья. Возможна также смена языка, переход аборигенов на язык завоевателей или более многочисленных пришельцев. Поэтому мы имеем полное право в своем анализе взять за основу эпические памятники и фольклор трех современных крупнейших этнических групп древнего кобано-колхидского ареала — осетин, абхазов и грузин. В этом случае вероятность ошибки будет минимальной»¹⁷. Применительно к нашему материалу речь может в первую очередь идти об активном использовании сопоставлений и аналогий, происходящих из традиционно-бытовой среды рассматриваемых областей.

Поскольку отдельные мотивы каждой из двух групп были уже детально проанализированы в серии статей, приведем лишь ключевые выводы по основным сюжетам.

Гипотетическую возможность связать зооморфные образы в средневековой скульптуре Грузии с более древними локальными археологическими культурами (торевтика из Триалети, кон. III тыс. до н. э.) отмечала Н.А. Аладашвили¹⁸. Среди зооморфных изображений особое внимание стоит уделить протомам или головам рогатых животных, из которых можно выделить головы быков¹⁹. Как и в остальных случаях, одиночные изображения бычьих голов в архитектурной декорации христианских храмов Кавказа эпизодически встречаются,

¹⁶ См.: *Гаглойти Р.Х.* О некоторых культах (барана, козла, лошади, рыбы), доминирующих на территории Южной Осетии в позднеантичный и раннесредневековый периоды (по археологическим материалам) // *Известия*. Вып. 36. Цхинвал, 2000. С. 19–33; *Чибиров Л.А.* Традиционная духовная культура осетин. Москва, 2008.

¹⁷ *Скаков А.Ю.* Образ оленя в мифологии древнего населения Кавказа // *Кавказский сборник*. МГИМО МИД России. Институт международных исследований. Т. 13 (45). Москва, 2021. С. 29–40 (здесь: С. 33).

¹⁸ *Аладашвили Н.А.* Монументальная скульптура Грузии. М., 1977. С. 217–234.

¹⁹ *Ендольцева Е.Ю.* Синкретические образы... С. 323–338.

начиная с V в., однако этот мотив получает большее распространение, начиная с X в. (Свети-Цховели в Мцхета, Джегета в Сванетии, собор Св. Креста на о. Ахтамар, несколько позже — монастырь в Гегарде, монастырь в Санаине). Мотив бычьей головы встречается в это же время (VIII–X вв.) и в традиционной бытовой среде (аланские могильники близ села Тарское, могильники близ села Бежта), где скорее всего выполнял функции амулета. Этот же мотив (как и его дериват в виде бычьих рогов) достаточно часто встречается на археологических артефактах (чаще всего ритуальные объекты: статуэтки, переносные очажки, вишапы и др.) с территории Кавказа (Армения, Грузия, Дагестан, Кабардино-Балкария), которые относятся к гораздо более ранним периодам (вплоть до позднего Бронзового века). К периоду раннего бронзового века относятся свидетельства почитания бычьих черепов на Кавказе (культовое здание на поселении Гудабертка с распиленными бычьими черепами с рогами).

В целом, общеизвестно, что культ быка и бычьей головы был широко распространен не только на Кавказе, но и в Малой Азии, на территории всего Средиземноморья и Ближнего Востока. Судя по всему, бык особо почитался в большинстве развитых обществ древнего мира, начиная, по крайней мере, с эпохи неолита. В большинстве культур бык воспринимался даже как земное воплощение бога или его атрибут.

Среди наиболее ранних свидетельств почитания бычьих черепов — культовые изображения в домашних святилищах на поселении Чатал-Гуюк (южная Анатолия, VIII–VI тыс. до н. э.). Кроме того, в ранних земледельческих поселениях кости быка, его череп или рога находят заложенными в фундаменты домов (Телль Халула); черепа могли использоваться в конструкции сидений (Мюрей-бит, Телль Аббар III). В древнейшем из известных святилищ в Гебекли-Тепе (Армянское нагорье, XI тыс. до н. э.) также заметны следы почитания быков и бычьих голов. Изображение бычьей головы в качестве сакрального знака, включающего в себе различные оттенки смысла (например, атрибут верховной жреческой власти и символ богов, атрибут мужской силы и плодородия, охранительная функция при переходе в иной мир, оберег), было достаточно распространено в дохристианском мире как на территории Кавказа, так и в целом Средиземноморского мира и Ближнего Востока. Многочисленные этнографические данные свидетельствуют, что в различных регионах Кавказа в традиционной культуре вплоть до недавнего времени также сохранялись следы почитания быков, бычьих рогов и голов. Наиболее отчетливо эти следы проявляются в горной Осетии, Абхазии, Сванетии, горных районах Грузии (Рача, Мингрелия и т. д.), отчасти в горных районах Южного Дагестана.

Этнографические свидетельства убеждают в том, что архаические традиционные верования некоторых народов Кавказа (в частности, отголоски культа быка в разных вариантах) практиковались до недавнего времени или продолжают практиковаться до сих пор. В некоторых случаях они сосуществуют с христианской и исламской культовыми традициями. Вероятно, нечто похожее можно было наблюдать и в Средневековье. Таким образом, можно предположить, что появление изолированного мотива быка и бычьей головы в архитектурной декорации христианских храмов можно воспринимать как от-

голосок традиционной обрядовой практики (выставления бычьих голов над входом в жилище и над окном в качестве оберега от нечистой силы), берущей начало в более древних исторических периодах. Среди причин появления этого знака в христианском контексте, вероятно, следует назвать опосредованное влияние дохристианской обрядовой традиции и традиционно-бытовой среды.

Еще один вид протом или голов с рогами связан с изображениями баранов²⁰. Как и в случае с головой быка, этот мотив появляется в архитектурной декорации христианских храмов эпизодически и в раннехристианский период (Тигранокерт в Нагорном Карабахе), однако более широкое распространение он получает с X в. по преимуществу на церквях, расположенных в глухих высокогорных районах (Сванетия, Рача в Грузии, Нагорный Карабах в Армении, Южная Осетия). Среди наиболее ярких примеров — церковь в Зенобиани (Грузия)²¹, церковь в Йели (Сванетия, Грузия) (рис. 2), церковь в Земо-Крихи (Рача, Грузия). В несколько более позднее время (начиная с XIII–XIV вв.) этот мотив появляется на церкви в Хорения (Грузия), в Земо-Монастери (Южная Осетия), в монастыре Гандзасар (Нагорный Карабах). Этот мотив был широко распространен по обе стороны Большого Кавказского хребта и в дохристианское время. Он является одним из ключевых сакральных знаков в культуре кобано-колхидской культурно-исторической общности (погребальные комплексы позднего бронзового — раннего железного века: Галиат, Кумбулта, Стырфазский могильник и др.). Специалисты по этому периоду отмечали, как и в случае с головой быка, что истоки культа барана и головы барана прослеживаются вплоть до древнейших цивилизаций Ближнего Востока (Чатал-Гуюк, VI тыс. до н. э.)²². А.П. Мошинский подчеркивает также, что этот мотив неизменно присутствовал в системе сакральных образов Северного Кавказа вплоть до эпохи Средневековья. Он сохранил свое значение и в аланскую эпоху (Едысский могильник, VI–VII вв., Южная Осетия)²³.

В традиционно-бытовой среде сакральное значение головы барана и его деривата в виде двух симметричных спиралевидных окружностей сохраняется повсеместно среди народов Северного Кавказа и Закавказья (к примеру, необходимый элемент в резьбе надочажных столбов и балок дома в традиционном жилище осетин)²⁴. Вероятно, влиянием традиционной народной культуры на архитектурную пластику христианского храма можно объяснить появление по-

²⁰ См. библиографию в: Ендольцева Е.Ю. Мотив головы барана... С. 161–173.

²¹ Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E. Medieval Georgian Sculpture. Tbilisi, 2017. P. 118. Fig. 291–294.

²² Moshinsky A. The cult of the double-edged axe in the northern Caucasus // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Vol. 7. 2001. № 1–2. P. 71–84 (здесь: P. 79–80).

²³ См.: Гаглойти Р.Х., Дзатттиаты Р.Г. Памятники Сармато-Аланского времени в Южной Осетии. Цхинвал, 2019. С. 67. Табл. 128; Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Т. 3. Владикавказ, 1995. С. 123–183 (здесь: С. 161, 176).

²⁴ См.: Гаглойти Р.Х. О некоторых культах... С. 23. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин... С. 184–185.

пулярного мотива головы барана (в стилизованном виде) на барабане церкви в Ларгвисе (XVIII в., Южная Осетия)²⁵.

Таким образом, в тех случаях, когда баран или его дериваты (голова, рога) представлены изолированно в архитектурной декорации церквей, а не в составе многофигурных композиций, возможно констатировать влияние локальной традиционной культуры, многие образы которой берут истоки в глубокой древности, т. е. зачастую в местных гораздо более древних археологических культурах. Это утверждение особенно актуально применительно к глухим горным районам Кавказа (например, Западная Грузия, Южная Осетия, Рача, Сванетия), где, вероятно, особенно сильным было влияние традиционной культуры, некоторые элементы которой фиксируются еще в кобано-колхидской культурно-исторической общности. В церквях Нагорного Карабаха, вероятно, сказывалось влияние традиционной культуры, истоки которой — в общих архетипах, зародившихся в Малой Азии и на Ближнем Востоке в глубокой древности. Как показывают археологические свидетельства, культ барана был особенно распространен на Кавказе, начиная по крайней мере с бронзового века. Учитывая традиционность и архаичность материальной культуры на Северном Кавказе (а иногда и в Закавказье), можно предположить, что появление голов баранов в архитектурной пластике христианских храмов средневекового периода в этом регионе имело, наряду с другими рогатыми головами животных (бык), апотропеическое значение. Обычно такие изображения появлялись в наиболее труднодоступных горных районах, где влияние высококачественного искусства византийского толка было минимальным.

Другим оригинальным мотивом среди зооморфных образов в архитектурной декорации церквей на Кавказе можно признать изображение змеев²⁶. Среди большого количества разнообразных изображений змеев и змеев-драконов (тема змееборства выходит за рамки данного исследования как строго каноничная) сосредоточимся прежде всего на изображениях собственно змеев (без лап и клыков, в отличие от змеев-драконов), когда они представлены изолированно и в геральдических позах. Обзор изображений змей и змеев-драконов²⁷ на фасадах христианских храмов на Кавказе позволяет утверждать, что наиболее ранние изображения змеев появляются в X в. на территории Северного Кавказа и Грузии. Среди наиболее характерных примеров — церковь в Сагамо²⁸, церковь в Павниси²⁹, церковь в Шангли³⁰, несколько позже (XIII в.) — в Дманисском Сионе³¹ (Грузия). Наиболее раннее изображение двуглавого змея со звериной

²⁵ Мепишавили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии — Шида-Картли. Тбилиси, 1975. С. 140.

²⁶ Ендольцева Е.Ю. Образы змей и рыбы... С. 34–53.

²⁷ Микаелян Л.Ш. Две ипостаси образа дракона-змея в средневековой пластике Армении X–XIV веков // Международная конференция. Искусство и культура Средневековья: наследие и перспективы осмысления Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 26–31 октября 2020 г. / Под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой, А.В. Захаровой. СПб., 2020. С. 232–243.

²⁸ Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E. Medieval Georgian Sculpture... P. 129. Ill. 208.

²⁹ Ibid. P. 157. Ill. 304.

³⁰ Ibid. P. 188. Ill. 401.

³¹ Ibid. P. 297. Ill. 619.

мордой и телом, завивающимся в два кольца, появляется на верхнем наличнике окна из церкви в Надарбазеве (X в.)³² (рис. 3). Похожий змей, свернувшийся в кольцо, показан в составе композиции Иона во чреве кита на фрагменте облицовки находящейся неподалеку церкви в Квайсе (X в.)³³ (рис. 4). Двуглавость змеев на ранних изображениях, а также тот факт, что их тела свернуты в кольцо или узел, как показала С. Кюн³⁴, усиливает охранное значение этих образов. Изображения змеев-драконов разного типа были популярны на Кавказе. Лишнее свидетельство тому — развившаяся именно в этом регионе нестандартная иконография темы Иона во чреве кита³⁵. В некоторых случаях они трансформируются в гибридных существ, змеев-драконов (с лапами и клыками, иногда чешуей рыб)³⁶. Однако в случае со змеем из Надарбазева и Квайсы можно говорить скорее не о гибридности земноводного, а о повторе значимых частей его тела с целью усиления охранной функции (что подтверждает местоположения рельефа — верхний наличник окна). Очевидно, эти два изображения — из самых ранних такого типа. Скорее всего, акцент на образе змея (в составе композиции или отдельно) раньше всего появляется на памятниках, происходящих с территории горных районов верховий Ксани и Лиахви, Верхней Картли, Рачи (территория совпадает с ареалом распространения кобано-колхидской культурно-исторической общности).

В целом «образ змеи является одним из наиболее характерных для древнего искусства Кавказа и, особенно, для искусства кобано-колхидской культурно-исторической общности»³⁷. Отголоски подобных представлений встречаются до сих пор и в фольклоре. Так, «в народном творчестве осетин змея представлена как хранительница (дарительница) жизненной силы»³⁸. Змеиная кожа используется в качестве амулета³⁹ в традиционной культуре армян. Вишапы изображаются в качестве оберегов на домотканых коврах⁴⁰, змеи — в узорах вышивок⁴¹ и юве-

³² Мепишавили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 80. Илл. 70.

³³ Там же. С. 84. Илл. 74.

³⁴ Kuehn S. The Dragon ... P. 152.

³⁵ Ендольцева Е.Ю. Образы змеи и рыбы... С. 40–43.

³⁶ Nakobyan Z., Mikayelyan L. The Senmurv and Other Mythical Creatures with Sasanian Iconography in the Medieval Art of Armenia and Transcaucasia // Fabulous Creations and Spirits in Ancient Iran. Proceedings of a Workshop held on May 3d 2016 at the Near Eastern Department, University of California, Berkley. Bologna, 2018. P. 39–77.

³⁷ Скаков А.Ю. Образы змеи, лягушки и рыбы в мифологии древнего населения Кавказа (кобано-колхидская культурно-историческая общность эпохи раннего железа) // ALLON. К 60-летию заслуженного деятеля науки РЮО профессора Ю. А. Дзиццойты: Коллективная монография / Отв. ред. А.Ю. Скаков, И.В. Скакова. Москва, 2021. С. 101–140.

³⁸ Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура... С. 175.

³⁹ Давидова Г. Змея в армянской народной медицине // Вишاپ на стыке сказки и реальности. Ереван, 2019. С. 206–214 (на арм. яз.).

⁴⁰ Погосян А. О вопросах происхождения и типологии классических вишапагоргов // Вишاپ на стыке сказки и реальности. Ереван, 2019. С. 323. (на арм. яз., резюме — на русском).

⁴¹ Базеян К. Змей-дракон в армянской вышивке XVIII–XIX вв. // Вишاپ на стыке сказки и реальности. Ереван, 2019. С. 333–334 (на арм. яз., резюме — на русском).

лирных изделий⁴². Однако в армянских средневековых памятниках акцент сделан на гибридного змея-дракона, что, возможно, свидетельствует до определенной степени о персидском влиянии.

Распространение изображений змеев или змеев-драконов в архитектурной пластике христианских храмов на Кавказе (за исключением мотивов змеборчества), начиная с эпохи средневековья, вероятно, связано с особым почитанием этих существ в традиционной культуре, истоки которой можно проследить в древнейших локальных археологических культурах. Эти образы явно имели апотропеическое значение. Немаловажно отметить, что одиночные изображения змеев имели уже определенную сложившуюся иконографию, которая наиболее близка к образам драконов. В этом качестве они появляются на Южном Кавказе не раньше XIII в. (обрамление окна южного фасада церкви в Ахтала, например)⁴³.

Однако в более глухих горных районах (верховья рек Ксани и Лиахви, Рача, Сванетия, Верхняя Картли), на территории, которая примерно совпадает с ареалом распространения кобано-колхидской культурно-исторической общности, изображения змеев в качестве апотропеев во внешней облицовке храмов появляются уже в X в. Возможно, что такая особенность обусловлена влиянием более древней традиции, которая связана с сакрализацией змея на территории кобано-колхидской культурно-исторической общности.

Появление гибридных или синкретических существ на фасадах христианских храмов также заставляет задуматься об их значении и, возможных прототипах⁴⁴. Так, среди рельефов периода Абхазского царства (VIII — нач. XI вв.) была выявлена группа зооморфных изображений, близких друг другу со стилистической точки зрения: плоскостно-графический стиль изображений, биологическая интерпретация зверей вызывает затруднения. Зачастую определить вид зверя удастся только благодаря аналогиям с соседних территорий и общему символическому контексту. Такого рода изображения встречаются по преимуществу на памятниках с территории Республики Абхазия, Республики Южная Осетия, центральная и западная Грузия (Рача, Имерети, Картли, Сванетия, Мингрелия и др.). Среди таких изображений — три рельефа с изображениями зверей из церкви св. Феодора на горе Анакопия⁴⁵, рельеф с изображением быка и льва у креста из Абхазского государственного музея⁴⁶, рельеф с изображением птиц из Абхазского государственного музея⁴⁷, две плиты из Мрамбы, рельефы из Касагина⁴⁸, Надарбаева⁴⁹, Квайсы⁵⁰, зооморфные обра-

⁴² Погосян С. Змееобразные узоры в армянском национальном костюме и украшениях // Вишاپ на стыке сказки и реальности. Ереван, 2019. С. 343–344 (на арм. яз., резюме — на русском).

⁴³ Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. Medieval Georgian Sculpture... P. 287. Ill. 577.

⁴⁴ Ендольцева Е.Ю., Скаков А.Ю. Зооморфные образы... С. 9–28.

⁴⁵ Там же. Илл. 1–3. С. 11.

⁴⁶ Там же. Илл. 4. С. 12.

⁴⁷ Там же. Илл. 5. С. 12.

⁴⁸ Dadiani T., Khundadze T., Kvachatadze E. Medieval Georgian Sculpture... Ill. 219, 220, 221.

⁴⁹ Ibid. Ill. 217.

⁵⁰ Ibid. Ill. 212.

зы из церкви в Убиси (рис. 5), на алтарной преграде из Гвелдеси⁵¹, на фасадах церквей Богородицы и св. Георгия из Ахалсопели (Бза)⁵² (рис. 6) и др. Появление такого рода изображений могло быть связано с влиянием традиционной культуры. Интересно, что репертуар зооморфных образов средневекового искусства перекликается с бестиарием, характерным для более ранних периодов этого искусства в Центральном Кавказе, Западном Закавказье и прилегающих регионах. Так, звери на более ранних археологических памятниках выполнены в том же плоскостно-графическом стиле. Их образы синкретичны, уверенное определение видовой принадлежности изображенного животного затруднено. Плоскостно-графический стиль вполне соответствует традициям искусства данной территории в эпоху поздней бронзы — раннего железа (в особенности, в контексте кобано-колхидской культурно-исторической общности). К примеру, для зооморфной пластики, носившей, как правило, подчеркнуто объемный характер, именно в регионах Центрального, Западного и Восточного Кавказа, в горной и предгорной зоне, характерна подчеркнутая плоскостность, стремление максимально избежать объемности и дать почти исключительно контур животного. В результате место статуэток занимают фигурные и ажурные бляшки или пряжки. Возможно, своеобразие средневековых рельефов обусловлено как раз влиянием традиционной культуры на территориях, которые оказались наиболее активны в возрождении художественной жизни в Западном и Центральном Закавказье после опустошительных арабских завоеваний.

Несколько выделяются из группы зооморфных образов изображения так называемых личин в архитектурной декорации христианских храмов⁵³. В отличие от изображений условных масок (плоскостны)⁵⁴, к разряду личин отнесем изображения человеческих голов (зачастую объемных), мужских и женских, без нимбов и атрибутов. Один из самых красноречивых примеров — архитектурная декорация храма Св. Креста на о. Ахтамар (915–921), где изображения голов встречаются в двух ситуациях: объемная голова человека включена в т. н. «пояс охотничьих трофеев»⁵⁵ наряду с головами и протомами животных (бык, баран, муфлон и др.) и фриз из человеческих лиц (около тридцати трех, разного пола и возраста) на карнизах фасада храма и барабана. Среди других примеров — храмы в Кумурдо (964 г.)⁵⁶, в Вале (X в.)⁵⁷, в Кацхи (нач. XI в.)⁵⁸, Хино Цминда (XI в.)⁵⁹, храма Баграта в Кутаиси (нач. XI в.)⁶⁰. Традиция изображения

⁵¹ Ibid. III. 492, 494.

⁵² Ендольцева Е.Ю., Скаков А.Ю. Зооморфные образы... С. 17.

⁵³ Ендольцева Е.Ю., Тахнаева П.И. Изображения личин... С. 351–366.

⁵⁴ Акопян З.А. Изображение масок в средневековой скульптуре Армении // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Сборник научных статей / Ред. С.В. Мальцева, Е.Ю. Станюкович-Денисова, А.В. Захарова. Вып. V. СПб., 2015. С. 263–270.

⁵⁵ Орбели И.А. Памятники армянского зодчества на острове Ахтамар // Орбели И.А. Избранные труды. Т. 1. Москва, 1968. С. 179–187.

⁵⁶ Северов Н.П., Чубинашвили Г.Н. Кумурдо и Никорцминда. М., 1947. Лист III–V.

⁵⁷ Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E. Medieval Georgian Sculpture... III. 320.

⁵⁸ Ibid. III. 473.

⁵⁹ Ibid. III. 416–418.

⁶⁰ Ibid. III. 415.

личин в архитектурной пластике христианских храмов на Кавказе может быть прослежена и в раннехристианский период. Личины как декоративный элемент на ритуальных предметах встречаются и в нехристианских аланских захоронениях⁶¹. Похожие изображения (голов как человеческих, так и звериных) до сих пор украшают в качестве оберегов некоторые традиционные дома в селениях Южного Дагестана (коллекция П.И. Тахнаевой)⁶².

Вероятнее всего, скульптурные изображения голов и людей на фасадах церквей (в том числе в послеарабский период) являются отголосками общей древней практики, которая имела истоки в традиции и культуре древнего Ближнего Востока, (Парфянское царство). Ее ранние проявления, к примеру, фиксируются в Хатре. В этом случае протомы животных и каменные личины в кладках сакрально значимых зданий или жилых домов могут восприниматься как апотропеи. Вероятнее всего, изображения личин могут иметь разные коннотации и оттенки смысла (будучи изображенными среди листвы, с рогами и между двумя змеями), но все эти варианты берут начало в древней культуре Средиземноморья, иногда с акцентом на Персидский мир. Позже они фиксируются в культуре античности (феномен т. н. долгого эллинизма), которая, вероятно, играла роль плавильного котла для различных более древних региональных культур и традиций.

С распространением христианства некоторые из вариантов изображения личин попали на Кавказ (начиная с V–VII вв. и позже в X в.) и наложились на систему локальных традиционных верований, которые, зачастую, берут начало в культуре неолита и присутствуют до сих пор в традиционно-бытовой среде. Будучи представленными на фасадах христианских храмов личины, скорее всего, имели охранное значение.

Вторую группу мотивов составляют орнаменты. В ходе исследований был рассмотрен достаточно обширный материал⁶³, поэтому здесь упомянем лишь о наиболее существенных для темы этой статьи выводах. Удалось проследить некоторые истоки и развитие трех, как кажется, ключевых схем: геометрические мотивы (прежде всего, ромбы), плетеный ленточный орнамент и розетки в ассоциации с плетеным ленточным орнаментом. Относительно первой схемы (ромб, треугольник, квадрат с точкой) удалось установить, что такие древние сакральные символы как ромб, треугольник, квадрат с точками и без них использовались достаточно широко в разных культурах, начиная с эпохи неолита (а в некоторых случаях и раньше) и, зачастую, судя по этнографическому материалу, в традиционных обществах вплоть до наших дней (в том числе достаточно активно и в христианском искусстве). На христианских памятниках эпохи Средневековья и, как и в случае с одной из выше рассмотренных

⁶¹ К примеру, предметы из аланского катакомбного захоронения в урочище Клинь-Яр III (раскопки велись под руководством А.Б. Белинского в 1994 году. Датировка финал VI – начало VII в.) из коллекции Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.

⁶² *Ендольцева Е.Ю., Тахнаева П.И. Изображения личин...* С. 354–355.

⁶³ *Ендольцева Е.Ю., Шевченко Д.В. Некоторые геометрические мотивы...* С. 255–275; *Ендольцева Е.Ю. Плетеный ленточный орнамент...* С. 131–159.

групп зооморфных изображений, эти мотивы обычно выполнены в примитивном плоскостно-графическом стиле, образ создается при помощи минимального набора технических средств. Они часто используются в сочетании с изображениями животных, биологическую принадлежность которых сложно определить. Эти изображения имеют истоки в древних культурах, сформировавшихся на территории Малой Азии, Кавказа и Ближнего Востока, начиная с эпохи неолита.

Возможно, что на устойчивое присутствие этих знаков в сакральной и традиционно-бытовой культуре Северного Кавказа и Западной Грузии оказала влияние кобано-колхидская культурно-историческая общность. В христианской среде в рассматриваемый период времени (VIII–X вв.) они явно выполняли апотропеическую функцию. Последнее предположение подтверждается тем (помимо данных этнографии), что в пространстве храма (по крайней мере на ряде изображений с территории Северного Кавказа и, отчасти, Грузии) они располагались на сакрально значимых местах перехода (на наличниках окон, на порталах дверей, во внешней облицовке, на алтарных преградах и т. д.). Геометрические мотивы (треугольник, ромб, квадрат) могли использоваться в этом качестве самостоятельно, а могли усиливать художественное и смысловое значение (служить декоративной рамой) других сакральных знаков (изображения животных, рогатых черепов, розеток и др.).

Плетеные ленточные же орнаменты, напротив, попали на Кавказ через посредство Византийской империи. Наиболее показательной в этом контексте можно считать схему плетёный геометрический орнамент с сердцевиной в виде цветочной розетки. Этот древний мотив становится особенно популярными в христианском искусстве не только Кавказа, но и всей Византийской империи в послеарабское время. Плетёный геометрический орнамент с цветочными розетками внутри, по наблюдениям К. Вандерхейде⁶⁴, распространяется из мастерских Малой Азии в IX в. на Пелопоннес и в Центральную Грецию (Скрипу, Фивы) и далее на Балканы и по всей территории Византийской империи. Более того, плетёный ленточный орнамент обычно украшает символические значимые части внутреннего и внешнего пространства византийских церквей (обрамления окон, порталов, алтарные преграды и др.).

Подводя итог следует отметить, что рассматриваемые мотивы, которые имеют истоки в сакральном искусстве арамейев и хеттов (Малая Азия, Сиро-Палестинский регион), использовались для украшения сакральных зданий и объектов в Малой Азии и на Кавказе. Однако наибольшее распространение как отдельный элемент или в составе ленточного плетёного орнамента они получают в послеарабское время (с IX в.), когда стали использоваться массово на территории Византийской империи (в том числе на Кавказе) в архитектурной декорации христианских церквей по преимуществу, чтобы отметить границу сакрального пространства (внешняя облицовка стен, порталы, обрамления окон, барабанов, алтарные преграды).

⁶⁴ *Vanderheyde C. La sculpture byzantine du IX au XV siècle. Contexte. Mise en oeuvre. Décors. Paris, 2020. P. 167.*

Как показывают этнографические свидетельства (традиционный костюм и орнаменты на тканях), в архитектурной декорации христианских храмов эти мотивы могли выполнять охранную функцию.

Визуальный анализ генезиса плетеного ленточного орнамента позволяет предположить, что первоосновой могло служить сочетание растительных элементов с плетеным орнаментом. Точнее та схема, что впервые фиксируется на основании колонн в здании К Самале, то есть переплетающиеся круги с цветочными розетками по центру. Впоследствии именно эта композиция активно использовалась в напольных мозаиках эллинистического и раннехристианского времени, а, начиная с послеарабского времени — в архитектурной декорации христианских церквей⁶⁵.

Таким образом, в результате активного использования данных, добытых при археологических и этнографических исследованиях, можно сделать ряд выводов относительно нестандартных сюжетов в архитектурной пластике христианских храмов в некоторых районах Кавказа в IX–XI вв.

Вероятно, их появление на фасадах христианских храмов было тесно связано, с одной стороны, с концепцией традиционного жилища на Кавказе, с другой — с некоторыми тенденциями, приведшими к переосмыслению концепции украшения храма в этот период на территории всей Византийской империи.

Что касается первого тезиса, его подробно осветил Г.Я. Мовчан⁶⁶ в своей фундаментальной монографии, посвященной традиционному аварскому дому. Несмотря на то, что в фокусе анализа — аварский традиционный дом, исследователь подчеркивает, что культ жилища как неперенный атрибут родового уклада был свойственен не только Дагестану, но и всему Кавказу⁶⁷. «Культ жилища вместе с культом предков продолжался и после прихода христианства, а потом ислама, составляя вместе с ними синкретизм, в котором, судя по множеству свидетельств, следы первобытных верований были куда крепче формально усвоенных предписаний того и даже другого монотеизма и отразились ярче»⁶⁸. В этом контексте, вероятно, концепция храма как дома Бога вошла во взаимодействие с характерной для традиционного общества концепцией сакральности жилища как одного из основных проявлений родового уклада и культа предков. Этим, вероятно, можно объяснить зафиксированные выше взаимовлияния в концепции украшения христианского храма и традиционного жилища на Кавказе.

С другой стороны, как отмечает К. Вандерхейде, в средневизантийский период концепция украшения христианского храма меняется на территории всей Византийской империи. «Увеличение количества скульптуры на фасадах церквей не должно быть объяснено только ее декоративной функцией, скорее она несла в себе охранительный (апотропический) смысл. Этот смысл скульптуры очевиден при осмотре стен церквей этой эпохи, фасадов дворцов и крепостей,

⁶⁵ Ендольцева Е.Ю. Плетеный ленточный орнамент... С. 143–144.

⁶⁶ Мовчан Г.Я. Старый аварский дом...

⁶⁷ Там же. С. 458.

⁶⁸ Там же.

в особенности в тех случаях, когда она располагается вблизи дверей и порталов»⁶⁹. Вероятно, в связи с этим, репертуар рассматриваемых мотивов становится особенно разнообразным, именно начиная с периода между концом IX — нач. XI вв.

Подводя итог, кратко сформулируем основные выводы:

1. Появление вышеперечисленных мотивов на фасадах христианских храмов связано с влиянием традиционно-бытовой среды, которое особенно отчетливо в горных и труднодоступных районах (по преимуществу, по обе стороны центральной части Главного Кавказского хребта и в Закавказье).
2. Традиционно-бытовая среда в этих районах впитала в себя более древние художественные и духовые традиции, которые некогда были распространены по всему Средиземноморскому миру, в Малой Азии и на Ближнем Востоке.
3. Истоки некоторых из этих сюжетов связаны с культурой поздней Античности, которая, вероятно, играла роль плавильного котла для различных более древних региональных культур и традиций.
4. Появление отдельных сюжетов, возможно, связано в большей степени с влиянием персидского мира (личины, некоторые гибридные существа и др.).
5. С распространением христианства часть рассмотренных сюжетов попала на Кавказ и наложилась на систему локальных традиционных верований (среди которых особое значение имела кобано-колхидская культурно-историческая общность).
6. Некоторые мотивы (плетеные ленточные орнаменты), вероятно, попали на Кавказ через посредство определенных регионов Византийской империи (Малая Азия, Греция)⁷⁰.
7. Будучи представленными в архитектурной пластике христианских храмов рассмотренные мотивы выполняли роль защитных знаков-апоτροпеев.
8. Своеобразие рассмотренных рельефов и их распространение именно в этот исторический период, вероятно, обусловлено влиянием традиционной культуры на территориях, которые оказались наиболее активны в возрождении художественной жизни в Западном и Центральном Закавказье после опустошительных арабских завоеваний.
9. Своеобразие архитектурной декорации церквей (мотивы рогатых чрепов, баранов, змей, синкретических существ, биологическую принадлежность которых трудно определить, выполненных в плоскостно-графическом стиле), в особенности тех, что расположены на территории, совпадающей с ареалом распространения кобано-колхидской культурно-исторической общности (по обе стороны центральной части Главного Кавказского хребта и в Закавказье), могло быть обусловлено влиянием традиционной среды, которая, в свою очередь, сформировалась не без влияния этой древней археологической культуры.

⁶⁹ *Vanderheyde C. La sculpture byzantine...* P. 39.

⁷⁰ *Vanderheyde C. La sculpture byzantine...*

Список литературы

- Акопян З.А. Изображение масок в средневековой скульптуре Армении // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Сборник научных статей / Ред. С.В. Мальцева, Е.Ю. Станюкович-Денисова, А.В. Захарова. Вып. V. СПб., 2015. С. 263–270.
- Аладашвили Н.А. Монументальная скульптура Грузии. М., 1977. С. 217–234.
- Базеян К. Змей-дракон в армянской вышивке XVIII–XIX вв. // Вишاپ на стыке сказки и реальности. Ереван, 2019. С. 333–334.
- Бардавелидзе В.В. Древнейшие верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.
- Бардавелидзе В.В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.
- Гаглойти Р.Х. О некоторых культах (барана, козла, лошади, рыбы), доминирующих на территории Южной Осетии в позднеантичный и раннесредневековый периоды (по археологическим материалам) // Известия. Вып. 36. Цхинвал, 2000. С. 19–33.
- Гаглойти Р.Х., Дзаттиаты Р.Г. Памятники Сармато-Аланского времени в Южной Осетии. Цхинвал, 2019.
- Давидова Г. Змея в армянской народной медицине // Вишاپ на стыке сказки и реальности. Ереван, 2019. С. 206–214.
- Ендольцева Е.Ю. Мотив головы барана в архитектурной пластике Кавказа X–XIV вв. // ALLON. К 60-летию заслуженного деятеля науки РЮО профессора Ю.А. Дзиццойты: Коллективная монография / Отв. ред. А.Ю. Скаков, И.В. Скакова. Москва, 2021. Москва, 2021. С. 161–173.
- Ендольцева Е.Ю. Образы змеи и рыбы в архитектурной декорации христианских храмов Кавказа в эпоху Средневековья: некоторые размышления // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2022. Вып. 47. С. 34–53.
- Ендольцева Е.Ю. Плетеный ленточный орнамент на Кавказе в период Македонской династии: истоки и значение мотива (на примере архитектурной пластики) // Byzantino-Caucasica. Вып. 2: сборник статей / Отв. ред. В.Н. Чхаидзе. М., 2022. С. 131–159.
- Ендольцева Е.Ю. Синкретические образы: изображение бычьей головы в архитектурной пластике христианских храмов на южном Кавказе в период Средневековья // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 2. С. 323–338.
- Ендольцева Е.Ю., Скаков А.Ю. Зооморфные образы в архитектурной пластике Кавказа IX–XI вв. // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2020. Вып. 37. С. 9–27.
- Ендольцева Е.Ю., Тахнаева П.И. Изображения личин в христианском искусстве Кавказа (пластика, фрески) в IX–XI вв.: возможные интерпретации мотива // Из истории культуры народов Северного Кавказа: сборник научных статей / Под ред. Ю.А. Проккопенко, С.Н. Малахова. Вып. 16. Ставрополь; М., 2023. С. 351–366.
- Ендольцева Е.Ю., Шевченко Д.В. Некоторые геометрические мотивы на Кавказе и в Каппадокии в эпоху Средневековья: размышления об их истоках и смысле // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 6. С. 255–275.
- Карпов Ю.Ю. «Рогатые» деревянные сосуды западного Дагестана // Этнографические тетради. № 12. СПб., 1998. С. 5–12.
- Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Т. 3. Владикавказ, 1995. С. 123–183.

- Меписашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части исторической провинции Грузии — Шида-Картли. Тбилиси, 1975. С. 140.
- Микаелян Л.Ш. Две ипостаси образа дракона-змея в средневековой пластике Армении X–XIV веков // Международная конференция. Искусство и культура Средневековья: наследие и перспективы осмысления Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 26–31 октября 2020 г. / Под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой, А.В. Захаровой. СПб., 2020. С. 232–243.
- Миллер А.А. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана // Материалы по этнографии. Ленинград, 1927. С. 15–76.
- Мовчан Г.Я. Старый аварский дом в горах Дагестана и его судьба. По материалам авторских обследований 1945–1964 гг. М., 2001.
- Орбели И.А. Памятники армянского зодчества на острове Ахтамар // Орбели И.А. Избранные труды. Т. 1. Москва, 1968. С. 179–187.
- Погосян А. О вопросах происхождения и типологии классических вишапагоргов // Вишап на стыке сказки и реальности. Ереван, 2019.
- Погосян С. Змееобразные узоры в армянском национальном костюме и украшениях // Вишап на стыке сказки и реальности. Ереван, 2019. С. 343–344.
- Северов Н.П., Чубинашвили Г.Н. Кумурдо и Никорцминда. М., 1947.
- Скаков А.Ю. Образ оленя в мифологии древнего населения Кавказа // Кавказский сборник. МГИМО МИД России. Институт международных исследований. Т. 13 (45). Москва, 2021. С. 29–40.
- Скаков А.Ю. Образы змеи, лягушки и рыбы в мифологии древнего населения Кавказа (кобано-колхидская культурно-историческая общность эпохи раннего железа) // ALLON. К 60-летию заслуженного деятеля науки РЮО профессора Ю. А. Дзиццойты: Коллективная монография / Отв. ред. А.Ю. Скаков, И.В. Скакова. Москва, 2021. С. 101–140.
- Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. Москва, 2008.
- Dadiani T., Khundadze T., Kvachataдзе E. Medieval Georgian Sculpture. Tbilisi, 2017.
- Hakobyan Z., Mikayelyan L. The Senmurv and Other Mythical Creatures with Sasanian Iconography in the Medieval Art of Armenia and Transcaucasia // Fabulous Creations and Spirits in Ancient Iran. Proceedings of a Workshop held on May 3d 2016 at the Near Eastern Department, University of California, Berkley. Bologna, 2018. P. 39–77.
- Kuehn S. The Dragon in Medieval East Christian and Islamic Art. Leiden; Boston, 2011.
- Moshinsky A. The cult of the double-edged axe in the northern Caucasus // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Vol. 7. 2001. No 1–2. P. 71–84.
- Vanderheyde C. La sculpture byzantine du IX au XV siècle. Contexte. Mise en oeuvre. Décors. Paris, 2020.

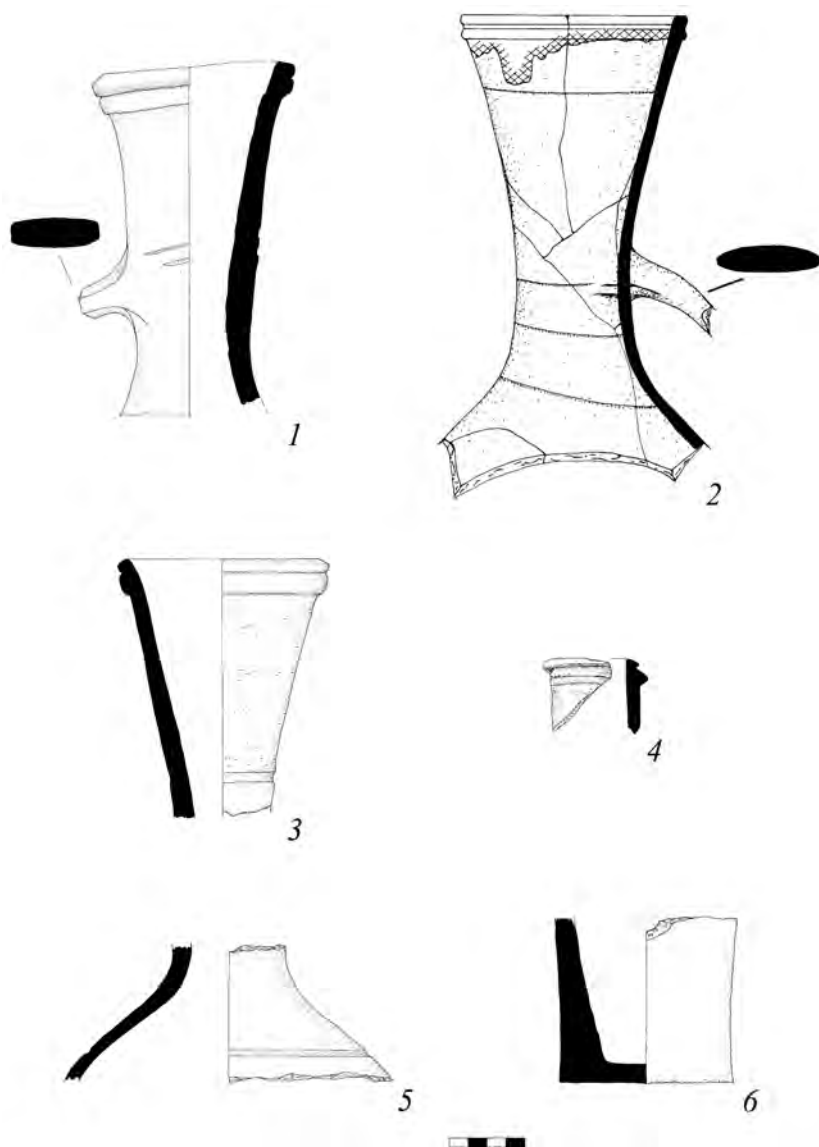

Рис. 1. Кувшины «тмутараканского типа». Переволочный Ерик

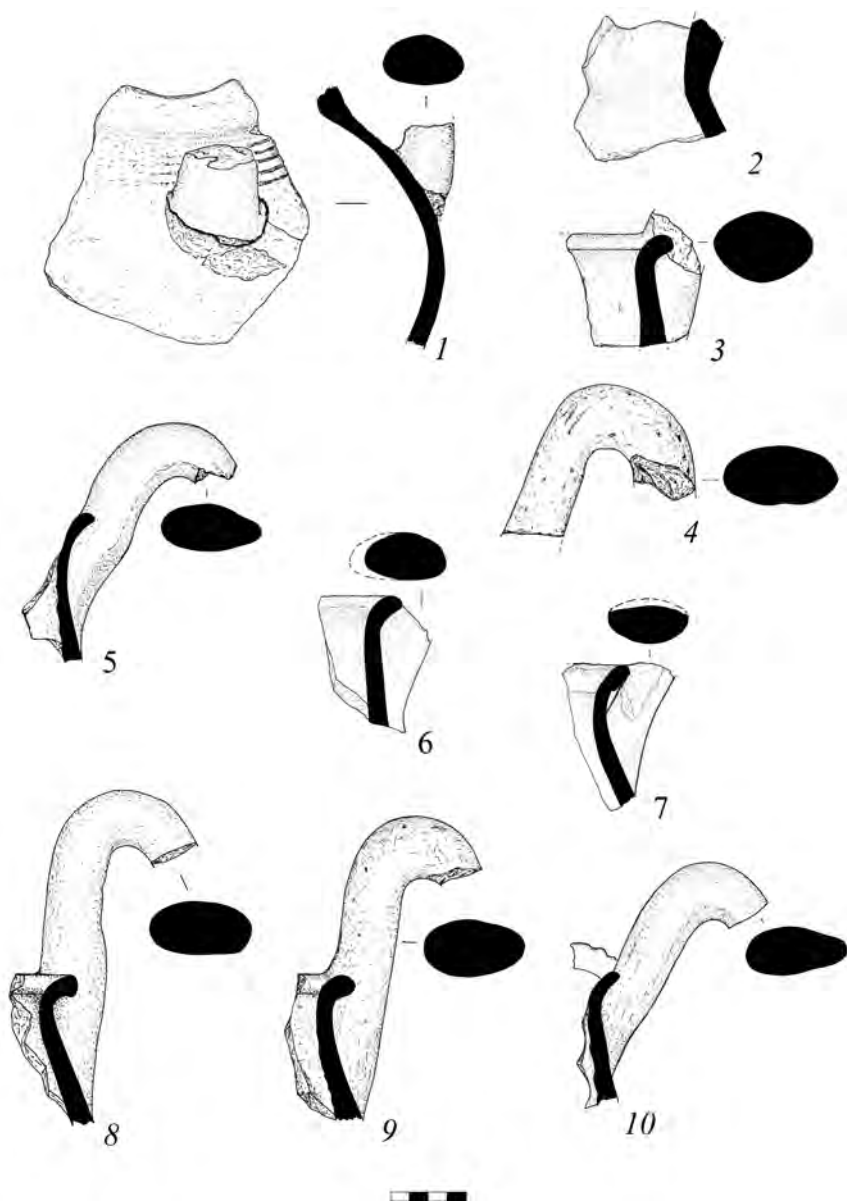

Рис. 2. Амфоры триллийской группы. 1-2, 6-7 — Рогожкино XII,
3-4, 8-10 — Казачий Ерик

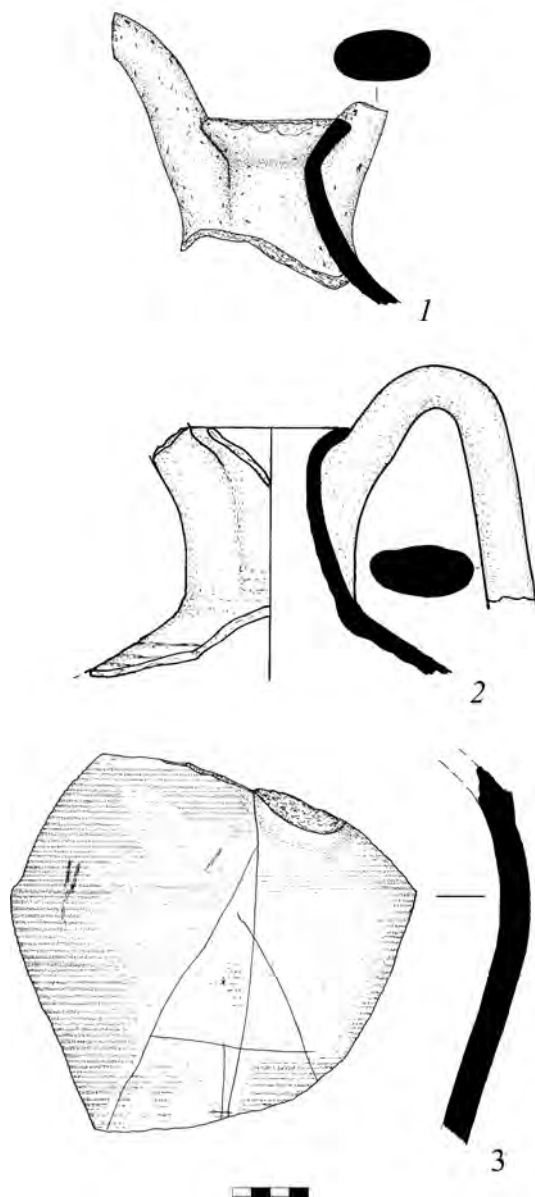

Рис. 3. Амфоры трилийской группы.
Казачий Ерик

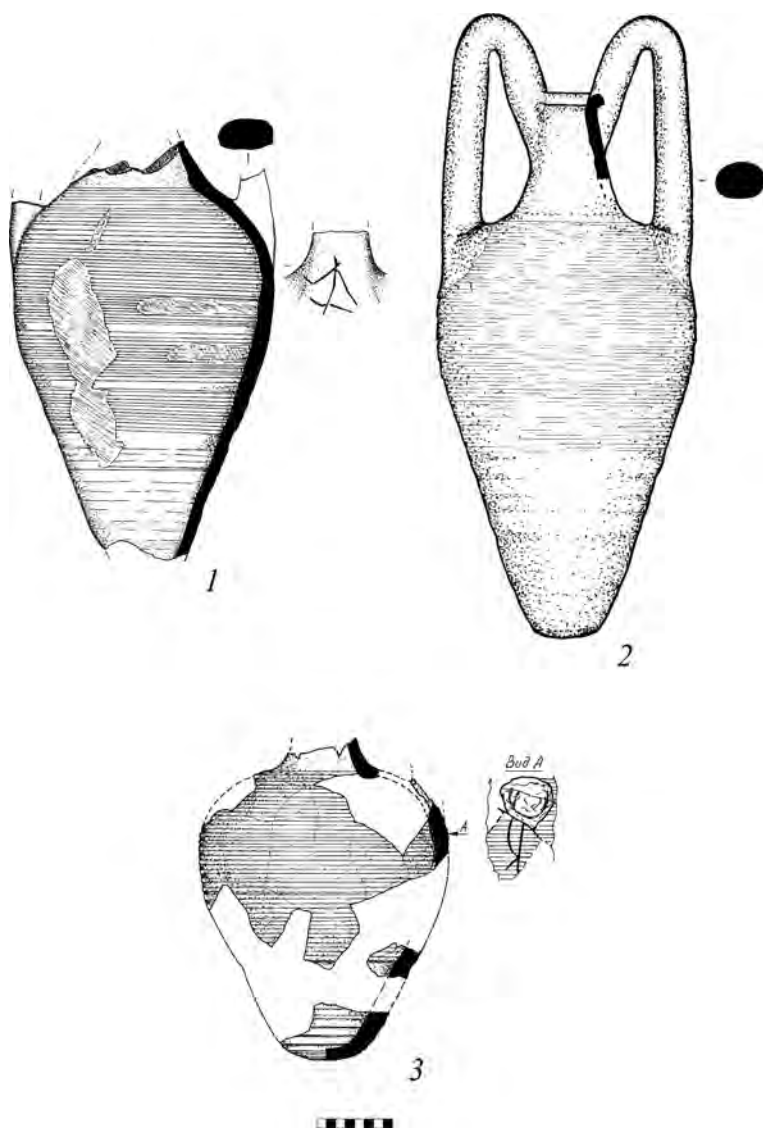

Рис. 4. Амфоры триллийской группы. 1-2 — «Петровский. Пост № 2»,
3 — Казачий Ерик

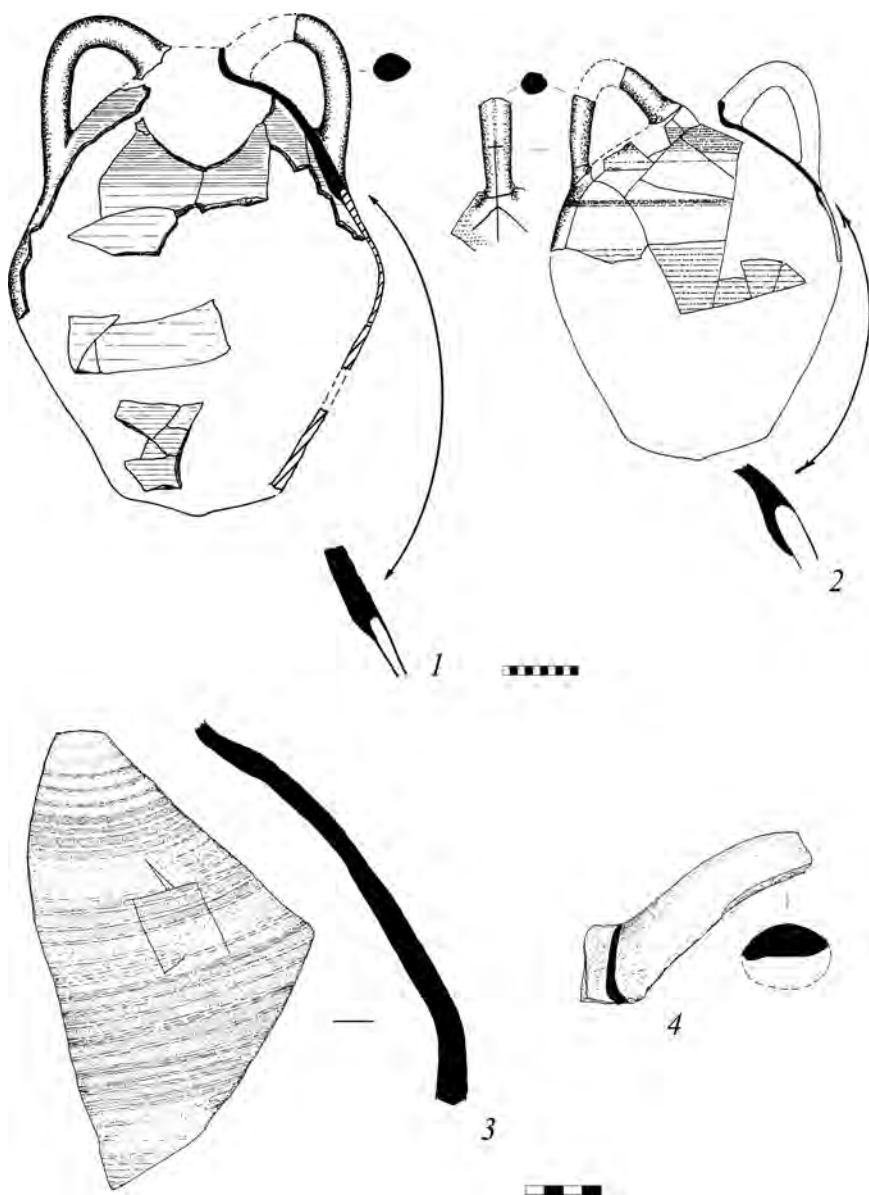

Рис. 5. Амфоры трапезундской группы. 1 — Кутейская Падь II, курган 4, ровик, 2 — Зеленый IV, курган 1 ситуация 1, 3–4 — Казачий Ерик

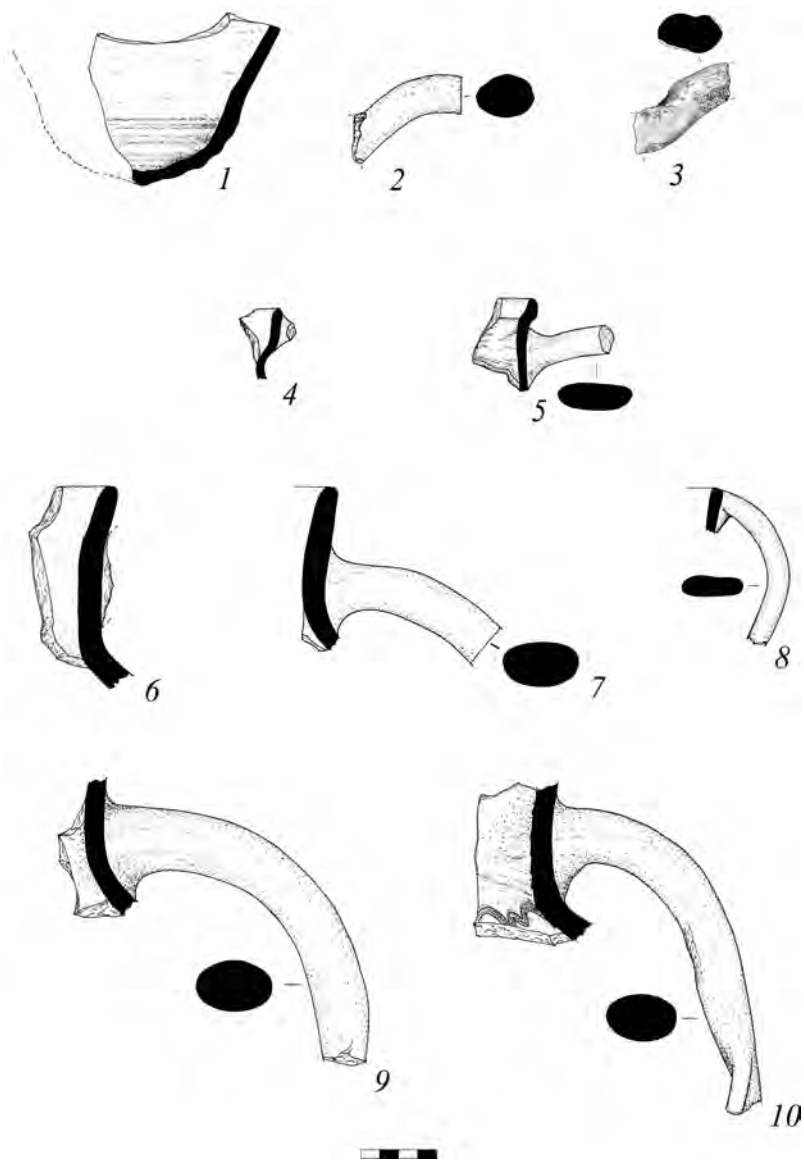

Рис. 6. Амфоры группы клейма SSS (1-3), желтоглиняные амфоры с вогнутым дном (4-5), красноглиняные тарные кувшины (6-10).
1-2, 4-10 — Казачий Ерик, 3 — Рогожкино XII жил

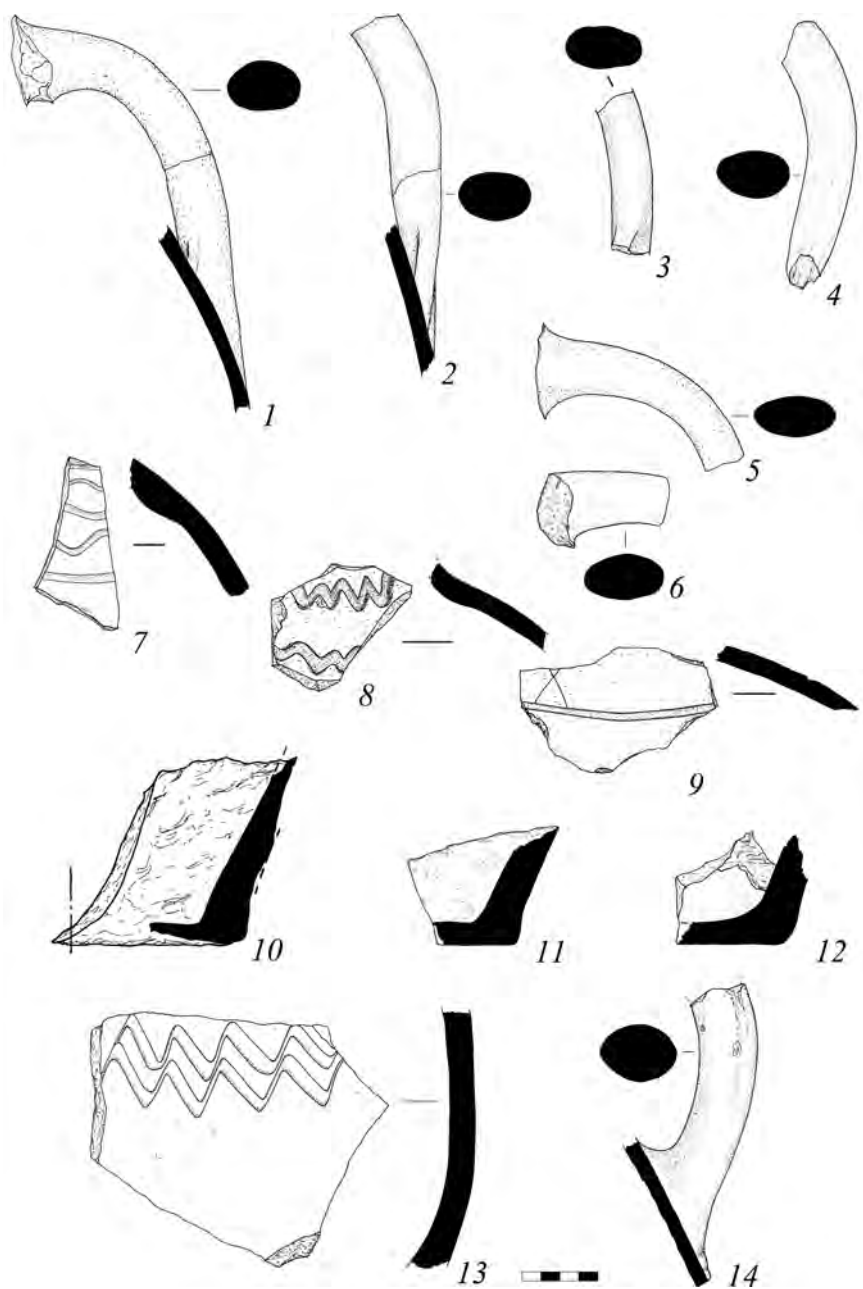

Рис. 7. Красноглиняные тарные кувшины (1–12), фрагмент стенки пифоса (13),
коричневая амфора (14). Казачий Ерик

Рис. 8. Амфоры трапезундской группы. 1-3 — Зеленый IV, курган 1, ситуация 1, 4 — Кугейская Падь II, курган 4, ровик

Рис. 9. Кувшины «тмутараканского типа» (1), амфоры триллийской группы (2–3), коричнево-глиняная амфора (4). 1 — Переволочный Ерик, 2 — «Петровский. Пост № 2», 3–4 — Казачий Ерик

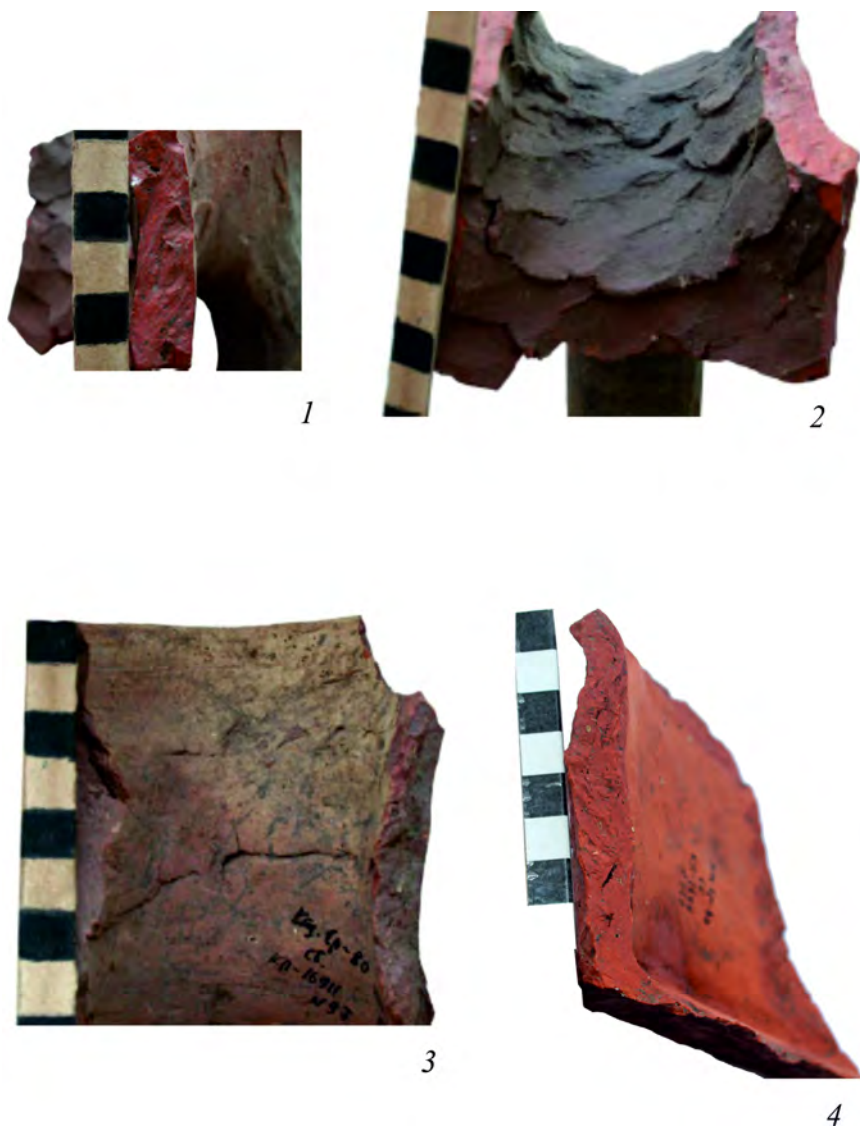

Рис. 10. Красноглиняные тарные кувшины. Казачий Ерик

Рис. 1. Вид на Шулдан

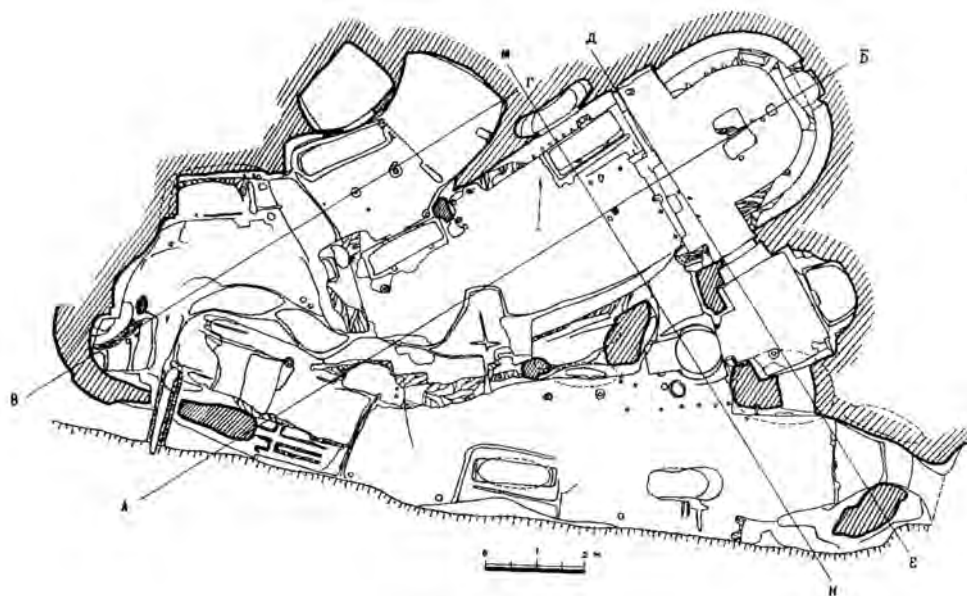

Рис. 2. Шулдан. Главный храм. План

Рис. 3. Шулдан. Вид на главный храм

Рис. 4. Шулдан. Главный храм. Алтарная часть

Рис. 5. Шулдан. Главный храм. Рис. И.Н. Медведева (Изобразительные материалы к изданию «Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря, графа Алексея Уварова»)

Рис. 6. Фрагменты росписей пещерных храмов Горной Таврики. Рис. М.Б. Вебеля (Изобразительные материалы к изданию «Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря, графа Алексея Уварова»). Вверху: стенопись церкви «Успения» (Эски-Кермен); внизу: предполагаемые росписи Шулдана

Рис. 7. Предполагаемые росписи Шулдана. Фрагмент. Рис. М.Б. Вебея

Рис. 8. Богоматерь Одигитрия с предстоящими архангелами Михаилом и Гавриилом. Мозаика, 2-я половина — конец VI в. (Церковь Панагии Ангелоктисты, Кити, Кипр).
URL: <https://gidnakipre.ru/tserkov-angeloktisti-tserkov-postroennaya-angelami/>

Рис. 9. Богородица на престоле, с предстоящими архангелами. Фреска, XIII–XIV вв. (Церковь Панагии, Тронос, Кипр). URL: [https://deru.abcdef.wiki/wiki/Naos_Panagias_\(Thronos\)](https://deru.abcdef.wiki/wiki/Naos_Panagias_(Thronos))

Рис. 10. Мария и младенец Иисус с архангелами Гавриилом и Михаилом. Фреска, около XI в. (Пещерный монастырь Эски Гюнюшлер, Ниде, провинция Ниде, Турция). URL: <https://www.tarihisanat.com/gumusler-manastiri-kapadokyada-bir-manastir/>

Рис. 11. Эски-Кермен. Храм «Донаторов». Северная часть. Рис. Л.И. Линно (30-е гг. XX в.)

Рис. 12. Эски-Кермен. Храм «Донаторов». Западная часть. Рис. Л.И. Линно (30-е гг. XX в.)

Рис. 1. Работы к востоку от Успенского собора. Фото 1913 г.

Рис. 2. Кладка октагона в Московском Кремле, обнаруженная в 1913 г. (по: Кавельмахер В.В., Панова Т.Д. Остатки белокаменного храма XIV в.... 1995)

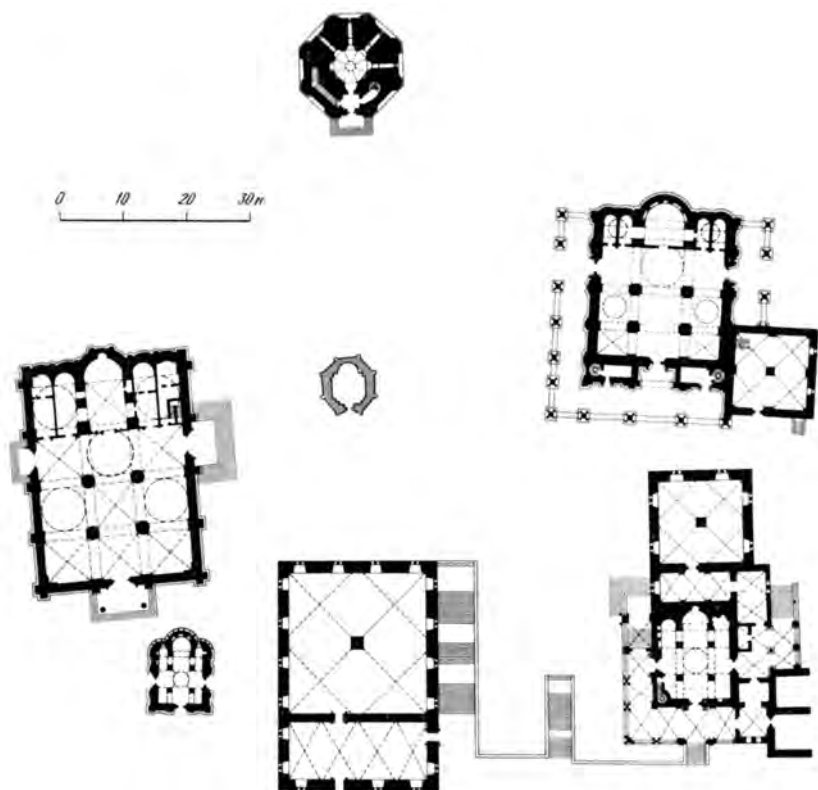

Рис. 3. Кавельмахер В.В., Рузаева Е.И. Схема Соборной площади Кремля в 1508 г. после возведения Ивана Великого и нового Архангельского собора. В центре площади показан разобранный в 1505 г. Иван Лествичник 1329 г. (По: Кавельмахер В.В., Панова Т.Д. Остатки белокаменного храма XIV в.... Рис. 2)

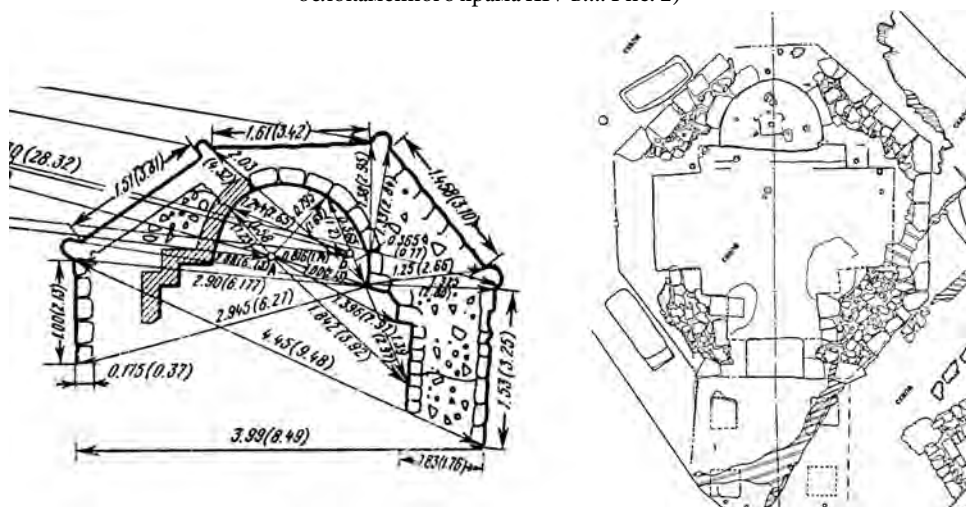

Рис. 4. Планы октагонов в Московском Кремле (Кавельмахер В.В., Рузаева Е.И.) и на Мангупе (Науменко В.Е., Герцен А.Г.)

Рис. 5. Резной камень архивольта из заполнения
фундамента колокольни Иван Великий в Московском Кремле.
Музеи Московского Кремля

Рис. 6. Резные камни Благовещенского собора в Московском Кремле. 1418 г.
Музеи Московского Кремля

Рис. 7. Камень с арабеском из фриза собора
Богоявленского за Торгом монастыря.
XIV(?) — первая четверть XV в. (раскопки
1980-х гг., Л.А. Беляев, сейчас в Музее Москвы)

Рис. 8. Резной камень из Старого Крыма (фрагмент обрамления портала?)

Рис. 9. Резные фризы Успенской церкви на Городке в Звенигороде. Рубеж XIV–XV вв.

Рис. 10. Резной пояс Троицкого собора
Троице-Сергиевой лавры. 1420–1425 гг.

Рис. 11. Трехчастный резной фриз апсиды
Троицкого собора Троице-Сергиевой лавры.
1420–25 гг.

Рис. 12. Резной фриз на барабане купола
Донер Хатум в Кайсери (XIII–XIV вв.)

Рис. 1. Церковь в Ипари, восточный фасад (Сванетия, Грузия). Фото автора

Рис. 2. Церковь в Ёели, восточный фасад (Сванетия, Грузия). Фото автора

*Рис. 3. Надарбазев. Верхний наличник щелевидного окна, фрагмент.
(Республика Южная Осетия). Фото автора*

*Рис. 4. Фрагмент плиты с пророком Ионой. Квайса. (Республика Южная Осетия).
Метисашвили Р., Цинцадзе В. Архитектура нагорной части... С. 84. Ил. 74*

Рис. 5. Убиси. Восточный фасад церкви (Имерети, Грузия). Фото автора

*Рис. 6. Ахалсопели (Бза). Западный фасад церкви св. Георгия. (Тетри-Цкаро, Грузия).
Фото автора*

BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2023. Т. 1

С. 133–171

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 1: 2023

P. 133–171

Научная статья

DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.08

Аланская митрополия в церковно-административной структуре Константинопольского патриархата (X–XVI вв.)

Сергей Николаевич МАЛАХОВ

кандидат исторических наук; доцент; старший научный сотрудник; Отдел истории; Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания; ул. Ватутина, д. 44–46, 362025 Владикавказ; malakhoffserg@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется динамика церковно-административного статуса Аланской митрополии в составе Константинопольского патриархата. Многие стороны принятия христианства аланами уже исследованы и нашли свое отражение в историографии. Впрочем, недостаточно изученными остаются проблемы, связанные со временем учреждения митрополии, просопографией ее иерархов, внутренней организацией; требуют углубленного изучения связи Алании с Трапезундской митрополией, причины ослабления и угасания деятельности Аланской епархии на Северном Кавказе. Автор полагает, что крещение царя («архонта») Алании произошло летом-осенью 914 или весной-летом 915 года, а к середине 20-х годов X в. Алания получает статус титулярной митрополии. Время присвоения титула «экзусиократор» аланскому царю и титулярное возвышение Аланской церкви до ранга митрополии пришлось на период между 914–925 гг. Делается вывод, что этнофорное наименование епархии давало право аланскому владыке окормлять паству не только на территориях, где постоянно проживали аланы, но и включать в сферу административных границ митрополии сопредельные земли, где поселялись, или

куда откочевывали аланы по различным причинам. Епископальная система в Аланской митрополии не сложилась по причине кочевнического образа жизни части ее населения. Автор обосновывает положение, согласно которому, в 1084 и 1105 гг. происходит перемещение резиденции аланского митрополита с Северного Кавказа (городище Нижний Архыз) в Сотириуполь, крепость к востоку от Трапезунда. Основным местом пребывания аланского митрополита в XIII — первой половине XV вв. становятся Сотириуполь, а позднее Трапезунд. В ходе исследования выявлено, что аланский владыка, как митрополит, не имевший подчиненных епископов, обязан был регулярно участвовать в работе Синода, что придавало ему особый статус и влияние на внутренние дела византийской Церкви. Распад Аланского государства, выведение кафедрального центра епархии за пределы этнополитических границ Алании на рубеже XI–XII вв., слабость внутренней церковной организации привели к ослаблению темпов и глубины христианизации народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в XII–XVI вв. Предстоятели аланской церкви не смогли сохранить за Аланией ранг титулярной митрополии, и она, вероятно, в конце XV — середине XVI была переведена в разряд архиепископий Константинопольского патриархата.

Ключевые слова: Алания, принятие христианства аланами, Аланская митрополия, Константинопольский патриархат, титулярная митрополия, церковно-административный статус, архиепископия.

Цитирование: Малахов С.Н. Аланская митрополия в церковно-административной структуре Константинопольского патриархата (X–XVI вв.) // *Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований*. 2023. Т. 1. С. 133–171. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.08.

Original article

Metropolis of Alania in the Church-Administrative Structure of the Patriarchate of Constantinople (10th–16th Centuries)

Sergey N. MALAKHOV

Candidate of Sciences (History); Associate Professor; Senior Researcher; Department of History; Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania; Vatutina Str., 44–46, 362025 Vladikavkaz, Russian Federation; malakhoffserg@mail.ru

Abstract: The article analyzes the dynamics of the church-administrative status of the Metropolis of Alania within the Patriarchate of Constantinople. Many aspects of the adoption of Christianity by the Alans have already been studied and reflected in historiography. However, problems related to the time of establishment of the metropolitan see, the prosopography of its incumbents, and internal organization remain insufficiently studied; they require an in-depth study of the connection between Alania and the

metropolitan see of Trebizond, the reasons for the weakening and fading of the activity of the Alan diocese in the North Caucasus. The author believes that the baptism of the prince (*archon*) of Alania took place in the summer-autumn of 914, or in the spring-summer of 915, and by the mid-920s Alania received the status of a titular metropolitan see. The time when the title of *exusiocrator* was assigned to the Alan king and the titular elevation of the Church of Alania to the rank of metropolitan district occurred in the period between 914–925. It is concluded that the «ethnophoric» name of the diocese gave the Alan primate the right to care for his flock not only in the territories where the Alans permanently lived, but also to include in the administrative boundaries of the metropolis the adjacent lands where the Alans settled or migrated to for various reasons. The episcopal system in the Alan Metropolis did not develop due to the nomadic lifestyle of part of its population. The author substantiates the position according to which, in 1084 and 1105 the residence of the Alanian metropolitan was moved from the North Caucasus (the settlement of Nizhny Arkhyz) to Sotiriupolis, a fortress east of Trebizond. The main place of residence of the Alan metropolitan in the 13th — first half of the 15th centuries became Sotiriupolis, and later Trebizond. The study revealed that the Alan metropolitan, as a primate who did not have subordinate bishops, was obliged to regularly participate in the work of the Synod, which gave him special status and influence in the internal church affairs of the Byzantine Church. The collapse of the Alanian state, the removal of the diocesan see beyond the ethnopolitical borders of Alania at the turn of the 11th–12th centuries, as well as the weakness of the internal church organization led to a weakening of the pace and depth of Christianization of the peoples of the Northwestern and Central Caucasus in the 12th–16th centuries. The primates of the Alanian church were unable to retain the rank of a titular metropolitan for Alania, and it was probably transferred to the category of archbishoprics of the Patriarchate of Constantinople at the end of the 15th — mid-16th century.

Key words: Alania, the Christianization of the Alans, Metropolis of Alania, Patriarchate of Constantinople, titular metropolitan, church-administrative status, archdiocese.

For citation: Malakhov, S.N. “Metropolis of Alania in the Church-Administrative Structure of the Patriarchate of Constantinople (10th–16th Centuries).” *Byzantinoturica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 1(2023). P. 133–171. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.08.

Христианизация аланских племен Северного Кавказа, начавшаяся в VI–IX вв. в процессе расширения военных и торговых связей с Византийской империей, носила дискретный характер по времени и локальный по географии появления христианских общин, которые представляли собой редкие анклавные образования на обширном пространстве степей и предгорий от Азово-Черноморского бассейна до берегов Каспийского моря. Ослабление Хазарского каганата и поиски Империей военно-политического союзника на Западном Кавказе выдвинули на первый план необходимость иметь в степях Предкавказья и на Северо-Западном Кавказе надежного партнера с достаточным военным потенциалом, который Византия могла бы использовать, для обороны собственных рубежей. Таким союзником стало быстро растущее Аланское государство. Только обращение алан и его правителя в христианство могли обеспечить международно-политическую стабильность в регионе Восточного Причерноморья, Западного Кавказа и Закавказья, сделав Аланию союзником Византии. Эти задачи были

отчасти реализованы в ходе крещения алан, приведшего к образованию Аланской митрополии. Многие стороны принятия христианства аланами изучены и нашли свое отражение в историографии, в том числе в недавних исследованиях ряда авторов¹. При этом, однако, представляется, что недостаточному изучению подверглась Аланская епархия как часть административно-церковной структуры Константинопольского патриархата: неясным остается время ее образования, просопография ее иерархов, внутренняя организация, связи с Трапезундской митрополией, причины ослабления и угасания ее деятельности на Северном Кавказе. Попробуем осветить эти вопросы.

Крещение алан

Время крещения алан, как и учреждения Аланской митрополии, остается спорным в историографии. Письма константинопольского патриарха Николая Мистика (901–907, 912–925) — единственный источник, на основании которого можно восстановить время и некоторые подробности распространения христианства в Алании в первой четверти X века.

Вопрос о дате крещения алан был впервые поднят Ю.А. Кулаковским, который считал, что основные события произошли после лета 917 г.² К первому периоду патриаршества Николая Мистика (901–907) относил крещение алан В. Грюмель³, исходя из того, что обращение в новую веру могло произойти не ранее 903 г., поскольку в сочинении персидского ученого-энциклопедиста Ибн Русте правитель Алании упомянут как христианин, а подданные его, как еще остававшиеся в язычестве⁴. Однако труд Ибн Русте «Книги драгоценностей» был написан между 903 и 913 гг., и религиозная ситуация, сложившаяся в «царстве аланов» (*mulk al-lān*) может быть отнесена не к начальной дате предполагаемого времени составления труда Ибн Русте, а к 913 году, в котором он был завершен. Это сообщение вряд ли можно использовать в контексте крещения Алании, поскольку группа аланской знати во главе с архонтом принимает христианство в западной Алании, а Ибн Русте сообщает о конфессиональной

¹ См.: Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002; Барабанов Н.О., Волхонский М.А., Мирзоева А.М., Муханов В.М. Очерки истории христианства на Северном Кавказе. С древнейших времен до начала XX века. М., 2015. С. 104–181; Малахов С.Н. Алания и Византия. Источниковедческие аспекты политических и церковных связей. Избранные статьи. М., 2015; Памятники аланского языка и письма. М., 2016; Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. История и искусство христианской Алании. М., 2019; Малахов С.Н. Аланская митрополия в X–XVI вв. Историко-археологические очерки. Владикавказ, 2020; Асратян Д.К. Патриарх Николай Мистик и крещение Алании. Владикавказ, 2020, а также другие работы.

² Кулаковский Ю.А. Христианство у алан // Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Составл., вступ. ст., коммент, карта: С.М. Перевалов. СПб., 2000. С. 165–192 (здесь: С. 168).

³ Grumel V. La date de conversion du Alains et l'archevêché d'Alanie // Échos d'Orient. 1934. T. 33. P. 57–58; *Idem*. Les registes des actes du patriarcat de Constantinople. T. 1. Fasc. 2. Kadiköy; Istanbul, 1936. No 599. P. 135; No 609. P. 139; No 715. P. 196–197.

⁴ См.: Bosworth C.E. Ebn Rosta // Encyclopaedia of Iranica / Ed. by E. Yakshater. Vol. VIII. Fasc. 1. London; New York, 1998. P. 49–50; Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters / Greek Text and English Translation by R.J.H. Jenkins and L.G. Westerink. Washington, 1973. P. 549. (Далее: Nicholas I. Letters).

ситуации в трех днях пути от границ «царства Сарир» — «царства дагестанских аварцев»⁵.

Начало христианизации аланского общества В.А. Кузнецов отнес к первому патриаршеству Николая Мистика, а ко второму — образование архиепископской кафедры⁶. В своих последних работах, опираясь на новое издание писем Николая Мистика, предпринятое Р. Дженкинсом и Л. Вестеринком, он предложил считать 916 г. датой крещения правителя (царя) Алании⁷.

Принципиальное значение для уточнения событий аланской миссии имеет время правления царей Абхазии Константина III и его наследника Георгия II, в письмах к ним патриарх впервые упоминает о крещении аланского правителя. Согласно традиционной датировке, восходящей еще к Вахушти Багратиони (1696–1757), Константин III правил с 906 по 921 год, а Георгий II с 921 по 955 год⁸. Предложенная З.В. Анчабадзе датировка правления Георгия II с 929 по 957 год⁹ не точна, поскольку не учитывает того, что Георгий состоял в переписке с Николаем Мистиком, умершим 15 мая 925 г. Время правления абхазских царей заново пересмотрел К. Туманов, взяв за основу хронологию так называемого «Дивана абхазских царей», составленного на рубеже IX–X вв.¹⁰ По его расчетом, Константин III находился у власти с 899 по 915/16 год, а Георгий II — с 915/16 по 959/60 год¹¹. Приняв эту датировку, Л. Вестеринк уточнил хронологию посланий «аланского досье» патриарха и пришел к выводу, что все письма, затрагивающие тему христианизации, были написаны во второе патриаршество Николая Мистика, а именно в период с 914 по 918 год¹². Согласно Вестеринку, послания патриарха, связанные с аланской миссией имели следующую хронологию: лето 912 г. — письмо 79¹³; 914/916 гг. — письма 51, 52, 118, 133, 134¹⁴; около 916/17 г. — письмо 46¹⁵; август-сентябрь 917 г. — письмо 9¹⁶, около 916 или 918 г. — письмо 135¹⁷; 922 г. — письмо 23¹⁸.

⁵ См.: *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 342–343.

⁶ См.: *Кузнецов В.А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 11–13; *Он же.* Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии: Сб. статей. Орджоникидзе, 1985. С. 37–66 (здесь: С. 48–49); *Он же.* Христианство на Северном Кавказе до XV... С. 41.

⁷ *Кузнецов В.А.* Христианство... С. 42.

⁸ См.: Абхазия и абхазы в средневековых грузинских повествовательных источниках / Груз. тексты на русс. яз. перевел, предисл. и примеч. снабдил Г.А. Амичба. Тбилиси, 1988. С. 131–132.

⁹ См.: *Анчабадзе З.В.* Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми, 1959. С. 128.

¹⁰ Абхазия и абхазы... С. 22–24.

¹¹ *Toumanoff C.* Chronology of the Kings of Abasgia and Other Problems // *Le Muséon.* 1956. Vol. 69. P. 73–90 (здесь: P. 81–82).

¹² *Nicholas I.* Letters. P. XXIX, 547–549, 572–573, 577–578.

¹³ *Ibid.* P. 558–559.

¹⁴ *Ibid.* P. 548–549, 572–573, 577.

¹⁵ *Ibid.* P. 547.

¹⁶ *Ibid.* P. 529–530.

¹⁷ *Ibid.* P. 577–578.

¹⁸ *Ibid.* P. 536–537.

Как видим, последовательность писем в эпистолярном архиве патриарха оказалась нарушенной, что вызвало различные дискуссии и предложения по их смысловому и событийному упорядочению¹⁹.

Комментарии к изданию писем патриарха Николая, предложенные Л. Вестеринком, являются одной из таких попыток. Самым ранним письмом, имеющим отношение к аланской миссии, является послание 79, написанное летом 912 г. после восстановления Николая на патриаршем престоле²⁰. Это ответ миссионерам. Патриарх в нем пишет о «делах церковных», упорядоченных «божьем благоволением», что «церковь избавлена от оскорблений», а он вернул себе власть предстоятеля Церкви: «...мы вновь получили благодатью Божией то самое место (τὴν ἰδίαν τάξιν), из которого были без пользы вырваны и удалены насильственной рукой» (Ер. 79.18). Эти слова можно рассматривать как указание на начало второго патриаршества. Незадолго до смерти Льва VI (†11 мая 912 г.) он был возвращен императором из ссылки и занял место главы Церкви, однако новый период его невзгод начался в июне 913 года, после ухода из жизни императора Александра (†6 июня 913 г.) и дворцового переворота, осуществленного вдовой Льва Мудрого Зоей Карвонопсиной. Следовательно, первая группа монахов в Аланию могли быть направлена уже весной 912 г., когда решался вопрос о возвращении в Константинополь опального патриарха из заточения. Незадолго до смерти Льва VI он исполнил просьбу императора «устроить все согласно со священными канонами»²¹. Письмо от монахов-миссионеров было доставлено апокрисиарием, который еще и на словах сообщил патриарху о трудностях миссии. Патриарх пишет в ответ: «Мы понимаем, что многие обстоятельства стесняют вашу жизнь и обременяют ее, ибо и сам имею представление о подобном заброшенном месте (τοῦ τόλου τὴν ἐρημίαν) и людях, с которыми вам приходится находиться, чужеродного образа поведения и нрава...» (Ер. 79.17–20). В греческом ἐρημία — ‘место пустое, незаселенное’, ‘уединенное место’, ‘пустыня’. Именно так, вероятно, воспринималась место, где остановились миссионеры в Алании; так они воспринимали ландшафт горных ущелий Западной Алании после многолюдных городов Империи, но не исключено, что миссионерская ставка находилась вне пределов, в отдалении от аланских поселений. Наставляя и ободряя монахов, патриарх приравнивает их тяжкий труд к деяниям апостолов, которые «принесли благуя весть о мире» и призывает иноков совершать свое дело с еще большим усердием, изгонять «мрак безбожия из подпавших под его власть душ», чтобы посредством веры души язычников были возвышены к «свету спасения», а обратившие их в новую веру монахи были «про-

¹⁹ См., например: *Каждан А.П.* Болгарско-византийские отношения в 912–925 гг. по переписке Николая Мистика (Опыт пересмотра хронологии писем) // *Études balkaniques*. 1976. No 3. С. 92–107; *Каждан А.П., Бартикян Р.М.* Рец. на кн.: *Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters / Greek Text and English Translation by R.J.H. Jenkins and L.G. Westerink*. Washington, 1973 // Историко-филологический журнал. 1976. No 1. С. 276–282; *Асратян Д.К.* «Аланское досье» патриарха Николая Мистика: проблемы хронологии // *Известия СОИГСИ*. 2015. № 18 (57). С. 5–10.

²⁰ *Nicholas I. Letters*. P. 558–559.

²¹ *Попов Н.Г.* Император Лев VI Мудрый и его царствование. М., 1892. С. 167.

славлены славой божественной и нетленной в жизни нынешней и грядущей» (Ер. 79.9–17).

Николай Мистик подчеркивает, что трудности, испытываемые миссионерами, не идут ни в какое сравнение с «грядущей славой», открывающейся для них за понесенные труды и невзгоды, им вдвойне воздастся от Бога по мере завершения «утверждения (τὸν στήριγμόν) тех, кто недавно сплотился в вере»; он утешает монахов, что они, пренебрегшие своими интересами ради «грядущего учения», обретут спасение и, явившись пред Создателем, «обрадуют Его», сообщая о тех, кто приобщился ко Христу посредством крещения (δὴ τοῦ βαπτίσματος) (Ер. 79.21–33).

Архиепископ Петр, отправленный на Аланскую епархию в 914 году, вероятно, разминулся с группой возвращавшихся монахов миссионеров и не встретился с иноком Евфимием, который затем исполнял обязанности апокрисиария патриарха у болгарского царя Симеону I. В этом письме патриарх рекомендует и доставившего послание как мужа заслуживающего всяческого почтения не только за то, что является кафигуменом монастыря на Олимпе (в Вифинии), но и потому, что тот посеял силой Всесвятого Духа слово веры среди алан и «равную божественных апостолов литургию сослужил по божьему предначертанию» (Ер. 9.264–269). Скорее всего, первая миссия во главе с Евфимием провела в Алании около трех лет и вернулась в Константинополь весной-летом 914 года.

Затем монах Евфимий был вторично отправлен в Аланию, на помощь архиепископу Петру, между 916 и 918 гг., а поскольку владыка не был знаком с игуменом, то патриарх просит его не допускать раздора с «сыном нашим и братом твоим киром Евфимием» (Ер. 135.87). Евфимий вернулся из Алании осенью 916 г., или несколько позднее: весной — в начале лета 917 г., поскольку в конце августа — начале сентября 917 г., как доверенное лицо Мистика, он был уже при дворе болгарского царя Симеона. Если следовать датировке письма 9, предложенной А.П. Кажданом (август-сентябрь 914 г.), то уже в 916 или 917 г. Евфимий вполне мог занять кафедру в Аланской епархии и быть вторым по счету владыкой Аланской архиепископии после Петра.

Первые миссионеры прибыли в Аланию с Олимпа Вифинского — крупного монашеского центра в Малой Азии. Здесь преобладала вдохновенная атмосфера аскезы и подвижничества в сочетании с независимостью иноков²². Эти традиции вифинские монахи принесли и в Аланию. Чрезмерно суровые требования к неофитам, вероятно, на первых порах встречали непонимание тех, кто принимал христианство, что заставило патриарха Николая Мистика давать советы миссионерам по смягчению чрезвычайно жестких норм в отношении нравственности их подопечных.

Следует вспомнить, что именно с Олимпа просветители славян братья Кирилл (Константин) и Мефодий в 860 г. отправились с миссией в Хазарию. А работа над «славянским проектом» братьями-просветителями была начата имен-

²² См.: Тахиаос А.-Э. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. Сергиев Посад, 2005. С. 54.

но на горе Олимп, здесь они «трудились над переводами священных текстов с греческого языка на славянский, пользуясь при этом некоей черновой и находившейся в процессе постоянного усовершенствования азбукой»²³. Об этом опыте знали аланские миссионеры и, возможно, пытались его применить — составить азбуку для алан на основе греческого алфавита.

Евфимий был доверенным лицом патриарха. Нельзя исключать, что должность «кафигумена» он стал исполнять в ставропигиальном монастыре на Олимпе по возвращении из Алании. В письме к Симеону Болгарскому патриарх характеризует его как «предводителя подвижников на Олимпе» (ὁ ἄνθρωπος ἔστι μὲν τῶν ἐν Ὀλύμπῳ ἀσκητῶν καθηγούμενος — Ер. 9.265–266). В византийской церкви этого времени допускалась практика возведения в игумены монастырей и простых монахов²⁴.

Новые сведения о ходе христианизации в Алании патриарх получает в начале лета 914 г. от самого архиепископа Петра, пока еще из Авасии, где временно остановилась группа монахов, покинувшая Константинополь в феврале 914 г. Это миссия, вторая по счету, была направлена в Алаанию уже с владыкой новоучрежденной епархии. Из-за необходимости ждать до мая-июня открытия перевальных путей в Алаанию, посольство вряд ли могли выйти на северные склоны Кавказа, в верховья реки Кубани, ранее лета 914 г. Николай Мистик получает известия о благожелательном приеме миссионеров в Авасии. Со словами благодарности патриарх напрямую обращается к «эксусиасту Авасии». В это время эксусиастом («властителем») Авасии был Константин III (892/3–915/16 гг.)²⁵, поскольку последующие письма 46 и 162, после смерти Константина, были адресованы его сыну Георгию. Мистик благодарит Константина как «отец своего сына», отмечает его «боголюбие», «добропорядочность», и указывает, что впервые обращается к нему в эпистолярной форме (διὰ τοῦ γράμματος. — Ер. 51.3). Таким образом, помощь византийским миссионерам со стороны правителя Авасии предварительно не оговаривалась со стороны Константинополя. Патриарх одобряет «боговдохновенное рвение в спасении и просвещении правдой народа Аланов», проявленное со стороны Константина III, благодарит его за действия, направленные «на просвещение архонта Алании и тех, кто рядом с ним, удостоенных чести святого крещения» (Ер. 51.8–15) и просит в дальнейшем оказывать миссии помощь (Ер. 51.16–25).

В «просвещении» правителя Алании был заинтересован не только Константинопольский патриархат, но и сам эксусиаст, поскольку крещение скрепляло религиозные и военно-политические узы двух сопредельных государств.

²³ Тахиаос А.-Э. Святые братья... С. 104–105.

²⁴ Голубинский Е.Е. Святые Кирилл и Мефодий, первоучители славянские // Прибавления к изданию Творений святых отцов в русском переводе. 1885. Ч. 36. Кн. III. С. 160–228 (здесь: С. 190).

²⁵ См.: *Toumanoff C. Chronology of the Kings...* Р. 80–81. Хронологии К. Туманова придерживается издатель и комментатор писем Николая Мистика Л.Г. Вестеринк, хотя существуют и иные датировки правления Константина III: 893–923 гг. (*Цулая Г.В.* Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии. М., 1995. С. 77) и 898?–922 гг. (*Виноградов А.Ю.* Абхазское царство — опыт политогенеза между христианством и исламом (конец VIII — начало X в.) // *Polystoria: цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе.* М., 2016. С. 11–59 (здесь: С. 59).

Между 914 и 916 гг. Константин III достигает значительных успехов в расширении границ Авагии. Он нуждался в сохранении дружеских отношений с Аланией и Византией, поскольку вел борьбу за овладение Картли. Так или иначе, но крещение князя алан произошло в короткий промежуток времени после возвращения из Эрети Константина²⁶ и его неожиданной кончиной в 915/16 году²⁷.

Прибытие архиепископа Петра в Алалию и его пастырская деятельность приходится, скорее всего, на начало 915 г., сопровождается значительными трудностями в преобразовании языческих нравов в христианские, что становится темой для наставлений со стороны Николая Мистика. Архиепископ Петр проводит работу по учреждению церковно-административной структуры новообразованной епархии, расширяет миссионерскую деятельность, крещение принимают новые группы правящего класса и простого населения. Постепенно, но не всегда ровно и с должным взаимопониманием выстраиваются отношения между иерархом Аланской церкви и правителем Алалии. Вероятно, эти обстоятельства породили многочисленные жалобы о трудностях церковного служения во вновь создаваемой епархии.

После смерти Константина III новым правителем Авагии становится Георгий II. Он имел византийский придворный сан магистра и титул экскусиаста (Ер. 46.1–2)²⁸. В письме, адресованном Георгию, патриарх выражает соболезнование в связи с кончиной его отца и просит оказать помощь аланской миссии: «Об архиепископе Алалии, сын мой, я не знаю, что и писать. Ты сам умный и рассудительный и видишь его труд, направленный на спасение людей ради славы великого Бога; надеюсь всячески, что и без моего письма из-за тамошней заброшенности, ты жалованьем (μισθολοδοσίαν) окажешь вспомоществование ему и боголюбивым лицам, помогающим в его трудах» (Ер. 46.21–26). Видно, что византийская сторона не в состоянии материально поддерживать миссию и надеется на помощь экскусиаста Авагии. Фактически, патриарх предлагал Георгию взять на себя обеспечение «жалованьем» миссионеров и их содержание в Алалии. Об этом говорит заключение письма: «И если кто в народе том и земле чужой из-за невзгод и ослаблений, приносимых жизнью, нужду терпит, то расходы на помощь им ты благосклонно прибавь к собственным издержкам, предоставленной тебе от Бога силой. И пусть столь великая сила будет еще больше укрепляться в богатстве, чтобы помогать неимущим (τοῖς ἀπορουμένοις)» (Ер. 46.26–30).

В этом письме представляется важным термин «апория» (ἀπορία), который может уточнить, какие невзгоды испытывали греки, оказавшиеся «в стране чу-

²⁶ Летопись Картли / Введение, перевод и примечания Г.В. Цулая. Тбилиси, 1982. С. 53.

²⁷ Toumanoff C. Chronology of the Kings... P. 82. На основании интерпретации надписи из Эредви, датируемой 906 г., хронологию «Летописи Картли» А.Ю. Виноградов считает ошибочной, войну за Картли Константина III и Смбата I датирует временем до 906 г., см.: Виноградов А.Ю. Абхазское царство... С. 46, 56.

²⁸ См.: Chervachidze L. Le complex monastique «Aylaga Abykou» // L'arte Georgiana dal IX al XIV secolo / A cura di M.S. Calò Mariani. Galatina, 1986. P. 89–97 (здесь: P. 91–96. Tav. XLI.1); Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Бамборский храм и проблема «купольного зала» в Византии и на Кавказе // Российская археология. 2012. № 3. С. 97–108; Виноградов А.Ю. Абхазское царство... С. 37.

жой». Под апорией понималось обычно безденежье, отсутствие серебра для уплаты податей и приобретения продуктов питания²⁹. Миссионеры испытывали материальные невзгоды, не имели денег и находились на грани физического выживания.

Письмо от Николая Мистика Георгий II мог получить в 916/17 г., поскольку речь в нем идет о трудностях, которые претерпевает архиепископ Петр в Алании. Сложным было положение и самого патриарха в Константинополе. После смерти императора Александра, последовавшей 6 июня 913 г., четвертая жена и вдова императора Льва VI Мудрого Зоя Карвонопсина захватила власть и отстранила Николая от участия в опеке над малолетним императором Константином. В феврале 914 г. вооруженные сторонники Зои напали на патриарха, и он был вынужден искать спасения в Св. Софии, скрываясь там три недели в алтаре. Патриарх, отстраненный от регентства, сохранил все же за собой церковное управление, но в полной мере восстановить его удалось лишь после 24 сентября 919 г.: Зоя была отстранена от власти и вторично пострижена в монахини³⁰.

Таким образом, в 916–917 гг. патриарх, занятый внутрицерковными спорами и отстраненный от влияния на семью императора, находился в политической опале и не мог оказывать материальную помощь монахам в далекой Алании. Эти обстоятельства и заставили его прибегнуть к посредничеству властителя Авассии.

Пути в Аланию через степи Предкавказья для миссионеров, вероятно, были недоступны, поскольку контролировались кочевниками и Хазарией. Но сопредельность территорий Алании и Авассии, налаженные торговые маршруты с Трапезундом и областями византийского Понта, заставили Константинополь при крещении Алании обратиться к посредничеству эксусиаста Авассии³¹.

Второе письмо Николая Мистика к Георгию II хотя и не связано с аланскими делами, однако дает дополнительную информацию о вероятных внешнеполитических планах патриарха в отношении Алании после принятия христианства. Речь идет о военной помощи, в которой остро нуждалась империя во время византийско-болгарской войны 913–927 гг.

Ранее, в одном из писем к царю Симеону (Ер. 23) патриарх обмолвился, что на Болгарию готовится поход союзных империи народов, которых пытался организовать фактически находившийся у руля империи соправитель Константина VII Роман Лакапин (919–945). Это письмо Симеону было отправлено в начале или второй половине 922 г. Николай Мистик пишет: «Вот царским старанием на вашу власть и ваш род могущественное, сколько сообразить могу, нашествие если не снарядилось, то наряжается нашествие Руси (Ῥῶς), и с ними печенегов (Πατζήνακίτων), еще же и алан (Ἀλανῶν) и западных турков (δύσεως Τοῦρκων) (мадьяров. — С.М.), которые все единомысленно согласились пойти на тебя войной» (Ер. 23.2–21. Ср.: Ер. 23.66–70). Привлечение алан к антибол-

²⁹ См.: Бенешевич В.Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г. СПб., 1905. С. 100. Примеч. 1.

³⁰ См.: Острогорский Г. История византийского государства / Пер. с нем. М.В. Грацианского под ред. П.В. Кузенкова. М., 2011. С. 335–339.

³¹ Малахов С.Н. Алания и Византия... С. 23–31.

гарской коалиции было вполне реально, поскольку патриарх допускает подобный военный союз и с Авасгией. В письме к эксусиасту Георгию II (Ер. 162) патриарх сообщает: «Что же касается болгар, о которых ты написал, то не знаю по какому божьему суду продолжают злодеяния врагов, и нет проблеска посредничающего мира. Ты же, сын наш, согласно царскому письменному прошению и приказу, честно сохраняй дружбу и будь готов оказать нам союзническую помощь (τῆς συμμαχίας), и, если будет нужда тебя призвать, всячески, как благомыслящий друг, требуемое исполни, чтобы тем самым проявить свою добродетель и искреннюю дружбу к нам» (Ер. 162.13–19). Патриарх убеждает эксусиаста Авасии в связи с продолжающимся византийско-болгарским конфликтом (из которого Николай пока не видит выхода) быть готовым оказать военную помощь — симмахию, под которой подразумевалась помощь за плату на основании взаимного договора Империи со своим контрагентом. Л. Вестеринк отнес это письмо под знаком вопроса к 924/925 гг.³², а В. Грюмель — к ноябрю 924 или 923 г.³³ С учетом готовящейся со стороны Византии антиболгарской коалиции, письмо 162 к эксусиасту Авасии можно датировать 922 г.

Упоминание алан как потенциальных союзников Империи в войне против Болгарии относится именно к этому временному отрезку — 921/922 г. Вероятно, эксусиаст Авасии и «архонт» Алании рассматривались имперской дипломатией (в лице ее исполнителя патриарха Николая) как вероятные союзники, способные своими воинскими контингентами оказать поддержку Византии. Привлечение христианских народов (в том числе и новообращенных алан) к борьбе с болгарами не противоречило внешнеполитической доктрине империи, да и, кажется, политическим взглядам самого патриарха, поскольку речь шла о судьбе Византийской державы.

Аланы после 922 г. более не упоминаются в письмах патриарха Николая Мистика ни в этнонимическом контексте, ни в связи с деятельностью Аланского архиепископа. Крещение правителя Алании в 914/915 г. обеспечило необходимые гарантии для дальнейшего существования Аланской епархии и последнее уже не вызывало беспокойства у предстоятеля Византийской Церкви.

Анализ писем патриарха свидетельствует, что просвещение алан было начато константинопольским патриархом Николаем Мистиком в 912–913 гг., после направления в Аланию монаха Евфимия во главе группы византийских миссионеров. По итогам катехизаторской деятельности Евфимий был отмечен саном настоятеля Олимпийского монастыря в Вифиния. Архиепископ Петр, сменивший Евфимия в 914 г., крестил царя («архонта») Алании летом-осенью 914, или весной-летом 915 г. Вероятно, он стал первым официальным предстоятелем аланской епархии, и при материальной поддержке со стороны правителей Авасии и Алании начинает возведение кафедрального (вероятно, Северного Зеленчукского)³⁴ храма, завершение строительства которого пришлось на се-

³² Nicholas I. Letters. P. 585.

³³ Grumel V. Les regestes... No 715.

³⁴ Время возведения Северного Зеленчукского храма остается дискуссионным. В.А. Кузнецов на основании историко-архитектурных и археологических данных завершение строительства кафедрального храма Алании относил ко второй четверти X в. (Кузнецов В.А. Зодчество фео-

редину — вторую половину 20-х гг. X в. Исследователями отмечается ориентация церковных строителей аланского собора на образцы константинопольской архитектуры, с которыми (церковь монастыря Липса — 908 г., церковь Мирелейон, около 925 г.) Северный Зеленчукский храм роднят и общий тип зданий, и масштаб построек, и некоторые архитектурные приемы, а самые близкие географические аналоги ему встречаются в Трапезунде (храм св. Софии X–XIV вв. до его перестройки в XIII–XIV вв.)³⁵. Возможно, на начальном этапе христианизации функции кафедрального храма принял на себя Средний Зеленчукский храм, построенный первоначально по образцу крестообразных церквей Малой Азии VIII–IX вв. еще до официального крещения алан³⁶. Высказываются и иные предположения о времени возведения трех главных храмов Нижне-Архызского городища: в начале X века первым на месте древнего святилища был построен Южный храм, через некоторый промежуток времени — Средний, а только в середине X века — Северный Зеленчукский храм³⁷. Д.В. Белецкий и А.Ю. Виноградов, исходя из предположения об изгнании миссионеров из Алании в 932 г. и кратковременности первого этапа христианизации, считают, что Аланская митрополия учреждается здесь в 50-е гг. X в., предлагая иную датировку купольных храмов типа вписанного креста: строительство Среднего храма (кафедрального), по предположению авторов началось в 20-е гг., а завершилось в 50–60-е гг. X в., Сентинского — в 964–965 гг., а Северного Зеленчукского в конце 60-х — 70-е гг. X в.³⁸ Нельзя исключать вероятности, что первые архиерейские богослужения в новообразованной епархии могли проводиться в какой-либо небольшой одноапсидной однефной церквушке, сооружение которой не требовало значительных затрат. Датировки таких церквей обычно широкие — X–XII вв., только на Нижне-Архызском городище их выявлено 14. Возводились они в технике сухой каменной кладки руками местных строителей под руководством греческих мастеров, но в них использовались цементачные полы, контрфорсы, стеклянные диски для остекления небольших окон³⁹.

дальной Алании. С. 40), исходя из традиционной датировки правления абхазского царя правителя Георгия II (с 920 по 955 г.). С предложенной датировкой соглашался А.И. Комеч: *Комеч А.И.* Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987. С. 71.

³⁵ *Перфильева Л.А.* Купольные храмы Западной Алании в контексте средневизантийской архитектурной традиции // Христианское зодчество. Новые материалы и исследования / Отв. ред. И.А. Бондаренко. М., 2004. С. 180–201 (здесь: С. 197–199).

³⁶ Там же. С. 191.

³⁷ *Пищулина В.В.* Пространственная организация христианских храмов Нижне-Архызского городища // Христианское зодчество. Новые материалы и исследования / Отв. ред. И.А. Бондаренко. М., 2004. С. 217–231 (здесь: С. 227).

³⁸ *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* История и искусство... С. 130–131, 153.

³⁹ *Кузнецов В.А.* Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X–XII веках. Пятигорск, 2017. С. 124–143.

Статус Аланской митрополии в структуре Константинопольского патриархата

Дискуссионным является вопрос о времени учреждения Аланской митрополии: произошло ли это сразу в процессе крещения царя Алании, или вначале была организована архиепископия, а повышение ранга Аланской архиепископии до митрополии произошло позднее — в 40-х гг. X в. Не известна ее административная структура и многие стороны повседневной епархиальной жизни. Крещение архонта Алании, архонта («князя») по статусу, с точки зрения византийских дипломатов должно было сопровождаться учреждением епископии, как это было, например, со славянскими племенами, принявшими крещение на территориях, входивших в состав балканских владений Византийской империи. Можно предполагать, что для официального крещения архонта Алании, с учетом высокого ранга правителя, требовался архиепископ, который был туда и отправлен, после чего с 914 г. следует говорить об Аланской архиепископии⁴⁰.

Однако статус того, кто обращал в новую веру, не имел принципиального значения. В церковных документах того времени и в каноническом сознании на Востоке и Западе не видели большого различия между титулами архиепископа и митрополита⁴¹. Алания, как и Русь, становятся митрополиями после официального крещения ее правителя. Сан митрополита в стране, обращаемой в лоно Византийской Церкви, в большей степени мог отражать политические амбиции ее светского правителя, высокому положению которого должен был соответствовать ранг церковного представителя Византийской империи. Но титул митрополита не сразу отражается в документах той эпохи, вернее не все свидетельства, главным образом письменные и сфрагистические, дошли до нашего времени.

Прямым и самым ранним доказательством того, что Аланская епархия имела ранг митрополии, является печать Игнатия Монаха, митрополита Алании, датированная В. Зайбтом 20–30-ми гг. X в.⁴² Игнатий мог быть преемником Петра на аланской кафедре; впрочем, эту печать Ж.-К. Шейне отнес к более позднему периоду: концу X — началу XI века⁴³. Аланская архиепископия (митрополия) с момента своего учреждения носила в большей степени титулярный характер, митрополичий сан, вероятно, на первых порах присваивался аланскому местоблюстителю как почетный и был преднамеренно завышен патриархом

⁴⁰ Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. История и искусство... С. 18.

⁴¹ См.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 311–338; Гайденок П.И. Быт и нравы архиереев и их паствы в Киевской Руси (XI–XIII вв.). СПб., 2016. С. 47–48.

⁴² См.: Зайбт В. Византийские печати из Алании «*μητροπολίτης Ἀλανίας*» и «*ἐξουσιοκράτωρ Ἀλανίας*» // Новое в византийской сфрагистике. СПб., 2003. С. 14–15 (здесь: С. 14); Seibt W. Metropolitentum und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln des 10–12. Jahrhunderts // Сфрагистика и история культуры. Сборник научных трудов, посвященный юбилею В.С. Шандровской. СПб., 2004. С. 50–59 (здесь: С. 51–52).

⁴³ Cheynet J.-Cl. Sceaux de la collection Zacos (Bibliothèque nationale de France) se rapportant aux provinces orientales de l'Empire byzantine. Paris, 2001. P. 13–14.

Николаем Мистиком с учетом трудностей отдаленной миссии и важности ее с международно-политической точки зрения.

Алания — епархия, находившаяся на границах византийской ойкумены, Северном Кавказе, — относилась к Понтийскому диоцезу, ее архиереи напрямую подчинялись Константинопольскому патриарху. Подчиненных епископов у архиепископа Алании не было, поскольку не было городов, как их себе представляли греческие иерархи, где могли бы размещаться резиденции епископов. Собственно не было и главного города (μητροπολις), в котором бы находилась кафедра аланского владыки — митрополита. Церковный центр, возникший в долине Большого Зеленчука (Нижне-Архызское городище) располагался на торговом маршруте, являвшемся в раннем Средневековье ответвлением Великого Шелкового пути, приобретает в период активной христианизации алан в X–XII вв. функции раннегородского образования. На первом этапе своего существования клир Аланской епархии был малочисленным, церковно-административной структура митрополии была неразвита. Однако сообщение ал-Масуди в сочинении «Мурудж аз-захаб» об аланах, касакх (касогах) и других народах Кавказа позволяет уточнить некоторые стороны раннехристианской истории Алании. Знаменитый арабский ученый-энциклопедист, умерший в 956 г. сообщает, что цари Алании приняли христианство при Аббасидах (VIII–IX вв.), он не знает более точного времени принятия христианства аланами. Но после 932 г. (320 г.х.) «они отреклись от христианства и прогнали епископов и священников, которых византийский император им прислал»⁴⁴. «Отречение» алан от христианства исследователи связывают с поражением аланского царя в войне с хазарами в 930/931 гг.⁴⁵ Контекст, в котором присутствует это сообщение, имеет отношение к Восточному Кавказу и, надо полагать, «отреклись» от христианства аланы, граничившие с царством Сарир. Любопытно, что указание на изгнанных «епископов и священников» может свидетельствовать о двухуровневой организации клира: епископ — священник. Но неизвестно имело ли это событие последствия для Западной Алании.

Со второй половины X в. статус Аланской митрополии подтверждается данными эпиграфики. В строительной надписи 965 г., выявленной В.Д. Белецким в Сентинском храме и прочитанной А.Ю. Виноградовым, указан наряду с эксусиократором Давидом и его женой Марией митрополит Алании Феодор⁴⁶, который в надписи назван «митрополитом просвещающим (καθηγησαμένου) Аланийским»⁴⁷, что указывает на продолжение в Алании катехизаторской деятельности, начатой еще монахом Евфимием. Эта надпись — самое ранее

⁴⁴ См.: *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 204; *Новосельцев А.П.* Христианство, ислам и иудаизм в странах Восточной Европы и Кавказа в Средние века // Вопросы истории. 1989. No 9. С. 20–35 (здесь: С. 27).

⁴⁵ См.: *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 195–196; *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. 2-е изд., доп. Владикавказ, 1992. С. 168.

⁴⁶ См.: *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* История и искусство... С. 68.

⁴⁷ См.: Там же. О надписи подробнее см.: *Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю.* Нижний Архыз и Сенты — древнейшие храмы России. М., 2011. С. 241–245.

датированное упоминаний о митрополите Алании, его сане, и присутствии в епархии.

До открытия этой надписи и выявления печати монаха Игнатия, митрополия Алании самым ранним свидетельством о статусе епархии в ранге митрополии являлись сведения из росписи кафедр Константинопольского патриархата, которая была составлена не позднее 80-х гг. XI в. В ней отразились новые кафедры, организованные в период, начиная с 902 по 1084 г. примерно в той последовательности, в которой они открывались и заносились в списки. Из кафедр, имеющих точные даты основания, указаны митрополия Колония (стоящая на 56-м месте) — основана перед 985 г., Серры на 58-м месте и Помпейепопь на 56-м месте упоминаются 21 февраля 997 г. как митрополии (в 969–997 гг. они еще архиепископии). Аланская митрополия, находящаяся на 61-м месте, после Росии упоминается в документе 1024 г., со ссылкой на грамоту, данную митрополиту Алании Николаю от 997/98 г. Это позволило исследователям считать, что митрополия Росия, стоящая на 60-м месте в списке, была учреждена перед 997 г.⁴⁸ Документ, в котором впервые упоминается митрополит Алании Николай, относится к периоду патриаршества Сисиния II (995–998)⁴⁹. Если исходить из логики этих построений, то Аланская митрополия (занимавшая 61-е место), поскольку она стоит в перечне сразу после Росии, была учреждена не позднее 997/98 г. Однако этот, стройный на первый взгляд, доказательный ряд нарушают как печать митрополита Игнатия (920/30 гг.), так и строительная надпись, указывающая на освящение обновленного Сентинского храма митрополитом Алании Феодором в 965 г.⁵⁰

Все это дает основания предполагать, что в статусе митрополии Алании уже существовала с момента официального крещения правителя Алании или, по крайней мере, с 20-х гг. X в. Если учитывать, что между крещением и обретением этого статуса, на примере Руси, проходило не более десяти лет (это было связано с необходимостью сооружения кафедрального храма), то возвышение аланской архиепископии в статус митрополии, вероятно, произошло после освящения Северного (или Среднего) Зеленчукского храма, около 925 г. или чуть позднее. Византийская практика показывает, что архиепископ, возглавлявший митрополию, мог, например, не указывать свой митрополичий статус на печатях, жесткой терминологической зависимости сана и его лексической фиксации в документах и на буллах не было, что подтверждает разнообразие терминов на печатях владык Древней Руси.

Преобразование миссионерской епископии в митрополию с присвоением ее главе митрополичьего сана, как и определение дипломатического статуса для «архонта» Алании через византийскую интитуляцию «эксусиократор», могло произойти уже между 914-м г. и 20-ми гг. X в.⁵¹

⁴⁸ Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 26.

⁴⁹ Grumel V. Les registres des actes du Patriarchat de Constantinople. Vol. 1. Fasc. 1–3. Paris, 1932. No 804, 806, 827; Laurent V. Le corpus de sceaux de l'Empire byzantine. T. V. Pars IA. Paris, 1963. P. 595, 598, 613.

⁵⁰ Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. История и искусство... С. 68.

⁵¹ Малахов С.Н. Аланская митрополия... С. 236–246.

Собственно ранг аланской кафедры — митрополия [буквально «(кафедра) старшего (главного) города»] по византийским церковным правилам предполагал подчинение митрополиту других иерархов, епископов, главой которых он был. Митрополия, не имевшая подчиненных ей епископских кафедр, была на самом деле только титулярной, т. е. отличавшейся от епископии/архиепископии титулом, а не объемом и содержанием власти. Собственно митрополичья епархия должна была включать в себя все подвластные ей архиепископии и епископии. Поскольку таковых в Алании не было, или они не успели сформироваться по различным причинам, то высокий титул митрополита присваивался Константинополем аланскому владыке из особых церковных обстоятельств, чтобы поддержать его служение на периферии византийского церковного мира (митрополит напрямую подчинялся патриарху, представлял собой доверенное лицо Империи в осуществлении постоянных церковно-политических связей с эксусиократом — «властодержцем» Алании), такая практика должна была отчасти компенсировать переносимые церковным владыкой трудности на окраине византийской ойкумены.

Отношения между Аланской митрополией и Константинопольским патриархатом определялись на основе 28-го правила Халкидонского Собора. В 451 г. на IV Вселенском (Халкидонском) соборе Константинопольский патриарх, как пребывавший в столичном городе, получил право назначать митрополитов в области Понта, Асии и Фракии. Соборное решение гласило, что «...митрополиты областей Понтийской, Асийской и Фракийской, и также епископы у иноплеменников (ἐν τοῖς βαρβαρίκοις) вышепереченных областей да поставляются от <...> святейшего престола Святейшей Константинопольской Церкви...»⁵². Иноплеменники этих областей, где учреждались новые митрополии, в ранневизантийский период конкретно не указывались. Но имелись в виду «варвары», т. е. не греки из числа местных племен. Византийские комментаторы видели в «епископах варваров» церковных глав этнических меньшинств, находившихся внутри диоцеза, другие считали, что это епископы стран, т. е. Алании и Руси, которые соседствовали (συμπαράκειται) соответственно с византийскими провинциями⁵³.

Историк и канонист XII в. Иоанн Зонара в своих комментариях делает актуальное уточнение к 28-му правилу, под «иноплеменными народами» понимая аланов и россов: «На Константинопольского же епископа правило возлагает рукоположение епископов для иноплеменных народов, живущих в указанных областях (Понта, Асии и Фракии. — С.М.), каковы суть аланы и росы; ибо первые принадлежали к понтийской области, а росы к фракийской»⁵⁴. Синод отбирал и выдвигал кандидатуру или кандидатуры рукополагаемого митрополита. В

⁵² Каноны или книга правил на русском языке. СПб., 2000. С. 55. См.: *Грацианский М.В.* Процедура возвышения константинопольской кафедры на IV Вселенском соборе в Халкидоне // *Вестник Волгоградского государственного университета.* Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 6. С. 236–251.

⁵³ *Кузенков П.В.* Канонический статус Константинополя и его интерпретация в Византии // *Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия.* 2014. Вып.3 (53). С. 25–51 (здесь: С. 34).

⁵⁴ *Правила святых вселенских соборов с толкованиями.* Москва, 2000. С. 246–247; *Правила свя-*

ранневизантийский период все митрополиты Церкви были автокефальными, т. е. их избирал местный синод епископов. Но в миссионерской новообразованной епархии, какой была Аланская и Русская, такого собрания уже не было. Правда епископальная структура в Древней Руси постепенно сформировалась⁵⁵, но в Алании она, видимо, так и не возникла. Этот факт может указывать на процесс медленного формирования аланской знати, неустойчивую динамику ее количественного прироста, вероятно, вызванную постоянными военными потерями, слабое материальное обеспечение «сильных» фамилий, а также недостаточно глубокое воцерковление феодализирующейся знати.

Таким образом, назначение Аланского епископа (=архиепископа/митрополита), как и Рос[с]кого, было исключительной прерогативой Константинопольского патриарха и Синода. Однако это не означало, что они находились в полной и нераздельной власти только главы Константинопольской Церкви. Кандидатура митрополита на вакантную кафедру, как правило, избиралась из трех претендентов. Алексей Аристин, номофилакс и великий эконо патриаршей (великой) церкви, живший в правление императоров Иоанна II (1118–1143) и Мануила I (1143–1180) Комнинов⁵⁶ вносит небольшие уточнения в толкование правила о порядке назначения епископа в указанные области, объясняя его так: «Епископ нового Рима единочестен с епископом древнего, по причине перенесения скипетров. Посему епископы Понта, Азии и Фракии и иноплеменные принимают рукоположение от епископа константинопольского. <...> Ему должны быть подчинены и от него должны принимать рукоположение одни митрополиты Понта, Азии и Фракии, а также и епископы иноплеменных народов, какие находятся в этих округах»⁵⁷.

Другой комментатор, Феодор Вальсамон, к «иноплеменным народам» кроме аланов и россов причисляет и «других» (не называя конкретно, кого он имеет в виду): «Понтийскими, — пишет он, — называются митрополиты, обитающие близ Черного моря до Трапезонта и далее внутрь страны <...>. А под епископами у иноплеменников разумеи Аланию, Россию и другие; ибо Аланы принадлежат к понтийскому округу, а Россы к фракийскому»⁵⁸. Понтийские и асийские митрополиты часто выступали за «древнее» право избирать и хиротонисать епископа на месте, в соответствии с обычаем, восходившим к ранним временам христианства, но беспорядки по назначению, вызванные симонией, приводили иногда, как это случилось в Эфесе, к появлению двух митрополитов эфесских — Вассиана и Стефана. Поэтому Константинополь, и стоявшие за ним столичные клирики усилили контроль за выборами местных митрополитов⁵⁹. Феодор Вальсамон, стремясь определить пределы патриаршей централизации,

тых Апостол, святых Соборов вселенских и поместных и святых отец с толкованиями. Москва, 1876. С. 410–411.

⁵⁵ См.: Каноны или книга правил... С. 33–56.

⁵⁶ Красножён М. Толкователи канонического кодекса Восточной Церкви: Аристин, Зонара и Вальсамон. Юрьев, 1911. С. 96–98.

⁵⁷ См.: Правила святых Апостол... С. 411; Правила святых вселенских соборов... С. 246–247.

⁵⁸ Правила святых вселенских соборов... С. 248–249.

⁵⁹ Петр (Л'юилле), архиеп. Правила первых четырех вселенских соборов. М., 2005. С. 319–320.

предполагает, что провинциальные митрополиты византийской Церкви могут быть избранными своими провинциальными синодами, но этот порядок, считает И. Мейендорф, ни в коей мере не приводил «к административному сепаратизму и еще менее к этническому или гражданскому самоопределению»⁶⁰.

Назначение митрополита Алании проходило под полным контролем Константинопольского патриархата и Синода. Причисление Аланской епархии к Понтийскому диоцезу было вызвано рядом причин, в числе которых были не только географическая сопредельность Алании с Понтом, но также, вероятно, быстро развивавшиеся с империей торговые связи и военные отношения.

В то время термином *τὸ βαρβαρικόν* назывались народы, не вовлеченные в административную сферу «Романии» — Византийской империи. Слова *ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς* в 28-м правиле «обозначали области, расположенные на границах гражданских диоцезов Фракии и Понта, поскольку это никак не относилось к диоцезу Асии, окруженному другими диоцезами»⁶¹. Патриарх Константинопольский обязан был посвящать в епископы тех, кто служил в миссионерских Церквях за границами империи, в «иноплеменных землях»⁶². Таким образом, право рукополагать епископов, а равно архиепископов и митрополитов, в областях Понта, Асии и Фракии патриарх Константинопольский рассматривал как свое исключительное право, подтверждающее его «равночестие» с папой Римским. Главенство «вселенского патриарха» над всем христианским миром имело важное политическое значение после принятия христианства Болгарией, Аланией и Русью. Споры о первенстве во вселенской церковной иерархии между Константинополем и Римом не стихали и позднее⁶³, поэтому христианская Алания всегда упоминалась как некое доказательство успехов византийской Церкви в миссионерской деятельности и была своеобразным живым примером, наглядно подтверждающим обширность вселенского территориально-го влияния Константинополя — своеобразного «православного Рима».

Время присвоения титула «экзусиократор» аланскому царю и титулярное возвышение Аланской церкви до ранга митрополии было результатом принятия христианства и пришлось примерно на период между 914–920 гг. Однако в историографии сложилась представление, что митрополия временно прекратила свое существования после 932 г. и была возобновлена только с начала правления Константина VII Багрянородного. И именно с появлением сведений об Алании в сочинении «Об управлении империей» и «О церемониях византийского двора»⁶⁴ можно говорить о своеобразной реставрации Аланской митрополии на фоне развития алано-византийских политических связей⁶⁵.

⁶⁰ Мейендорф И. Церковь в истории: статьи по истории Церкви. М., 2018. С. 328.

⁶¹ Там же. С. 465.

⁶² Там же. С. 328.

⁶³ См.: Ермилов П.В. Происхождение теории о вселенском первенстве Константинопольского Патриархата // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2014. Вып. 1 (51). С. 36–53; Кузенков П.В. Канонический статус... С. 25–51.

⁶⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. Москва, 1989. С. 156–157, 170–171, 174–175.

⁶⁵ Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. История и искусство... С. 21–22.

Следует признать, независимо от того, как развивались политические взаимоотношения царя Алании и кагана Хазарии, произошел ли в церковных отношениях между Аланией и Византией разрыв после 932 г. или нет, что конфессиональный выбор алан в пользу восточно-христианской Церкви не был сильно поколеблен в связи с возможным изгнанием греческих епископов и священников аланским правителем из страны. Сведения эти, восходящие к ал-Масуди, не совсем конкретны и не подтверждаются другими источниками.

Церковный центр Алании в X — начале XIII в., где находилась изначально резиденция митрополита, локализуется на основе археологических изысканий в долине Большого Зеленчука (Нижне-Архызское городище), а границы митрополии простирались примерно от р. Фарс на западе до р. Терек на востоке.

Предлагаемые исследователями датировки монументальных Зеленчукских, Сентинского и Шоанинского храмов примерно серединой X–XII вв. свидетельствуют не о начале новой христианизации и неудаче византийских миссионеров в крещении алан в первой трети X в., а о завершении ко второй половине — концу X в. процесса последовательной катехизации неофитов и формирования Аланской митрополии, начатой во второе патриаршество Николая Мистика.

Этнофорное наименование епархии давало право аланскому владыке окормлять паству не только на территориях, где постоянно проживали аланы, но и включать в сферу административных границ митрополии сопредельные земли, где поселялись, или куда откочевывали аланы по различным причинам. Внутриполитические и этнодемографические изменения, происходившие в Алании и на Северном Кавказе в XII–XIII вв., различные военные угрозы периода монгольского завоевания, ненадежные перевальные пути и маршруты сообщения с Понтом, Малой Азией и Константинополем, пролегавшие через верховья Кубани и Абхазию и функционировавшие только в летний период, заставили аланских иерархов искать для себя дополнительную резиденцию (первоначально временную, а затем и постоянную) вблизи Трапезунда, на реке Чорох, получив право на проживание в крепости Сотириуполь.

Церковные связи Алании с юго-восточным Понтом

Первое упоминание о Сотириуполе как архиепископстве содержится в нотиции № 7, относящейся к 901–907 гг.⁶⁶ Этот город-крепость (кастрон) возник в конце IX в. на восточных рубежах империи, и место тамошнего архиепископа было не очень престижным. В начале X в. архиепископство значится на 87 месте, в XII–XIII вв. — на 149 месте, а во второй половине XIV в. (нотиция № 19) — на 127⁶⁷. Автокефальное архиепископство напрямую подчинялось патриарху, поскольку располагалось в «варварской» стране, то есть на периферии византийской ойкумены. В середине XII в. Нил Доксопатр, составивший

⁶⁶ *Darrouzès J.* Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Texte critique, introduction et notes. Paris, 1981. P. 273. № 7.87.

⁶⁷ Подробнее см.: *Darrouzès J.* Notitiae episcopatum... P. 273. № 7.87; P. 294. № 8.102; P. 345. № 11.122; P. 351. № 12.119; P. 377. № 13.104; P. 385. No 15.149; P. 389. No 16.109.

порядок кафедр, находящихся под юрисдикцией патриарха, особо подчеркнул, что митрополитов в окраинные епархии — Херсон, Хазарию, Готфию, Халдию, Авастию, Иверию и Аланию — направляли непосредственно из Константинополя⁶⁸. Н. Икономидис, исследуя греческую рукопись тактика Х в., описывающую крепости империи на восточном пограничье, обратил внимание, что Сотирiuполь отождествляется с местечком Вурдзо (Σωτηρουπόλεως ἤτοι Βουρζώ) и предложил его искать на левом берегу реки Чорох⁶⁹. Эту крепость локализуют на юге Кавказа и к востоку от Трапезунда⁷⁰. Э. Брайер и Д. Уинфилд видят в Сотирiuполе современный г. Борчка, находящийся на левом берегу р. Чорох, примерно в 40 км вверх по течению от места ее впадения в Черное море. Сотирiuполь в 1377–1386 гг. был потерян Трапезундской империей и перешел под контроль княжества Самцхе-Саатабаго⁷¹.

Итак, местоположение Сотирiuполя, которому фактически с XII в. суждено было стать второй резиденцией аланских митрополитов, можно считать выясненным, хотя предлагаются и иные варианты его локализации⁷². Отнесение Аланской митрополии к понтийскому региону указывает на то, что алано-трапезундским отношениям должно быть придано особое внимание при изучении политических, военных, религиозных и культурных контактов Алании с Византией. Не случайно при изучении архитектурных памятников Алании исследователями выявлены генетические историко-архитектурные связи между церковным зодчеством Западной Алании и аналогичными памятниками Трапезунда и Малой Азии.

Каковы вероятные причины перемещения епархиального центра Алании из Нижнего Архыза в Сотирiuполь? Как известно, в нотиции № 7, составленной в первое патриаршество Николая Мистика, сведения об Алании отсутствуют⁷³. Процесс образования «архиепископства» Алания начался во второе патриаршество Николая, но не сразу Аланская епархия была занесена в нотиции патриархата как самостоятельная церковно-административная единица. В «Диатипосисе», приписываемом Льву VI Мудрому (886–912), известному только по

⁶⁸ Hierocles Synecdemus et notitiae Graecae episcopatum. Accedunt Nili Doxopatrii notitia patriarchatum et locorum nomina immutata / Ex rec. Q. Parthey. Berolini, 1866. P. 297.222–229. См. русский перевод: «Итак, богохранимый престол Константинопольский, который основал Андрей Первозванный, первым поставивший в нем епископа, когда город еще был Византием, владеет ныне немалой частью Европы [297] и Азии: как покажем далее, областью за Адриатическим морем от Илирика до Пропонтиды, где Константинополь, и далее вплоть до Херсона, Хазарии, Готии, Халдии, Авагии, Ивирии и Алании — ибо и в нее митрополиты посылаются патриархом» (Кузенков П.В. Нил Доксопатр. Порядок патриарших престолов: Введение, перевод, комментарий // Византийский временник. 2022. Т. 106. С. 317–351 [здесь: С. 340–341]).

⁶⁹ Oikonomidès N. Documents et études sur les institutions de Byzance. (VIIe–XVe s.). London, 1976. XXIV. P. 293–294.

⁷⁰ Kuršanskis M. L'Empire de Trébizonde et la Géorgie // Revue des Études Byzantines. 1977. Т. 35. P. 237–256 (здесь: P. 256).

⁷¹ Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Vol. 1. Washington, 1985. P. 347–350.

⁷² См.: Хрушкова Л.Г. Древнейший христианский центр Кавказа: Питиус-Пицунда-Бичвинта // Византийский временник. 2008. Т. 67. С. 234–249.

⁷³ Darrouzès J. Notitiae episcopatum... P. 53–55.

спискам середины XIV в., Аланская митрополия значится на 61 месте; эта роспись церковных кафедр отражает административное деление не начала X в., а середины XII — второй половины XIV в.⁷⁴ Аланская митрополия не сразу обрела свое место в каталоге епархий и церквей восточнохристианского мира. Во фрагментах нотиции № 10, опубликованной В.Н. Бенешевичем, — время ее составления приходится на конец X в., но не позднее 1082 г., — Аланская митрополия уже упомянута, но ей пока не нашлось места в основном тексте росписи, поэтому сообщение о ней вынесено в схолии⁷⁵. Уже к 1032–1039 гг. Алалия выходит на 61 место среди автокефальных митрополий и значится после Рѹсии⁷⁶. Сведения об аланском митрополите и митрополии впервые появляются в конце X в.: в типиконе патриарха Сисиния II под 998 г. говорится о митрополите⁷⁷, а его имя, Николай, известно по документу 1024 г.⁷⁸

До недавнего времени считалось, что, согласно комментарию к нотиции № 11, сделанному в начале XIV в., объединение Алалии и «епископии Сотириуполя» произошло по решению Синода и хрисовулу Алексея I Комнина⁷⁹. Из трактата о перемещении должностных лиц Церкви и объединении кафедр, опубликованного Ж. Даррузесом, удастся извлечь более точные сведения. Запись о соединении аланской и сотириупольской кафедр относилась к патриаршеству Николая III Грамматика (1084–1111) и гласила: «[Митрополиту] Алалии отдан Сотириуполь» (Τῷ Ἀλανίας ἐδόθη ἡ Σωτηριούπολις)⁸⁰. Но и эти хронологические рамки можно сузить. Изучая греческую рукопись конца X — начала XI в., Ж. Даррузес обратил внимание на надпись в колофоне под 1105 г., в которой упоминается Иоанн Монастириот — «митрополит и архиепископ Алалии-Ставрополя»⁸¹. Исследователь предлагает читать вместо «Ставрополя» — «Сотириуполя». Такое объединение малозначимой архиепископии и довольно крупной митрополии остается для исследователя странным и малопонятным. Иоанн Монастириот является пока первым известным владыкой двух объединенных епархий.

Сопоставив приведенные выше данные, можно сделать вывод: перемещение кафедрального центра Аланской митрополии из Нижнего Архыза в Сотириуполь произошло между 1084 и 1105 гг. Сотириуполь становится местом основного пребывания аланского митрополита, который совмещал титулы митрополита Аланского и Сотириупольского. Такие изменения не могли не повлиять на взаимоотношения митрополита с церковными властями Трапезунда, который в это время был центром епархии Лазика, на территории которой и нахо-

⁷⁴ Ibid. P. 172–174.

⁷⁵ Бенешевич В.Н. Заметки к текстам *Notitiae episcopatum* // *Seminarium Kondakovianum*. 1927. Т. 1. С. 65–66.

⁷⁶ Darrouzès J. *Notitiae episcopatum*... P. 122.

⁷⁷ Ficker G. Das Epiphanius-Kloster in Kerasus und der Metropolit Alaniens // *Byzantinisch-neugriechische Jahrbücher*. 1922. Bd. 3. S. 92–101 (здесь: S. 93.1, 9–10).

⁷⁸ Ficker G. Das Epiphanius-Kloster... S. 94.45–46.

⁷⁹ Hierocles *Synecdemus*... P. 231. No 11.73.

⁸⁰ Darrouzès J. *Le Traité de transferts*. Edition critique et commentaire // *Revue des Études Byzantines*. 1984. Т. 42. P. 147–214 (здесь: P. 182. No 54).

⁸¹ Darrouzès J. *Notitiae episcopatum*... P. 127; Darrouzès J. *Le Traité de transferts*. P. 206–207.

дился Сотириуполь⁸². Военную и гражданскую власть в кастроне Сотириуполь в XI в. держал родовитый стратиг Никита⁸³. Сам город, как и область Лазику, современники представляли размещенными у восточных пределов фемы Халдия⁸⁴. Трапезунд считался центром «страны лазов»⁸⁵, а «Лазия» (Λαζία) была народным названием Трапезундской провинции и специально той ее части, которая простиралась от Офи до Хорианской области⁸⁶. Побывавший между 1394 и 1427 гг. в Трапезунде Иоганн Шильтбергер отмечал, что Трапезунду принадлежит Лазика, область «богатая виноградниками и населенная греками»⁸⁷. Термин «лазы», как и топоним «Лазика» относительно Понта в церковных источниках появляется только с конца IX — начала X в., а в нарративных памятниках с XIII в. — со времени образования на территории бывшей византийской фемы Халдия царства Великих Комнинов⁸⁸. Согласно исследованиям Э.Г. Жордания, хороним «Лазия» с начала X в. уже не соотносится в византийских источниках с Западной Грузией. Лазы юго-восточного побережья Черного моря с середины XI в. окончательно осели на территории Халдии и использовались византийцами для обороны восточных рубежей от сельджуков, а их основное расселение было южнее реки Чорох. В приморской зоне, лазы расселялись от крепости Хопа (Хупати) до Ризе⁸⁹.

Сложность положения митрополита заключалась в том, что архиепископская кафедра в Сотириуполе не была ликвидирована. Она считалась вакантной, но временно переданной Аланской митрополии. Кроме того, архиепископская кафедра была старшей по возрасту и постоянно числилась от Алании отдельно в разряде автокефальных архиепископий. Тем самым создавалась возможность патриарху или митрополиту Трапезунда оспаривать право «аланейского» митрополита на местопребывание в Сотириуполе путем выдвижения кандидатур на должность архиепископа. Но церковная табель о рангах позволяла параллельно совмещать две должности, что подтверждает интитуляция митрополита Алании. Правда, не всегда и не во всех документах она приводится полностью, но можно с уверенностью сказать, что митрополиты Алании титул архиепископа Сотириуполя сохраняли до конца XIV в., поэтому, если в актах, содержащих упоминание об Алании, присутствует указание только на митрополичий сан, то из этого не следует делать вывод о потере архиепископского титула или разъединении двух епархий. Определение «Сотириупольский», как менее зна-

⁸² Darrouzès J. Notitiae episcopatum... P. 291. No 8.35.

⁸³ Fontes historiae imperii Trapezuntini / Edidit A. Papadopoulos-Kerameus. Petropoli, 1897. 1. P. 38.32, 71.9.

⁸⁴ Ibid. P. 71.9, 118.10–13.

⁸⁵ Ibid. P. 151.36.

⁸⁶ Пападопуло-Керамевс А. Палеографические заметки // Записки Императорского Русского археологического общества (новая серия). 1886. Т. 2. Вып. 2. С. 133–142 (здесь: С. 137. Примеч. 1).

⁸⁷ Шильтбергер Иоганн. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Пер. со старонем. Ф.К. Бруна. Баку, 1984. С. 39–40.

⁸⁸ См.: Жордания Э.Г. Византийский Понт и Грузия. Вопросы исторической географии и этнонимии Юго-Восточного Причерноморья в XIII–XV вв. СПб., 2019. С. 102–103.

⁸⁹ Там же. С. 116–117, 145–146, 148, 158–159.

чимое, возможно, часто редуцировалось при имени аланского митрополита переписчиками в текстах грамот и сохранялось в основном в подписях. Ожесточенные споры из-за назначения в Сотириуполь анти-архиепископов велись, как показывают источники, только во второй половине XIV в. и заканчивались тем, что аланские иерархи отстаивали свои права на сотириупольскую кафедру.

Наличие епархиальных владений на Северном Кавказе и в юго-восточном Понте, выход из Сотириуполя на транзитные международные торговые коммуникации способствовали активному участию митрополита Алании и Сотириуполя в церковной и политической жизни Византии. При патриархе Иоанне Векке (1275–1282) к Аланской епархии была временно причислена Зихия⁹⁰, а в 1285 г. митрополит Алании и Сотириуполя Никита участвует в работе второго Влахернского собора⁹¹.

После захвата крестоносцами в 1204 г. Константинополя резко ослабляется власть патриарха в «варварских» митрополиях, куда иерархов назначали непосредственно из столицы. Образование Трапезундской империи сопровождалось как ростом политического авторитета Великих Комнинов, так и усилением притязаний на самостоятельность со стороны трапезундского митрополита. Политическое соперничество Трапезундской и Никейской империй вызвало напряженность в отношениях между Константинопольским (Никейским) патриархом и церковными лидерами Трапезунда. Поездка епископа Феодора из Никей в Аланию после его избрания на аланскую кафедру в январе 1223 г. была связана с никейско-трапезундским церковным соперничеством⁹². Трапезундские владыки в силу сопредельности с Сотириуполем считали своей прерогативой назначение митрополитов и епископов в «заморские» епархии Крыма и Северного Кавказа, посягнув тем самым на исключительно право константинопольского патриарха, который оказался в Никее. «Аланское послание» епископа Феодора убеждает в том, что в период тяжелой политической децентрализации Византии с 1204 по 1261 г. Трапезунд рассматривал Аланскую митрополию как сферу своего влияния⁹³. Причем архиерей, прибывший из Трапезундской митрополии, использовал смерть своего предшественника как предлог для переподчинения епархии, поскольку прихожане с трудом представляли, «каким должен быть епископ». В Аланской Церкви проповедовали греческие клирики из Трапезундской империи. Епископ Феодор пишет, что до него в Алании был самозванный епископ Лаз, который за соответствующую мзду рукоположил священников, после чего скрылся в Лазику⁹⁴. Присутствие священнослужителей из Лазии в Аланской епархии (и, вероятно, это не первый случай) под-

⁹⁰ *Lequien M.* Oriens Christianus in quattuor patriarchatus digestus. T. 1. Paris, 1740. Col. 1348.

⁹¹ *Laurent V.* Les signataires du second synode des Blakhernes (été 1285) // *Échos d'Orient*. 1927. T. 26. P. 129–149 (здесь: P. 147. № 34).

⁹² *Жаворонков П.И.* Никейско-трапезундские отношения в 1213–1223 гг. // *Византийские очерки*. Москва, 1982. С. 183–190.

⁹³ *Карнов С.П.* История Трапезундской империи. 2-е изд. испр. и доп. СПб., 2017. С. 230–231.

⁹⁴ См.: *Кулаковский Ю.А.* Избранные труды... С. 210. *Иванов С.А.* Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003. С. 264–275.

тверждает граффито на южной стороне апсиды Сентинского храма с именем Димитрия Лаза (Δημήτριος Λάζος)⁹⁵.

Перед приездом Феодора в Аланию за непродолжительное время поменялось три епископа. Видимо, отдаленность и бедность Аланской митрополии не располагали владык к длительному пребыванию здесь, и они предпочитали находиться в Сотириуполе — «южной» резиденции.

Вновь подчинив митрополию власти Константинопольского патриарха, епископ Феодор к 6 февраля 1226 г. вернулся в Никейскую империю⁹⁶. Его сан не означал понижения статуса Аланской церкви. Термин «епископ» в XIII в. мог употребляться как общее обозначение высших должностных лиц византийской церковной иерархии. Укрепление позиций константинопольского патриарха в Алании после поездки Феодора отражается в том, что в послании к кардиналам римского престола от 1232 г. Герман II называет алан в числе других «великих народов», которые верою с греками схожи во всем⁹⁷.

Окончательная договоренность между Трапезундской митрополией и патриархатом о прерогативах при назначении на вакантные кафедры была достигнута к 1 января 1260 г. При рукоположении епископы обязательно должны были засвидетельствовать, что «они находятся в единении с апостольским патриаршим престолом Константинополя по каноническим постановлениям». Особым положением было записано: «Трапезундский митрополит должен совершать хиротонию только в подчиненных ему епископиях и не имеет права совершать рукоположения митрополитов или архиепископов, ибо это право остается за Константинопольским престолом»⁹⁸.

Этот документ непосредственно затрагивал интересы митрополитов Алании, восстанавливая их прямую зависимость и подчиненность только патриарху Константинополя.

В основу решения о перемещении аланской кафедры в Сотириуполь были положены нормы церковно-имущественного права византийской Церкви. Соединение кафедр производилось только в случае длительного «вдовства» кафедры, на основании синодального постановления, что и было принято при Алексее I Комнине по отношению к Сотириуполю. Причем аланские митрополиты добились передачи им города в качестве кафедрального центра, что носило уже само по себе исключительный характер⁹⁹.

Соединение епархий не означало поглощение или ликвидацию одного из сопределных диоцезов, а всегда рассматривалось как временное явление, поэто-

⁹⁵ Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Нижний Архыз и Сенты... С. 248, 253.

⁹⁶ Παλαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας. Τ. 4. Petropoli, 1897. С. 114.18.

⁹⁷ Сметанин В.А. Византийское общество XIII–XIV веков по данным эпистолографии. Свердловск, 1987. С. 155–156.

⁹⁸ См.: Petit L. Acte du patriarche Nicéphore II sur les privilèges métropolitain de Trébizonde // Известия Русского Археологического Института в Константинополе. 1903. Т. 8. С. 163–171. (здесь: С. 170–171); Успенский Ф.И. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929. С. 64–65.

⁹⁹ См.: Соколов Пл. Церковно-имущественное право в Греко-Римской империи. Опыт историко-юридического исследования. Новгород, 1896. С. 233–234.

му «вечное соединение» в Византии не имело даже особого термина¹⁰⁰. Хотя соединение носило реальный характер, и митрополит Алании к своему имени присоединял титул Сотириупольского, тем не менее, в имущественном отношении, видимо, кафедра в Сотириуполе сохраняла еще определенную самостоятельность: назначение особого епископа в город приводило к автоматическому разрыву связей между Сотириупольской епархией и митрополитом Алании, который лишался местопребывания, но не владычных прав на Аланскую митрополию.

Отсутствие подходящего города в Алании для резиденции митрополита, где мог бы разместиться двор владыки, различные опасности, подстерегавшие в «варварской» стране, низкий уровень доходов, возможные конфликты с властью — всё это стало основой для объединения Аланской епархии с Сотириуполем «в качестве придачи»¹⁰¹, и в дальнейшем сопровождалось активной борьбой «аланейских» владык за обладание этим кафедральным центром.

Анализ привлеченных источников показывает, что официальным центром Аланской митрополии (основной резиденцией ее владыки) с 1084–1105 гг. становится Сотириуполь — крепость в области Лазики на восточной границе Трапезунда. Здесь проживал и проводил основное время митрополит, отсюда он совершал периодические поездки в Аланию. Сотириуполь был резиденцией митрополита с небольшими перерывами (когда митрополит Алании временно утратил права на Сотириуполь и находился в Тане) по конец 80-х гг. XIV в. Активизация военных действий на восточных границах Трапезундской империи заставила аланского митрополита искать защиту с 90-х годов XIV в. по 1461 г. в самом Трапезунде, а затем, вероятно, до конца XVI в. — в городе Севастии (Малая Азия).

Право митрополита Алании на местопребывание в Сотириуполе привело к реальному перемещению функций кафедрального центра епархии за пределы этнополитических границ Алании на рубеже XI–XII вв., что стало особенностью ее церковной организации и в последующем оказало негативное влияние на темпы и характер христианизации народов Северо-Западного и Центрального Кавказа в XII–XVI вв.

Иерархи Аланской Церкви в X — первой трети XIII в.

В византийских эпистолярных, актовых, сфрагистических и эпиграфических материалах сохранились лаконичные сведения о предстоятелях Аланской Церкви, которые свидетельствуют о греческом происхождении митрополитов, избравшихся на Аланскую кафедру, в основном из провинций Малой Азии.

1. Евфимий — монах, просветитель алан, один из первых миссионеров, посланных в Аланию для проповеди нового вероучения и подготовки ее на-

¹⁰⁰ Там же. С. 234.

¹⁰¹ *Miklosich Fr., Müller I. Acta et diplomata Graeca Medii Aevi sacra et profana. T. 1. Vindobonae, 1860. P. 477.*

селения к крещению¹⁰². В Алании он находился в 912–914 и 916–918 гг.¹⁰³; в 914 г. или 917 г., будучи апокрисиарием патриарха Николая Мистика, доставлял послания болгарскому царю Симеону I¹⁰⁴. Позднее стал кафи-гуменом Олимпийского монастыря в Вифинии (Малая Азия).

2. Петр — архиепископ, происходил из Константинополя, принял хиротонию от патриарха Николая Мистика, имел с ним активную переписку, находился в Алании с 914 по 918 г. Вероятно, около 918 г. Пётр вернулся в столицу Византийской империи¹⁰⁵.
3. Игнатий — митрополит Алании, известный по печати с легендой «Богородица помощи, Игнатию монаху, митрополиту Алании». По палеографическим особенностям начертания некоторых букв булла отнесена к первой четверти X в. В. Зайбт считает Игнатия преемником Петра на аланской кафедре, отнеся печать к 20–30-м гг. X в.¹⁰⁶ Указание на монашеский сан владельца печати подтверждает, что миссионерская работа среди алан проводилась монахами, и ранг митрополии Аланская епархия получила, вероятно, сразу же после крещения архонта Алании и учреждения новой церковно-административной единицы Константинопольского патриархата.
4. Феодор — митрополит Алании; в присутствии «властодержца» (экзусиократора) Алании Давида и его жены Марии освятил Сентинский храм в апреле 965 г., о чем была сделана памятная надпись на фреске в правой половине южной стены храма¹⁰⁷.
5. Николай — митрополит, без имени упоминается в типиконе патриарха Сисиния II (995–998) в связи с обязанностью монастыря св. Епифания в Керасунте предоставлять вино и сыр митрополиту Алании и его свите во время поездок в Константинополь. Умер около 1021 г. Его имя удастся восстановить по документу от мая 1024 г.¹⁰⁸ Еще патриарх Сисиний обязал монахов этой обители снабжать митрополита Алании во время его морских поездок в Константинополь продуктами — вином, сыром и хлебом, но в обязанность монастыря не входил постой и обеспечение провиантом посланников митрополита. После кончины митрополита, его окружение воспользовалось встречей с императором Василием II, возвращавшимся из похода в 1021 г., обрисовало тяжелую ситуацию, которая сложилась у них при поездках в Константинополь, и получило разрешение императора на право полного владения монастырем. Монахи монастыря обжаловали это решение перед судьей фемы Халдия, после повторного

¹⁰² Подробнее см.: *Асратян Д.К.* Патриарх Николай Мистик... С. 82–85.

¹⁰³ Nicholas I. Letters. № 135.95–114.

¹⁰⁴ См.: Nicholas I. Letters. P. 529; *Каждан А.П.* Болгарско-византийские отношения... С. 106.

¹⁰⁵ См.: Nicholas I. Letters. No 51, 52, 46, 133–135; о хронологии абхазских правителей см.: *Toumanoff C.* Chronology of the Kings... P. 81–82.

¹⁰⁶ *Seibt W.* Metropoliten und Herrscher... S. 51, 53. Fig. 1, I.

¹⁰⁷ *Белецкий Д., Виноградов А.Ю.* Нижний Архыз и Сенты... С. 241–244.

¹⁰⁸ См.: *Ficker G.* Das Epiphanius-Kloster... S. 92–101; *Bryer A., Winfield D.* The Byzantine Monuments... Vol. 1. P. 75, 127.

рассмотрения дела судья обратился к василевсу с итогами расследования. Претензии аланского владыки на владение монастырем были отменены (как принятые на основании ложных свидетельств) в мае 1024 г., но в силе осталась грамота, ранее выданная патриархом Сисинием II. Д. Хассей считает, что Николай предъявлял требования к монастырю св. Епифания, находясь в Херсонесе¹⁰⁹, но это не подтверждается документально.

6. Климент — митрополит, известен только по подписи в одном из церковных документов; жил в патриаршество Алексея Студита (1025–1043)¹¹⁰. Возможно, преемник митрополита Николая. В. Лоран отнес подпись Климента к 1032 г.¹¹¹
7. Евстратий — монах и митрополит Алании, известен по надписи на печати, опубликованной В. Лораном: «Евстратий монах, митрополит Алании»¹¹². Ранг монаха и митрополита подчеркивает миссионерский характер диоцеза. По особенностям палеографии и типу изображения Богородицы на лицевой стороне печать относится к первой половине XI в.¹¹³
8. Иоанн Монастириот — первый митрополит Алании и Сотириуполя, упомянутый под 1105 г.¹¹⁴ и известный под родовой фамилией. Монастириоты в составе господствующего класса Византии XI–XII вв. были представлены четыре раза: два представителя этой семьи упоминаются между 1025–1081 гг. и столько же — между 1118 и 1180 гг. Монастириоты в основном состояли на гражданской службе¹¹⁵.
9. Митрополит Алании, упомянут без имени, в патриаршество Михаила II Оксита (1143–1146)¹¹⁶; участвовал в заседании Синода по вопросу двух неканонически поставленных епископов¹¹⁷.
10. Георгий — митрополит Алании, живший при патриархе Михаиле III Анхиае (1170–1178)¹¹⁸; заседал в Синоде, запретившем епископам рукополагать в священнослужители пришедших из других епархий¹¹⁹. Некий митрополит Алании участвовал в работе Синода при патриархе Луке

¹⁰⁹ См.: Hussey J.M. The Orthodox Church in the Byzantine Empire. Oxford, 1986. P. 116.

¹¹⁰ Ficker G. Das Epiphanius-Kloster... S. 101. Anm. 3; *Idem*. Erlasse des Patriarchen von Konstantinopel Alexios Studites. Kiel, 1911. S. 27.5.

¹¹¹ Laurent V. Le corpus de sceaux... T. V.1. P. 613; Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. История и искусство... С. 27.

¹¹² Laurent V. Le corpus de sceaux... T. V.1. P. 614. No 797.

¹¹³ Seibt W. Metropoliten und Herrscher... S. 52, 53. Fig. 1,2.

¹¹⁴ Darrouzès J. Notitiae episcopatum... P. 127; Darrouzès J. Le Traité de transferts. P. 206–207.

¹¹⁵ См.: Кашдан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 97, 107, 113, 119, 126, 147, 176, 179, 190.

¹¹⁶ Lequien M. Oriens Christianus... T. 1. Col. 1347.

¹¹⁷ Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. История и искусство... С. 38.

¹¹⁸ Lequien M. Oriens Christianus... T. 1. Col. 1347.

¹¹⁹ Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. История и искусство... С. 38.

Хрисоверге в ноябре 1169 г.¹²⁰: возможно, это и был Георгий Аланский (Ἀλανεῖας), известный между 1172 и 1175 гг.¹²¹

11. Митрополит Алании, без имени, упомянут в комментарии к 5-му правилу св. Апостолов у Феодора Вальсамона (вторая половина XII в.) о запрете браков среди священников. Не исключено, что упомянутый митрополит Георгий мог быть информатором для Феодора Вальсамона или им оказался еще один неизвестный нам предстоятель Аланской Церкви¹²².
12. Анонимные свидетельства сразу о трех епископах Алании, поочередно сменившихся до 1223 г., приводит Феодор Аланский¹²³.
13. Феодор — «епископ» (митрополит) Алании между 4 января 1223 и 6 февраля 1226 г., совершивший путешествие на Западный Кавказ через Херсон и Боспор. Последнее упоминание о нем относится к 1226 г.¹²⁴ Феодор — один из образованнейших иерархов Никейской империи, участник синодальных заседаний при Германе II, автор работ на нравственно-аскетические и экзегетические темы, известный ритор¹²⁵.

Сведений о рядовых священнослужителях епархии почти не сохранилось. Известны по надмогильной надписи монах Мина¹²⁶ и монах-пресвитер Фома, сделавший надпись об «обновлении» процессионного креста в 1067 г.¹²⁷; оба служили при кафедральном соборе — Северном Зеленчукском храме.

Внутренняя жизнь митрополии отразилась в известном «Аланском послании» Феодора. В нем автор прямо говорит об Аланской Церкви (Ἀλανῶν ἐκκλησία), но уже не упоминает о едином государстве, которое оказалось в глубоком кризисе после захвата Константинополя латинянами в 1204 г. Епископ горько восклицает: «Кто я такой, чтобы быть вынужденным врачевать проповедью бедствия, одолевшие аланский народ (τὸ κοινὸν τῆς Ἀλανίας)?»¹²⁸ Сочинение епископа Феодора подтверждает, что до конца 30-х гг. XIII в. владыки, назначавшиеся из Константинополя, регулярно посещали епархию. В Аланской митрополии сохранялась разветвленная система церковных приходов, в которых служили пресвитеры. Местопребыванием митрополита по-прежнему был Нижний Архыз: здесь, вероятно, осуществлялась особая церемония вступление нового иерарха на кафедральный престол, участниками которой были

¹²⁰ Παλαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Ἀνάλεκτα... Τ. 4. Σ. 107. 28.

¹²¹ Darrouzès J. Questions de droit matrimonial: 1172–1175 // Revue des Études Byzantines. 1977. Т. 35. Р. 107–157 (здесь: Р. 129, 131).

¹²² Правила св. Апостол..., С. 377–388.

¹²³ Епископа Феодора «Аланское послание» // Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Составл., вступ. ст., коммент, карта: С.М. Перевалов. СПб., 2000. С. 193–218 (здесь: С. 211).

¹²⁴ Παλαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Ἀνάλεκτα... Τ. 4. Σ. 114.18.

¹²⁵ Подробнее см.: Епископа Феодора «Аланское послание». С. 193–198.

¹²⁶ См.: Латышев В.В. Заметки о кавказских надписях // Известия Императорской Археологической Комиссии. 1904. Вып. 10. С. 98–105 (здесь: С. 100–101); Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1971. С. 186.

¹²⁷ Скржинская Е.Ч. Греческая надпись из средневековой Алании // Византийский временник. 1962. Т. 21. С. 118–126; Кузнецов В.А. Алания в X–XIII вв. С. 186, 187. Рис. 28.

¹²⁸ Епископа Феодора «Аланское послание». С. 215; Иванов С.А. Византийское миссионерство. С. 264–275.

пресвитеры, диаконы, клирики, светские власти и народ. Сроки служения митрополитов на кафедре по различным причинам были недолгими, но довольно частыми были поездки на заседания Священного Синода в Константинополь, поэтому Сотирiuполь оказался удобен как промежуточный пункт на полпути из Алании в Константинополь. Именно этот небольшой городок-крепость на р. Чорох давал основные средства для содержания владыки и его канцелярии. Основные пути сообщения Нижнего Архыза с Понтом и Константинополем проходили или по горным перевалам в верховьях Кубани, которые вели к Сотирiuполю и Трапезунду, или, до нашествия монголов, вдоль левого берега Кубани к Тмутаракани, а далее морским путем к берегам Малой Азии и отсюда — по суше или по морю — в столицу Византийской империи.

Поскольку у Аланского владыки епископов-суффраганов не было, то подобно другим митрополитам и автокефальным архиепископам, не имевшим своих епископов и не рукополагавшим их, он обязан был приезжать ежегодно в Константинополь на Собор при патриархе¹²⁹. Это давало законные основания митрополиту Алании часто появляться в Константинополе. Если Собор созывался во второй половине года и затягивался, то митрополит был вынужден зимовать в столице и возвращаться в епархию на Северном Кавказе только весной. Можно предполагать, что у митрополита в столице было свое подворье с «келлиями». Если случались подобные задержки в Константинополе, то митрополит и сопровождавшие его получали особое разрешение на продление срока пребывания в городе от патриарха. Поездки в столицу из дальней митрополии Константинопольского патриархата были не легкими, а зачастую и опасными, проходили через другие малоазийские или крымские епархии, и владыка Аланский обязан был предъявлять сопроводительные разрешающие («мирные») письма, которые должен был иметь любой клирик, оказывавшийся за пределами своей епархии в силу необходимости совершать путешествие.

Аланская митрополия во второй половине XIII — конце XVI в.

Аланская, Зихская митрополии, причерноморские автокефальные архиепископии понесли в период монгольского владычества на Северном Кавказе и в Крыму значительные потери. Нарушенные связи с Константинопольским патриархатом были восстановлены со второй половине XIII в. Поместная Церковь к этому времени была лишена поддержки аланских князей. Аланы рекрутировались на монгольскую службу, оказываясь далеко за пределами своей родины — в Китае¹³⁰, на Балканах и в Византии¹³¹. Присутствие алан в степях от Приазо-

¹²⁹ Правила св. Апостол... С. 475–476.

¹³⁰ Казиев Э.В. Переписка монгольского каана и китайского императора Тогон-Темур и аланских князей на его службе с папой Бенедиктом XII (1336–1338 гг.) // Аланское православие: история и культура. Сборник материалов VII Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура» / Отв. ред. М.Э. Мамиев. Владикавказ, 2019. С. 27–46.

¹³¹ Малахов С.Н. Алания и Византия. С. 121–141.

вья до Дуная¹³² в этот период подтверждают свидетельства Гильома Рубрука. Политическая зависимость Алании от завоевателей косвенно отразилась в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв., которые в аланах (ал-алан) и асах (ал-ас) видели «тюркские» племена, но исповедующие христианство¹³³. Западные миссионеры Плано Карпини и Гильом Рубрук прямо отмечают сохранившееся христианство греческого толка у алан, при этом подчеркивают полную идентичность алан и асов.

Константинополь во времена Палеологов придает особое значение контролю Византии над православными народами Алании, Болгарии и Руси в переговорах с католическим Западом по вопросу об унии двух Церквей. В документах папской канцелярии сохранилось указание на подпись некоего митрополита Алании под соглашением об унии¹³⁴ между императором Михаилом Палеологом и папскими легатами в 1273 г.¹³⁵

Еще одно свидетельство о представителе Аланской иерархии второй половины XIII в. — подпись Никиты, митрополита Алании и Сотириуполя, участника второго Влахернского собора в 1285 г.¹³⁶ Возможно, при нем было осуществлено объединение двух митрополий: Алании и Зихии при патриархе Иоанне Векке (1275–1282)¹³⁷. Причина объединения, скорее всего, кроется в неблагоприятной демографической и политической обстановке, сложившейся со второй половины XIII в. на Северо-Западном Кавказе, сопровождавшейся сокращением населения и ослаблением церковного контроля за приходами двух епархий. Аланская митрополия, соединившись с Зихской, превратилась в единый диоцез, просуществовавший примерно до 1317 г.

Остатки аланского этноса, дезинтегрированного монгольским нашествием, находили прибежище в горах или расселялись в городских центрах Предкавказья и Нижнего Подонья. Сарайский епископ Феогност, подчинявшийся Русской митрополии жаловался константинопольскому патриарху Иоанну Векку на приток «чужого» православного населения в его владения — алан и зихов из Закубанья, что приводило к церковно-административным спорам с Аланской митрополией¹³⁸.

В середине XIV в. Сарайская епископия даже временно оказалась под контролем аланского иерарха, а не русского митрополита. Не последнюю

¹³² Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 108.

¹³³ Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, комментарий. М., 2009. С. 27, 116.

¹³⁴ См.: Preiser-Kapeller J. Zwischen Konstantinopel und Goldener Horde: Die byzantinischen Kirchenprovinzen der Alanen und Zichen im mongolischen Machtbereich im 13. und 14. Jahrhundert // Caucasus during the Mongol Period. Der Kaukasus in der Mongolenzeit / Hrsg. von J. Tubach, S. Vashalomidze, M. Zimmer. Halle; Wittenberg 2012. S. 199–216 (здесь: S. 204); Пападакис А., Мейендорф И. Христианский Восток и возвышение папства: Церковь в 1071–1453 гг. М., 2010. С. 320–321.

¹³⁵ Пападакис А., Мейендорф И. Христианский Восток... С. 320–321.

¹³⁶ Laurent V. Les signataires... P. 147. No 34.

¹³⁷ Lequien M. Oriens Christianus... T. 1. Col. 1349; Кулаковский Ю.А. Христианство у алан // Византийский временник. 1898. Т. 5. Вып. 1. С. 1–18 (здесь: С. 11).

¹³⁸ См.: Малахов С.Н. Алания и Византия... С. 96–113.

роль в установлении митрополичьего контроля над Таной сыграли торгово-политические интересы Трапезунда, откуда прибыл митрополит Алании. Отстраненные от богослужения танаитские священники, — новый владыка лишил их доходов и церковных прав, — обжаловали действия архиеерея перед патриархом Исидором I (1347–1350).

Синодальный суд признал незаконность действий Симеона, но своенравный митрополит, вернувшись после вынесения патриаршего определения в Тану, заручился ярлыком в Орде и вновь начал чинить «произвол» — самовольно рукоположил епископа Сарайского, а также и епископа на Кавказскую митрополию¹³⁹. Разбирательство по делу Симеона продолжалось при патриархе Филофее Коккине (1353–1354)¹⁴⁰.

Стремясь сохранить контроль над северокавказскими епархиями византийская Церковь была вынуждена учитывать этнополитические изменения, происходившие в регионе во второй половине XIII — первой половине XIV в. и учреждать новые епархии, изменяя прежние границы. Осенью 1360 г. синодальным решением вновь был восстановлен в правах митрополита Аланского и Сотириупольского Симеон, ранее отрешенный от этой кафедры. Он получил все свои права, относящиеся к городу Трапезунду, в частности, на клир и церковь Богородицы Утешительницы, а также другие «права и имущества», которыми владела Аланская митрополия в городе Трапезунде и подведомственных ей местах, а также «в святой церкви Сотириупольской», а именно в церкви Пречистой Богородицы Афинской (она же Лазская), и кроме этого, «места около Алании, Кавкасии и Ахохии»¹⁴¹. Вынесенное решение было окончательно утверждено синодальным актом в сентябре 1365 г.¹⁴² Сотириуполь — крепость на реке Чорох, границе Трапезундской империи и Грузии¹⁴³, куда переместилась резиденция аланских митрополитов с рубежа XI–XII вв. Упомянутые здесь Алания — территория Аланской митрополии, а Кавкасия и Ахохия — вероятно, на то время недавно образованные церковно-административные единицы, сопределельные основным владениям Аланской митрополии на Северном Кавказе, которые ранее находились на территории, канонически подконтрольной аланскому митрополиту.

С конца XIV в. трапезундские владыки уже фактически распоряжались кафедрой митрополита Алании¹⁴⁴, оспаривая право назначения своих кандидатов на нее. Одной из причин, способствовавших этому, могла быть потеря Трапезундской империей крепости Сотириуполь к 1386 г., вызвавшая окончатель-

¹³⁹ Антонин, архим. Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // Записки Одесского Общества истории и древностей. 1867. Т. 6. С. 445–473 (здесь: С. 449–451); Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984. С. 213.

¹⁴⁰ См.: Карпов С.П. История Трапезундской империи. С. 271–272.

¹⁴¹ Darrouzès J. Les registes des Actes des patriarches de Constantinople. Vol. 1. Fasc. 5 (Les registes de 1310 à 1376). Paris, 1977. P. 349–351. No 2423.

¹⁴² Ibid. P. 420–422. № 2502; Карпов С.П. История Трапезундской империи. С. 272.

¹⁴³ См.: Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments... Vol. 1. P. 347; Малахов С.Н. Алания и Византия... С. 32–60; Жордания Э.Г. Византийский Понт... С. 141.

¹⁴⁴ Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. С. 9.

ный переезд митрополита Алании в г. Трапезунд. Хотя Сотириуполь, кажется, в начале 90-х годов XIV в. еще оставался под юрисдикцией константинопольского патриарха. В 1391 г. великий эконо́м (второе лицо после митрополита) Трапезундской церкви Феодор Панарет получает права патриаршего экзарха в самом Трапезунде, а также право властвовать и управлять в святых церквях Неокесарии, Колонии, Кельдины, Алании и еще архиепископстве Ставрополя (Сотириуполя)¹⁴⁵.

Документы патриаршей канцелярии скудны по части просопографических сведений об аланских предстоятелях в XIV в. Упоминания без имени аланских митрополитов, содержащиеся в патриарших актах сентября 1317 — августа 1318 гг., показывают, что архиерей Алании к началу этого столетия уже носил почетный титул ипертим¹⁴⁶.

Аланские митрополиты в XIV в. активно участвовали во внутрицерковной борьбе. Так, Лаврентий — митрополит и ипертим всей Алании и Сотириуполя с 1341 г.¹⁴⁷ — участвовал в низложении патриарха Иоанна XIV Калеки (1334–1347), руководствуясь при этом как идеологическими разногласиями с ним, так и личной неприязнью, поскольку при Иоанне в Сотириуполь был назначен особый архиерей¹⁴⁸. Лаврентий добился еще раз официального объединения кафедр в августе 1347 г.¹⁴⁹ Митрополит Симеон, пришедший на смену Лаврентию в 1348 г. и, низложенный в июле 1356 г. за неканонические действия в подчиненной епархии, пошел на разрыв отношений с Константинопольским патриархатом, проигнорировал церковный суд, вследствие чего патриарх Каллист I (1355–1363) принял решение о его низложении. После смерти патриарха Симеон явился в столицу и при Филофее Коккине (1364–1376) добился пересмотра своего дела и восстановления в правах митрополита¹⁵⁰.

Противник Симеона — митрополит Каллист, поставленный на аланскую кафедру в Сотириуполе патриархом Каллистом I, занимал ее до 1363 г. Только после смерти своих гонителей, патриарха Каллиста и митрополита Каллиста, Симеон был восстановлен в сентябре 1365 г.¹⁵¹ во все своих правах как митрополит Алании и Сотириуполя. Ж. Даррузес считает, что низложение Симеона касалось только его прав на Сотириуполь, поэтому владыкой Сотириуполя Каллист становится уже в конце 1354 г.¹⁵², а Симеон без двойной титулатуры упо-

¹⁴⁵ *Miklošich Fr., Müller I. Acta et diplomata Graeca Medii Aevi sacra et profana. T. 2. Vindobonae, 1862. P. 154–155.*

¹⁴⁶ *Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. Edition und Übersetzung der Urkunden aus den Jahren 1315–1331 / Hrsg. von H. Hunger, O. Kresten. Teil 1. Wien, 1981. No 52.21, 53.32.*

¹⁴⁷ *Darrouzès J. Les registres... Vol. 1. Fasc. 5. No 2214.*

¹⁴⁸ Подробнее см.: *Dennis G.T. The Deposition of the patriarch John Calecas // Jahrbuch der österreichischen byzantinischen Gesellschaft. 1960. Bd. 9. P. 51–56; Meyendorff J. Le Tome Synodal de 1347: Introd. et text critique // Сборник радова византологског института. 1963. Т. 8. P. 209–227.*

¹⁴⁹ *Darrouzès J. Les registres... Vol. 1. Fasc. 5. No 2263, 2270, 2287.*

¹⁵⁰ *Nicephori Gregorae Byzantina historia / Ed. I. Bekker. Vol. III. Bonnae, 1855. P. 532.7–534.15. (Далее: *Gregoras. Historia*).*

¹⁵¹ *Darrouzès J. Les registres... Vol. 1. Fasc. 5. No 2502.*

¹⁵² *Ibid. No 2369.*

минается в июле 1365 г.¹⁵³ только как митрополит Алании. Историк Никифор Григора сообщает, что прецедент, когда два митрополита оказались на одной кафедре (имеется в виду Аланская кафедра, находившаяся в Сотиируполе)¹⁵⁴, и стал причиной конфликта между Симеоном и патриархом.

Анонимное упоминание в августе 1365 г. о митрополите Алании, Сотиируполя «и заступающем место (митрополита) Мелитины», наверное, можно отнести к Симеону¹⁵⁵. Совмещение обязанностей по руководству кафедрой в Мелитине продолжалось до 1370 г. Ипертим и «заступающий место Мелитинского» в октябре-ноябре 1370 г. участвует в работе Синода¹⁵⁶, им мог быть уже преемник Симеона.

Разорение Тимуром-Тамерланом северокавказских владений Золотой Орды и военные столкновения противников в 1395 г. на Тереке, в области Джулад, карательный поход Тимура против «черкесов»¹⁵⁷ нанесли значительный урон приходам Аланской Церкви, а потеря Трапезундом Сотиируполя, перешедшего в 1377–1386 гг. под контроль владельца Самцхе-Саатабаго¹⁵⁸ поставили в прямую зависимость аланских владык от Трапезундских митрополитов. В. Лоран даже находил возможным говорить о ленной зависимости митрополии в XV в. от Трапезундской империи¹⁵⁹. Но речь может идти только о зависимости церковной администрации, а не территории в целом. Борьба за Аланскую кафедру во многом была вызвана симонией, процветавшей в Константинопольском патриархате. В 1401 г. митрополит Трапезунда и экзарх всей Лазики был смещен патриархом за то, что назначил митрополитом Алании кандидатуру, предложенную светскими лицами, за деньги и с нарушением церковных канонов¹⁶⁰. Патриарх сохранял супрематия над церквями Юго-Восточного Понта, и митрополичьи кандидатуры утверждались только в Константинополе. После скандала с симонией новым владыкой Трапезунда стал в 1402 г. вернувшийся 2 августа из столицы иеромонах Симеон¹⁶¹.

С XIII в. и по 60-е годы XV в. Трапезундская империя поддерживала устойчивые церковно-политические связи с Аланией. Об этом свидетельствует ряд найденных артефактов: позолоченная тарелка 1348 г. с именем Михаила Комнина¹⁶², трапезундские аспры Алексея IV Комнина (1417 — ок. 1446), найденные в святилище Реком¹⁶³, возникшем в XIV в. как христианская церковь¹⁶⁴ на са-

¹⁵³ Ibid. No 2499, 2450.

¹⁵⁴ Gregoras. Historia. P. 535.22–23.

¹⁵⁵ Miklošich Fr., Müller I. Acta et diplomata Graeca... T. 1. P. 476–478.

¹⁵⁶ Ibid. P. 336; Darrouzès J. Les registres... Vol. 1. Fasc. 5. No 2501.

¹⁵⁷ См.: Кузнецов В.А. Очерки истории алан. 2-е изд. доп. Владикавказ, 1992. С. 343–347.

¹⁵⁸ Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments... Vol. 1. P. 350.

¹⁵⁹ Laurent V. Le corpus de sceaux... T. V.1. P. 614.

¹⁶⁰ Miklošich Fr., Müller J. Acta et diplomata Graeca... T. 2. P. 483–484.

¹⁶¹ Подробнее см.: Miklošich Fr., Müller J. Acta et diplomata Graeca... T. 2. P. 673; Антонин, архим., Древние акты... С. 471; Bryer A. The Empire of Trebizond and the Pontos. L., 1980. IX, P. 137–138.

¹⁶² Помяловский И.В. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881. С. 5–6. № 6.

¹⁶³ Кротошкин В.В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962. С. 48, № 1146.

¹⁶⁴ Кузнецов В.А. Актуальные вопросы истории средневекового зодчества Северного Кавказа // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980. С. 162–177 (здесь: С. 171).

мом коротком пути из Алании в Сотириуполь: через Цейское ущелье, Западную Грузию и Лазику.

Для этого периода характерно ослабление архиерейского контроля над приходами. Вероятно, в Аланской митрополии, как и в Трапезундской, в XIII–XIV вв. распространяется практика исполнения обязанностей церковных чинов (диаконов и священников) лицами не «освященными», т. е. мирянами. Это с осуждением отмечает святитель Симеон, архиепископ Солунский (1416/1417–1429), который пишет, что не рукоположенные архиереями не имеют благодати Св. Духа и «не должны исполнять церковного служения, как это делается в Трапезундской митрополии»¹⁶⁵. В аланских приходах подобные «клирики» появляются уже при митрополите Феодоре, в первой четверти XIII в., позднее они будут известны в аланских (осетинских) обществах позднего средневековья как «дзуарлаги» (*осет.* дзуарг ләг — ‘жрец при дзуаре’, от *осет.* *дзуар — ‘крест, божество, святилище’ + ләг — ‘человек, мужчина, муж’)¹⁶⁶.

Скудные сведения, подтверждающие военно-союзнические отношения Алании с Трапезундской империей, сохранились в письме последнего императора Давида Комнина от 29 апреля 1459 г. к герцогу Филиппу Бургундскому, в котором упоминается, что аланы готовы сражаться на его стороне против неверных наряду с зихами («джиками»)¹⁶⁷.

По-видимому, резиденция митрополита Алании постоянно оставалась в Трапезунде вплоть до падения империи. Известно, что один из последних архиереев Алании Мелетий скончался 23 мая 1447 г. в монастыре св. Саввы¹⁶⁸. В 1451 г. в Трапезунд из Таны отправился греческий священник Татулий, который, предположительно, должен был быть поставлен митрополитом Алании (в чьей юрисдикции находилась греческая церковь Таны)¹⁶⁹.

Потеря Сотириуполя Византийской империей в конце 80-х годов XIV в., а затем захват турками Трапезунда в 1461 г., заставили аланских владык искать новую резиденцию. В нотиции № 20, составленной не ранее 1400 г., появилась приписка: «Митрополит Алании пишется Сотириупольским и имеет ныне местом Севастию»¹⁷⁰. Но сходя на полях могла быть приписана позднее, поскольку в начале XV в. митрополит Алании еще находился в Трапезунде. Он мог переместиться в Севастию в 60-х гг. XV в., после падения Трапезундской империи. Следовательно, комментарий о расположении аланской кафедры был сделан примерно в этот период. В последней византийской нотиции № 21, от-

¹⁶⁵ Святитель Симеон, архиепископ Солунский. Объяснение священных обрядов и Таинств Церкви. М., 2013. С. 349–350.

¹⁶⁶ Миллер В.Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь / Под ред. и с доп. А.А. Фреймана. Цхинвал, 2007. С. 282, 369.

¹⁶⁷ См.: Успенский Ф.И. Очерки из истории... С. 135; Bryer A. The Empire of Trebizond... X. P. 184.

¹⁶⁸ См.: Bryer A. Some Trapezuntine Monastic obits (1368–1563) // *Revue des Études Byzantines*. 1976. Т. 34. P. 125–138 (здесь: P. 134. No 16); Bryer A. The Empire of Trebizond... IX. P. 134; Παλαδόπουλος-Κεραμεύς Α. Τραπεζουντιακά / Заметки о Трапезунте // Византийский временник. 1898. Т. 5. С. 678–680 (здесь: С. 680. No 7).

¹⁶⁹ Карпов С.П. История Трапезундской империи. С. 273.

¹⁷⁰ Darrouzés J. Notitiae episcopatum... P. 148. No 20.51.

носящейся к турецкой эпохе (1453 г. — конец XVI в.), сведений об Аланской митрополии нет¹⁷¹.

Однако почти двести лет спустя вновь упоминается владыка Алании. Архиепископ аланский Пахомий в мае 1590 г. поставил свою подпись под грамотой цареградского патриарха Иеремии об учреждении патриаршества в России¹⁷². К этому времени митрополия была низведена в разряд архиепископий, полностью утрачена даже номинальная связь с Сотириуполем, что отразилось на титулатуре. Местоположение кафедры неясно, вряд ли она находилась в районе юго-восточного Понта. Митрополитом Трапезунда и Лазики в это время был Феофан¹⁷³. Вероятно, архиепископ Алании жил в Севастии (Сивасе) — городке, расположенном к югу от Неокесарии и юго-востоку от Кerasунта, в верховьях реки Галис. Через Севастию проходили караванные пути, выходившие к южнопонтийским портам. Оттуда можно было легко попасть по морю в Крым и на Северный Кавказ. Поездка в Аланию сухопутным путем занимала летом не более 20–30 дней, но пастыри правом посещать свою отдаленную епархию пользовались нечасто, да и когда потребовалась подпись под важной патриаршей грамотой аланский владыка так не смог прибыть в Константинополь.

Ослабление политических и церковных связей Византии с Аланией, начавшееся с конца XII–XIII в., распад аланской государственности, монгольское нашествие, а в дальнейшем гибель Византийской империи в 1453 г. и «пленение» Константинопольской Церкви турками затормозили дальнейший процесс христианизации алан, вследствие чего православие в Алании приходит в упадок и приобретает всё большие черты этнической религии. Митрополит утрачивает свои связи с епархией, а ее название уже не соответствовало тем этносам и племенным подразделениям, которые появились в XIV–XVI вв. на территории бывшей Аланской митрополии.

Список литературы

- Абхазия и абхазы в средневековых грузинских повествовательных источниках / Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г.А. Амичба. Тбилиси, 1988.
- Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
- Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми, 1959.
- Асратян Д.К. «Аланское досье» патриарха Николая Мистика: проблемы хронологии // Известия СОИГСИ. 2015. № 18 (57). С. 5–10.
- Асратян Д.К. Патриарх Николай Мистик и крещение Алании. Владикавказ, 2020.
- Барабанов Н.О., Волхонский М.А., Мирзоева А.М., Муханов В.М. Очерки истории христианства на Северном Кавказе. С древнейших времен до начала XX века. М., 2015.
- Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. История и искусство христианской Алании. М., 2019.

¹⁷¹ Ibid. P. 197. No 21.

¹⁷² *Analecta byzantino-russica* / Ed. V. Regel. Petropoli, 1891. С. 90.10; Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями) 1588–1594 гг. М., 1988. С. 72.

¹⁷³ *Analecta byzantino-russica*. С. 88.22.

- Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Нижний Архыз и Сенты — древнейшие храмы России. М., 2011.
- Бенешевич В.Н. Заметки к текстам *Notitiae episcopatum // Seminarium Kondakovianum*. 1927. Т. 1. С. 65–66.
- Виноградов А.Ю. Абхазское царство — опыт политогенеза между христианством и исламом (конец VIII — начало X в.) // *Polystoria: цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе*. М., 2016. С. 11–59.
- Виноградов А.Ю., Белецкий Д.В. Бамборский храм и проблема «купольного зала» в Византии и на Кавказе // *Российская археология*. 2012. № 3. С. 97–108.
- Гайденок П.И. Быт и нравы архиереев и их паствы в Киевской Руси (XI–XIII вв.). СПб., 2016.
- Грацианский М.В. Процедура возвышения константинопольской кафедры на IV Вселенском соборе в Халкидоне // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2021. Т. 26. № 6. С. 236–251.
- Ермилов П.В. Происхождение теории о вселенском первенстве Константинопольского Патриархата // *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия*. 2014. Вып. 1 (51). С. 36–53.
- Жаворонков П.И. Никейско-трапезундские отношения в 1213–1223 гг. // *Византийские очерки*. Москва, 1982. С. 183–190.
- Жордания Э.Г. Византийский Понт и Грузия. Вопросы исторической географии и этнонимии Юго-Восточного Причерноморья в XIII–XV вв. Санкт-Петербург, 2019.
- Зайбт В. Византийские печати из Алании «*μητροπολίτης Ἀλανίας*» и «*ἐξουσιocrάτωρ Ἀλανίας*» // *Новое в византийской сфрагистике*. СПб., 2003. С. 14–15.
- Иванов С.А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003. С. 264–275.
- Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Составл., вступ. ст., коммент, карта: С.М. Перевалов. СПб., 2000.
- Kuršanskis M. L'Empire de Trébizonde et la Géorgie // *Revue des Études Byzantines*. 1977. Т. 35. Р. 237–256.
- Каждан А.П. Болгарско-византийские отношения в 912–925 гг. по переписке Николая Мистика (Опыт пересмотра хронологии писем) // *Études balkaniques*. 1976. № 3. С. 92–107.
- Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974.
- Каждан А.П., Бартукян Р.М. Рец. на кн.: *Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters / Greek Text and English Translation by R.J.H. Jenkins and L.G. Westerink*. Washington, 1973 // *Историко-филологический журнал*. 1976. № 1. С. 276–282.
- Казиев Э.В. Переписка монгольского каана и китайского императора Тогон-Темур и аланских князей на его службе с папой Бенедиктом XII (1336–1338 гг.) // *Аланское православие: история и культура. Сборник материалов VII Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура»* / Отв. ред. М.Э. Мамиев. Владикавказ, 2019. С. 27–46.
- Каноны или книга правил на русском языке. Санкт-Петербург, 2000.
- Карпов С.П. История Трапезундской империи. 2-е изд. испр. и доп. Санкт-Петербург, 2017.
- Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.
- Комеч А.И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987.

- Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, комментарий. М., 2009.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. Москва, 1989.
- Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962.
- Кузенков П.В. Канонический статус Константинополя и его интерпретация в Византии // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. 2014. Вып.3 (53). С. 25–51.
- Кузенков П.В. Нил Доксопатр. Порядок патриарших престолов: Введение, перевод, комментарий // Византийский временник. 2022. Т. 106. С. 317–351.
- Кузнецов В.А. Актуальные вопросы истории средневекового зодчества Северного Кавказа // Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980. С. 162–177.
- Кузнецов В.А. Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии: Сб. статей. Орджоникидзе, 1985. С. 37–66.
- Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.
- Кузнецов В.А. Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X–XII веках. Пятигорск, 2017.
- Кузнецов В.А. Очерки истории алан. 2-е изд. доп. Владикавказ, 1992.
- Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
- Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002.
- Кулаковский Ю.А. Христианство у алан // Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Составл., вступ. ст., коммент, карта: С.М. Перевалов. СПб., 2000. С. 165–192.
- Летопись Картли / Введение, перевод и примечания Г.В. Цулая. Тбилиси, 1982.
- Малахов С.Н. Алания и Византия. Источниковедческие аспекты политических и церковных связей. Избранные статьи. М., 2015.
- Малахов С.Н. Аланская митрополия в X–XVI вв. Историко-археологические очерки. Владикавказ, 2020.
- Мейендорф И. Церковь в истории: статьи по истории Церкви. М., 2018.
- Миллер В.Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь / Под ред. и с доп. А.А. Фреймана. Цхинвал, 2007.
- Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963.
- Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII вв. М., 2001.
- Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Новосельцев А.П. Христианство, ислам и иудаизм в странах Восточной Европы и Кавказа в Средние века // Вопросы истории. 1989. № 9. С. 20–35.
- Острогорский Г. История византийского государства / Пер. с нем. М.В. Грацианского под ред. П.В. Кузенкова. М., 2011.
- Памятники аланского языка и письма. М., 2016.
- Пападакис А., Мейендорф И. Христианский Восток и возвышение папства: Церковь в 1071–1453 гг. М., 2010.
- Перфильева Л.А. Купольные храмы Западной Алании в контексте средневизантийской архитектурной традиции // Христианское зодчество. Новые материалы и исследования / Отв. ред. И.А. Бондаренко. М., 2004. С. 180–201.
- Петр (Л'юилье), архиеп. Правила первых четырех вселенских соборов. М., 2005.
- Пищулина В.В. Пространственная организация христианских храмов Нижне-Архызского городища // Христианское зодчество. Новые материалы и исследования / Отв. ред. И.А. Бондаренко. М., 2004. С. 217–231.
- Попов Н.Г. Император Лев VI Мудрый и его царствование. М., 1892.

- Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями) 1588–1594 гг. М., 1988.
- Правила святых вселенских соборов с толкованиями. Москва, 2000.
- Святитель Симеон, архиепископ Солунский. Объяснение священных обрядов и Таинств Церкви. М., 2013.
- Скржинская Е.Ч. Греческая надпись из средневековой Алании // Византийский временник. 1962. Т. 21. С. 118–126.
- Сметанин В.А. Византийское общество XIII–XIV веков по данным эпистолографии. Свердловск, 1987.
- Тахиаос А.-Э. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. Сергиев Посад, 2005.
- Успенский Ф.И. Очерки из истории Трапезундской империи. Л., 1929.
- Хрушкова Л.Г. Древнейший христианский центр Кавказа: Питиус-Пицунда-Бичвинта // Византийский временник. 2008. Т. 67. С. 234–249.
- Цулая Г.В. Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии. М., 1995.
- Шильтбергер Иоганн. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Пер. со старонем. Ф.К. Бруна. Баку, 1984.
- Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989.
- Boswort С.Е. Ebn Rosta // Encyclopaedia of Iranica / Ed. by E. Yakshater. Vol. 8. Fasc. 1. London; New York, 1998. P. 49–50.
- Bryer A. Some Trapezuntine Monastic obits (1368–1563) // Revue des Études Byzantines. 1976. Т. 34. P. 125–138.
- Bryer A., Winfield D. The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. Vol. 1. Washington, 1985.
- Chervachidze L. Le complex monastique «Aylaga Abykou» // L'arte Georgiana dal IX al XIV secolo / A cura di M.S. Calò Mariani. Galatina, 1986. P. 89–97.
- Cheyne J.-Cl. Sceaux de la collection Zacos (Bibliothèque nationale de France) se rapportant aux provinces orientales de l'Empire byzantine. Paris, 2001.
- Darrouzès J. Les registes des Actes des patriarches de Constantinople. Vol. 1. Fasc. 5 (Les registes de 1310 à 1376). Paris, 1977.
- Darrouzès J. Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae. Texte critique, introduction et notes. Paris, 1981.
- Darrouzès J. Questions de droit matrimonial: 1172–1175 // Revue des Études Byzantines. 1977. Т. 35. P. 107–157.
- Darrouzès J. Le Traité de transferts. Edition critique et commentaire // Revue des Études Byzantines. 1984. Т. 42. P. 147–214.
- Das Register des Patriarchats von Konstantinopel. Edition und Übersetzung der Urkunden aus den Jahren 1315–1331 / Hrsg. von H. Hunger, O. Kresten. Teil 1. Wien, 1981.
- Dennis G.T. The Deposition of the patriarch John Calecas // Jahrbuch der österreichischen byzantinischen Gesellschaft. 1960. Bd. 9. P. 51–56.
- Grumel V. La date de conversion du Alains et l'archevêché d'Alanie // Échos d'Orient. 1934. Т. 33. P. 57–58.
- Grumel V. Les registes des actes du patriarcat de Constantinople. Т. 1. Fasc. 2. Kadiköy; Istanbul, 1936.
- Grumel V. Les registes des actes du Patriarchat de Constantinople. Vol. 1. Fasc. 1–3. Paris, 1932.
- Hussey J.M. The Orthodox Church in the Byzantine Empire. Oxford, 1986.
- Laurent V. Le corpus de sceaux de l'Empire byzantine. T. V. Pars IA. Paris, 1963.

- Laurent V. Les signataires du second synode des Blakhernes (été 1285) // *Échos d'Orient*. 1927. T. 26. P. 129–149.
- Meyendorff J. Le Tome Synodal de 1347: Introd. et text critique // *Зборник радова византолошког института*. 1963. Т. 8. Р. 209–227.
- Nicholas I Patriarch of Constantinople. Letters / Greek Text and English Translation by R.J.H. Jenkins and L.G. Westerink. Washington, 1973.
- Oikonomidès N. Documents et études sur les institutions de Byzance. (VIIe–XVe s.). London, 1976.
- Preiser-Kapeller J. Zwischen Konstantinopel und Goldener Horde: Die byzantinischen Kirchenprovinzen der Alanen und Zichen im mongolischen Machtbereich im 13. und 14. Jahrhundert // *Caucasus during the Mongol Period. Der Kaukasus in der Mongolenzeit* / Hrsg. von J. Tubach, S. Vashalomidze, M. Zimmer. Halle; Wittenberg 2012. S. 199–216.
- Seibt W. Metropoliten und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln des 10–12. Jahrhunderts // *Сфрагистика и история культуры. Сборник научных трудов, посвященный юбилею В.С. Шандровской*. СПб., 2004. S. 50–59.
- Toumanoff C. Chronology of the Kings of Abasgia and Other Problems // *Le Muséon*. 1956. Vol. 69. P. 73–90.

BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2023. Т. 1

С. 172–183

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 1: 2023

P. 172–183

Научная статья

DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.09

Египетский царь Сострис в «Хронографии» Иоанна Малалы: к вопросу о пересечении традиций

Иван Андреевич Ладынин¹⁻²

¹ доктор исторических наук; профессор; Школа исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3, 105066 Москва;

² доцент; Исторический факультет; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, 119192 Москва; ladynin@mail.ru; iladynin@hse.ru.

Аннотация: В статье рассматриваются сведения II книги «Хронографии» Иоанна Малалы о царе Египта Сострисе, правившем после царей-богов, ведшим широкие завоевания и бывшем современником Гермеса Трисмегиста. Рассказ о его войнах испытал влияние сведений о царе Сесосисе Гекатея Абдерского и Диодора Сицилийского, а также, возможно, о царе Сетосе-Рамессесе Манефона Севеннитского. Можно допустить, что синхронизация с его временем жизни Гермеса Трисмегиста может восходить к реминисценциям о Джосере и Имхотепе, также вошедшим в образ Состриса. Наблюдения над этим комплексом сведений приводят к выводу о влиянии на них египетской традиции, отразившейся в неизвестном нам первоисточнике.

Ключевые слова: Иоанн Малала, Сострис, Сесострис, Гермес Трисмегист, Джосер, Имхотеп, Египет.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ 22–28–01236 «Комплекс представлений египтян I тыс. до н. э. — начала н. э. об истории своей страны и его интеграция в античную картину прошлого».

Цитирование: Ладынин И.А. Египетский царь Сострис в «Хронографии» Иоанна Малалы: к вопросу о пересечении традиций // *Byzantinotaurica*. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2023. Т. 1. С. 172–183. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.09.

Original article

The Egyptian King Sostris in John Malalas' *Chronography*: A Crossing of Traditions

Ivan A. LADYNIN¹⁻²

¹ Dr. Habil. (History); Professor; School of History; Faculty of Humanities; National Research University «Higher School of Economics»; Staraya Basmannaya 21/4, building 3, 105066 Moscow, Russian Federation;

² Associate Professor; Faculty of History; Lomonosov Moscow State University; Lomonosovskiy prospekt, 27/4, 119192 Moscow, Russian Federation; ladynin@mail.ru; iladynin@hse.ru.

Abstract: The article considers the data of John Malalas' *Chronography*'s Book Two about the Egyptian king Sostris, who is told to have reigned after the god-kings, waged vast conquests and been a contemporary of Hermes Trismegistus. The story of his conquests seems to have been influenced by the information of Hecataeus of Abdera and Diodorus of Sicily about the king Sesosis and perhaps of Manetho of Sebennytes about the king Sethos-Ramesses. His synchronization with Hermes Trismegistus might come back to the memories of Zoser and Imhotep also incorporated in the image of Sostris. Observations on this complex of data leads to conclude that it was influenced by the Egyptian tradition through the mediation of an uncertain source.

Key words: John Malalas, Sostris, Sesostris, Hermes Trismegistus, Zoser, Imhotep, Egypt.

Funding: The article is prepared with the support of the Russian Science Foundation, project 22–28–01236 “A System of Native History Knowledge in Egypt of the First Millennium B.C. and the First Centuries A.D. and Its Integration in the Classical Picture of the Past”.

For citation: Ladynin, I.A. “The Egyptian King Sostris in John Malalas' *Chronography*: A Crossing of Traditions.” *Byzantinotaurica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 1(2023). P. 172–183. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.09.

В сведениях начала II книги «Хронографии» Иоанна Малалы о древнем Египте значительное место уделено рассказу о царе по имени Сострис (II.3–5, ed. I. Thurn). Этот рассказ гласит следующее:

3. И, наконец, в пору после этого над египтянами царствовал первым из племен Хама Сострис. Он, вооружившись, начал войну с ассирийцами и подчинил их, как и халдеев и персов, вплоть до Вавилона. Также он подчинил Азию и всю Европу, и Скифию, и Мёзию. И на обратном пути в Египет он отобрал из страны Скифии пятнадцать тысяч юношей-воинов. Заставив их переселиться, он повелел им жить в Персиде, дав им там ту землю, которую они сами выбрали. И эти скифы остались в Персиде с тех пор до нынешних; персы зовут их парфянами, что на персидском языке означает «скифы». И они сохраняют и одежду, и речь, и законы скифов до сих пор, и оказываются самыми победоносными в войнах, как написал мудрейший Геродот¹.

4. Во времена царствования упомянутого Состриса был египтянин Гермес Трисмегист, муж, вызывающий почтение мудростью: он объявил, что имя неизреченного творца состоит в трех величайших сущностях, однако же, это божество едино. Вот почему он назывался египтянами Гермес Трисмегист. О нем говорят, что в разных своих речах к Асклепию он говорил о природе бога так...² <...> Это и говорится святейшим Кириллом в его собрании <речей> против императора Юлиана в качестве вернейшего доказательства, что и не ведавший того, что суждено, Трисмегист Гермес признавал единственность Троицы.

5. Царь Сострис, достигнув Египта после своих побед, умер...³.

Имя царя «Сострис» явно представляет собой сокращение хорошо известной в античной традиции формы имени легендарного египетского царя далекого прошлого, сведения о котором впервые были приведены в «Истории» Геродота, где он именовался Сесострис (Σέσωστρις; *Hdt.* II.102–110). По общему мнению египтологов, историческим прототипом этого персонажа был

¹ Имеются в виду, очевидно, сведения Геродота о стойкости скифов в отражении причерноморского похода Дария I (*Hdt.* IV.118–136); сведений о происхождении парфян от скифов у Геродота нет.

² Следует цитирование двух фрагментов, действительно приведенных в трактате Кирилла Александрийского «Против Юлиана»: один из них (I.49.10–17, ed. Chr. Riedweg) содержит отсылку к Гермесу Трисмегисту, другой (I.46.2–4, ed. Chr. Riedweg) — к Орфею. О влиянии герметического корпуса на трактат Кирилла см.: *Kyrrill von Alexandrien. Werke / Hrsg. Chr. Riedweg. Bd. 1 (Gegen Julian). Teil 1: Buch 1–5. [Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte; 20]. Berlin; Boston, 2016. S. XIX–XX.*

³ 3. Καὶ λοιπὸν ἐν τοῖς μετὰ ταῦτα χρόνοις ἐβασίλευσεν Αἰγυπτίων πρῶτος ἐκ τῆς φυλῆς τοῦ Χάμ Σῶστρις· ὅστις ὀπλισάμενος ἐπολέμησεν Ἀσσυρίοις, καὶ ὑπέταξεν αὐτοὺς καὶ τοὺς Χαλδαίους καὶ Πέρσας ἕως Βαβυλῶνος. ὁμοίως δὲ ὑπέταξε καὶ τὴν Ἀσίαν καὶ τὴν Εὐρώπην πᾶσαν καὶ τὴν Σκυθίαν καὶ τὴν Μυσίαν. καὶ ἐν τῷ ὑποστρέφειν αὐτὸν ἐπὶ τὴν Αἴγυπτον ἐκ τῆς χώρας τῆς Σκυθίας ἐπελέξατο ἀνδρῶν νεανίσκων πολεμιστῶν χιλιάδας ιε'. οὕστινας μετανάστας ποιήσας ἐκέλευσεν αὐτοὺς οἰκεῖν ἐν Περσίδι, δόσας αὐτοῖς χώραν ἐκεῖ οἷαν αὐτοὶ ἐπελέξαντο. καὶ ἔμειναν ἐν Περσίδι οἱ αὐτοὶ Σκύθαι ἐξ ἐκεῖνου ἕως τῆς νῦν· οἵτινες ἐκλήθησαν ἀπὸ τῶν Περσῶν Πάρθοι, ὃ ἐστὶν ἐρμηνευόμενον Περσικῇ διαλέκτῳ Σκύθαι· οἱ καὶ τὴν φορεσίαν καὶ τὴν λαλίαν καὶ τοὺς νόμους Σκυθῶν ἔχουσιν ἕως τῆς νῦν, καὶ εἰσὶ μαχίμωτατοι ἐν πολέμοις, καθὼς Ἡρόδοτος ὁ σοφώτατος συνεγράψατο. 4. Ἐν τοῖς χρόνοις τῆς βασιλείας τοῦ προειρημένου Σῶστρου ἦν Ἑρμῆς ὁ Τρισμέγιστος ὁ Αἰγύπτιος, ἀνὴρ φοβερός ἐν σοφίᾳ· ὃς ἔφρασε τρεῖς μεγίστας ὑποστάσεις εἶναι τὸ τοῦ ἀρρήτου καὶ δημιουργοῦ ὄνομα, μίαν δὲ θεότητα εἶπε· διὸ καὶ ἐκλήθη ἀπὸ τῶν Αἰγυπτίων Τρισμέγιστος Ἑρμῆς. ἐμφέρεται γὰρ ἐν διαφόροις αὐτοῦ λόγοις πρὸς Ἀσκληπιὸν εἰρηκῶς περὶ θεοῦ φύσεως ταῦτα <...> ταῦτα δὲ καὶ ἐν τοῖς κατὰ Ἰουλιανοῦ τοῦ βασιλέως ὑπὸ τοῦ ὁσιωτάτου Κυρίλλου συναχθεῖσιν ἐμφέρεται, πρὸς ἀπόδειξιν σαφεστέραν ὅτι καὶ ὁ Τρισμέγιστος Ἑρμῆς ἀγνοῶν τὸ μέλλον τριάδα ὁμοούσιον ὡμολόγησεν. 5. Ὁ δὲ Σῶστρις βασιλεὺς μετὰ τὴν νίκην καταλαβὼν τὴν Αἴγυπτον τελευτᾷ...

первый в египетской истории крупный завоеватель, царь XII династии Сенусерт III (1872–1853/52 гг. до н. э.), однако к его образу оказались стянуты ре-минисценции о войнах царей как Среднего, так и Нового царств (в целом II тыс. до н. э.)⁴. А.И. Иванчик обратил внимание на то, что сообщения о царе по имени Сострис есть также у Иоанна Антиохийского (FHG V.543)⁵ и в словаре «Суда» (s.v. Σῶστρις) и они явно восходят к труду Малалы. По мнению Иванчика, наличие формы имени «Сострис» у Иоанна Антиохийского говорит о том, что такое искажение имени «Сесострис» произошло в византийской традиции сравнительно рано; однако Иванчик также обращает внимание на другую глоссу «Суды», сообщающую явно вслед за Малалой о происхождении парфян от скифов (s.v. Πάρθοι), и на восходящие к Малале сообщения «Пасхальной хроники» (Chron. Pasch. 47a-b, 84–85, ed. L. Dindorf) и Георгия Кедрина (36, ed. I. Bekker), где египетский царь именуется «Сесострис». Соответственно, можно допустить, что исходное сообщение Малалы содержало форму имени «Сесострис», и ее искажение произошло уже в ходе бытования рукописной традиции⁶.

Вопрос о первоисточниках этого рассказа Иоанна Малалы и его параллелях ожидаемо сложен, причем очевидно, что в первую очередь его сведения должны сопоставляться со сведениями античных авторов о древнем египетском царе. А.И. Иванчик отмечал, что сведения Малалы о происхождении парфян от скифов находят аналогии в Historia Philippica Помпея Трога (Iust. II.3.6, XLI.1.1; ср. Iord. Get. 6.47–48) и во фрагментах произведения Арриана «Парфики» (FGrHist. 156. F. 30), однако с тем существенным различием, что оба эти автора связывали переселение предков парфян не с действиями египетского царя, а с наступившим после его поражения от скифов владычеством последних в Азии (о Троге мы это знаем точно по передаче его сведений, в связи с фрагментами «Парфики» это наиболее вероятно). Иванчик констатировал в связи с этим невозможность возведения сведений как Трога и Арриана, так и Малалы к общему первоисточнику⁷. К этому можно добавить следующее: Трог и Арриан не сообщают о том, что в будущую землю парфян переселились именно боеспособные юноши и были наделены там землей; между тем сведения о создании в Египте войска под началом юношей-сверстников молодого царя и о раздаче им участков земли есть в рассказе Диодора Сицилийского, следовавшие

⁴ Ладынин И.А. «Снова правит Египет!» Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды. [Труды Исторического факультета МГУ; 84. Сер. II: Исторические исследования; 40]. М.; СПб., 2017. С. 148–161.

⁵ Новейшее издание труда Иоанна Антиохийского (Ioannis Antiocheni fragmenta quae supersunt omnia / Ed. S. Mariev. [Corpus fontium historiae Byzantinae; 47]. Berlin, 2008) не учитывает этот фрагмент.

⁶ Иванчик А.И. Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. [Pontus septentrionalis; 3]. Москва; Берлин, 2005. С. 216. Нельзя, впрочем, исключить и прямо противоположного хода вещей: более поздние авторы могли и «исправлять» Малалу, заменяя в заимствованных у него сведениях форму имени «Сострис» на классическую, восходящую к Геродоту.

⁷ Там же. С. 216–218. Ср. С. 208–210.

го автору конца IV в. до н. э. Гекатея Абдерского⁸, о египетском царе Сесоосисе (Σεσόωσις) — аналоге Геродотового Сесостриса (*Diod. I.53.2–4, 54.5–6*)⁹. По-видимому, в некоем первоисточнике Малалы произошла контаминация сюжета о происхождении парфян с нюансами рассказа Гекатея и Диодора о Сесоосисе. Отнесение царствования Состриса ко времени непосредственно после царей-богов¹⁰ совпадает со сведениями о египетском царе — завоевателе и устройтеле по имени Сесонхосис (Σεσόνχωσις), также аналоге Сесостриса, согласно автору перипатетической школы конца IV в. до н. э. Дикеарху Мессенскому (цитирование в *Schol. Apoll. Rhod. IV.272–276*)¹¹; кроме того, к древнейшему времени относит еще одного аналога Сесостриса, царя Везосиса (*Vezosis*) Помпей Трог (*Iust. I.1.6, II.3.8–18*)¹².

Приписывание Сострису покорения ассирийцев, халдеев и персов находит параллель в сведениях египетского жреца и историка Манефона Севеннитского о войнах представленного у него в качестве великого завоевателя египетского царя XIX династии Сетоса-Рамессеса, историческим прототипом которого следует считать Сети I (1304–1290 гг. до н. э.; цитирование Манефона в *Ios. C. Ar. I.15. § 98–102*)¹³. Очевидно, что речь идет о покорении Сострисом земель, составлявших в историческом I тыс. до н. э. ядро межрегиональных переднеазиатских держав — Новоассирийской, Мидийской, Персидской; соответственно, этому царю приписывается создание такой державы впервые, что в принципе составляет общее место античной традиции о великом царе-завоевателе далекого прошлого (наиболее явно оно представлено в труде Помпея Трога, известном нам в передаче Юстина, однако оно достаточно уверенно прослеживается и у Гекатея и Диодора¹⁴, а имплицитно обнаруживается и у Геродота¹⁵).

Пределами продвижения Состриса в ходе его завоеваний Малала, как мы видели, называет Скифию и Мёзию: мы согласны с переводчиками его труда, что в данном контексте обозначение τὴν Μυσίαν скорее относится к области не в северо-западной Малой Азии, а к югу от Дуная, согласно хоронимике римского времени¹⁶. Это сообщение напоминает рассказ Гекатея и Диодора о завоеваниях царя Сесоосиса: согласно ему, Сесоосис покорил азиатскую часть Скифии вплоть до реки Танаис, образующей границу между Азией и Европой, а после завоевания Азии покорил Европу вплоть до Фракии, не имея возможности идти

⁸ См. о зависимости между этими авторами с отсылками к литературе: Ладынин И.А. «Снова правит Египет!» С. 221–222. Примеч. 1.

⁹ Там же. С. 237, 242–244.

¹⁰ См. о них у Иоанна Малалы: I.15, II.1–2, ed. I. Thurn.

¹¹ Ладынин И.А. «Снова правит Египет!» С. 162–192.

¹² Там же. С. 251–258.

¹³ Там же. С. 53–54. Примеч. 1.

¹⁴ Там же. С. 234–236, 241.

¹⁵ Геродот приписывает царю Сесострису покорение всех народов на его пути по Азии (*Hdt. II.102.3*), что согласуется с созданием им азиатского великодержавия.

¹⁶ *The Chronicle of John Malalas* / Transl. E. Jeffreys, M. Jeffreys, R. Scott. [Byzantina Australiensia; 4]. Leiden; Boston, 2017. P. 12. Ср.: *Fluss M. Moesia* // *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* / Hrsg. von Au. Pauly, G. Wissowa u.a. Hlbd. 30. Stuttgart, 1932. Sp. 2350–2411 (здесь: Sp. 2354).

далее из-за нехватки продовольствия и трудностей пути (*Diod.* I.55.4–7). В таком случае, согласно Гекатею и Диодору осталось неподвластным египетскому царю пространство, лежавшее между Фракией и азиатской Скифией, а именно, в представлении греков, европейская Скифия к северу от Черного моря¹⁷. Как представляется, именно такую конфигурацию завоеваний египетского царя обрисовывают сведения Малалы: «Скифия» в его рассказе, вероятно, соответствует азиатской Скифии, согласно Гекатею и Диодору, а «Мёзия» — Фракии в их сообщении; тем самым он также исключает покорение Сострисом европейской Скифии, хотя не придает этому серьезного значения.

Существенно, что мы замечаем уже второе пересечение сведений Малалы с рассказом Гекатея и Диодора, которые, однако, не помещают их царя Сесоосиса в самое начало истории Египта, после царей-богов. Очевидно, их рассказ был известен Малале через посредство какого-то первоисточника, в котором это перемещение уже произошло. Учитывая компактность рассказа Малалы о войнах Состриса, который был явно не скомпилирован из разных источников, а заимствован целиком, очевидно, что в том же самом первоисточнике говорилось и о покорении царем народов Месопотамии и Ирана, о чем Гекатей и Диодор не упоминают специально. При этом, если сходство этих сведений с упомянутым сообщением Манефона не случайно, то в этом первоисточнике была проведено слияние сведений Гекатея и Диодора о царе-завоевателе и Манефона — о Сетосе-Рамессесе по логике, в принципе свойственной египетской традиции и задействованной и при формировании образа Сесостриса: сведения о разновременных циклах завоеваний, имевших более или менее одинаковую направленность и закономерно схожие черты, признавались репликами одного и того же события¹⁸. Однако в таком случае естественно допустить, что эта манипуляция и была проведена в рамках египетской традиции, а первоисточник Малалы если не принадлежал к ней, то передал ее сведения. С этим превосходно согласуется и «проегипетская» тенденция сюжета происхождения парфян от скифов у Малалы, который, как мы говорили, связывает его не с поражением скифами египетского царя, как в других изводах, а с его собственными действиями. Можно допустить, что первоисточник Малалы зафиксировал этот явно распространенный в римское время сюжет в версии, специально призванной исключить мотив поражения египетского царя и при этом перенесшей на мнимое переселение им скифов нюансы его дел в Египте, согласно Гекатею и Диодору.

Примечательная деталь рассказа Малалы о Сострисе — это синхронизация его царствования и времени жизни Гермеса Трисмегиста, представленного в качестве величайшего мудреца, притом не сверхъестественного существа, а реального человека. По мнению А.И. Иванчика, «рассказ о Гермесе Трисмегисте механически добавлен к первоначально независимому рассказу о завоеваниях Сесостриса и разрывает его»; соответственно, мнение исследователей о

¹⁷ См. подробнее: *Ладынин И.А., Немировский А.А.* Происхождение и вероятная историческая основа античной традиции о поражении легендарного египетского царя-завоевателя от скифов // *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры.* 2023. Т. 11. С. 11–48 (здесь: С. 22–24, 34–35).

¹⁸ См. выше Примеч. 4, а также: *Ладынин И.А.* «Снова правит Египет!» С. 63–65.

том, что герметические фрагменты у Малалы заимствованы у некоего Тимофея, жившего незадолго до него¹⁹, не решает вопроса о первоисточнике рассказа о Сострисе²⁰. Последнее, безусловно, справедливо, однако вопрос о связи между рассказами Малалы о Гермесе Трисмегисте и о Сострисе представляется в принципе более сложным. Фактически первый из них состоит из двух компонентов: из характеристики Гермеса Трисмегиста и привязки его времени к царствованию Состриса и из изложения его постулатов, совместимых с тринитарным догматом. При этом данное упоминание Гермеса Трисмегиста — первое из всего двух явных в «Хронографии» Малалы²¹: поэтому понятно, что именно здесь хронист дает развернутое объяснение того, кто это такой и каковы важнейшие, в свете религиозной ситуации ранней Византии, постулаты его учения. Их изложение Малала действительно мог ввести в текст независимо от источника его сведений о Сострисе, причем думается, что его прямая и вполне точная ссылка на труд Кирилла Александрийского (см. здесь Примеч. 2) позволяет обойтись без предположения о заимствовании его цитат через посредство Тимофея. Вместе с тем сам повод к тому, чтобы рассказать именно в этой части «Хронографии» о Гермесе Трисмегисте состоит в синхронизации его жизни с царствованием Состриса, и кажется маловероятным, чтобы она была проведена самим Малалой, поскольку трудно представить, какие у него могли быть к этому основания. Скорее эта синхронизация уже присутствовала в первоисточнике рассказа о Сострисе, использованном хронистом, к которому он в этой связи дал от себя развернутые пояснения.

В одной из своих последних статей крупнейший отечественный египтолог О.Д. Берлев обратил внимание на форму имени 'Ιαχῖν, отнесенную в глоссе словаря «Суда», цитирующей сведения Клавдия Элиана (s.v.), к египетскому мудрецу и врачу, современнику царя по имени Сенуес. Показав, что последнее имя принадлежит царю III династии Джосеру, погребенному в первой в истории Египта ступенчатой пирамиде (первая половина XXVIII в. до н. э.), Берлев сделал закономерный вывод, что 'Ιαχῖν — его современник, придворный советник, архитектор и врач Имхотеп²². Сама эта форма имени была интерпретирована Берлевым как «Иа малый», где 'Ια- представляет собой одно из именований бога Тота, а -χῖν сопоставимо с коптским словом, имеющим значение «маленький», «молодой», «младший». Таким образом, Имхотеп был представлен в этом сообщении, безусловно восходящем к египетской традиции, как «младший Тот», при том что это божество, как хорошо известно, сопоставлялось в античной традиции с Гермесом и дало основу представлению о Гермесе Трисмегисте²³.

¹⁹ Jeffreys E. Malalas' Sources // Studies in John Malalas / Ed. E. Jeffreys et al. [Byzantina Australiensia; 6]. Leiden, 2017 P. 167–216 (здесь: P. 194–195).

²⁰ Иванчик А.И. Накануне колонизации... С. 217.

²¹ Второе упоминание: XIII.36, ed. I. Thurn. Ср.: The Chronicle of John Malalas. P. 342 (индекс).

²² Берлев О.Д. Два периода Сотиса между Годом 18 царя Сену, или Тосортроса, и Годом 2 фараона Антонина Пия // Древний Египет: язык — культура — сознание. По материалам египтологической конференции 12–13 марта 1998 г. М., 1999. С. 42–62 (здесь: С. 44–47).

²³ Там же. С. 52–54. О.Д. Берлев обратил особое внимание на посвященный Тоту наос ГМИИ И,

Рассказ о мудреце-человеке, именуемом Гермес Трисмегист и являющемся современником великого египетского царя, вызывает тем самым ассоциацию с образом Имхотепа — современника Джосера и заставляет поставить вопрос о том, не мог ли образ Состриса, известный Малале, поглотить реминисценции не только о легендарном царе-завоевателе, но и о Джосере. Такой возможности, как минимум, не противоречит отнесение времени Состриса к древнейшей эпохе, следующей за временем царей-богов²⁴. Формы имени Джосера, известные в передаче царского списка Манефона христианскими хронографами, выглядят как Τόσορθρος (Manetho. Fr. 11, ed. W.G. Waddell), Σέσορθος (Fr. 12a), *Sosorthus* (Fr. 12b); представить себе их соотношение с именем «Сесострис» вполне реально и можно даже допустить, что в ходе такого соотношения и произошло усечение последнего имени до формы «Сострис», зафиксированной в византийской традиции.

Кроме того, общеизвестным и, можно сказать, знаковым свершением Джосера и Имхотепа было сооружение первой в истории Египта ступенчатой царской пирамиды, и Манефон, явно имея в виду это, относит к их времени изобретение каменного строительства²⁵. Между тем образ египетского царя-завоевателя и устроителя, известный античной традиции и проявившийся в сведениях Малалы о Сострисе, поглотил в том числе и реминисценции одного из первых царей XII династии Сенусерта I (1947–1911 гг. до н. э.)²⁶. Сооружение в Египте храмов из камня началось незадолго до него, при XI династии²⁷, но Сенусерт I активно продолжил эту деятельность и провозгласил строительство храмов важнейшим идеологическим приоритетом в своих пропагандистских текстах²⁸. Легко представить, как в египетской традиции могли совместиться реминисценции об этом важном этапе, который соотносился с царствованием Сенусерта I, и о начале каменного строительства вообще при Джосере. Достаточно важным мог быть и еще один момент: толчком к каменному строитель-

1a 5373, на котором именование бога «Иа» соседствует с молитвой, адресованной ему как Тоту ḥꜥ ḥꜥ wr(t) — «Трижды величайшему».

²⁴ Мы благодарны А.Е. Демидчику за замечание о том, что в Туринском царском списке Джосер (Dsrit) — первый царь, титул которого выделен красной краской, что могло привести к ошибочному восприятию его как первого царя-человека после открывающего царский список перечня царей-богов и сверхъестественных существ: Gardiner A.H. *The Royal Canon of Turin*. Oxford, 1959. Pl. II (III.5).

²⁵ В указанных выше фрагментах труда Манефона — восходящих к его эпитоме эллинистического или римского времени данных христианских хронографов, с Асклепием соотносится сам царь, которому приписывается искусство врачевания и изобретение каменного строительства. Явно следует согласиться с конъектурой издателя фрагментов Манефона, переносящей эти сведения на Имхотепа (Имутека): Manetho / With an English translation by W. G. Waddell. [Loeb Classical Library; 350]. Cambridge (Mass.); London, 1980. P. 41. N. 4.

²⁶ Ладынин И.А. «Снова правит Египет!» С. 221–238.

²⁷ Демидчик А.Е. О каменном строительстве в древнеегипетских храмах при ранней XI династии // Вестник древней истории. 2019. Т. 79. No 3. С. 549–568.

²⁸ См. в особенности текст т. н. «берлинского кожаного свитка» (pBerlin 3029): Buck A., de. *The Building Inscription of the Berlin Leather Roll* // *Studia Aegyptiaca* I. Roma, 1938. P. 48–57; а также в целом: Hirsch E. *Die sakrale Legitimation Sesostri's I.* [Königtum, Staat und Gesellschaft früher Hochkulturen; 6]. Wiesbaden, 2008.

ству храмов при XI–XII династии было наступление в Египте I Переходного периода (XXII–XXI вв. до н. э.) катастрофически низких разливов Нила, для преодоления которых казалось нужным активизировать почитание богов²⁹. А т. н. «Стела голода» сообщает о том, что низкие разливы Нила приходились и на царствование Джосера, который для их преодоления обратился к мудрости Имхотепа и узнал от него о необходимости в особенности чтить бога Хнума в Элефantine³⁰. Выше мы уже говорили о свойственном египетской традиции приеме контаминации сведений о разновременных, но схожих между собой событиях: мы видим, что между царствованиями Джосера и Сенусерта I было достаточно черт сходства, чтобы реминисценции о них на чрезвычайно позднем этапе развития египетской традиции слились воедино.

Однако совершенно очевидно, что контаминация реминисценций о Джосере и Сенусерте I могла произойти не в «Хронографии» Иоанна Малалы и не в античной и христианской традиции, на которую он ориентировался, а лишь в рамках традиции египетской. Выше мы уже предположили возможность контаминации сведений о царе-завоевателе Гекатея и Диодора и Сетосе-Рамессесе Манефона в рамках египетской традиции, отразившейся в первоисточнике Малалы; однако есть ли какие-то более надежные следы ее влияния на его сведения, помимо нашего предположения? Уже давно констатировано, что приведенный в нем перечень египетских царей-богов³¹ полностью схож с их перечнем у Манефона в передаче Юлия Африкана³², что, собственно, согласуется с прямой отсылкой Малалы к Манефону в данном контексте (II.2, ed. I. Thurn); однако у Манефона контаминации Сесостриса, корректно отнесенного им к XII династии, и Сетоса-Рамессеса, отнесенного к XIX династии, конечно, нет.

Вместе с тем любопытен мотив, вплетенный в начало повествования Малалы о царях-богах: первый из них, Гефест, установил закон, согласно которому женщины должны были быть целомудренны и караться за нарушение супружеской верности (I.15). Его преемник Гелиос, узнав, что жена одного из вельмож изменяла ему с другим мужчиной, призвал воинов, с их помощью застал любовников вместе, схватил женщину и, предав пыткам, провез ее по Египту, а ее любовника казнил, причем это привело к утверждению целомудрия по стране (II.1). В связи с этим сюжетом Малала ссылается на некоего Палефата (Παλαίφατος ὁ σοφώτατος χρονογράφος), которым может быть хронист III в. н. э.³³ Однако этот сюжет можно считать специфически египетским,

²⁹ См. Примеч. 27.

³⁰ *Barguet P.* La stèle de la famine, à Séhel. [Bibliothèque d'étude; 24]. Le Caire, 1953.

³¹ См. Примеч. 10.

³² См.: *Gelzer H.* Sextus Julius Africanus und die Byzantinische Chronographie. Bd. 1. Leipzig, 1880. S. 191–196. См. т.ж.: *Schulz F.* Theosophische Weissagen bei Malalas // *Die Weltchronik des Johannes Malalas. Quellenfragen* / Hrsg. von L. Carrara et al. [Malalas Studien: Schriften zur Chronik des Johannes Malalas; 2]. Stuttgart, 2017. S. 329–356 (здесь: S. 345–347).

³³ *Nuffelen P., van.* Malalas and the Chronographic Tradition // *Die Weltchronik des Johannes Malalas. Quellenfragen* / Hrsg. von L. Carrara, M. Meier, Ch. Radtke-Jansen. [Malalas Studien: Schriften zur Chronik des Johannes Malalas; 2]. Stuttgart, 2017. S. 261–272 (здесь: S. 268–270). Кроме того, словарь «Суда» упоминает Палефата — автора трактата «Египетская теология» (s.v. Παλαίφατος, Αἰγύπτιος ἢ Ἀθηναῖος).

причем он прослеживается, начиная со «Сказок папируса Весткар» на рубеже III–II тыс. до н. э.³⁴: в этом литературном произведении царь III династии Небка предает сожжению жену жреца-херихеба Убаинера, изменявшую мужу с простолюдином-неджемсом (pWestc. I.17–IV.17). Аналоги рассказу Малалы обнаруживаются позднее в средневековой арабо-египетской традиции: согласно «Сокращению диковин» Псевдо-Масуди, правивший Египтом гигант Адим, уличив некую женщину в измене мужу с ремесленником, распял их обоих, что отвратило людей от прелюбодеяния³⁵, и полностью аналогичный сюжет представлен в «Хитате» Макризи, где уточняется, что обманутый муж был придворным³⁶.

Чрезвычайно показательно, что этот сюжет обнаруживает сходство как со «Сказками папируса Весткар», так и с рассказом Малалы: арабские авторы подчеркивают, что любовником неверной жены был именно ремесленник, то есть, в отличие от ее мужа, простолюдин, а гигант Адим хотя и не является богом, но правит Египтом в эпоху легендарного прошлого, аналогичного эпохе царей-богов, и своим правосудием вселяет целомудрие в египтян. Единство традиции, представленной во всех названных источниках, не вызывает сомнения, как и то, что арабские авторы должны были заимствовать данный сюжет у египетских информаторов.

Таким образом, передача данного мотива Иоанном Малалой со ссылкой на Палефата представляется хорошим примером доступности ему египетской традиции через посредство малоизвестных нам источников. Нет невозможного и в том, что аналогичным образом Малале стал известен контаминированный образ царя, сложившийся в египетской традиции и вобравший в себя reminiscences как о великом царе-завоевателе, так и о Джосере. Было бы соблазнительно считать, что весь комплекс свидетельств Малалы о древнейшей египетской истории восходит к упомянутому им Палефату, в пользу чего может говорить тесное примыкание сведений о Сострисе к рассказу о царях-богах; однако, разумеется, это невозможно доказать.

Сокращения

FGrHist. — Die Fragmente der griechischer Historiker / Hrsg. von F. Jacoby. Bd. I–III. Berlin; Leiden, 1923–1958.

FHG — Fragmenta historicorum Graecorum / Ed. C. Müller. Vol. I–V. Paris, 1853–1870.

³⁴ Ладынин И.А., Нemiровский А.А. Исторические сюжеты «Сказок папируса Весткар» в историко-легендарной традиции Египта // Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ. Материалы XXXII Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.О. Победоносцева Кая, П.И. Рысакова. СПб., 2023. С. 521–523.

³⁵ Carra de Vaux B. L'Abrégé des Merveilles traduit de l'Arabe d'après les manuscrits de la Bibliothèque Nationale de Paris. Paris, 1898. P. 244–245.

³⁶ Maqrizi. Description topographique et historique de l'Égypte / Trad. par U. Bourian. [Mémoires publiés par les membres de la Mission archéologique française au Caire; 17]. Pt. 1–2. Le Caire, 1895. P. 89–90.

pWestc. — сказки папируса Весткар о царе Хуфу и волшебниках (*Blackman A.M. The Story of King Kheops and the Magicians, Transcribed from Papyrus Westcar (Berlin Papyrus 3033) / Ed. W.V. Davies. Reading, 1988).*

Список литературы

- Берлев О.Д. Два периода Сотиса между Годом 18 царя Сену, или Тосортроса, и Годом 2 фараона Антонина Пия // Древний Египет: язык — культура — сознание. По материалам египтологической конференции 12–13 марта 1998 г. М., 1999. С. 42–62.
- Демидчик А.Е. О каменном строительстве в древнеегипетских храмах при ранней XI династии // Вестник древней истории. 2019. Т. 79. № 3. С. 549–568.
- Иванчик А.И. Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. [Pontus septentrionalis; 3]. Москва; Берлин, 2005.
- Ладынин И.А. «Снова правит Египет!» Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды. [Труды Исторического факультета МГУ; 84. Сер. II: Исторические исследования; 40]. М.; СПб., 2017.
- Ладынин И.А., Немировский А.А. Исторические сюжеты «Сказок папируса Весткар» в историко-легендарной традиции Египта // Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ. Материалы XXXII Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки / Отв. ред. Н.Н. Дьяков, А.О. Победоносцева Кая, П.И. Рысакова. СПб., 2023. С. 521–523.
- Ладынин И.А., Немировский А.А. Происхождение и вероятная историческая основа античной традиции о поражении легендарного египетского царя-завоевателя от скифов // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2023. Т. 11. С. 11–48.
- Barguet P. La stèle de la famine, à Séhel. [Bibliothèque d'étude; 24]. Le Caire, 1953.
- Buck A., de. The Building Inscription of the Berlin Leather Roll // Studia Aegyptiaca I. Roma, 1938. P. 48–57.
- Fluss M. Moesia // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hrsg. von Au. Pauly, G. Wissowa u.a. Hlbd. 30. Stuttgart, 1932. Sp. 2350–2411.
- Gardiner A.H. The Royal Canon of Turin. Oxford, 1959.
- Hirsch E. Die sakrale Legitimation Sesostris' I. [Königtum, Staat und Gesellschaft früher Hochkulturen; 6]. Wiesbaden, 2008.
- Ioannis Antiocheni fragmenta quae supersunt omnia / Ed. S. Mariev. [Corpus fontium historiae Byzantinae; 47]. Berlin, 2008.
- Jeffreys E. Malalas' Sources // Studies in John Malalas / Ed. E. Jeffreys et al. [Byzantina Australiensia; 6]. Leiden, 2017. P. 167–216.
- Kyrrill von Alexandrien. Werke / Hrsg. Chr. Riedweg. Bd. 1 (Gegen Julian). Teil 1: Buch 1–5. [Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte; 20]. Berlin; Boston, 2016.
- Manetho / With an English translation by W. G. Waddell. [Loeb Classical Library; 350]. Cambridge (Mass.); London, 1980. P. 41. N. 4.
- Nuffelen P., van. Malalas and the Chronographic Tradition // Die Weltchronik des Johannes Malalas. Quellenfragen / Hrsg. von L. Carrara, M. Meier, Ch. Radtki-Jansen. [Malalas Studien: Schriften zur Chronik des Johannes Malalas; 2]. Stuttgart, 2017. S. 261–272.

- Schulz F. Theosophische Weissagungen bei Malalas // Die Weltchronik des Johannes Malalas. Quellenfragen / Hrsg. von L. Carrara et al. [Malalas Studien: Schriften zur Chronik des Johannes Malalas; 2]. Stuttgart, 2017. S. 329–356.
- The Chronicle of John Malalas / Transl. E. Jeffreys, M. Jeffreys, R. Scott. [Byzantina Australiensia; 4]. Leiden; Boston, 2017.

BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2023. Т. 1

С. 184–198

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 1: 2023

P. 184–198

Научная статья

DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.10

К вопросу о генезисе соборного строя христианской Церкви

Михаил Вячеславович ГРАЦИАНСКИЙ¹⁻²

¹ PhD, кандидат исторических наук; ведущий научный сотрудник; Лаборатория по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века; Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, 119192 Москва;

² Историко-археологическая лаборатория по комплексному изучению Византийского Причерноморья; Институт общественных наук и международных отношений; Севастопольский государственный университет; ул. Университетская, д. 33, 299053 Севастополь; gratsianskiy@mail.ru

Аннотация: В настоящей работе после длительного перерыва в историографии вновь ставится задача исследования преемственности между гражданскими союзами и частными ассоциациями римского времени, с одной стороны, и соборными структурами христианской Церкви — с другой. Освещается состояние изученности вопроса в современной и более старой литературе. Разбирается основная терминология, относящаяся к сфере гражданских и частных союзов, с одной стороны, и синодальных структур Церкви — с другой. Констатируется их полное тождество и задается вопрос о том, указывает ли оно на институциональный или лишь типологический континуитет между институтами римского гражданского общества и Церкви. В качестве наиболее яркой черты сходства выделяется то, что и там, и там ведущими фигурами являются священники. В обсуждение проблемы вводится пример птолемеевского Египта, в котором, по мнению автора статьи, впервые

был выработан формат взаимодействия монарха со структурами жреческих синодов, воспроизводившийся затем в римское время и ставший базовым для синодальных структур христианской Церкви в их отношениях с императором. Отдельное внимание уделяется феномену «вселенских синодов» и понятию «Вселенная» в специфическом греко-римском культурном вокабуляре. Указывается, что формат важного для христианской Церкви «вселенского синода» (особенно в позднеантичный и раннесредневековый периоды) также восходит к определенным римским социальным практикам, имеющим нехристианское происхождение и относящимся к агонистической сфере и сфере функционирования частных ассоциаций.

Ключевые слова: Римская империя, птолемеевский Египет, римские императоры, Церковь, собор, синод, вселенная, вселенские соборы, синедрион, священники, жрецы.

Финансирование: Работа подготовлена в Севастопольском государственном университете в рамках выполнения мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации, соглашение № 075–15–2022–1130.

Цитирование: *Грацианский М.В.* К вопросу о генезисе соборного строя христианской Церкви // *Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований*. 2023. Т. 1. С. 184–198. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.10.

Original article

The Question of the Genesis of the Church Synodal System Revisited

Mikhail V. GRATSIAISKIY¹⁻²

¹ PhD, Candidate of Sciences (History); Leading Researcher; Centre for Byzantine and Black Sea Studies in the Middle Ages; Moscow State University; Lomonosovsky prospect, 27–4, 119192 Moscow, Russian Federation

² Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black Sea Region; Sevastopol State University; Universitetskaya ul. 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation; gratsianskiy@mail.ru

Abstract: In this work, after a long break in historiography, the task of studying the continuity between civil leagues and assemblies and private associations of Roman times and the synodal structures of the Christian Church is again set. The state of knowledge of the issue in modern and older literature is highlighted. The basic terminology relating to the sphere of civil assemblies and private associations, on the one hand, and the synodal structures of the Church, on the other, is examined. Their complete identity is stated and the question is asked whether this identity indicates an institutional or only a typological continuity between the institutions of Roman civil society and the Church. The most striking similarity is that in both cases the leading figures are priests. Into the discussion of the problem is introduced the example of Ptolemaic Egypt, in which, according to the author of the article, the format of interaction between the monarch and the structures

of priestly synods was first developed and later reproduced in Roman times, thus building the basis for the synodal structures of the Christian Church in their relations with the emperor. Special attention is paid to the phenomenon of «ecumenical synods» and the concept of «Oikoumene» in the specific Greek-Roman cultural vocabulary. It is indicated that the format of the «ecumenical synod»/«universal council», essential for the Christian Church especially in Late Antique and Early Medieval period, also goes back to certain Roman social practices that have non-Christian origins and relate to the agonistic sphere and the sphere of functioning of private associations.

Key words: Roman Empire, Ptolemaic Egypt, Roman emperors, Church, council, synod, universe, ecumenical synods, universal councils, synedrion, priests (Christian), priests (non-Christian).

Funding: The research is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Agreement no. 075–15–2022–1130. Research is conducted on the basis of Sevastopol State University.

For citation: Gratsianskiy, M.V. «The Question of the Genesis of the Church Synodal System Revisited.» *Byzantinoturica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 1(2023). P. 184–198. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.10.

Одним из существенных пробелов в изучении истории поздней античности является вопрос о происхождении и становлении института церковных соборов. Следует оговориться, что исследований, посвященных отдельным, чаще всего особо крупным и судьбоносным церковным соборам, имеется достаточно много. Однако в них речь идет главным образом о церковной политике или различных аспектах церковно-государственного взаимодействия (точнее даже — взаимодействия между императором и иерархами Церкви), и, таким образом, чаще всего собор изучается как событие, а не как институт. Для историков Церкви, институционально связанных с Церковью, а также для богословов проблема происхождения соборного института по сути дела отсутствует: собор рассматривается как традиционная, укорененная в изначальном каноническом строе Церкви структура, без которой древняя Церковь не мыслится. Собор, таким образом, представляется исключительно церковным учреждением, естественной формой организации христианской общины в ее взаимодействии с другими общинами, т. е. оказывается инструментом «общения» (κοινωνία).

Вместе с тем, в XIX в. ученые обратили внимание и дали достаточно точное описание феномену античных союзов, представлявших собой возникшую уже в классический период форму существования федеративных государств, объединенных на начальном этапе идеей общего происхождения проживающих на определенной территории племен, в силу чего они являлись одним народом — «этносом» (ἔθνος). Такие этносы создавали государственные объединения федеративного типа — койноны (κοινά, ед. ч. κοινόν), которые в отечественной традиции именуются союзами¹.

¹ См. первые «опорные» работы: Becker W.A., Marquardt J. Handbuch der römischen Alterthümer. Nach den Quellen bearbeitet. Teil 3. Abt. 1. Leipzig: Weidmann'sche Buchuandlung, 1851. S. 140–145; Marquardt J. De provinciarum Romanarum conciliis et sacerdotibus // Ephemeris epigraphica. 1872. Vol. 1. P. 200–214.

Если в классический период такие союзы сохраняют все черты федеративного государства, обладая собственными армиями, коллективными законодательными и исполнительными органами, то в эллинистический период они утрачивают целый ряд атрибутов независимых государств, вынужденные подчиняться эллинистическим царям и взаимодействовать с ними. С другой стороны, именно в эллинистический период понятие «союз» (койнон) начинает распространяться на профессиональные и религиозные объединения, в миниатюре воспроизводящие структуры коллективного управления союзов государственного типа.

Таковыми структурами коллективного управления федеративных государств изначально были аналоги полисных структур — *булэ* и *эκκлесия* (βουλή, ἐκκλησία), однако уже в позднеклассический период, а еще более в эллинистический они стали вытесняться терминами σύνοδος и συνέδριον, которые стали обозначать не только событие — съезд или сессию органа, — но и сам орган управления как институт².

По мере вхождения греческих земель в состав Римского государства, наряду с полной утратой признаков государственности — дольше всех здесь продержался Ликийский койнон, — формой объединения покоренных римлянами греков стали именно гражданские союзы, укоренившиеся теперь повсеместно, кроме Египта. Если термин κοινόν в римское время для этих объединений начинает употребляться сравнительно редко, то термин ἔθνος сохраняет полную силу и постепенно становится синонимом понятия провинция, по-гречески — ἐπαρχία. Собрание представителей союза в главном городе союза (митрополии — μητρόπολις) именуется теперь почти исключительно συνέδριον, однако понятия ἐκκλησία и κοινοβούλιον остаются также в ходу. Одновременно существующие и получающие в римское время дополнительный импульс к своему развитию и распространению профессиональные и религиозные союзы для обозначения своих организационных собраний удерживают понятие σύνοδος, а также и συναγωγή³.

Уже в эллинистическое время складывается порядок, при котором главой профессионального и тем более религиозного союза становится «священник» — иерей или архиерей (ιερεύς, ἀρχιερεύς)⁴. А в императорское время даже и во главе территориальных гражданских союзов на протяжении I в. н. э. также утверждаются «архиереи». Октавиан Август распространяет систему гражданских союзов на земли латинского Запада: там они получают названия concilium,

² См. обзорную работу: *Larsen J.A.O.* Representative Government in Greek and Roman History. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1955.

³ См.: *Guiraud P.* Les assemblées provinciales dans l'empire romain. Paris: Imprimerie nationale, 1887; *Куль П. Ю.* Провинциальные собрания у римлян. Их организация и функции в век принципата. Харьков: Паровая типография и литография Зильберберг, 1898; *Deininger J.* Die Provinziallandtage der römischen Kaiserzeit von Augustus bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n. Chr. München; Berlin: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1965.

⁴ См.: *Habicht Ch.* Gottmenschentum und griechische Städte. 2. durchgesehene Auflage mit einem Nachtrag. München: Verlag C.H. Beck, 1970; *Müller H.* Der hellenistische Archiereus // *Chiron*. 2000. Bd. 30. S. 519–542.

их собрания — *conventus*, а их главы — *sacerdotes* или *flamines* (первое чаще) — священники (жрецы) императорского культа.

Приведенная выше картина сама по себе наводит на мысль о том, что общинная структура Церкви, для своего описания задействовавшая одно из обозначений религиозных общин римского времени — *эκκλησία*, — естественным образом объясняет, почему для описания христианских собраний на межгородском и межрегиональном уровне используется термин *σύνδοξ*, который по-русски принято передавать как «собор». Параллелизм с традиционным институциональным оформлением религиозных общин и ассоциаций греческого мира здесь представляется очевидным. Анализируя институциональные рамки соборного механизма в IV–V вв., нельзя не отметить, что он целиком совпадает с институциональными рамками гражданских союзов-этносов, которые в этот период территориально окончательно приходят в соответствие с границами римских провинций и диоцезов⁵.

Это отмечалось не только иностранными авторами XIX – начала XX в., но и отечественными историками Церкви. Так, Павел Васильевич Гидулянов в своей работе «Митрополиты в первые три века христианства» излагает предисторию возникновения церковных соборов практически таким же образом, как это делаем здесь мы. В частности, он говорит: «Изложенная нами стройная организация императорского культа была тем, что окончательно скрепило в одно целое различные народные союзы, основывавшиеся на племенном, лингвистическом, историческом и тому подобном родстве. Так фактически весь восток Империи распался независимо от существовавшего административного провинциального деления на известное число областей, стран, связанных между собою общим происхождением, языком, историческими преданиями, обычаями, нравами, верованиями и организованных на почве императорского культа в особые союзы»⁶. Далее, на основании сделанных наблюдений над распространением христианства в апостольские времена Гидулянов приходит к выводу, что «наиболее легким и естественным путем было распространение христианства по странам, на которые фактически распадалась римские провинции». В результате Гидулянов формулирует гипотезу «о соответствии митрополичьих округов этническим странам» и обосновывает ее на материале, связанном с распространением церковных структур в римских провинциях в первые три века и приходит к заключению, что церковно-административное устройство оказывается «следствием собственной, самостоятельной организации церкви по [о]кругам, соответствующим этнографическим, лингвистическим, историческим и другим особенностям и условиям населявших Римскую империю народов, [о]кругам, послужившим, как мы видели, также основанием для нового провинциального деления»⁷. Как результат, «вследствие совпадения в большей части восточной церкви, как мы видели, церковного деления с гражданским,

⁵ Впрочем, вероятно и обратное заключение: во времена Диоклетиана-Константина провинциальная структура приводится в соответствие со структурой гражданских союзов.

⁶ Гидулянов П. Митрополиты в первые три века христианства. Из истории развития церковно-правительственной власти в Восточно-римской империи. М., 1905. С. 53.

⁷ Там же. С. 246.

Никейский собор общецерковной административной единицей признал гражданскую провинцию Римской империи, епархию»⁸.

Не был чужд данному подходу к рассмотрению генезиса соборов и Александр Иванович Покровский, в своем труде «Соборы древней Церкви первых трех веков. Историко-каноническое исследование»⁹ отметивший сходство между христианскими соборами и гражданскими союзами, однако применительно только к Азии и ее главному городу — Эфесу. Резюмируя свои наблюдения над традицией собирать местные гражданские собрания, которую переняли для своих религиозных целей и христиане, он, к примеру, говорит: «Все приведенные нами справки о территориальном и религиозно-политическом строе провинции «Азии» конца 2-го века, прекрасно проясняют и дополняют краткие известия Евсевия об Ефесском соборе, извлекаемые из приведенных им фрагментов послания этого собора, отредактированные еп. Поликратом. Обычай устраивать соборы был давно и хорошо знаком малоазийцам и привился здесь сильнее, чем где-либо еще на христианском востоке, так как здесь он имел прекрасно подготовленную почву, в форме *conventus et concilia* императорского культа. Знали «азийцы» и малые, областные соборы; знали они и большие собрания всего *κοινὸν Ἀσίας*, устраивавшиеся, преимущественно, в Ефесе»¹⁰.

В том же ключе, хотя и без ссылок на Гидулянова, рассуждал позднее и о. Николай Афанасьев в своей посвященной именно этой проблематике работе «Провинциальные собрания Римской империи и вселенские соборы. (К вопросу об участии государственной власти на вселенских соборах)»¹¹, среди прочего отмечает: «Соборная форма — именно форма — решения религиозных вопросов не была исключительно созданием христианства, ее знала древность, и в Римской империи она была довольно распространенным явлением. С такой соборной формой был связан культ императоров в виде греческих *κοινά* и римских провинциальных *concilia*. ... Константин, руководствуясь этими основными принципами, хорошо ему известными, легко мог — при чисто формальной близости институтов — распространить их на христианские соборы, поставить их в то отношение к себе, в каком находились *κοινά* и *concilia*. С другой стороны, христианская церковь, которой хорошо был известен культ императоров и связанный с ним институт *concilia* и *κοινά*, не имела никаких оснований возражать против этого, так как в силу этого отношения соборы ставились в особо привилегированное положение и получали защиту могущественных римских императоров»¹².

⁸ Там же. С. 261.

⁹ Покровский А.И. Соборы древней Церкви первых трех веков. Историко-каноническое исследование. Сергиев Посад: Типография И.И. Иванова, 1914.

¹⁰ Там же. С. 238.

¹¹ Афанасьев Н. Провинциальные собрания Римской империи и вселенские соборы. (К вопросу об участии государственной власти на вселенских соборах) // Записки Русского научного института в Белграде. 1931. № 5. С. 25–46. Здесь цитируется по изданию: Афанасьев Н., *протопр.* Церковь Божия во Христе: сб. статей. М.: ПСТГУ, 2015. С. 59–81.

¹² Там же. С. 63.

Таким образом, уже в XIX в. встал вопрос о типологическом соответствии гражданских союзов и церковных соборов. К сожалению, по не вполне выясненным причинам он не получил своего развития. Не исключено, что это было связано и с тем фактом, что само изучение гражданских союзов римского времени практически не развивалось с конца XIX — начала XX в.: делающая попытку обобщения монография, написанная Юргеном Дайнингером, вышла в 1965 г. и оказалась фактически единственной на всем протяжении XX в.¹³

10-е гг. нынешнего века стали свидетелями активного возобновления интереса к теме гражданских союзов и их изучения, начиная с классических времен, с привлечением богатейших данных по административной, социальной и религиозной истории регионов Римской империи, накопленных за истекшее столетие. Между тем, изучение вопроса соотношения и влияния на соборные церковные институты структур римских гражданских союзов по-прежнему остается вне поля зрения исследователей и даже не обозначается как научная проблема. По сути дела, мы оказываемся в этом отношении в том положении, в каком этот вопрос оставил в 1965 г. Ю. Дайнингер: отказываясь усматривать какой-либо параллелизм между представительскими структурами римского общества и таковыми же структурами Церкви, он заявил, что коль скоро первые именовались *синедрионами*, а вторые — *синодами*, считать их типологически схожими не приходится: *синоды* относятся целиком к сфере частных религиозных и профессиональных ассоциаций и к структурам гражданского представительства отношения не имеют.

Даже не углубляясь в детальную полемику с Ю. Дайнингером, нельзя не отметить, что он целиком игнорирует тот факт, что организационное и терминологическое оформление и гражданских, и частных союзов происходит по одной «матрице», что и те, и другие используют одну и ту же организационно-административную терминологию, и что, по сути дела, эта терминология была не вполне застывшей: союзы любого типа описывали себя набором полудесятка терминов, обозначавших «сходку» или «съезд» — *ἐκκλησία, σύνοδος, συνέδριον, συναγωγή, κοινοβούλιον*. На латинском же Западе вообще не было выбора: *concilium* и *conventus*¹⁴.

Именно в этом пункте категорическое утверждение Ю. Дайнингера не выглядит убедительным: на Западе точно имел место континуитет терминологии между гражданскими союзами и церковными соборами, поскольку и те, и другие именовались *concilium* и *conventus*. Что же касается Востока, то раннехристианские памятники не дают нам сколь-нибудь четкой терминологической картины, а христианские источники IV–V вв. допускают полное терминологическое смешение, применяя к описанию соборов все термины, за исключением, пожалуй, *синаγωγή*, ставшего к этому времени устойчивым описанием иудейского религиозного собрания¹⁵.

¹³ *Deininger J.* Die Provinziallandtage...

¹⁴ Для описания религиозных союзов греческого типа на Западе использовали латинизированную запись *synhodus*.

¹⁵ См. об этом специально: *Грацианский М.В.* Римские провинциальные союзы и церковные

Другим важным вопросом, который не обсуждает ни Ю. Дайнингер, ни, согласно нашему предварительному наблюдению, кто-либо другой, состоит в том, почему вообще уже в эллинистическое время начинает складываться парадигма, согласно которой во главе союза стоит священник/жрец. Это очевидно для частных религиозных ассоциаций, однако менее очевидно применительно к гражданским структурам. Между тем, организационное оформление гражданских союзов в римское время, даже, насколько можно понять, во времена республики, строилось вокруг связанных с Римом культов и, как следствие, выдвигало на первый план фигуру священника.

Таким образом, влияние организационных форм частных союзов религиозного типа, которые возглавлял священник, на союзы гражданские можно вполне постулировать. При этом оказывается не столь уж и важным, что в римское время коллективные органы управления гражданскими союзами чаще именуются *синедрионами*, а профессиональных и религиозных — *синодами*, коль скоро и те, и другие возглавляются архиереями. Тут Ю. Дайнингер, подчеркивая формальное отличие, не подчеркивает, с другой стороны, важного формального сходства.

В римское время съезд представителей провинциальных городов в митрополии, являвшийся съездом «этноса»¹⁶, на котором председательствовал архиерей, он же этнарх, представлял собой съезд священников, поскольку делегатами на нем от отдельных городов также были священники¹⁷. Единственное, что формально отличало их от христианских священников, это то, что свои должности они занимали ограниченное время — для провинциального архиерея нормальным было находиться в должности один год, однако даже максимальный срок, по-видимому, не превышал пяти лет. Между тем, христианский епископ — аналогично именовавшийся в источниках также *sacerdos* или *ἀρχιερεύς* — обыкновенно занимал свой пост пожизненно.

Ввиду этого и других фактов представляется не столь уж и важным, как именно назывались в римский период съезды представительских структур гражданских союзов и церковных соборов: тот факт, что христианские священники являются «профессиональными», в то время как гражданские — лишь «временно исполняющими обязанности»¹⁸, представляется более существенным.

Таким образом, соборы христианских епископов представляют собой съезды профессиональных священников, навсегда посвятивших себя служению Господу. Причем именуются такие съезды (соборы) *синодами*. Только один ре-

соборы в позднеантичный период: терминологический или институциональный континуитет? // Византийский временник. 2023. Т. 107. С. 29–47.

¹⁶ В источниках IV–V вв. на греческом Востоке наблюдается синонимия терминов *ἔθνος* и *ἐπαρχία* (провинция).

¹⁷ Сама должность священника (*sacerdotium*, *ἀρχιερωσύνη*) становится одной из высших в иерархии муниципальных служащих.

¹⁸ То же самое касается и священников «языческих» религиозных союзов: обыкновенно помимо священства они занимали еще многие гражданские должности и носили соответствующие титулы.

гион античного мира дает нам прямую типологическую аналогию такого положения дел. Речь идет о птолемеевском Египте — последнем из эллинистических государств, притом сравнительно поздно вошедшем в состав Римской державы: присоединение Египта непосредственно предшествовало введению императорской формы правления в Риме.

Египет следует признать эталонным эллинистическим государством с точки зрения поддержания и продвижения концепции царского культа¹⁹. Происхождение птолемеевского культа связано с реформами Птолемея I, около 290–289 г. до н. э. учредившего институт жрецов-эпонимов «бога Александра», и Птолемея II Филадельфа (282–246 гг. до н. э.), создавшего собственно династический культ²⁰. Здесь следует отметить, что Египет эллинистического и римского времени был, пожалуй, единственным греческим государством, не имевшим своих койнонов²¹. По-видимому, это объяснялось тем, что изначально именно царская власть была наиболее эффективным способом консолидации греческого общества в иноэтническом окружении, а в гражданской культуре греков Египта было утрачено изначальное восприятие полисной независимости. Тем самым фигура царя и связанный с нею культ становятся для них объединяющим фактором²².

Именно по инициативе Птолемея II были созваны первые «съезды» жрецов, которые стали именоваться *синодами* (σύνοδοι). Эти синоды собирались в различных городах, и их назначением было обсуждение царем «дел Египта» со своими жрецами. От времени Птолемея II известны два синода — 266/5 г. до н. э. в Саисе и 264/3 г. до н. э. в Мендесе²³. Впоследствии утвердилась традиция проводить эти синоды ежегодно — практика, соответствующая и более древним койнонам эллинского мира, и позднейшим койнонам римского времени, перешедшая затем к христианам и зафиксированная каноническим правом.

Традиционно решение представительных органов описывается термином *бóυμα*, а решения по отдельным вопросам — *ψήφισμα*, каковая терминология

¹⁹ См.: *Cerfaux L., Tondriau J.* Le Culte des souverains dans la civilisation gréco-romaine. Paris; Tournai: Desclée & Cie, 1957; *Taeger F.* Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. Bd. 1. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1957; *Habicht Ch.* Gottmenschen und griechische Städte. 2. durchgesehene Auflage mit einem Nachtrag. München: Verlag C. H. Beck, 1970.

²⁰ *Ладынин И.А.* Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев // «Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. [Труды Исторического факультета МГУ; 82]. М.; СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2016. С. 265–312 (здесь: С. 277).

²¹ См.: *Edelmann-Singer B.* Koina und Concilia. Genese, Organisation und sozioökonomische Funktion der Provinziallandtage im römischen Reich. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015. S. 134–137 («Das fehlende Koinon: Ägypten»).

²² *Ладынин И.А.* Династический культ... С. 277: «Можно сказать, что эпонимный культ Александра и династии Птолемеев стал элементом «каркаса» своего рода мегаобщины, к которой так или иначе должны были ощущать свою причастность все греко-македонские подданные Птолемеев».

²³ См.: *Huß W.* Die in ptolemaischer Zeit verfaßten Synodal-Dekrete der ägyptischen Priester // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1991. Bd. 88. S. 189–208; *Ладынин И.А.* Династический культ... С. 281–282, 285–291.

фиксируется в лексиконе египетских священнических синодов²⁴, проходит через всю римскую традицию и в неизменном виде сохраняется в практике христианских соборов. Эта терминология четко отличала решения этих органов от законодательных актов царей и императоров — *κέλευσις*, *θέσπισμα* и др. Помимо этого египетский материал фиксирует и определенную преемственность между синодами птолемеевского и синодами римского времени, посвященными культу богов-императоров. Эта традиция фиксируется уже при Августе²⁵.

Нельзя не отметить типологического сходства птолемеевских синодов с общеимперскими соборами христианской эпохи, называвшимися, согласно старой античной традиции, «вселенскими», созывавшимися повелением императора и завершавшимися изданием итогового императорского законодательного акта. Египетские собрания жрецов фактически являлись общим представительством страны: участвовавшие в соборах жрецы тем самым назывались жрецами-булевтами (*οἱ βουλευταὶ ἱερεῖς*), т. е. делегатами от своих фил. При этом спектр рассматриваемых дел, по которым они подавали свой «голос» был довольно широк и типичен для практики обсуждения священными делегатами общегосударственных царских дел: к таковым относились вопросы царского благочестия, благотворительности правителей по отношению к святилищам (*τὰ ἱερά*), вопросы облегчения налогового бремени, царской заботы и милости по отношению к тем, кто был осужден и пребывал в тюрьмах, затрагивались вопросы экономики, звучало одобрение царской военной политике и заботам об охране государства от врагов. Завершалось обсуждение дел постановлением (*ἔδοξε τῷ τοῖς ἱερεῦσι*), касающимся большей частью вопроса организации торжеств и соблюдения праздничных дней²⁶. Рассмотрение подобных вопросов было характерно и для гражданских синедрионов римской эпохи, а также и для христианских соборов конца поздней античности, когда последние стали единственной коллективной формой представительства городов после отмирания их «светского» аналога. Единственно, при этом следует сделать оговорку, что «вселенский», т. е. общегосударственный характер и соответственно общегосударственный кругозор повестки дня был менее характерен для гражданских собраний римского времени, более сосредоточенных на региональной повестке, хотя и не утрачивавших непосредственную связь с образом императора как обожествленной фигурой и «светским» главой.

Что касается понятия «Вселенной» (*οἰκουμένη*), то оно восходит к эпохе классической древности и по преимуществу означает населенный греками мир, однако многократно этот эпитет применялся и к землям, населен-

²⁴ См.: *Huß W.* Die in ptolemäischer Zeit verfaßten Synodal-Dekrete... S. 190–193.

²⁵ См. александрийские папирусы, датированные 6 ноября 6 г. до н. э. и 25 августа 5 г. до н. э.: *Kloppenborg J.S.* Greco-Roman Associations: Texts, Translations, and Commentary. Vol. III (Ptolemaic and Early Roman Egypt). Berlin; Boston: De Gruyter, 2020. P. 65–70. В них упоминаются *σύνδοκος Σεβαστῆ τοῦ θεοῦ Αὐτοκράτορος Καίσαρος* и *Καίσαρος ἱερεὺς Ἰουλοῦνδος*.

²⁶ Ср., к примеру, анализ содержания знаменитого Розеттского камня, содержащего сведения о собрании жрецов в Мемфисе в 196 г. до н. э., в: *Pfeiffer St.* Das Dekret von Rosette. Die ägyptischen Priester und der Herrscherkult // *Alexandria und das ptolemäische Ägypten. Kulturbegegnungen in hellenistischer Zeit* / Hrsg. von G. Weber. Berlin, 2010. S. 84–108 (особ. S. 105–106).

ным варварами, входившими с греками в соприкосновение. По мере эллинизации новых «варварских» земель в эпоху эллинизма и продолжения этого процесса в римский период, сопровождавшегося теперь романизацией, понятие «Вселенной» прочно закрепилось за Римской империей. Эпитет «вселенский» (οἰκουμένης) теперь по большей части применялся к явлениям и процессам, касавшимся исключительно территории римского государства.

Естественно при этом, что в римскую эпоху императоры осмыслились прежде всего как «владыки Вселенной» (δεσπόται τῆς οἰκουμένης) — данный термин, впервые фиксируемый в I в. н. э., в дальнейшем продолжает употребляться до средневизантийского времени включительно²⁷. Впрочем, не только господство над Вселенной подчеркивалось в отношении римских императоров: к их почетным титулам относятся и такие названия как «спаситель» (σωτήρ), «благодетель» (εὐεργέτης) и даже «создатель» (κτίστης) Вселенной. Данные эпитеты, как и ряд других, целиком усвоенные христианами для обозначения Господа-Спасителя Иисуса Христа, привычно прилагались их современниками-язычниками к особе обожествленного правителя²⁸.

Уже при Октавиане Августе культ обожествленного императора становится объединяющим для частных религиозных и гражданских региональных союзов Римской империи. Собрания частных и региональных союзов возглавляются отныне жрецами императорского культа. Собрания частных и региональных гражданских союзов называются различными терминами, причем для первых преобладает σύνοδος, а для других — συνέδριον. Следует подчеркнуть любопытное обстоятельство: частные религиозные союзы, именовавшиеся «синадами», помимо поклонения избранному божеству поклонялись также императору. Логично при этом, что во главе синода стояли жрецы императора, который выступал зачастую как, к примеру, «новый Дионис»²⁹.

Именно в рамках подобных «священных» синодов — межрегиональных религиозных и профессиональных сообществ — рождается организационный феномен «вселенского синода» (οἰκουμένης σύνοδος)³⁰ и «вселенского синедриона» (οἰκουμένης συνέδριον). Вселенский характер того или иного события или сообщества подчеркивал его общеимперский характер³¹. Более обычными при этом событиями, имевшими «вселенский» характер, масштаб которых

²⁷ К примеру, в надписи IX в. император Феофил (829–842) назван «автократором всей Вселенной» (αὐτοκράτωρ πάσης τῆς οἰκουμένης): <https://inscriptions.packhum.org/text/344692?hs=316-329>.

²⁸ Так, в одной из надписей император Юлиан (361–363) был даже назван «Вседержителем и единственным царем Вселенной» (παντοκράτορ καὶ μόνου τῆς οἰκουμένης βασιλεύς). Нетрудно предположить, что данное титулование касалось не только политического, но и религиозного аспекта почитания этого императора, причем очевиден и его антихристианский контекст. См.: <https://inscriptions.packhum.org/text/151481?hs=204-216>.

²⁹ Наиболее показательным примером в этом отношении является надпись CIG 6829 (200–209 гг.) «архиерея священного синода» (ἐπίσκοπος συνόδου) Лукия Септимия Трифона — архиерея Диониса и императора Марка Аврелия Антонина — нового Диониса. См.: <https://inscriptions.packhum.org/text/317104?hs=757-773>.

³⁰ К примеру, применительно к агонистической сфере мы имеем сведения о «священном вселенском синоде странствующих атлетов» (ἡ ἐν ἑρᾷ ξυοτική λεριπολυτική οἰκουμένης σύνοδος).

³¹ Грацианский М.В., Ермилов П.В. Институты первенства в античном мире. К вопросу об исто-

описывался этим термином, были Олимпийские игры или схожие с ними по размаху и статусу состязания³².

Христианские общины, структурно будучи, по-видимому, полными аналогами частных религиозных ассоциаций, уже в ранний период начинают воспроизводить и организационные формы — так сказать, формы общения — последних. Межобщинный и межрегиональный характер ранних христианских собраний (соборов) описывается ровно той же терминологией, что и таковой частных ассоциаций римского времени. Уже во II в. начинается осмысление главы христианской общины (епископа) как жреца (*ἀρχιερεὺς*, *sacerdos*, *pontifex*) — главы частной религиозной ассоциации или гражданского союза³³.

Положение императора относительно языческих ассоциаций и гражданских союзов было разноплановым: с одной стороны, он выступал как божество и объект поклонения, с другой — как верховный жрец и глава верховных коллегий (от его имени утверждалось избрание региональных первосвященников — глав союзов), и с третьей стороны — как государь, «владыка Вселенной», к которому следовало обращаться по «вселенским» или «земским» делам — вопросам гражданского устройства. Между тем, следует отметить, что какого-либо подлинно «вселенского» коллективного органа, зависящего от императора и императором собираемого, в доконстантиновскую эпоху не фиксируется.

Ситуация изменяется с приходом к власти Константина Великого, когда после победы над Лицинием он собирает беспрецедентно широкое представительство архиереев — священников христианского культа. Масштаб собрания, очевидно, поразил современников-христиан. Евсевий Кесарийский писал о съезде христианских архиереев в Никее: «Итак, первенствующие служители Божьи из всех Церквей, наполнявших Европу, Ливию и Азию, собрались в одно место. Один молитвенный дом, как будто распространенный самим Богом, вмещал в себе сирийцев и киликийцев, финикийцев и аравийцев, жителей Палестины и египтян, фиванцев, ливийцев и прибывших из Месопотамии. Присутствовал на Соборе даже епископ персидский, не был отвергнут им и епископ скифский. Понт и Галатия, Памфилия и Каппадокия, Азия и Фригия представили также избранных. Встретились здесь даже фракийцы и македоняне, ахейцы, эпирцы и жители стран еще дальнейших. Вместе с прочими заседал на Соборе и знаменитейший епископ самой Испании. Не был на нем по причине своей старости только предстоятель царственного города, а потому вместо него присутствовали исполнявшие его должность пресвитеры»³⁴.

рическом контексте 34-го апостольского правила // Понятие первенства: истоки и контексты. Москва: Издательство ПСТГУ, 2022. С. 203–348 (здесь: С. 233–236).

³² См. пример, в котором Олимпийские игры первой половины II в. «собрали зрителей со всей Вселенной» (ὅλο τῶν τῆς οἰκουμένης θεατῶν συνελεγεμένων). См.: <https://inscriptions.packhum.org/text/213857?hs=1498-1510>.

³³ См. постановку вопроса об этом в: *Конюхов В.А.* Жречество и священство у Тертуллиана и Киприана Карфагенского: грани сопоставления // *BYZANTINOTAUICA — III: Большое Средиземноморье в IV–XVI вв.: Тенденции, факторы, влияния, конфликты. Тезисы докладов всероссийской научной конференции, Севастополь, 27–30 ноября 2023 г.* / Под ред. С.П. Карпова, М.В. Грацианского, С.Г. Бочарова. СПб.: Алетея, 2023. С. 78–81.

³⁴ *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. М.: 1998. Кн. III. Гл. 7. С. 104–105.

Беспрецедентное представительство священников Христа произвело на современников такое впечатление, что на протяжении последующей сотни лет именно этот Собор оставался единственно «вселенским». При том, что соборное движение IV века было чрезвычайно активным, фактически ни один собор этого времени, даже из числа самых крупных и представительных, не претендовал на то, чтобы именоваться «вселенским». Тем не менее, практически каждый диоцезальный или межрегиональный «святой и великий» собор либо созывался императорами лично, либо координировал с ними свою повестку и итоги.

Фактически первым собором, который после Никейского официально заявил притязание на титул Вселенского был собор 431 г. в Эфесе. При этом обстоятельства, при которых произошло провозглашение этого собора Вселенским, отнюдь нельзя признать благоприятными. Как известно, этот собор, созванный императором Феодосием II (408–450) для того, чтобы обсудить вероучение Нестория Константинопольского, под руководством Кирилла Александрийского стал действовать не по тому сценарию, который предусмотрел для него император, создавший его для решения «церковных и связанных с ними вселенских дел». Отказ Кирилла от рассмотрения учения Нестория по существу привел к расколу среди участников собора: влиятельную группу противников Кирилла возглавил Иоанн Антиохийский. Именно в этот момент отцы Собора, оставшиеся верными Кириллу, начинают именовать созванный «святой и великий собор» Вселенским. Они исходили из того факта, что количество оставшихся верными Кириллу епископов было несравнимо большим, чем тех кто ушел вместе с Иоанном: фактически последнего поддержали лишь представители диоцеза Восток и таких насчитывалось не более сорока.

В этой ситуации раскола собор Кирилла начинает именовать себя Вселенским³⁵: главным основанием для такой характеристики оказывается то обстоятельство, что на Соборе, представленном епископами всех краев Восточной Римской империи, символически оказывается представлен и Запад, поскольку Рим сделал Кирилла своим представителем и выразителем воли римского епископа³⁶, а епископы Африки прислали приветственное послание. Широкое географическое представительство Собора, формально включающее в себя западную часть Империи, и многочисленность его участников позволили сторонникам Кирилла утверждать, что собор представляет всю христианскую Вселенную³⁷.

³⁵ Впервые в актах Собора это фиксируется в послании его участников константинопольскому клиру: *Acta conciliorum oecumenicorum* / Ed. E. Schwartz. T. I. Vol. I. Pars V. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1927. P. 13.11. (Далее: АСО I.1.3.). А первое именование собора «Вселенским» в официальной преамбуле документа присутствует показательным образом в акте о низложении сторонниками Кирилла Иоанна Антиохийского: АСО I.1.3. P. 26.8–9.

³⁶ Впоследствии на собор прибыли и римские легаты. См.: *Грацианский М.В.* Римская Церковь и осуждение Нестория Константинопольского в ходе III Вселенского собора // *Античная древность и средние века*. 2023. Т. 51. С. 51–75 (здесь: С. 56–58).

³⁷ АСО I.1.3. P. 30.16–29: ... συνόδῳ διακοσίῳν δέκα ἁγίων ἐπισκόπων, οἷς καὶ πᾶν τὸ πλῆθος τῆς Δύσεως τῶν ἁγίων ἐπισκόπων συνεψηφίσατο καὶ δι' αὐτῶν ἅπαν τὸ πλῆθος τὸ λοιπὸν τῆς οἰκουμένης...

Тем самым, первым Вселенским собором, на котором был последовательно сформулирован и обоснован принцип «вселенскости» или «вселенского» церковного представительства, оказался именно Эфесский собор 431 г. И единственным критерием «вселенскости» в понимании его отцов оказался географический фактор: широкое представительство на соборе регионов Империи, включая непременно и *pars Occidentalis* — хотя последнее более символическое, чем реальное. Данная парадигма применялась и впоследствии для определения тех или иных соборов как Вселенских, что, впрочем, не гарантировало того, что собор, раз созданный или определенный как Вселенский, таковым и будет считаться в последующей церковной традиции. Последнее, впрочем, зависело от обстоятельств иного рода.

В связи со всем вышеизложенным, мнение Юргена Дайнингера касательно отсутствия «генетической» связи между гражданскими союзами римского времени и христианскими соборами является слишком категоричным и не учитывает того обстоятельства, что формальное различие термина, обозначающего мероприятия институтов, еще отнюдь не говорит о фундаментальном различии этих институтов и отсутствии между ними типологического тождества. Чрезвычайная близость «функционала» и особенностей организации таких институтов, как синоды птолемеевского священства и синоды священства христианского, как они нам известны в период поздней античности, свидетельствует в пользу того, что последние являются чисто античным социальным, религиозным и административным феноменом, в полную силу продолжающим свое существование и на протяжении всей эпохи средневековья.

Список литературы

- Афанасьев Н. Провинциальные собрания Римской империи и вселенские соборы. (К вопросу об участии государственной власти на вселенских соборах) // Записки Русского научного института в Белграде. 1931. № 5. С. 25–46.
- Афанасьев Н., протопр. Церковь Божия во Христе: сб. статей. М.: ПСТГУ, 2015.
- Грацианский М.В. Римские провинциальные союзы и церковные соборы в позднеантичный период: терминологический или институциональный континуитет? // Византийский временник. 2023. Т. 107. С. 29–47.
- Грацианский М.В. Римская Церковь и осуждение Нестория Константинопольского в ходе III Вселенского собора // Античная древность и средние века. 2023. Т. 51. С. 51–75.
- Грацианский М.В., Ермилов П.В. Институты первенства в античном мире. К вопросу об историческом контексте 34-го апостольского правила // Понятие первенства: истоки и контексты. Москва: Издательство ПСТГУ, 2022. С. 203–348.
- Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М.: 1998.
- Конюхов В.А. Жречество и священство у Тертуллиана и Киприана Карфагенского: грани сопоставления // BYZANTINOTAUICA — III: Большое Средиземноморье в IV–XVI вв.: Тенденции, факторы, влияния, конфликты. Тезисы докладов всероссийской научной конференции, Севастополь, 27–30 ноября 2023 г. / Под ред. С.П. Карпова, М.В. Грацианского, С.Г. Бочарова. СПб.: Алетейя, 2023. С. 78–81.

- Ладынин И.А. Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев // «Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. [Труды Исторического факультета МГУ; 82]. М.; СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2016. С. 265–312.
- Acta conciliorum oecumenicorum / Ed. E. Schwartz. T. I. Vol. I. Pars V. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1927.
- Cerfaux L., Tondriau J. Le Culte des souverains dans la civilisation gréco-romaine. Paris; Tournai: Desclée & Cie, 1957.
- Deininger J. Die Provinziallandtage der römischen Kaiserzeit von Augustus bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n. Chr. München; Berlin: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1965.
- Edelmann-Singer B. Koina und Concilia. Genese, Organisation und sozioökonomische Funktion der Provinziallandtage im römischen Reich. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2015.
- Habicht Ch. Gottmenschentum und griechische Städte. 2. durchgesehene Auflage mit einem Nachtrag. München: Verlag C. H. Beck, 1970; Müller H. Der hellenistische Archiereus // Chiron. 2000. Bd. 30. S. 519–542.
- Habicht Ch. Gottmenschentum und griechische Städte. 2. durchgesehene Auflage mit einem Nachtrag. München: Verlag C. H. Beck, 1970.
- Huß W. Die in ptolemaiischer Zeit verfaßten Synodal-Dekrete der ägyptischen Priester // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1991. Bd. 88. S. 189–208.
- Kloppenborg J.S. Greco-Roman Associations: Texts, Translations, and Commentary. Vol. 3. Berlin; Boston: De Gruyter, 2020.
- Larsen J.A.O. Representative Government in Greek and Roman History. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1955.
- Pfeiffer St. Das Dekret von Rosette. Die ägyptischen Priester und der Herrscherkult // Alexandria und das ptolemäische Ägypten. Kulturbegegnungen in hellenistischer Zeit / Hrsg. von G. Weber. Berlin, 2010. S. 84–108.
- Taeger F. Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes. Bd. 1. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1957.

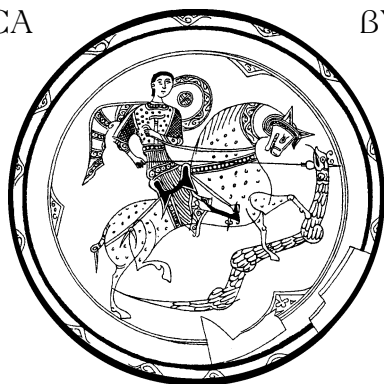
BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2023. Т. 1

С. 199–219

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 1: 2023

P. 199–219

Научная статья

DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.11

Византинизация позднеантичного города в Восточном Средиземноморье: к постановке проблемы

Николай Николаевич Болгов¹⁻²

¹ доктор исторических наук; профессор; кафедра всеобщей истории; Белгородский государственный национальный исследовательский университет; ул. Победы, 85, 308015 Белгород;

² старший научный сотрудник; Научно-исследовательская лаборатория «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях»; Севастопольский государственный университет; ул. Университетская, 33, 299053 Севастополь; bolgov@bsu.edu.ru

Аннотация: В работе ставится проблема византизации позднеантичного города в Восточном Средиземноморье, охватывающей IV — начало VII вв. Этот процесс понимается как время постепенных трансформаций на континуитетных началах, предшествующий медиавализации VII в. как быстрой и полной деградации и упадка. Выделено социально-историческое измерение византизации, а также археологическое. Приведены многочисленные примеры по отдельным категориям городов, выделенным здесь же, и регионам.

Ключевые слова: византизация, город, Поздняя античность, Восточное Средиземноморье, медиавализация, археология.

Цитирование: Болгов, Н.Н. Византизация позднеантичного города в Восточном Средиземноморье: к постановке проблемы // Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2023. Т. 1. С. 199–219. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.11.

Original article

Byzantinization of a Late Antique City in the Eastern Mediterranean: Towards Formulation of a Problem

Nikolay N. BOLGOV¹⁻²

¹ Doctor of Sciences (History); Professor; Department of World History; Belgorod State National Research University; Pobeda Str., 85, 308015 Belgorod, Russian Federation;

² Senior Researcher; Research Centre «Digital Technologies in Historical and Archaeological Research»; Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation; bolgov@bsu.edu.ru

Abstract: The work states the problem of the Byzantinization of a late antique city in the Eastern Mediterranean, covering the period from the 4th to the early 7th centuries. This process is understood as a time of gradual transformations on a continuum basis, preceding the medievalization of the 7th century, the latter being marked with rapid and complete degradation and decline. The socio-historical dimension of Byzantinization, as well as the archaeological one, is highlighted. Numerous examples are given for individual categories of cities, elaborated here, and regions.

Key words: Byzantinization, city, Late Antiquity, Eastern Mediterranean, medievalization, archaeology.

For citation: Bolgov, N.N. "Byzantinization of a Late Antique City in the Eastern Mediterranean: Towards Formulation of a Problem." *Byzantinoturica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 1(2023). P. 199–219. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.11.

До самого конца истории античной цивилизации ее основной и важнейшим признаком оставался самоуправляющийся город (полис)¹. В позднеантичный период, который определяется большинством специалистов как IV — начало VII вв., в Восточном Средиземноморье происходит глубокий процесс *трансформации* города, изменения его основных функций и признаков и, как следствие, размывания фундаментальных основ и элиминации его античного характера. Этот процесс можно назвать *византинизацией города*. Он включает изменение функций позднеантичного города при его сохранении (континуитет).

Ему на смену в VII в. приходит процесс *медиевализации*² — полного упадка, смены характера города и, во многих случаях, его гибели. Об этом (более

© Bolgov, N.N., 2023

¹ Курбатов Г.Л. История Византии (от античности к феодализму). М., 1984. С. 30–32.

² См.: Сюзюмов М.Я. Византийский город (середина VII — середина IX в.) // Византийский временник. 1967. Т. 27. С. 38–70; Романчук А.И. Византийский город периода «темных веков»: дискуссия в историографии второй половины XX в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2013. Т. 120. No 4. С. 23–28; Foss C. Archaeology and the «Twenty Cities» of Byzantine Asia // American Journal of Archaeology. 1977. Vol. 81. No 4. P. 469–486.

очевидном) процессе в отечественной науке существует хорошо известная в историографии дискуссия М.Я. Сюзюмова и А.П. Каждана, на эту тему высказывался и Г.Л. Курбатов³.

Византинизация же позднеантичного города как этап, предшествующий краху VII в., значительно менее осмыслена. Она имеет две основные составляющие: социально-историческую⁴ и материальную. Соответственно, классификация этого процесса может быть произведена по двум категориям источников — в первом случае письменным, во втором — археологическим.

Социально-историческое измерение процесса византизации города было в определенной степени в фокусе внимания Г.Л. Курбатова, хотя он и не использовал данный термин. Это (историческое) измерение сводится преимущественно к следующему.

В ранневизантийских городах:

- происходит элитаризация муниципального строя, оформление слоя верхушки куриалов (нотаблей);
- верхушка города меняет свой состав: теперь в нее входит как прежняя куриальная знать, так и новые независимые землевладельцы и чиновники в отставке, а также епископ, богатое духовенство;
- в условиях упадка курий и сословия куриалов «новая» часть городской верхушки приобщается к традиционному полисному патриотизму и даже обретает его заново;
- иногда отношения между «новой» знатью, связанной с государством и церковью или независимой, и старой муниципальной были конфликтными из-за собственности⁵;
- для старой и новой знати города важную роль начинает играть «протекция» (патронат);
- муниципальные функции и обязанности становятся наследственными и обременительными;
- тяжесть налогового бремени переносится на простых куриалов, происходит «бегство» от этих тяжелых обязанностей; появляется понятие «посткуриальная эпоха» в городских общинах;
- посткуриальная эпоха доминирования городских нотаблей наступает приблизительно с середины VI в.;
- происходит замещение многих муниципальных функций церковью;

³ Курбатов Г.Л. К вопросу о судьбах византийского города в VII в. Некоторые замечания // Византийский временник. 1994. Т. 55. С. 69–74.

⁴ См.: Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. Л., 1971; Он же. Разложение античной городской собственности в Византии IV–VII вв. // Византийский временник. 1973. Т. 35. С. 20–23; Цмилянц М. Концепция континуитета византийского города в трудах Г.Л. Курбатова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. № 4. 2012. С. 104–113, и др.

⁵ Василий Великий рисует мрачную картину стяжательства крупных землевладельцев, некоторые из которых являются нуворишами (νεοβλουτοι), имперскими «новыми людьми» — чиновниками, чьи доходы и влияние принесли им пользу и обширные владения в провинциях, то есть на территории городов.

- в городскую жизнь активно включается государство (треть бюджета крупных городов, например, Антиохии, формировала уже императорская власть, не считая экстраординарных расходов в случае катастроф и войн);
- город еще при Юстиниане имеет значительные собственные средства;
- многие города переформируются в центры торговли вместо центров производства, их хозяйство становится более многоукладным;
- в конце VI — начале VII вв. в целом еще продолжается строительная активность в городах — в частной, церковной и общественной сферах;
- время начала упадка городов и городской жизни в конце VI — начале VII вв. совпадает с ростом монастырей;
- кризис малого города приводит к переселению части населения в крупные города и в монастыри;
- войны, землетрясения, эпидемии, заболачивание рек и заиливание бухт приводят к движению населения, размыванию городского гражданства и собственности;
- в различных регионах зачастую складывается различная общесторическая ситуация; отсюда судьбы городов различны;
- рурализация, рустификация многих городов приводит к их обособлению в территориально-хозяйственные микрзоны и изоляции;
- идет процесс смещения некоторых городов вглубь страны вдаль от моря, становящегося источником опасности (юг Малой Азии).

На сегодняшний день в историографии имеется комплексное исследование эволюции муниципального строя ранневизантийского города⁶, в том числе на основе эпиграфики, что позволяет обратиться к новой постановке проблемы комплексного анализа социально-исторического измерения процесса византизации как совокупности эволюции политико-административных структур и социально-экономических процессов.

Едва ли не самым важным феноменом муниципального строя Поздней античности становится бегство из курий в IV–V вв. В ответ государство уже при Анастасии учреждает должности виндигов как правительственных наместников и поощряет прикрепление к куриям. С другой стороны, государство старается осуществлять контроль над злоупотреблениями в городах. Вводится налог на землевладельцев — *хрисотелия*. Отменяется обременительный налог для куриалов — *хрисаргир*.

Законодательство Юстиниана привносит еще больше государственного вмешательства в муниципальную жизнь. Иммулитет получают сановники и чиновники, клир и монахи. Прописываются многочисленные «состояния» (*condiciones*). Происходит процесс прикрепления владений помимо курий. Запись в курии частично приобретает характер дисциплинарной меры.

Куриалы и общество в VI в. претерпевают дальнейшую эволюцию. Положение аристократии двойственно — это *dignitas*, но и *condicio*. С другой стороны, куриалы в период конца поздней античности практически исчезают из источни-

⁶ Laniado A. Recherches sur les notables municipaux dans l'empire protobyzantin. Paris, 2002.

ков. Причины этого доподлинно неизвестны. Существуют различные гипотезы «молчащих куриалов». В реальности в этот период исчезают многие муниципальные магистратуры. Остатки куриалов продолжают вносить вклад в муниципальные расходы, прочие сферы муниципальной жизни, судопроизводство. Куриалы находятся в сердцевине процесса сбора налогов.

На другом полюсе социальной жизни города оформляется элита города (новая муниципальная знать) как преемник традиционных куриалов. Происхождение и социальное положение муниципальной знати демонстрируют преемственность и обновление. Это внутренняя (семейная) преемственность, но и появление «новых людей» в результате переселений в городе извне знати, епископов и др.

Эволюция муниципальной жизни находит отражение в соответствующей нормативной терминологии. В ней определяются категории населения города по законодательству. Можно выделить лексику, относящуюся к «первенствующим». Более явно формируется слой посессоров (ктиторов) — «владельцев» имуществ, налоговых баз. Посессоры выступают как полноправные преемники прежних куриалов как основные налогоплательщики. Среди всего слоя посессоров выделяется прослойка протевонтов — «первенствующих».

С другой стороны, помимо знати города остальная часть муниципалов теперь может быть названа *habitatores* (*οἰκῆτορες*) — «жители», «населенники». Терминология данных понятий неоднозначна. Более или менее уверенно можно говорить о том, что ойкиторы — частная категория, не связанная с государством непосредственно. Возможно также, что *οἰκῆτορες* и *πολιται* — взаимозаменяемые термины. Наиболее сложный вопрос — о соотношении понятий ктиторов и ойкиторов. По всей видимости, эти понятия частично пересекались, так как часть знати города, особенно старая, имеющая корни, вполне могла именоваться и ктиторами, так как имела значимое имущество.

Особое место в муниципальной жизни конца ранневизантийского периода играла верхушка знати города — «первенствующие». Протевонты (принципалы) как бы копируют в городе систему рангов государственной службы, имея порог доступа, особый статус по отношению к иным жителям города и ранги. Их количество в целом в городе было невелико, а обязанности устанавливаются из эпиграфики. Впервые протевонты появляются в надписях на рубеже II–III вв. и далее широко распространяются в городах Восточного Средиземноморья вплоть до Таврики. Полномочия протевонтов зафиксированы в имперском законодательстве конца V–VI вв. Они избирали и контролировали муниципальных должностных лиц, выдвигали кандидатов на пост епископа города, выполняли поручения имперской администрации. Близкими по функциям к протевонтам были «патеры полиса» (*πατέρες τῆς πόλεως* — «отцы города»). Но протевонты — это не столько собственно должность, сколько скорее ранг, социальный статус, позволявший участвовать в управлении городом.

Прочие должности (архонты, кыры, проты и др.) дополняли сегмент городской знати. Знать, как правило, создавала орган (совет) для координации управления городом. Главной его функцией был контроль за осуществлением куриальных обязанностей (*munera, λειτουργίαι*). Помимо этого, знать имела

некоторые иные обязанности в городе — наложение штрафов, выдача иммунитетов. Также существовала некуриальная знать — независимые (экзимирированные) землевладельцы, связанные с городом в силу проживания на его аграрной территории, частично отставники с государственной службы, частично церковная знать.

Города находились в системе провинциальной администрации. Новелла 149 регулировала выборы губернаторов провинций. Знать городов старалась оказывать влияние на провинциальную политику, а порой за губернаторами устанавливался контроль со стороны городской знати. Со временем определился перечень критериев к кандидатуре губернатора. Постепенно происходило расширение набора местных жителей, представителей знати городов, пополнявших корпус губернаторов.

* * *

Византинизация позднеантичного города⁷ *в материальном плане* хорошо фиксируется данными археологии. В мировой историографии этот феномен был наиболее полно, хотя и небесспорно, осмыслен Клайвом Фоссом.

Одним из важнейших изменений было то, что на территорию города и в его структуры активно заходят государство и церковь:

- в основной комплекс топографии крупного города теперь включаются административные здания (императорские и губернаторские резиденции), отражающие включение государства в городские структуры;
- дорогостоящее, но избирательное обслуживание новых административных и старых общественных зданий можно оправдать, лишь отведав им новые политические роли, как в случае с булэ и герусией, собравшимися во дворе комплекса терм-гимнасиев и тому подобных местах⁸;
- с конца III в. государство поощряло муниципальные власти по всей империи строить собственные городские укрепления, что коренным образом изменило внешний вид и строй многих классических полисов⁹;
- в городе появляются христианские базилики, резиденции епископов, городские монастыри, приюты, гостиницы, богадельни, паломнические объекты;
- не только собственно города, но и небольшие города и даже деревни по всей империи строили храмы, а иногда и несколько базилик;

⁷ См.: Dunn A. The Transition from *polis* to *kastron* in the Balkans (III–VII cc): General and Regional Perspectives // Byzantine and Modern Greek Studies. 1994. Vol. 18. P. 60–81; Foss C. Cities, Fortresses and Villages of Byzantine Asia Minor. Norfolk, 1996; Foss C., Winfield D. Byzantine Fortifications: An Introduction. Pretoria, 1985.

⁸ Scherrer P., Trinkle E. Die Tetragonos Agora in Ephesos. Grabungsergebnisse von archaischer bis in byzantinische Zeit — Ein Überblick. Befunde und Funde klassischer Zeit. [Forschungen in Ephesos; XIII/2]. Wien, 2006. S. 11.

⁹ Пример Афродисиады середины IV в.: De Staebler P.D. The City Wall and the Making of a Late-Antique Provincial Capital // Aphrodisias Papers 4. New Research on the City and its Monuments. Portsmouth, 2008. P. 284–319.

- закрытие храмов и снос заброшенных общественных построек подразумевает некоторую степень официального разрешения¹⁰.

Если *эллинистическая и римская модели урбанизма* требовали, чтобы города, какими бы маленькими или незначительными они ни были, были построены в среде с *четким разделением общественных пространств*, то этот основной принцип начинает теперь системно нарушаться:

- при сохранении основной планировки улиц и общественных мест изменяется характер многих общественных зданий: перестают использоваться по назначению гимнасии, театры, термы; с улиц и площадей убираются статуи;
- пространство между колоннами на главных улицах и агора застраиваются лавками, мелкими пристройками;
- происходит уплотнение селитебных зон, приватизация общественного пространства, смешение хозяйственных, жилых и общественных функций; частичная перепланировка ведет к измельчению кварталов, городских усадеб, домов;
- позднеантичный житель города нуждается в значительно меньшей жилой площади, чем его предшественники; теперь в городе могло жить гораздо больше людей на гораздо меньшей площади; это вызвано не столько экономическим кризисом, сколько сменой парадигм сознания — христиану не нужна общественная жизнь и зрелища, ему достаточно семьи;
- вместе с тем, в городе нередко крупные частные резиденции-усадьбы либо представителей старой элиты полиса, либо (что чаще) «новых имперских людей», украшенные мозаиками и мраморной декорацией и, по сути, равные по масштабам (и иногда функциям) прежним общественным сооружениям;
- средний уровень жилой комфортности позднеантичного города, конечно, уступал великой «эре благоденствия» II в., но все же владельцы типичных домов в V–VI вв. могли иметь большие помещения для приемов или других специальных целей, несколько жилых комнат с мозаичными полами, мраморной облицовкой, настенной росписью¹¹;
- идет усиление хозяйственной деятельности в городе, которая проникает в жилые кварталы; дом совмещается с мастерской, лавкой, складом, рыбозасолочными ваннами и др.;
- типичные ранневизантийские лавки сохраняют самый характерный городской жилой опыт; эти ничем не примечательные ряды и пространства, возможно, были инициированы муниципальными властями, но могли быть и модифицированы отдельными арендаторами или владельцами

¹⁰ Saradi H.G. The Byzantine City in the Sixth Century. Literary Images and Historical Reality. Athens, 2006. P. 355–356.

¹¹ Ellis S. Middle Class Houses in Late Antiquity // Social and Political Life in Late Antiquity / Ed. by W. Bowden, A. Gutteridge, C. Machado. Leiden, 2006. P. 413–437 (здесь: P. 422).

- ми для удовлетворения конкретных потребностей; их (модульную) конструкцию можно было легко изменить¹²;
- общая территория города сокращается в связи с уплотнением заселения и изменением характера обороны; выделяется зона укрепленного кастроны, часть кварталов оставляется и забрасывается¹³; оставшаяся часть Нижнего города может быть частично укреплена, но хаотично и несистемно (что-то укреплено, что-то нет);
 - сокращение площади, окруженной стенами¹⁴, — не признак упадка городов, а, наоборот, их жизнеспособности; во многих случаях «уменьшение» было синонимом «выживания»;
 - функционирование как общественных, так и частных пространств города кажется непоследовательным и бессистемным — рядом с процветающими участками могли находиться разрушенные и заброшенные;
 - появляются укрепления в сельской местности (деревни и монастыри);
 - изменяется система водоснабжения — на смену акведукам приходят цистерны;
 - вновь построенные в VI в. (немногие) города, как правило, лишены традиционных античных общественных зданий, что отражает не столько экономическую ситуацию, сколько ментальные и глобальные изменения;
 - некоторые города могли добиться процветания в VI в. благодаря локальным экономическим факторам (порт, хозяйственная специализация, паломническое место);
 - при перестройках и новом строительстве активно используются споллии (чаще всего разбираются театры и стадионы, термы перестраиваются), но это не свидетельство упадка городов; это иная эстетика, отражающая прагматизм и своеобразное приобщение к традициям предков¹⁵.

В целом главными топографическими элементами крупного города становятся церкви и торговая площадь. Прекращение использования по прямому назначению прежних общественных сооружений не означало, что города переставали быть местом сосредоточения населения. Напротив, потребность в новых постройках указывает на увеличившуюся потребность в домах и магазинах.

Сужение общественного пространства, ставшее следствием прекращения использования античных общественных сооружений, приводит к сокращению у византийцев публичной общественной жизни, место которой занимает нуклеарная семья.

¹² Harris A. Shops, Retailing and the Local Economy in the Early Byzantine World: The Example of Sardis // *Secular Buildings and the Archaeology of Everyday Life in the Byzantine Empire* / Ed. K. Dark. Oxford, 2004. P. 82–122.

¹³ Kirilov C. The Reduction of the Fortified City Area in Late Antiquity: Some Reflections on the End of the 'Antique City' in the Lands of the Eastern Roman Empire // *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium* / Ed. by J. Henning. Vol. 2. Berlin; New York, 2007. P. 3–24.

¹⁴ Foss C., Winfield D. *Byzantine Fortifications...*

¹⁵ Alchermes J. Spolia in Roman Cities of the Late Empire: Legislative Rationales and Architectural Reuse // *Dumbarton Oaks Papers*. 1994. Vol. 48. P. 167–178.

* * *

В различных регионах наблюдались значительные конкретные различия процесса византинизации, вызванные местными особенностями и внешнеполитическими обстоятельствами.

Схема процесса трансформации города и городского пространства в Восточном Средиземноморье ранневизантийского времени может быть представлена с учетом ранжирования городов по их номинальному и реальному статусу¹⁶:

1. *Столица и города имперского значения*: Константинополь, Александрия, Антиохия, Карфаген.
2. *Провинциальные столицы, крупные региональные города*: Фессалоника, Эфес, Сердика, Адрианополь, Никея, Никомедия, Смирна, Лаодикея, Сарды, Агталия, Анкира, Иконий, Кесария Каппадокийская, Тарс, Трапезунт, Апамя, Дамаск, Берит, Кесария Палестинская, Афины¹⁷, Херсонес Таврический.
3. *Метрополии мелких (разукрупненных) ранневизантийских провинций*: Саламин Кипрский, Скифополь, Газа, Тир, Миры Ликийские, Перга, Сид, Антиохия Писидийская, Сагаласс, Эдесса, Кирена и др.
4. *Средние провинциальные города*: Панополь, Афродисиада в Кари, Ксанф Ликийский, Филадельфия Лидийская, Гиераполь Фригийский, Курион, Амафунт, Элевтерополь, Неаполь (Самария), Фаселида и др.
5. *Более мелкие города в провинциях*: Родиополь, Ойноанда, Аспенд, Солы, Панаеда, Сельге, Термесс и др.

Столица империи. *Константинополь* имеет особое положение новой имперской столицы, Нового Рима¹⁸. В силу этого процессы византизации в основных его типичных проявлениях столицу не затронули. Особо можно выделить процесс кумуляции древних памятников в новой столице как бы для передачи силы и авторитета стареющего античного мира.

Города имперского значения. *Александрия* как метрополия, с одной стороны, в процессе византизации имела больше общего с Константинополем, чем с иными крупными городами. Но с другой стороны, в ней можно найти и местную специфику. Эволюция топографии города в ранневизантийское время происходила преимущественно за счет трансформации уже существующего городского пространства. В ранневизантийское время город оставался важным административным центром, управление им осуществлялось развитым бюрократическим аппаратом, а элементы местного самоуправления появились позд-

¹⁶ Болгов Н.Н. Трансформация города и городского пространства в Восточном Средиземноморье IV–VI вв. // Византийский «круг земель». Orbis terrarum Byzantinus... Тезисы докладов XXIII-й Всероссийской научной сессии византистов РФ, Судак, 24–30 октября 2022 г. / Под ред. С.П. Карпова, М.В. Грацианского, В.В. Майко. Симферополь, 2022. С. 11–12.

¹⁷ С неформальным авторитетом культурной и образовательной метрополии империи без статуса какой-либо административной столицы.

¹⁸ Dagron G. Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. Paris, 1974.

но, полноценно не развились и постепенно теряли свое значение. Многочисленное население Александрии характеризовалось полиэтническим составом, с преобладанием трех наиболее крупных этнических групп: греки, эллинизированные иудеи и египтяне. Ранневизантийская история Александрии связана с процессом трансформации классических форм общественной жизни под влиянием христианизации. Топография позднеантичной Александрии, несмотря на объективную невозможность массовых археологических работ, в последнее время все же позволяет составить некоторое представление о планировке города и роли отдельных кварталов, благодаря труду археологов¹⁹. Христианизация до конца IV в. происходила бурно, с элементами конфронтации, свидетельством чему является разрушение Серапейона — главного языческого храма.

Антиохия переживает период своего расцвета в IV и V вв. Однако серия природных катаклизмов в течение относительно короткого времени нанесла большой урон городу в качестве региональной столицы имперского значения и способствовала ее экономическому и политическому упадку в 1-й пол. VI в. Тем не менее, город проявил завидную устойчивость к преодолению кризиса, при большой поддержке императорской власти и активности местного населения²⁰. Будучи городом имперского значения, Антиохия лишь в относительной степени подвергается византизации, сокращению территории (Новый город на острове на Оронте), перестройке фортификации. В кастрон она не превращается, сохранив основные функции большого города²¹. Городская община Антиохии имела сложный этно-конфессиональный состав. Социальные и конфессиональные конфликты приводили к проявлениям уличного насилия. В городе наблюдалось сложное взаимодействие нескольких административных уровней: муниципальное полисное самоуправление, провинциальная администрация, региональные власти диоцеза, некоторые столичные функции региональной императорской резиденции. В ранневизантийской Антиохии процветала активная общественная жизнь в виде собственных Олимпийских игр, ряда праздников, что является признаком региональной столицы. В целом, в истории Антиохии противоречивым образом сочетается ее роль как метрополии Востока, важнейшего центра со стратегическим значением, — и ее незащищенность перед природными катастрофами и внешними угрозами. Кроме того, в отличие от Александрии, город имел некоторые неудачные особенности расположения (ограниченные естественно-географические возможности для роста, селевые потоки с гор Сильпий и Ставрин, режим Оронта). Однако с этими негативными факторами велась непрерывная борьба, предпринимались активные и системные меры при поддержке императорской власти.

Судьбы обеих метрополий в пределах истории Византии нашли завершение с арабским завоеванием, поэтому они не дошли до эпохи медиевализации.

¹⁹ Руднева М.А. Город Александрия в ранневизантийское время: проблемы топографии и населения. Автореф. дисс. ... к.и.н. Белгород, 2021. С. 16–17.

²⁰ Бузанаков Ю.В. Ранневизантийская Антиохия: проблемы топографии и населения. Автореф. дисс. ... к.и.н. Белгород, 2022. С. 15–16.

²¹ См.: De Giorgi A.U. Ancient Antioch: from the Seleucid Era to the Islamic Conquest. Cambridge, 2016; De Giorgi A.U., Eger A.A. Antioch: A History. London, 2021.

Провинциальные столицы. На западе Малой Азии наиболее типичной является судьба Эфеса²². В период Поздней античности это был крупный портовый город, важнейший административный, торговый и финансовый центр, место проведения двух вселенских соборов (провинция Асия). Судя по археологическим данным, в городе велось интенсивное и высококачественное строительство. Ситуация драматически изменилась в начале VII в., что, возможно, стало последствием персидских вторжений. В силу сохранения характера крупного города, процесс византинизации был замедленным, зато на город в полной мере обрушилась медиевализация.

Сарды в тот же период были большим и процветающим мегаполисом, сохранившим многие традиции классической эпохи. На большинстве участков города сохранились остатки поздней античности, а в северо-западной части города открыт целый квартал, застроенный в этот период²³. Главным отходом от прецедента в Сардах является расширение позднеримской стены на 400 м на запад в сторону реки Пактол (IV–V вв.). При этом большая часть расширенной территории внутри новых стен не была застроена²⁴. Колонная улица, мощеная мрамором, была реконструирована около 400 г. и, хотя не имела практической важности, была доведена предположительно до главных ворот в новой городской стене и, тем самым, должна была освоить новое городское пространство. Это соответствовало принципам организации городского пространства в эпоху византизации позднеантичного города²⁵. Строительство церквей плохо засвидетельствовано в Сардах, и остается неясным, были ли предприняты преднамеренные шаги для христианизации их городской топографии. Вместе с тем, особенностью Сард является наличие очень крупной синагоги, которая строилась и перестраивалась с конца IV до начала VI в. Монументальные городские улицы, отремонтированные общественные здания и расширенные дома местных жителей — безошибочные признаки того, что Сарды в Поздней античности переживали один из самых процветающих периодов своего существования. Грандиозный масштаб официального и частного покровительства проявляется в разработке улиц и площадей с колоннадами как мест коммерческой, а также общественной жизни. Радикальные перемены, приведшие к оставлению основной части города и возникновению кастроны происходят после персидского нашествия начала VII в.

Под влиянием материала из Западной Малой Азии (Эфеса и Сард) Клайв Фосс сделал вывод о том, что главным маркером медиевализации было персидское нашествие, после которого жизнь в городах продолжилась, но сильно изменилась. Однако это верно лишь для данного региона. В других местах процесс перехода от византизации к медиевализации имел иные особенности²⁶.

²² Foss C. *Ephesus after Antiquity: A Late Antique, Byzantine, and Turkish City*. New York, 1979.

²³ Foss C. *Byzantine and Turkish Sardis*. Cambr., Mass.; L., 1976.

²⁴ Rautman M. *Sardis in Late Antiquity / Archaeology and the Cities of Asia Minor in Late Antiquity* / Ed. by O. Dally, Ch. Ratté. Ann Arbor, 2011. P. 1–26.

²⁵ Lavan L. *The Political Topography of the Late Antique City: Activity Spaces in Practice // Theory and Practice in Late Antique Archaeology* / Ed. by L. Lavan, W. Bowden. Leiden, 2003. P. 314–337.

²⁶ *The Archaeology of Byzantine Anatolia. From the End of Late Antiquity until the Coming of the Turks* / Ed. by Ph. Niewohner. Oxford, 2017.

Лаодикея на Лике — столица провинции Фригия Вторая (Пакатиана) — дает несколько иной пример эволюции города. Это был огромный город: в III в. его население составляло 70–80 тыс. чел., а с плотным проастием — до 200 тыс. Город был важным культовым центром с множеством языческих храмов первых веков н. э. Начиная с IV в., христианский квартал развивался вокруг главной церкви Лаодикеи. Языческие храмы в центре города были разобраны, а их камни повторно использованы в строительстве. Колоссальная статуя Афины была организованно демонтирована и вывезена с холма Асоп. Четыре крупных базилики также свидетельствуют о быстрой и успешной христианизации в городе. Новые укрепления окружили территорию города в 395–396 гг., следуя императорским указам. Однако эти стены не закрыли город полностью. При возведении укреплений использовались крупные сполли, частью городских стен стали стены монастыря. Жизнь за стенами продолжалась некоторое время после возведения укреплений. Лаодикея была почти стерта с лица земли землетрясением в 494 г. и никогда уже не смогла снова обрести былую славу²⁷. Еще одно землетрясение во время правления императора Фоки (602–610) полностью уничтожило город, нарушив водоносные слои. Это совпало и с нашествием персов. В отличие от большинства других городов того времени, гибель Лаодикеи была практически одномоментной, остатки ее населения разошлись по окружающей территории, а городище и остатки постройки стали карьером и местом печей для пережигания извести.

Столицы ранневизантийских малых (разукрупненных) провинций. Юго-запад Малой Азии (Памфилия, Писидия, Ликия) демонстрирует своеобразный путь с элементами локального процветания и отсутствием катастрофических последствий персидского нашествия. Это более мягкий вариант трансформаций²⁸.

В IV веке Памфилия пережила период политической нестабильности с набегами исавров в 353–354, 368, 377 и 405–406 гг. и с вторжением готов в 399 г. К этому периоду могут относиться существенные изменения городских структур и стен. Напротив, V и VI века здесь обычно считаются временем мира и экономического процветания. Перга²⁹ и Сиде³⁰ как церковные центры Памфилии были украшены впечатляющими базиликами.

В ранневизантийский период на территории Сиде было построено не менее трех церквей, а четвертая — на восточном некрополе. Судя по всему, ни один из крупных языческих храмов не был преобразован в церковные постройки. Вместо этого церкви были построены заново. Археологический комплекс

²⁷ *Şimşek C.* Urban Planning of Laodikeia on the Lykos in the Light of New Evidence // *Landscape and History in the Lykos Valley: Laodikeia and Hierapolis in Phrygia* / Ed. by C. Şimşek, F. D'Andria. Cambridge, 2017. P. 1–53.

²⁸ *Asia Minor in the Long Sixth Century Current Research and Future Directions* / Ed. by I. Jacobs, H. Elton. Oxford, 2019.

²⁹ *Болгов Н.Н.* Перге в Памфилии в римско-ранневизантийский период // *Общество и власть в контексте истории, политологии, социологии. Материалы XV региональной научной конференции.* Воронеж, 2021. С. 238–244.

³⁰ *Литвяк М.А.* Сиде — город римской Памфилии // *Белгородский диалог — 2022: проблемы истории и филологии.* Белгород, 2022. С. 20–21.

обоих городов показывает не только постоянное использование различных общественных зданий в них, но и иллюстрирует активную роль, которую губернатор, «отцы» (патерес) и епископ играли в жизни городов в процессе их византинизации.

Перга в V–VI вв. также переживала явный подъем в своем развитии. Христианизация победила с рубежа IV–V вв. в борьбе против сильного языческого культа Артемиды. В городе были построены монументальные базилики: три большие базилики на акрополе, Западная базилика в «нижнем городе», и епископский дворец. В середине VI в. по городу распространилась чума; по разным оценкам, погибло от 20% до 50% населения. Однако сокращение населения города не привело к радикальному уменьшению его жилой территории. Только с середины VII в. начались процессы реального упадка города.

В горном Сагалассе в Писидии в начале V в. были построены новые городские стены; в городе и на его периферии было открыто восемь церквей, построенных между серединой V и серединой VI вв. Они включали в себя преобразованные гражданские и религиозные сооружения, такие как раннеимперский булевтерий, который был перестроен в атриум для трехуровневой базилики, и бывший храм Аполлона Клария, а также вновь построенные здания, подобные большой базилике с трансептом на бывшем стадионе. Архитектурно Сагаласс стал христианским городом. Помимо нового строительства, также проводился ремонт существующих общественных зданий, таких как бани, городские площади и улицы с портиками и магазинами. Несмотря на изменения в функциях некоторых районов, город середины VI в., похоже, все еще занимал то же городское пространство, что и во времена «Высокой» Римской империи³¹. Начиная с конца VI в. Сагаласс стал приобретать явно менее городской характер. Портики, окружавшие две агоры, были разделены на более мелкие части с харчевнями и мастерскими. Город постепенно превращается в епископский кастрон³².

Номинальная столица провинции Антиохия Писидийская в археологическом плане сохранилась значительно хуже³³, но сходные процессы должны были происходить и там.

Прибрежная Ликия процветала в Поздней античности, достигнув пика своего расцвета в VI в.³⁴ Это касается городов, прибрежных районов и прилегающих внутренних территорий. Она стала отдельной провинцией во времена Кон-

³¹ Waelkens M. et al. The Late Antique City in Southwest Anatolia. Sagalassos and Its Territory: A Case Study // Die Stadt in der Spätantike — Niedergang oder Wandel? Akten des internationalen Kolloquiums in München am 30. und 31. Mai 2003 / Hrsg. von J.-U. Krause, Ch. Witschel. Stuttgart, 2006. P. 199–255.

³² Болгов Н.Н., Елисеєва А.Ю. Сагаласс — «Первый город Писидии»: к истории регионально-го центра римской Малой Азии // Via in tempore. История. Политология. 2021. Т. 48. № 3. С. 579–596.

³³ См.: Болгов Н.Н. Писидия как регион римско-ранневизантийской Малой Азии // LAUREA III: Античний світ та Середні віки. Читання пам'яті професора Володимира Івановича Кадеева. Харків, 2021. С. 98–102; Пащенко А.Ю. Антиохия в Писидии: к истории города и его изучения // Via in tempore. История. Политология. 2022. Т. 49. No 2. С. 269–282.

³⁴ Foss C. The Lycian Coast in the Byzantine Age // Foss C. Cities, Fortresses and Villages of Byzantine Asia Minor. Farnham, 1996. P. 1–62.

стантина; город Миры был его столицей и резиденцией митрополита. Провинция продолжала сохранять удивительно большое количество городов: Иерокл в VI в. перечисляет 34 из них, большинство из которых засвидетельствованы и в более ранние эпохи. Многие из них были маленькими и малоизвестными местами, но археологические материалы показывают, что как минимум Ксанф, Пата-ра, Миры и ее порт Андриака³⁵, Тельмесс, Лимира, Олимп и Фаселида на побережье, а также Тлос, Ариканд и Ойноанда во внутренних районах оставались процветающими городами, и рядом с ними появилось несколько новых в V–VI вв. Новые города заметно отличались: они отказались от просторной роскоши монументальных общественных зданий в пользу более многочисленной, но все же организованной планировки, где церкви были наиболее заметным элементом. Основные дома в них расположены вдоль регулярных узких улочек, ведущих к большой базилике в конце участка; агоры или общественных гражданских построек. Но сосредоточение внимания археологов на церквях может произвести преувеличенное впечатление роста и процветания, поскольку все церкви обязательно были новыми в этот период. Поэтому их необходимо рассматривать в контексте всего города. Наиболее яркое свидетельство успешности в этот период поступает из прибрежных районов, где велась обширная новая застройка. Берега залива Тельмесс были заполнены новыми позднеантичными поселениями, при этом некоторые участки побережья выросли даже больше, чем древние города, и на этой территории была достигнута такая экономическая активность, которой не никогда было достигнуто ни до, ни после. Торговля была не только местной, между побережьем и внутренними районами, но и имела важную составляющую на дальние расстояния, отражая сложную имперскую систему³⁶. Персидское разорение начала VII в. Ликийю не затронуло.

Апамея стала столицей провинции Сирия Вторая и пережила значительное развитие в течение V в., но затем, как и все города северной Сирии, подверглась различным нападениям со стороны персов, а в течение VI в. пострадала от двух сильных землетрясений. Новое восстановление города было осуществлено Юстинианом. Строительный комплекс города претерпел в это время важные изменения. При Юстиниане, как и во многих прочих важных городах Сирии и империи³⁷, в Апамее была возведена новая крепостная стена, отразившая новые фортификационные и геополитические реалии. Обширный епископский комплекс с собором был построен на месте бывшей философской школы Ямвлиха. Храм несколько раз перестраивался в V и VI вв. В нем одно время хранились мощи свв. Космы и Дамиана. В ряде городских усадеб, в частности, в большом «Доме с триклинием» (юго-восток городища), есть напольные поли-

³⁵ *Akyürek E.* Andriake: The Port of Myra in Late Antiquity // *Trade in Byzantium: Papers from the 3rd International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium* / Ed. by P. Magdalino, N. Neçipoglu. Istanbul, 2016. P. 465–486.

³⁶ *Russell J.* Transformations in Early Byzantine Urban Life (The Contribution and Limitations of Archaeological Evidence) // *The 17th International Byzantine Congress (Major Papers)*. Washington, 1986. P. 137–154.

³⁷ *Foss C.* Syria in Transition, A.D. 550–750: An Archaeological Approach // *Dumbarton Oaks Papers*. 1997. Vol. 51. P. 189–269.

хромные мозаики. Главная мозаичная композиция площадью 120 м² датируется 415–420 гг. и является одной из самых престижных композиций этого типа, сопоставимой с мозаиками Императорского дворца в Константинополе. Надпись на входе датирована 539 г. Возможно, здесь находилась резиденция губернатора провинции Сирия Вторая. Второй комплекс — «Дом с консолями» — также содержит обширные мозаичные композиции³⁸ (частная резиденция?).

Деревни на севере Сирии в значительной степени зависели от производства и продажи оливкового масла, которое использовалось в больших городах (Антиохия, Апамея) или отправлялось в другие части империи.

Палестина претерпела административные преобразования в ранневизантийский период, будучи разделенной на три новые провинции. Первоначальная общая метрополия региона Кесария Палестинская достигла своего апогея в начале IV в. Разделение Палестины в начале V в. значительно ограничило область юрисдикции Кесарии. С появлением новых центров на кесарийский рынок постоянно уменьшался приток товаров. Политический и экономический упадок города был оживлен другими факторами, действовавшими во всем римском мире в то время. Города, в общем, теряли роль центров экономической и социальной деятельности. Богатые граждане часто отказывались от муниципальной жизни, живя в своих имениях, налоги остались тяжелыми, и коммерческая жизнь стала значительно снижаться. Нарастала бедность, и города, по выражению V в., «потеряли свою пышность». Кесарию беспокоили набеги арабов, восстания самаритян. В церковном отношении Иерусалим к середине V в. после напряженной борьбы потеснил первенство Кесарии. Кесария никогда фактически не лишалась столичных прав в регионе, хотя разделение провинций в начале V в. и получение Иерусалимом статуса патриархата в 451 г. чрезвычайно ограничили эти права. Епископы Скифополя и Газы теперь признавались митрополитами в своих провинциях, и в то время как Кесарии был предоставлен более высокий ранг, чем этим другим столицам (πρωτόθρονος), причем практическое значение этого титула остается неясным. К VI в., по свидетельствам Прокопия и Хорикия, состояние порта Кесарии настолько ухудшилось, что он предоставлял лишь небольшое укрытие для входящих судов, и его акведуки пришли в упадок. Город, однако, никогда не впадал в состояние полного упадка и ветхости. Императорское правительство, в конечном счете, восстановило гавань города, а также отремонтировало акведуки, были построены отдельные здания и памятники, сохранившиеся до персидского завоевания³⁹. Таким образом, не только города имперского уровня как Антиохия, но и столицы регионов подобно Кесарии получали помощь от государства.

Одной из столиц новых провинций стала Газа. Одним из главных информативных изобразительных источников о планировке Газы Палестинской и прилегающих к ней территорий является карта из Мадабы, содержащая изображение Святой Земли (мозаика 15, 6 × 6 м)⁴⁰. Газа показана как второй по величине

³⁸ Болгов Н.Н. Апамея — метрополия провинции Сирия II // Церковно-исторические чтения: Круглый стол — 2. Белгород, 2022. С. 12–24.

³⁹ Levine L. Caesarea under Roman Rule. Leiden: Brill, 1975.

⁴⁰ Avi-Yonah M. The Madeba Mosaic Map. Jerusalem, 1954. P. 18–20.

город Палестины после Иерусалима. Судя по изображению на карте, главные улицы, идущие с севера на юг и с востока на запад, пересекаются в центре. Они покрыты портиками, которые ведут к воротам городской стены. Пересечение улиц отмечено большим прямоугольником агоры. В городе имелись театр и ипподром, а также знаменитые Зимние термы, описанные Иоанном Газским. Элементами христианской топографии были многочисленные мартирии и церкви. В начале V в. на месте главного языческого храма Марнейон была возведена церковь Евдоксианы (в юго-западной части города). Также известны храмы свв. Сергия и Стефана. Таким образом, конфронтационный ход христианизации привел к началу V в. к внедрению в городские структуры значительного сегмента новой христианской топографии. Расположенный рядом с Газой аванпорт Маюма был преобразован в особую общину Констанция также в целях борьбы с остатками язычества в Газе. Вместе с тем, со второй пол. V в. в городе сложился один из наиболее ярких и плодотворных вариантов ранневизантийского культурного синтеза⁴¹.

Средние провинциальные города. Археологический материал из Афродисиады в Карии⁴² дает существенное представление о характере культурных изменений. Обращение храмов в церкви обнаруживает как упадок умений и навыков, так и инновационное строительство. Трехапсидная церковь дает свидетельство сокращения использования городского пространства и, следовательно, сокращения численности населения. Упадок и гибель театра означает упадок общественных зрелищ, развлечений и удобств.

IV век стал переломным моментом в развитии городов Кипра. Христианский ранневизантийский Кипр к V в. уже разительно отличался от античного⁴³. Катализатором изменений в течение IV в. стали многочисленные разрушения в результате землетрясений⁴⁴. Все важные города Кипра имели епископов: Саламин (Констанция), Китион, Курион, Тамасс, Пафос, Неаполь (Немесос), Амафунт, Арсиноя, Лапиф, Карпасия, Хитры, Тримифунт, Солы, Кериней и Левкусия. Из них подавляющее большинство — древние полисы, мы видим здесь лишь два новых города — Неаполь и Левкусию. Тримифунт, скорее всего, был сельским поселением с кафедрой епископа, хотя официально сельские поселения не могли иметь кафедру. Собственно, сам статус города теперь стал все больше ассоциироваться с присутствием епископа. В городах выделяется ряд крупных городских резиденций знати с комплексами мозаичных изображений в городах Кипра (дом Евстолия в Курионе, дом Диониса и дом Айона в Пафосе и др.). Помимо городов в ходе общего процесса византинизации на Кипре возрастает роль крупных, зачастую укрепленных сельских поселений как центров эко-

⁴¹ Лопатина М.Ю., Манохин Я.В. Ранневизантийская Газа в Палестине: культурные процессы переходной эпохи. Белгород, 2022. С. 23–29.

⁴² Cormack R. Byzantine Aphrodisias: Changing the Symbolic Map of a City // Proceedings of the Cambridge Philological Society. Vol. 36. 1990. P. 26–41.

⁴³ Flusin B. Chypre chrétienne à la période protobyzantine (IVe–VIIe siècle) // Chypre entre Byzance et l'Occident, IVe–XVIe siècle. Paris, 2012. P. 20–27.

⁴⁴ Panayides P. The Fate of Statues: A Contextualised Study of Sculpture in Late Antique Cyprus. PhD thesis. Vol. 1–2. Durham, 2016.

номической активности⁴⁵. Два города со статусом региональной столицы (Пафос и Саламин) принципиально не отличаются от остальных городов острова⁴⁶.

В Каппадокии в ранневизантийское время во всем обширном регионе существовало только четыре собственно «города»: Кесария (Мазака), Колония, Мелитена и Тиана⁴⁷. Императоры от Валента до Юстиниана пытались создавать в регионе новые городские центры, но полноценных центров, как правило, не получалось; вместо этого в реальности возникали крепости или епископские резиденции. Характерным феноменом региона является наличие многочисленных «пещерных городов».

Мелкие города. Примером мелкого города ранневизантийского периода является Родиаполь во внутренней Ликий. Это наиболее яркий пример размещения городского пространства с учетом особенностей рельефа. Пик расцвета города приходится на первую пол. VI в. В дальнейшем новый средневековый город не был сформирован заново, а скорее постепенно возникло новое и меньшее поселение на вершине прежнего античного, сформированное по местным форматам новой религии и эпохи, с использованием позднеантичных построек. Самая большая разница между двумя процессами (византинизации и медиевализации) заключается в том, что новое поселение с укреплениями сосредоточено вокруг церкви, и в нем отсутствуют общественные здания. Таким образом, не сам город, а его здания позднеантичного периода были изменены в VII в., и урбанизм в значительной степени остался на прежней основе, но гораздо более слабой и менее качественной⁴⁸.

Киликия помимо городов дает картину интенсивной и продуктивной сельской жизни, многочисленных деревень с большими церквями на холмах за побережьем в районе, где производилось много оливкового масла, и небольших городков вдоль побережья.

* * *

В целом, ключевым элементом в изучении процесса византизации города является рассмотрение VI столетия как фокуса воздействий на него разновекторных факторов. В большинстве случаев это была, как правило, комбинация неблагоприятных факторов, совокупное воздействие:

- внешних угроз,
- нехватки продовольствия,
- стихийных бедствий,

⁴⁵ Catling H., Dikigoropoulos A. The Kornos Cave: An Early Byzantine Site in Cyprus // *Levant*. 1970. Vol. 2. P. 37–62; Vionis A.K. Settled and Sacred Landscapes of Cyprus: Church and Landscape in the Xeros Valley during the Early Byzantine Period // *Church Building in Cyprus (Fourth to Seventh Centuries). A Mirror of Intercultural Contacts in the Eastern Mediterranean* / Ed. by M. Horster, D. Nicolaou, S. Rogge. Münster; New York, 2018. P. 45–72.

⁴⁶ Болгов Н.Н., Болгова А.М., Денисова И.В. Древний и византийский Кипр. Белгород, 2023.

⁴⁷ Cooper J.E., Decker M.O. *Life and Society in Byzantine Cappadocia*. London, 2012.

⁴⁸ Akyürek E., Tiryaki A. Remarks on Three Pieces of Architectural Sculpture from the Excavations at the Rhodiapolis Episcopal Church // *Adalya*. 2010. Vol. 13. P. 389–404.

- пандемии чумы 541–542 г.⁴⁹ с ее демографическими последствиями.

В крупных городах к этим факторам можно добавить социальную и этно-конфессиональную нестабильность и проявления уличного насилия.

К положительным факторам в эпоху византинизации можно отнести:

- финансовую помощь со стороны императорской власти, как правило, наиболее крупным или стратегически важным городам;
- временный рост и локальное процветание отдельных городов и микрорайонов вследствие изменяющейся конъюнктуры рынка, изменения торговых путей, оформления паломнических маршрутов и инфраструктуры;
- частный эвергетизм теперь дополняется христианской благотворительностью.

Относительный подъем империи при Анастасии, Юстине и Юстиниане, конечно, не вывел общий уровень благосостояния населения городов выше «эры великого благоденствия» II — нач. III вв. Но для длительного отрезка с середины III по середину VII вв. первая половина VI столетия была локальным пиком, и его надо воспринимать именно таковым, а не сравнивать с античностью в целом.

К VII веку процесс византинизации Восточного Средиземноморья как трансформации заканчивается, уступив место системной деградации и упадку⁵⁰. В VII в. происходит полный перелом (*медиевализация*) в состоянии города; население резко уменьшилось, а сами города превратились в крепости, если вообще выжили. Во второй пол. VII в. строительство новых общественных зданий в городах повсеместно прекратилось, если не считать вновь возводимых фортификационных сооружений.

Таким образом, античный город, жизнь которого продолжалась до конца VI в., в результате суммы указанных изменений подошел к своему историческому финалу. Относительное величие эпохи Юстиниана делает катастрофический упадок на рубеже Темных веков еще более контрастным.

Список литературы

- Болгов Н.Н. Перге в Памфилии в римско-ранневизантийский период // Общество и власть в контексте истории, политологии, социологии. Материалы XV региональной научной конференции. Воронеж, 2021. С. 238–244.
- Болгов Н.Н., Болгова А.М., Денисова И.В. Древний и византийский Кипр. Белгород, 2023.

⁴⁹ Durlat J. La peste du VIe siècle. Pour un nouvel examen des sources byzantines // Hommes et richesses dans l'empire byzantine / Éd. par V. Kravari, J. Lefort, C. Morrisson. T. 1 (IVe–VIIe siècles). Paris, 1989. P. 107–125.

⁵⁰ Liebeschuetz J.H.W.G. Transformation and Decline: Are the Two Really Incompatible? // Die Stadt in der Spätantike — Niedergang oder Wandel? Akten des internationalen Kolloquiums in München am 30. und 31. Mai 2003 / Hrsg. von J.-U. Krause, Ch. Witschel. Stuttgart, 2006. P. 463–483.

- Болгов Н.Н., Елисеева А.Ю. Сагаласс — «Первый город Писидии»: к истории регионального центра римской Малой Азии // *Via in tempore. История. Политология.* 2021. Т. 48. № 3. С. 579–596.
- Болгов Н.Н. Апамея — метрополия провинции Сирия II // Церковно-исторические чтения: Круглый стол — 2. Белгород, 2022. С. 12–24.
- Болгов Н.Н. Писидия как регион римско-ранневизантийской Малой Азии // *LAUREA III: Античний світ та Середні віки. Читання пам'яті професора Володимира Івановича Кадеева.* Харків, 2021. С. 98–102/
- Болгов Н.Н. Трансформация города и городского пространства в Восточном Средиземноморье IV–VI вв. // *Византийский «круг земель». Orbis terrarum Byzantinus... Тезисы докладов XXIII-й Всероссийской научной сессии византинистов РФ, Судак, 24–30 октября 2022 г.* / Под ред. С.П. Карпова, М.В. Грацианского, В.В. Майко. Симферополь, 2022. С. 11–12.
- Бузанаков Ю.В. Ранневизантийская Антиохия: проблемы топографии и населения. Автореф. дисс. ... к.и.н. Белгород, 2022. С. 15–16.
- Курбатов Г.Л. История Византии (от античности к феодализму). М., 1984.
- Курбатов Г.Л. К вопросу о судьбах византийского города в VII в. Некоторое замечания // *Византийский временник.* 1994. Т. 55. С. 69–74.
- Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. Л., 1971.
- Курбатов Г.Л. Разложение античной городской собственности в Византии IV–VII вв. // *Византийский временник.* 1973. Т. 35. С. 20–23.
- Литвяк М.А. Сиде — город римской Памфилии // *Белгородский диалог — 2022: проблемы истории и филологии.* Белгород, 2022. С. 20–21.
- Лопатина М.Ю., Манохин Я.В. Ранневизантийская Газа в Палестине: культурные процессы переходной эпохи. Белгород, 2022. С. 23–29.
- Пашкова А.Ю. Антиохия в Писидии: к истории города и его изучения // *Via in tempore. История. Политология.* 2022. Т. 49. № 2. С. 269–282.
- Романчук А.И. Византийский город периода «темных веков»: дискуссия в историографии второй половины XX в. // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки.* 2013. Т. 120. № 4. С. 23–28.
- Руднева М.А. Город Александрия в ранневизантийское время: проблемы топографии и населения. Автореф. дисс. ... к.и.н. Белгород, 2021.
- Сюзюмов М.Я. Византийский город (середина VII — середина IX в.) // *Византийский временник.* 1967. Т. 27. С. 38–70.
- Цмиляннич М. Концепция континуитета византийского города в трудах Г.Л. Курбатова // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история.* № 4. 2012. С. 104–113.
- Akyürek E. Andriake: The Port of Myra in Late Antiquity // *Trade in Byzantium: Papers from the 3rd International Sevgi Gönül Byzantine Studies Symposium* / Ed. by P. Magdalino, N. Neçipoglu. Istanbul, 2016. P. 465–486.
- Akyürek E., Tiryaki A. Remarks on Three Pieces of Architectural Sculpture from the Excavations at the Rhodiapolis Episcopal Church // *Adalya.* 2010. Vol. 13. P. 389–404.
- Alchermes J. Spolia in Roman Cities of the Late Empire: Legislative Rationales and Architectural Reuse // *Dumbarton Oaks Papers.* 1994. Vol. 48. P. 167–178.
- Asia Minor in the Long Sixth Century Current Research and Future Directions / Ed. by I. Jacobs, H. Elton. Oxford, 2019.
- Avi-Yonah M. The Madeba Mosaic Map. Jerusalem, 1954. P. 18–20.

- Catling H., Dikigoropoulos A. The Kornos Cave: An Early Byzantine Site in Cyprus // *Levant*. 1970. Vol. 2. P. 37–62.
- Cooper J.E., Decker M.O. *Life and Society in Byzantine Cappadocia*. London, 2012.
- Cormack R. Byzantine Aphrodisias: Changing the Symbolic Map of a City // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. Vol. 36. 1990. P. 26–41.
- Dagron G. *Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451*. Paris, 1974.
- De Giorgi A.U. *Ancient Antioch: from the Seleucid Era to the Islamic Conquest*. Cambridge, 2016.
- De Giorgi A.U., Eger A.A. *Antioch: A History*. L., 2021.
- De Staebler P.D. The City Wall and the Making of a Late-Antique Provincial Capital // *Aphrodisias Papers 4. New Research on the City and its Monuments*. Portsmouth, 2008. P. 284–319.
- Dunn A. The Transition from polis to kastron in the Balkans (III–VII cc): General and Regional Perspectives // *Byzantine and Modern Greek Studies*. 1994. Vol. 18. P. 60–81.
- Durlat J. La peste du VIe siècle. Pour un nouvel examen des sources byzantines // *Hommes et richesses dans l'empire byzantine* / Éd. par V. Kravari, J. Lefort, C. Morrisson. T. 1 (IVe–VIIe siècles). Paris, 1989. P. 107–125.
- Ellis S. Middle Class Houses in Late Antiquity // *Social and Political Life in Late Antiquity* / Ed. by W. Bowden, A. Gutteridge, C. Machado. Leiden, 2006. P. 413–437.
- Flusin B. Chypre chrétienne à la période protobyzantine (IVe–VIIe siècle) // *Chypre entre Byzance et l'Occident, IVe–XVIe siècle*. Paris, 2012. P. 20–27.
- Foss C. *Ephesus after Antiquity: A Late Antique, Byzantine, and Turkish City*. New York, 1979.
- Foss C. *Syria in Transition, A.D. 550–750: An Archaeological Approach* // *Dumbarton Oaks Papers*. 1997. Vol. 51. P. 189–269.
- Foss C. The Lycian Coast in the Byzantine Age // Foss C. *Cities, Fortresses and Villages of Byzantine Asia Minor*. Farnham, 1996. P. 1–62.
- Foss C. *Byzantine and Turkish Sardis*. Cambr., Mass.; L., 1976.
- Foss C. Archaeology and the «Twenty Cities» of Byzantine Asia // *American Journal of Archaeology*. 1977. Vol. 81. No 4. P. 469–486.
- Foss C. *Cities, Fortresses and Villages of Byzantine Asia Minor*. Norfolk, 1996.
- Foss C., Winfield D. *Byzantine Fortifications: An Introduction*. Pretoria, 1985.
- Harris A. Shops, Retailing and the Local Economy in the Early Byzantine World: The Example of Sardis // *Secular Buildings and the Archaeology of Everyday Life in the Byzantine Empire* / Ed. K. Dark. Oxford, 2004. P. 82–122.
- Kirilov C. The Reduction of the Fortified City Area in Late Antiquity: Some Reflections on the End of the 'Antique City' in the Lands of the Eastern Roman Empire // *Post-Roman Towns, Trade and Settlement in Europe and Byzantium* / Ed. by J. Henning. Vol. 2. Berlin; New York, 2007. P. 3–24.
- Laniado A. *Recherches sur les notables municipaux dans l'empire protobyzantin*. Paris, 2002.
- Lavan L. The Political Topography of the Late Antique City: Activity Spaces in Practice // *Theory and Practice in Late Antique Archaeology* / Ed. by L. Lavan, W. Bowden. Leiden, 2003. P. 314–337.
- Levine L. *Caesarea under Roman Rule*. Leiden: Brill, 1975.
- Liebeschuetz J.H.W.G. Transformation and Decline: Are the Two Really Incompatible? // *Die Stadt in der Spätantike — Niedergang oder Wandel? Akten des internationalen Kolloquiums in München am 30. und 31. Mai 2003* / Hrsg. von J.-U. Krause, Ch. Witschel. Stuttgart, 2006. P. 463–483.

- Panayides P. The Fate of Statues: A Contextualised Study of Sculpture in Late Antique Cyprus. PhD thesis. Vol. 1–2. Durham, 2016.
- Rautman M. Sardis in Late Antiquity / Archaeology and the Cities of Asia Minor in Late Antiquity / Ed. O. Dally, Ch. Ratté. Ann Arbor, 2011. P. 1–26.
- Russell J. Transformations in Early Byzantine Urban Life (The Contribution and Limitations of Archaeological Evidence) // The 17th International Byzantine Congress (Major Papers). Washington, 1986. P. 137–154.
- Saradi H.G. The Byzantine City in the Sixth Century. Literary Images and Historical Reality. Athens, 2006.
- Scherrer P., Trinkle E. Die Tetragonos Agora in Ephesos. Grabungsergebnisse von archaischer bis in byzantinische Zeit — Ein Überblick. Befunde und Funde klassischer Zeit. [Forschungen in Ephesos; XIII/2]. Wien, 2006.
- Şimşek C. Urban Planning of Laodikeia on the Lykos in the Light of New Evidence // Landscape and History in the Lykos Valley: Laodikeia and Hierapolis in Phrygia / Ed. by C. Şimşek, F. D'Andria. Cambridge, 2017. P. 1–53.
- The Archaeology of Byzantine Anatolia. From the End of Late Antiquity until the Coming of the Turks / Ed. by Ph. Niewohner. Oxford, 2017.
- Vionis A.K. Settled and Sacred Landscapes of Cyprus: Church and Landscape in the Xeros Valley during the Early Byzantine Period // Church Building in Cyprus (Fourth to Seventh Centuries). A Mirror of Intercultural Contacts in the Eastern Mediterranean / Ed. by M. Horster, D. Nicolaou, S. Rogge. Münster; New York, 2018. P. 45–72.
- Waelkens M. et al. The Late Antique City in Southwest Anatolia. Sagalassos and Its Territory: A Case Study // Die Stadt in der Spätantike — Niedergang oder Wandel? Akten des internationalen Kolloquiums in München am 30. und 31. Mai 2003 / Hrsg. von J.-U. Krause, Ch. Witschel. Stuttgart, 2006. P. 199–255.

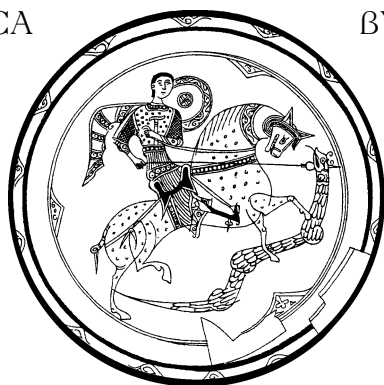
BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2023. Т. 1

С. 220–231

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 1: 2023

P. 220–231

Научная статья

DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.12

Арабы и Омейядский халифат в исторической перспективе

Константин Александрович ПАНЧЕНКО

доктор исторических наук; доцент; профессор Кафедры стран Ближнего и Среднего Востока; Институт стран Азии и Африки при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова; ул. Моховая, д. 11, 103911 Москва; const969@gmail.com

Аннотация: В статье представлено сопоставление варварских королевств, возникших на обломках Западной Римской империи, и типологически схожего с ними Омейядского халифата. В центре анализа — взаимоотношения победителей и побежденных, автохтонного населения и правящей военной касты завоевателей. Ставится под сомнение распространенное мнение о принципиальной несхожести цивилизационных моделей и исторических судеб западных и восточных наследников Рима: с одной стороны, интеграции германцев в римское культурное пространство и, с другой — построение арабами своей альтернативной цивилизации. Мусульманское вероучение и философия в свой формативный период создавались не столько арабами, сколько выходцами с территорий Благодатного Полумесяца, Ирана и Хорасана, носителями доисламских культурно-религиозных представлений. Сами арабы после Аббасидской революции оказались отодвинуты от государственного управления и оказались в положении варварской периферии. При этом стоит понимать разницу между арабами, жителями Аравийского полуострова, и арабоязычным населением Сирии, Месопотамии и северной Африки, носителями совсем другого мироощущения и моделей поведения.

Ключевые слова: Римская империя, Великое переселение народов, арабские завоевания, халифат Омейядов, ислам, арабы.

Цитирование: Панченко К.А. Арабы и Омейядский халифат в исторической перспективе // *Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований*. 2023. Т. 1. С. 220–231. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.12.

Original article

The Arabs and the Umayyad Caliphate: A Historical Retrospect

Constantin A. PANCHENKO

Doctor of Sciences (History); professor; Department of Near and Middle Eastern Countries; Institute of Asian and African countries; Lomonosov Moscow State University; Mokhovaya Str. 11, 103911 Moscow, Russian Federation; const969@gmail.com

Abstract: The article is devoted to comparative analysis between the Barbarian kingdoms — the successors of the Western Roman empire — and the Umayyad Caliphate. The research is concentrated on relations between the indigenous population and the ruling military elite of the conquerors. The widespread opinion about the fundamental dissimilarity of civilizational models and historical destinies of the Western and Eastern heirs of the *Pax Romana* is called into question: on the one hand, the integration of the Germans into the Roman cultural space and, on the other, the construction by the Arabs of their alternative civilization. In fact, the Islamic religion and culture were created less by the Arabs than by people who originated from the territories of the Fertile Crescent, Iran and Khorasan and belonged to pre-Islamic cultural background. The Arabs themselves after the Abbasid revolution were deprived of ruling status in the Caliphate and returned back to position of nomadic barbarian periphery. At the same time, it is worth understanding the difference between the Arabs, residents of the Arabian Peninsula, and the Arabic-speaking population of Syria, Mesopotamia and northern Africa, bearers of a completely different attitude and behavior patterns.

Key words: the Roman Empire, the Migration Period, the Muslim conquest, the Umayyad Caliphate, Islam, Arabs.

For citation: Panchenko, C.A. “The Arabs and the Umayyad Caliphate: A Historical Retrospect.” *Byzantinotaurica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 1(2023). P. 220–231. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.12.

Омейяды и Меровинги: судьбы имперского наследия на обломках *Pax Romana*

Коллапс античной цивилизации и римских имперских структур был растянут во времени и неравномерно проявлялся в разных регионах. Социально-

экономический кризис III в. больше затронул Западное Средиземноморье, чем Восточное. Великое переселение народов и возникновение германских королевств на западе Римского мира на 200 лет опередили славянское нашествие на Балканы и арабские завоевания восточных провинций империи. Тем не менее, типологическая схожесть этих процессов всегда была очевидна историкам. Омейядский халифат называют еще одним варварским королевством на обломках Римской империи.

Анри Пирен, классик историографии Раннего Средневековья, видел внешнее сходство германских и арабского завоеваний, но склонен был подчеркивать принципиальное различие их последствий: быстрая романизация германцев на Западе и арабизация/исламизация ромеев на Востоке. Как он писал: «Главный вопрос заключается в том, почему арабы, которых было ничуть не больше, чем германцев, в отличие от последних не были ассимилированы на тех территориях, которые они завоевали, хотя народы завоеванных стран принадлежали к более высокоразвитой цивилизации, чем сами завоеватели. Ответ один: они обладали большей силой духа, которая была должным образом оформлена... и подчинена единой цели. В то время как германцам нечего было противопоставить распространенному в Римской империи христианству, арабы были приверженцами... новой веры, которая поднимала их дух на небывалую высоту»¹. Как кажется, великий ученый несколько преувеличивал разницу между судьбами римского наследия под властью столь разных варваров; за последние десятилетия исламоведение и археология сделали большой шаг вперед, позволяющий увидеть множество неявных ранее исторических параллелей между арабами эпохи Омейядов и готами, вандалами, франками времен Меровингов.

Можно говорить о похожих моделях экономики, государственного устройства, денежной системы, одинаковом паразитировании на остатках римской инфраструктуры, о деградации строительной техники и жизненных стандартов и многих других чертах сходства варварских королевств Западной Европы и арабского халифата. Но большой объем и многоплановость этой тематики заставляет опустить социально-экономические сюжеты и тему материальной культуры. Сосредоточимся на самом важном — взаимодействии завоевателей и местного населения, диалоге этносов и культур.

Термин «Великое переселение народов» звучит более пафосно, чем он того заслуживает. Было ли переселение? Массовые миграции и смена этнической картины региона произошли только в Британии и на пару сотен километров вглубь от левого берега Рейна (нынешние Фландрия, Эльзас и др.)². На всей остальной территории империи численность германских пришельцев не превышала 5% от общего числа жителей³. В Византии явственные этнические по-

¹ Пирен А. Империя Карла Великого и арабский халифат. Конец античного мира. М., 2001. С. 174–175.

² Там же. С. 28–32.

³ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 33. Есть надежные данные о численности вандалов, переселившихся в Африку: 80 тыс. чел. При этом население африканских провинций Рима составляло 7–8 млн. См.: Пирен А. Империя Карла Великого... С. 33. См. так-

движки произошли только на Балканах, затопленных славянским нашествием VI–VII вв. На землях же, завоеванных мусульманами, доля арабов была сопоставима с процентом франков в Галлии или готов в Испании. Т.е. около 5% от всего населения за пределами Аравии и Сирийской пустыни⁴.

И на западе, и на востоке римского мира народные массы встретили варварские вторжения достаточно пассивно и легко смирились с владычеством завоевателей⁵. И в Западной Европе, и в Передней Азии мы видим схожие попытки сегрегации победителей и побежденных. Смешанные браки германцев и «римлян» в королевствах франков и вестготов были юридически запрещены до конца VI в.⁶ Завоеватели и местное население изначально жили по разным законам, восходившим к германским родовым обычаям и римской юридической системе соответственно. Точно так же, в халифате зарождающееся мусульманское право сосуществовало с правовыми системами немусульманских общин. Франки избегали селиться в больших городах, где они просто растворились бы в массе галло-римлян⁷. Арабы руководствовались схожими инстинктивными опасениями, породившими такие изначально замкнутые города-лагеря, как Куфа, Басра, Фустат, Кайруан. Создавая свои города на берегах Нила или Евфрата, мусульманские завоеватели осознанно выбирали тот берег реки, который лежал ближе к Аравии. Даже там, где арабы селились рядом с уже существовавшим городом, они до последнего старались держать дистанцию от ромеев: омейядская Айла стоит в нескольких сотнях метров от одноименного византийского поселения. Варварские короли часто предпочитали жить в сельских поместьях⁸, так похожих на омейядские дворцы пустыни.

же о численном соотношении завоевателей и коренного населения римского Запада: Там же. С. 15, 32–34.

⁴ Можно в качестве примера рассмотреть Египет под властью праведных халифов и Омейядов. Население этой страны на момент арабского завоевания (642 г.) было никак не меньше 3 млн и в последующие пару веков быстро росло. При этом численность арабского контингента, размещенного в Фустате, составляла 40 тыс. чел., что вместе с членами семей приближалось к 5% населения Египта. Эта военная корпорация (*джунд*) категорически противилась дальнейшему притоку в страну арабов-мусульман, опасаясь за свое привилегированное положение. С конца 20-х гг. VIII в. власти халифата начали переселять в Египет арабов племенного союза кайси из Сирийской пустыни, желая ослабить нагрузку на сирийские ресурсы и создать противовес *джунду* Фустата. Однако даже к началу 40-х гг. VIII в. число переселенцев не превышало 5 тыс. См.: Brett M. Population and Conversion to Islam in Egypt in Medieval Period // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras / Ed. by D. De Smet, U. Vermeulen, J. van Steenbergen. [Orientalia Lovaniensia Analecta; 140]. Leuven. 2005. P. 1–32 (здесь: P. 3, 9, 18); Kennedy H. Egypt as a Province in the Islamic Caliphate, 641–868 / The Cambridge History of Egypt. Vol. 1. Cambridge, 1998. P. 62–85.

⁵ См.: Пирен А. Империя Карла Великого... С. 13; Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 15. О первых десятилетиях арабских завоеваний см.: Большаков О.Г. История халифата. Т. 2. М., 1993.

⁶ См.: Пирен А. Империя Карла Великого... С. 50; Лебек С. Происхождение франков. V–IX века. М., 1993. С. 89.

⁷ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. С. 33.

⁸ Там же. С. 33. О дворцах пустыни см.: Hamilton R.W. Al-Mafjar, Khirbet // Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land. Jerusalem, 1975. P. 754–763; Irwin R. Islamic Art. L., 1997. P. 103–106; The Umayyads. The Rise of Islamic Art. Amman, 2000. P. 109–140.

Однако процессы ассимиляции и конвергенции брали свое. Франки, готы, вандалы — как и арабы эпохи Омейядов — составляли правящую военную касту, и в этом они до крайности похожи. Разной была у них степень взаимодействия с местными элитами и христианской Церковью. У остготов и франков все гражданские должности занимали римляне. В окружении вестготских королей римлян было больше, чем германцев. Представители местной элиты даже исполняли обязанности наместников провинций и градоначальников. Наиболее романизированы были бургундские короли, которые — в отличие от других варварских народов — с самого начала никак не препятствовали слиянию германцев и римлян и даже привлечению римлян к военной службе⁹. «Последний римлянин» Боэций, советник вестготского короля Теодориха, переводил на латынь Аристотеля и «Исагогу» Порфирия, подобно тому, как несторианские врачи и книжники из окружения аббасидских халифов триста лет спустя будут переводить те же тексты на арабский. Кассиодор, к слову, потомок выходцев из Сирии, казначей и секретарь остготских королей, в конце жизни ушел в монастырь и трудился над сохранением христианского культурного наследия; это очень похоже на зигзаги судьбы Иоанна Дамаскина, распорядителя личных финансов омейядского халифа и последнего из Отцов Церкви.

На арабском Востоке варварским политическим моделям в наибольшей степени соответствует эпоха праведных халифов и первых Омейядов. В терминах империй XIX в. это похоже на «режим косвенного управления». Мусульманское присутствие в провинциях было минимальным, зачастую ограничиваясь наместниками и военными гарнизонами. Административный аппарат при них состоял из христиан, делопроизводство шло на греческом, коптском или сирийском языках. Все управление на местах было в руках старых региональных элит¹⁰.

Однако этот режим, напоминающий упрощенную копию Византии, начал трансформироваться в период реформ Абд аль-Малика (685–705) на рубеже VII–VIII вв. Арабо-мусульманская государственность значительно укрепилась, налоговая система стала более жесткой и эффективной. Империя приобрела собственные атрибуты, начиная от монетного чекана и заканчивая возведени-

⁹ Пирен А. Империя Карла Великого... С. 45, 50–51, 55–56, 60. См. также о взаимодействии франков с галло-римской верхушкой: Лебек С. Происхождение франков. С. 71, 74.

¹⁰ Особенно хорошо это прослеживается на примере Египта: халкидонит Феофан, наместник Александрии и Мареотиды в 80-х гг. VII в.; сириец Афанасий бар Гумойе, управлявший финансами наместника Египта Абд аль-Азиза в конце VII в., система мелких административных единиц *кувар*, возглавляемых пагархами-христианами. См.: Brett M. Population and Conversion... P. 5–6; Swanson M. The Coptic Papacy in Islamic Egypt (641–1517). Cairo; New York, 2010. P. 8. Можно вспомнить также такие знаковые фигуры в окружении омейядских халифов в Дамаске как Серджун ибн Мансур и Иоанн Дамаскин. См.: Griffith S.H. The Manṣūr Family and Saint John of Damascus: Christians and Muslims in Umayyad Times // Christians and Others in the Umayyad State / Ed. by A. Borrut, F.M. Donner. Chicago, 2016. P. 29–51; Anthony S.W. Fixing John Damascene's Biography: Historical Notes on His Family Background // Journal of Early Christian Studies. 2015. Vol. 23. № 4. P. 607–627. Специальное исследование посвящено ситуации в Верхней Месопотамии в первые десятилетия арабской власти: там наблюдался тот же симбиоз имперского центра и региональных элит. См.: Robinson C.F. Empire and Elites after the Muslim Conquest: The Transformation of Northern Mesopotamia. Cambridge, 2000.

ем таких демонстративно-статусных объектов, как «Купол Скалы» в Иерусалиме и мечеть Омейядов в Дамаске. Реформа письменности позволила не только перевести на арабский язык делопроизводство, но и создала условия для бурного развития арабо-мусульманской культуры, за сто-двести лет сравнявшейся с культурным потенциалом Византийского мира. Т.е. пути западных и восточных наследников Рах Романа разошлись где-то в последние годы Абд аль-Малика. Одни интегрировались в римское социо-культурное пространство, другие стали строить альтернативную цивилизацию.

Легко заметить, что арабы раннего Средневековья, в отличие от своих предков времен «караванных царств» VIII в. до н. э. — III в. н. э., обладали сильной идентичностью и не стремились к ассимиляции в лоне соседних высоких культур. В римской/византийской правящей элите — исключительно полиэтничной по составу — можно найти выходцев из всего букета германских, восточно-европейских и анатолийских народов, но ни одного араба. Арабы отличались от создателей большинства варварских королевств мощнейшим родоплеменным духом и достаточно сильной культурой с развитой словесностью и собственной письменностью. Это племенная солидарность и противопоставление арабов не-арабам для них была даже важнее, чем верность мусульманской религии. Бедуины-христиане входили в привилегированную верхушку омейядского общества, чего нельзя сказать о новообращенных мусульманах неарабского происхождения («мавали», ед. ч. «мауля»).

Отношение варварских королей к епископату часто напоминает некоторые черты религиозной политики мусульманских властителей. Короли контролировали назначение епископов, часто продвигали на архиерейские кафедры лиц из своего окружения, не имевших церковного сана¹¹. В землях халифата патриаршие престолы тоже занимали выходцы из среды чиновников, придворных врачей и даже ювелир халифа Мервана II. Католическая Церковь в варварских королевствах была абсолютно лояльна власти, даже вестготским королям-арианам. Епископы Запада, со своей стороны, были важной общественно-политической силой. Иерархи Христианского Востока никогда не достигали такой степени влияния при арабах. Добавим, что и само восточное христианство было разделено на четыре конкурирующих исповедания и еще большее число самодостаточных патриархатов.

Можно было бы указать на коренное отличие арабов от германцев — ислам, альтернативная мировая религия. Но ислам поколения праведных халифов был мало похож на тот классический ислам, который мы знаем — это конструкт уже аббасидской эпохи. Ранний ислам представляется несравненно более примитивным; он воспринимался восточными христианами, тем же Иоанном Дамаскиным, как еще одна христианская ересь. С другой стороны, арианство готов, вандалов и бургундов было такой же ересью, зачастую более враждебной к халкидонской Церкви, чем ислам. Однако там, где арианский исторический эксперимент не был прерван византийским (как в Африке) или франкским (как в Бургундии) вторжением, правящая элита в конце концов обратилась в католи-

¹¹ Лебек С. Происхождение франков. С. 104.

чество и слилась с местной знатью. Этот процесс ассимиляции занял приблизительно полтора века¹². В случае с арабами мы, на первый взгляд, не видим ничего похожего.

Ислам — религия арабов?

Принято считать, что арабы успешно навязали свою религию покоренным народам. Вполне возможно, что дело обстоит наоборот. Стоит внимательно посмотреть на первые три-четыре века исламской цивилизации, самый креативный ее период, когда шло оформление корпуса мусульманского Священного Писания и Сунны, сложение догматики, ритуалов, богословия и философии, основных направлений духовных исканий. Кто и где этим занимался?

Аравитяне доминировали в этом движении только в VII в., к которому относится сложение основных ветвей ислама, кодификация Корана, зарождение тафсира (комментариев к Священному Писанию) и начало собирания хадисов (конечно, если верить позднейшей традиции, приписывавшей всё это младшим современникам Мухаммада; стоит сказать, современное исламоведение относится к ней всё более скептически). В VIII в. Хиджаз явно утрачивает роль духовного центра. Там остались лишь педантичные начетчики, составители Сунны Пророка, а все творчество смещается в Куфу и другие города Месопотамии. Последний уроженец Медины, сыгравший видную роль в истории мусульманской доктрины — Малик ибн Анас (713–795), основатель маликитского мазхаба (одной из четырех юридических школ суннитского ислама). После этого святыне города Аравии превращаются в интеллектуальную пустыню.

Пульс ислама теперь бьется в Куфе, где в VIII в. складываются все толки шиизма и их интеллектуальное обрамление; из этого же города происходят столпы мусульманского права Абу Ханифа (699–767) и Абу Юсуф (731–807). В Ираке ок. 700 г. была реформатирована арабская письменность, что позволило записывать тексты любой сложности и обеспечило грядущий расцвет арабомусульманской культуры. В Басре оформляется школа лингвистики, а также все ветви идейных исканий и философских раздумий, выплеснувшихся в мутазилитские споры. Там же мусульманский аскетизм сплетается с мистикой и экстазом божественной любви, порождая суфийское движение. Все это появилось под влиянием неарабских культурных импульсов. Месопотамские города, хоть и основанные арабами, быстро стали полиэтничными. В биографии каждого второго иракского богослова значится: «перс», «мауля», «вольнотпущенник», «сын раба». Даже арабы, попадая в инокультурную среду Ирака,

¹² Случай вестготов наиболее показателен. Этот народ закрепился в Испании в 70-х гг. V в. Изначально готы и римляне жили по разным законам. Смешанные браки с римским населением были разрешены в правление короля Леовигильда (568–586). Практически сразу же вслед за этим правящая элита отказывается от арианства (589 г.). Общие законы для потомков готов и римлян были установлены при короле Рекесвинте в 634 г. Таким образом, процесс ассимиляции занял немногим более полутора веков. См.: *Пирен А.* Империя Карла Великого... С. 35, 49–50.

воспринимали новые ценности и начинали вести себя по-другому. Аль-Мухтар, вождь шиитского восстания в Куфе 685 г., стал изображать из себя пророка-чудотворца, чувствуя, что именно этого от него ждут его приверженцы, иранские мавали и рабы¹³.

На фоне бурного духовного брожения в Ираке удивляет творческая стерильность Сирии и Египта в первые века ислама. Единственный достойный внимания египтянин — классик суфизма Зу-н-Нун аль-Мысри (796–860/1) — был нубийцем из мавали. Зато в Иране, и особенно в Хорасане, складывается центр духовного творчества, почти равновесный Месопотамии. Здесь рождаются самые радикальные формы шиизма и других революционных квази-исламских идеологий, как движение хуррамитов. Здесь суфизм приобрел наиболее исступленные и экстатические формы, от юродивых-каландаров до «опьяненных» дервишей, взывающих физического слияния с Аллахом. Те же восточные иранцы слепили и нормативный ислам. Авторы ас-Сахихайн, двух самых авторитетных сборников хадисов, происходили из Бухары и Нишапура¹⁴. Ат-Табари (838–923), ведущий толкователь Корана и создатель мусульманской схемы всемирной истории — уроженец каспийского побережья. Даже Ахмад ибн Ханбаль (780–855), столп суннитского правоверия — потомок выходцев из Хорасана.

Если взять авторитетное издание «Ислам. Энциклопедический словарь» (М.: «Наука», 1991) и посмотреть на упоминаемых там религиозных деятелей первых четырех веков ислама (за минусом чисто политических фигур власть предержащих), то аравитяне (и то вместе с лже-пророками эпохи Мухаммада) составят всего 20% от общего числа персоналий. Жители Ирака (из которых как минимум половина — потомки зороастрийцев, христиан и иудеев) дадут около 40% ведущих мусульманских богословов. Уроженцев Ирана и Мавераннахра будет около трети. Остальные несколько процентов — сирийцы и египтяне. В науке как данность принимается факт, что суфизм — явление, привнесенное в ислам извне, не имеющее никаких корней в Аравии. Точно так же, все направления арабоязычной философской мысли сложились под влиянием доисламских духовных исканий. «Классический ислам» — это в огромной мере продукт творчества носителей неисламских религиозных традиций.

Т.е. можно сказать, что арабы отнюдь не ассимилировали покоренные ими народы Передней Азии и северной Африки. При том, что завоеватели распространили на огромных пространствах свой язык и религию (насколько, повторю, ислам можно считать порождением арабов), однако сами они, как этнос, очень быстро потеряли всё. Аббасидская революция выбросила арабов из истории.

¹³ Об аль-Мухтаре см.: *Большаков О.Г.* История халифата. Т. 3. М., 1998. С. 247–254.

¹⁴ Мухаммад б. Исмаил аль-Бухари (810–870) и Муслим (817/821–875) соответственно.

Арабы: превратности этнической истории

Народы, населявшие земли Благодатного Полумесяца и долину Нила до арабского завоевания — носители новоарамейских наречий и египетские копты — были практически лишены государственного инстинкта. У них слабо прослеживалось этническое самосознание, и отсутствовало собственное военнослужилое сословие (ситуация, которую называют «ущербной социальной структурой»). Активное участие сирийцев и коптов в церковно-политической борьбе эпохи Вселенских соборов, в т.ч. духовная оппозиция имперским властям Константинополя, никогда не перерастали в политический сепаратизм. Персидское вторжение начала VII в. и мусульманское завоевание парой десятилетий позже были восприняты ближневосточными народами совершенно пассивно. Мирное податное население и помыслить не могло взять в руки оружие и защищать свои очаги.

Арабы доисламской эпохи на этом фоне очень контрастны. Народ воинов, не способных подчиняться царской власти и гордившихся этим. При этом долгое время бедуинские племена были лишь «пушечным мясом» северных империй. Запредельная гордыня и чувство своей племенной исключительности делали арабов легко управляемыми. Византия и сасанидский Иран долгие века вели борьбу между собой руками вассальных арабских царьков. Когда же арабияне в эпоху Мухаммада осознали себя как самодостаточную политическую силу, то смели с исторической арены соседние супердержавы, десятикратно превосходившие их по военно-демографическому потенциалу. Однако арабы так и не смогли создать свои жизнеспособные государственные структуры.

У кочевников генетически обусловлен высокий уровень агрессии и индивидуализма. Изначально такие стереотипы поведения были присущи всему человечеству. Считается, что в эпоху неолитической революции у человеческих популяций, создавших городские культуры, произошли генетически заданные поведенческие сдвиги, способствовавшие снижению агрессивности, появлению уважения к иерархии, законам, умения уживаться с массами людей, не состоящих в кровном родстве друг с другом¹⁵. Но кочевников подобные трансформации затронули мало. Даже осев на землю, потомки кочевников долго сохраняют прежний менталитет. Всякий, знакомый со средневековой историей арабов, согласится, что халифат Омейядов — это сто лет кровавой анархии. Только при Аббасидах мусульманская империя обрела истинное державное величие, но уже стараниями иранцев. А арабы-бедуины, потерявшие свой привилегированный статус, снова вернулись в положение мятежной варварской периферии.

При этом не следует путать настоящих арабов — аравийских бедуинов — с арабоязычными жителями Сирии, Египта, Ирака. Это потомки арамеев и коптов, сменившие язык, но сохранившие прежние этнические стереотипы поведения, в частности, отсутствие наклонностей к государственностроительству. Вовсе не удивительно, что египтяне не правили Египтом две с половиной тыся-

¹⁵ Уэйд Н. На заре человечества. Неизвестная история наших предков. М., 2017. С. 173, 212–224, 233–240.

чи лет — от фараонов Позднего Царства до революции «Свободных офицеров» 1952 г. То же можно сказать про сирийцев и иракцев Средних веков и Нового времени. Это феллахи, ремесленники, купцы и книжники, жившие под властью иноплеменных военных элит тюркского, курдского, кавказского, балканского происхождения.

Единственное исключение на Ближнем Востоке представляли племена бедуинов, периодически оспаривавшие власть над Благодатным Полумесцем у городских центров силы — карматы, Хамданиды, Джаррахиды и пр. Даже признавая власть мамлюков или османов, арабы-бедуины сохраняли свой статус как серьезная военная сила, с которой предпочитали не ссориться. Но при этом они оставались всё той же деструктивной варварской периферией, способной лишь грабить караваны и травить посевы верблюдами. Дело не в недостатке у кочевников прибавочного продукта, необходимого для создания собственных государственных институтов. Проблемы были именно в гормональном фоне, ментальности, избытке импульсивности, агрессии и гордыни.

Одно из наиболее серьезных отличий средневековых арабов от доисламских — резкое расширение их ареала обитания за счет северной и северо-восточной Африки. Арабы радикально изменили этнокультурную картину Египта, Судана, Магриба. Но было ли качественное отличие между арабами-бедуинами (равно как и арабоязычными феллахами и горожанами) Магриба и Машрика? Или это те же социальные и культурные модели, которые уже существовали в Аравии и странах Благодатного Полумесца, просто перенесенные на африканскую почву? Такие эпизоды магрибинской истории, как «хилялийская катастрофа», уничтожение островков городской цивилизации над натиском племен Бану Хиляль в XI в., только подтверждают сказанное об арабском потенциале развития. Или эпопея племени Бану Канз, которое в XIV–XV вв. отняло Верхний Египет у мамлюков, но так и не смогло подняться над своими инстинктами хищника и построить на подвластных территориях хоть какие-то государственные структуры.

Из тех, кого относят к понятию «арабы», настоящими арабами могут считаться не более 10% — это жители Неджда и Хиджаза. Пропасть между арабиянами с одной стороны и сирийцами, иракцами, египтянами с другой очевидна, если мы будем рассматривать любой из критериев этноса. Генетически те, кого называют арабами, крайне неоднородны¹⁶. О том, как различается у

¹⁶ Недавние революционные прорывы в популяционной генетике позволили составить представление о генофонде арабских народов. Гаплотип древних аравийских пастухов J1, доминирующий в южной и восточной Аравии, встречается лишь у трети мужчин Благодатного Полумесца, а на сиро-палестинском побережье падает до 20%. Там преобладает генетическое наследие первых земледельцев, гаплотип J2, довольно частотный также в Иране и Турции, но редко встречающийся у арабов. Строго говоря, гаплотип J1 тоже зародился на заре неолита в горах Тавра, очаге Неолитической революции, но впоследствии большая часть его носителей переместилась на Аравийский полуостров, зону формирования пра-семитской языковой общности. В Магрибе и Египте доминирует североафриканский неолитический этномаркер El1b1b1, заметный также в южных районах Большой Сирии, но куда меньше представленный в Аравии. См.: *El-Sibai M., Platt D.E., Haber M., etc. Geographical Structure of the Y-chromosomal Genetic Landscape of the Levant: A coastal-inland contrast* / <https://doi.org/>

этих народов этнический стереотип поведения, уже было сказано. Нуждается ли в комментариях такой базовый критерий этноса, как комплиментарность, т. е. позитивное восприятие друг друга по критерию «свой-чужой?». Бедуины презирали оседлых — тех, кто ковырялся в земле и платил налоги, а оседлые жители арабского Востока думали про бедуинов примерно как паломник XVIII в. В. Григорович-Барский, писавший: «Беседа их мерзостна к слышанию, зрение же и хождение зверское, а не человеческое, целования же и приветствия несть, и ядение и питье свинское имут. Словом рещи, всего мира последний народ нравом и житием»¹⁷. На уровне этнической самоидентификации мы видим ту же картину: как известно, слово «араб» до XX в. обозначало именно бедуинов и было в устах феллахов и горожан почти ругательным. Сирийцы и иракцы начали ощущать себя арабами только с рубежа XIX–XX вв., по мере знакомства с европейскими концепциями национализма, где первостепенную роль играют лингвистические факторы. Египтян и жителей Магриба записали в «арабов» еще позже. Излишне говорить, что серьезная историческая наука должна стоять выше недавно сконструированных националистических мифологий.

Подводя итог, отметим, что параллелей между германцами, ассимилировавшимися в римской среде, и арабами, давшими ромеям свой язык и веру, куда больше, чем кажется на первый взгляд.

Арабы повлияли не столько на генофонд народов Благодатного Полумесяца, сколько на их этнонимику, как франки дали свое имя французам. Ислам, принесенный аравитянами, был радикально трансформирован завоеванными народами, исходя из их собственных культурных традиций и запросов. После Аббасидской революции мусульманскую цивилизацию строили люди, имевшие с арабами мало общего в плане культурного наследия и этнических стереотипов поведения. Аравитяне были отодвинуты на периферию исторического процесса, а арабоязычные жители Благодатного Полумесяца никоим образом не могут рассматриваться как один народ с бедуинами Аравийского полуострова. Это стоит помнить, когда мы рассуждаем об истории тех, кого по инерции называем «арабами».

Список литературы

- Большаков О.Г. История халифата. Т. 2. М., 1993.
Большаков О.Г. История халифата. Т. 3. М., 1998.
Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
Лебек С. Происхождение франков. V–IX века. М., 1993.
Манко Дж. Как заселялась Европа. М., 2019.
Пирен А. Империя Карла Великого и арабский халифат. Конец античного мира. М., 2001.

10.1111/j.1469--1809.2009.00538.x. Доступ 30.03.2018; Манко Дж. Как заселялась Европа. М., 2019. С. 105–111.

¹⁷ Странствия Василья Григоровича-Барского по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. Ч. I. СПб., 1885. С. 300.

- Уэйд Н. На заре человечества. Неизвестная история наших предков. М., 2017.
- Anthony S.W. Fixing John Damascene's Biography: Historical Notes on His Family Background // *Journal of Early Christian Studies*. 2015. Vol. 23. № 4. P. 607–627.
- Brett M. Population and Conversion to Islam in Egypt in Medieval Period // *Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras* / Ed. by D. De Smet, U. Vermeulen, J. van Steenbergen. [Orientalia Lovaniensia Analecta; 140]. Leuven. 2005. P. 1–32.
- El-Sibai M., Platt D.E., Haber M., etc. Geographical Structure of the Y-chromosomal Genetic Landscape of the Levant: A coastal-inland contrast / <https://doi.org/10.1111/j.1469-1809.2009.00538.x>. Доступ 30.03.2018.
- Griffith S.H. The Manṣūr Family and Saint John of Damascus: Christians and Muslims in Umayyad Times // *Christians and Others in the Umayyad State* / Ed. by A. Borrut, F.M. Donner. Chicago, 2016. P. 29–51.
- Hamilton R.W. Al-Mafjar, Khirbet // *Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land*. Jerusalem, 1975. P. 754–763.
- Irwin R. *Islamic Art*. L., 1997.
- Kennedy H. Egypt as a Province in the Islamic Caliphate, 641–868 / *The Cambridge History of Egypt*. Vol. 1. Cambridge, 1998. P. 62–85.
- Robinson C.F. *Empire and Elites after the Muslim Conquest: The Transformation of Northern Mesopotamia*. Cambridge, 2000.
- Swanson M. *The Coptic Papacy in Islamic Egypt (641–1517)*. Cairo; New York, 2010.
- The Umayyads. *The Rise of Islamic Art*. Amman, 2000.

BYZANTINOTAUICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2023. Т. 1

С. 232–241

BYZANTINOTAUICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 1: 2023

P. 232–241

Научная статья

DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.13

Историческое картографирование византийского Крыма: некоторые соображения

Николай Игоревич Быстрицкий¹⁻²

¹ старший научный сотрудник; Лаборатория по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века; Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, 119192 Москва;

² Историко-археологическая лаборатория по комплексному изучению Византийского Причерноморья; Институт общественных наук и международных отношений; Севастопольский государственный университет; ул. Университетская, д. 33, 299053 Севастополь; nbysritrskiy@yandex.ru

Аннотация: В настоящей работе представлены некоторые соображения по концептуальным подходам, разрабатываемым в ходе подготовки создания исторического атласа византийского Крыма. Залогом качественной реализации является решение задачи адекватного структурирования пространственных данных. Нами предлагается распределять данные по трем взаимосвязанным уровням: физическому, антропогенному и когнитивному, что позволит отделить разнотипные данные, которые обладают различными характеристиками. Такое структурирование может быть продуктивным с точки зрения изучения логики социальных отношений, оно содействует историческим исследованиям, включая области историографии и интеллектуальной истории.

Ключевые слова: историческая картография, история Крыма, цифровой атлас, структурирование пространственных данных, Анри Лефевр.

Финансирование: Работа подготовлена в Севастопольском государственном университете в рамках выполнения мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации, соглашение № 075–15–2022–1130.

Цитирование: Быстрицкий Н.И. Историческое картографирование византийского Крыма: некоторые соображения // *Byzantinoturica*. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2023. Т. 1. С. 232–241. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.13.

Original article

Historical Mapping of Byzantine Crimea. Some Considerations

Nikolay I. BYSTRITSKIY¹⁻²

¹ Senior researcher; Centre for Byzantine and Black Sea Studies in the Middle Ages; Moscow State University; Lomonosovsky prospect, 27–4, 119192 Moscow, Russian Federation;

² Centre for Complex Historical and Archaeological Research of the Byzantine Black Sea Region; Sevastopol State University; Universitetskaya ul. 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation; nbysritskiy@yandex.ru

Abstract: This paper presents some considerations on the conceptual approaches elaborated during the development of a historical atlas of Byzantine Crimea. The key to high-quality implementation is solving the problem of adequate structuring of spatial data. We propose to distribute data across three interconnected levels: physical, anthropogenic and cognitive ones, which will allow us to separate different types of data that bear different characteristics. Such structuring can be productive from the point of view of studying the logic of social relations, and it contributes to historical research, including the fields of historiography and intellectual history.

Keywords: historical cartography, history of Crimea, digital atlas, structuring of spatial data, Henri Lefebvre.

Funding: The research is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Agreement no. 075–15–2022–1130. Research is conducted on the basis of Sevastopol State University.

For citation: Bystritskiy, N.I. “Historical Mapping of Byzantine Crimea. Some Considerations.” *Byzantinoturica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 1(2023). P. 232–241. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.13.

В ходе последней Всероссийской сессии византинистов, проходившей в октябре 2022 года в г. Судак, были высказаны мнения об актуальности подготовки комплексного тематического атласа Крыма византийского периода

(сер. IX — сер. XV вв.)¹. Его исполнение в цифровом формате должно обеспечить серьезную визуальную базу для проведения образовательных и культурно-просветительских мероприятий, послужить важным вкладом в дело изучения и сохранения богатого культурного наследия византийского времени. Качественная реализация атласа представляет собой серьезную многоплановую задачу, которая требует не только неисчислимых усилий по наполнению содержания, но и глубокой проработки концептуальных и технологических подходов. Решая для этих целей задачу использования новейших компьютерных и картографических методов, следует учитывать также положительный международный опыт, представленный в существующих проектах по исторической географии. Хочется упомянуть о некоторых из них.

DARMC: Цифровой атлас римской и средневековой цивилизаций (Digital Atlas of Roman and Medieval Civilization. Mapping Past Societies)². Проект Гарвардского университета по использованию ГИС для пространственной визуализации истории римского и средневекового мира. Позволяет осуществлять пространственный и временной анализ всех аспектов цивилизации Западной Евразии в первые 1500 лет нашей эры, а также генерацию оригинальных карт, иллюстрирующих ее различные аспекты. Хронологический охват проекта начинается со времен Римской империи и простирается почти на тысячу лет захватывая средневековый мир Европы и Византии и эпоху Крестовых походов, а также цивилизацию исламского мира.

DARE: Цифровой атлас Римской империи (Digital Atlas of Roman Empire)³. Проект исследователей из Гетеборгского университета по картографической визуализации территории Римской империи. Содержит около 30 тысяч топонимов.

ORBIS: Геопространственная сетевая модель римского мира (The Stanford Geospatial Network Model of the Roman World)⁴. Проект Стенфорского университета, в рамках которого по материалам источников была создана сетевая географическая модель римского мира, реконструирующая характеристики стоимости и продолжительности путешествий различного характера в эпоху Римской империи (примерно на 200 г. н. э.). Модель включает данные о 632 местах, в том числе о 301 морском порте; 84 631 км дорог и перевалов; 28 272 км речных маршрутов и каналов и 192 810 км морских путей. Местоположения и наиме-

¹ Быстрицкий Н.И., Гришин Е.С. Предлагаемые подходы к формированию цифрового атласа византийского Крыма // Византийский «круг земель». Orbis terrarum Byzantinus. Тезисы докладов XXIII Всероссийской научной сессии византистов РФ (Судак, 24–30 октября 2022 г.) / Под ред. С.П. Карпова, М.В. Грацианского, В.В. Майко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 24–26; Быстрицкий Н.И., Гришин Е.С. Актуальные вопросы тематического картографирования Крыма // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы VI Международной научной конференции (Севастополь, 3–7 октября 2022 г.). М.: ИВ РАН, 2022. С. 69–72.

² Digital Atlas of Roman and Medieval Civilization. URL: <https://harvard-cga.maps.arcgis.com/apps/View/index.html?appid=b4dad589ee4b40e39a93bb0b026e4ee8>.

³ Digital Atlas of the Roman Empire. URL: <https://dh.gu.se/dare/>.

⁴ Orbis. URL: <https://orbis.stanford.edu/>.

нования объектов получены из античного газетира Pleiades. Проект являет собой удачный пример совместного использования Digital Humanities технологий ГИС, исследования сетей и баз данных для анализа и визуализации исторического материала.

ТІВ: *Tabula Imperii Byzantini* представляет собой газетир (справочник населенных пунктов и объектов культурного наследия), который включает индекс топонимических данных, включенных в ранее напечатанные тома проекта⁵. Ведущий международный проект по исследованию по исторической географии Византийской империи реализуется Австрийской академией наук в Вене с 1966 года. ТІВ осуществляет долгосрочные систематические исследования в области исторической географии Византийской империи (начало IV века — середины XV века). Целью проекта является создание исторического атласа византийского пространства от поздней античности до раннего Нового времени. Его цифровое продолжение Dig-TIB интегрирует современные перспективные научные методы: палеоклиматические исследования и теории расселения, цифровые системы определения местоположения, достижения Digital Humanities: базы знаний, технологии анализа данных и историко-географические информационные системы (HGIS). Данный проект является в настоящее время бесспорным лидером по авторитетности среди мировых научных проектов, посвященных географии Византии.

Рассмотренные нами проекты не во всех отношениях показывают достаточную концептуальную проработанность, а также характеризуются невысокой степенью формализации исторических материалов. Кроме того, географически эти проекты практически не охватывают территории Северного и Восточного Причерноморья, актуальные для нашего атласа.

В ходе проработки концептуальных подходов к функциональной организации создаваемого цифрового атласа возникают вопросы должной реализации механизмов накопления, хранения и анализа исторических географических данных. Понятно, что правильным образом формализованные и структурированные данные могут существенно повысить качество их исследования и обработки.

Сегодня специалистами предлагаются различные взгляды на структурирование пространственных данных. Так, географы предлагают следующую типологию описаний пространства и соответственно предложенные методы их анализа⁶:

- физическая структура пространства (морфогенетический анализ);
- символическое пространство (символический анализ);
- образы и представления о пространстве (ментальные и когнитивные карты);
- способы использования пространства (функциональный анализ);
- распределенность в пространстве (анализ социального пространства);

⁵ Dig-TIB. <https://tib.oeaw.ac.at/digtib>.

⁶ Heineberg H. Stadtgeographie. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2006. S. 143–166.

- пространство передвижения людей и товаров (анализ пространственной активности);
- взаимодействие этих пространств.

Наряду с предлагаемой типологией французский социолог Анри Лефевр, считающийся отцом «пространственного поворота» в социогуманитарных науках, начало которого связывают с переводом на английский язык в 1991 году его книги «Производство пространства», предложил собственный взгляд на структурирование пространства⁷. Он указывал на необходимость изучения единства динамических связей между физическим (природа), ментальным (идеи/теории) и социальными пространствами. Исследовать пространственные феномены в их комплексности — одновременно в трех срезах: материальном, социально-политическом и научно-исследовательском, рассматривать их в диалектическом единстве⁸. Именно в таком системном значении Лефевр использовал слово «единая», когда заявлял о необходимости построения «единой теории пространства», названной «спатиология» (spatiology)⁹.

Социальное пространство рассматривается Лефевром как продукт общества и каждое общество с его иерархией ценностей должно производить свое собственное пространство. Изначальная социальность пространства означает, что вопрос о разворачивании пространства должен быть поставлен в контексте проблемы производства и воспроизводства социальных отношений. Лефевр утверждает, что существуют различные способы производства пространства (спатиализации, spatialization), отталкивающиеся от естественного пространства («абсолютного пространства») и реализующие более сложные виды пространств и потоков, смысл которых задается социальными отношениями¹⁰. С целью раскрытия форм производства пространства Лефевр предлагает свою «пространственную триаду», образующую «центральный эпистемологический стержень» его книги.

Таким образом, Лефевр различает:

1. Пространственные практики (*le perçu, perceived*). Речь идет о практиках, структурирующих социальное пространство (например, практики организации труда, досуга, политической жизни). Эти практики охватывают производство и воспроизводство, задумку и реализацию, представленное и обжитое и так или иначе обеспечивают социальную связность, непре-

⁷ См.: *Lefebvre H. La production de l'espace*. Paris: Éditions Anthropos, 1974 (англ. пер.: *Lefebvre H. The Production of Space* / Transl. by D. Nicholson-Smith. Oxford: Blackwell, 1991; рус. пер.: *Лефевр А. Производство пространства* / Пер. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015).

⁸ Бедаш Ю.А. Концепция социального пространства Анри Лефевра // Вестник ТГПУ. 2012. No 11 (126). С. 219–224 (здесь С. 219) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-sotsialnogo-prostranstva-anri-lefevra> (дата обращения: 19.10.2023).

⁹ Aleinikov A.G. Spatiology, the New Science of Space: A Quick Fix for the Largest Gap in the History of Science with AI and Beyond // *Science and World*. 2023. No 6 (118). P. 44–52.

¹⁰ Спатиализации — пространственные формы, которые принимают социальные действия, материальные объекты и явления, образующие общее ощущение социального пространства, типичного для определенного времени, места или культуры. *Cresswell T. Place. A Short Introduction*. Oxford: Blackwell, 2004. P. 38.

рывность и то, что Лефевр называет «пространственной компетенцией»¹¹. «Практики, посредством которых социальная структура выражается и воспроизводится, не могут быть отделены от освоения пространства и использования пространственных структур. Ранее структурированное пространство и ограничивает, и делает возможным воспроизведение социальных практик и социальной структуры. Социальное становится пространственным. Пространственное становится социальным», — отмечал географ Аллан Пред¹².

2. Репрезентации пространства. Это задуманное пространство, которое полностью формируется в уме (*le conçu, conceived*). Это полностью ментальное пространство. Это знание о пространстве; то, как пространство понимается и интерпретируется профессионалами (географами, архитекторами, философами, политиками, социологами, урбанистами, инженерами, специалистами по городскому планированию и др.). Этот «срез» напрямую связан с отношениями производства и порядком, формируемым этими отношениями, находя свое «объективное выражение» в памятниках, зданиях, фабриках, офисах и т. д. Как «представления» они занимают центральное место в формах знаний и утверждений о действительности, выдвигаемых в социальных науках.
3. Пространства репрезентаций. Это пространство обывателей/пользователей или «обжитое», «проживаемое» пространство (*le vécu, lived*). Речь идет о повседневном опыте пространства, которое «скорее чувствуют, нежели мыслят». Этот «срез» имеет то «эмоциональное ядро», благодаря которому формируются «пространственные привязанности», делающие нашу социальную жизнь более устойчивой и ценностно значимой: родина, родительский дом, своя комната, любимый сквер и т. д. Обжитое пространство соединяет в себе, как замечает Лефевр, реальное и воображаемое, обжитое и задуманное. Именно здесь обнаруживают себя множество пространственных метафор, выражающих социальный статус («пришедшие с „неправильной стороны города“»); власть; время; престиж; заказ; разум, и другие, описанные в книге «Метафоры, которыми мы живем» Джорждем Лакоффом и Марком Джонсоном¹³.

В дальнейшем теория пространства была развита в работах его последователей и критиков: Фредрика Джеймсона, Марка Готтдинера, Дерека Грегори, Стефана Кипфера, Кристин Росс, Эрика Свингедоу, Эварда Соджы, Дэвида Харви, Роберта Шилдса и др. Так, американский географ Эвард Соджа предложил свою концепцию «третьего пространства»: «Третье пространство, как я его определяю, сохраняет множество значений, которые Лефевр настойчиво приписывал социальному пространству. Это одновременно пространство, отлича-

¹¹ Бедаш Ю.А. Концепция социального пространства... С. 220.

¹² Pred A. Place, Practice and Structure: Social and Spatial Transformation in Southern Sweden: 1750–1850. Totowa, New Jersey: Barnes and Noble Books, 1986. P. 198.

¹³ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой. М.: Едиториал УРСС, 2004.

ющееся от других пространств (физического и ментального, или «первого» и «второго» пространства), и трансцендентная совокупность всех пространств (Третье пространство как Алеф)»¹⁴. В нем «всё сходится... субъективность и объективность, абстрактное и конкретное, реальное и воображаемое, познаваемое и невообразимое, повторяющееся и уникальное, структура и действие, разум и тело, сознательное и бессознательное, дисциплинарное и трансдисциплинарное, повседневная жизнь и бесконечная история»¹⁵.

Отечественные исследователи Вилли Константинович Потемкин и Александр Леонидович Симанов предложили свою типологию организации пространства, разделенную на три пространства:

- Реальное пространство — то, в котором существует весь реальный физический (материальный) мир. Оно едино для всего сущего.
- Перцептуальное — связанное с нашими ощущениями пространства.
- Концептуальное пространство — то, в котором реальные феномены соотносятся с концептами: например, плоское двухмерное пространство мы можем связать с представлением о листе бумаги. Концептуальных пространств может быть множество, и они представляются договорными, т. е. в определенной мере являются условными.

Авторы также отмечали, что «информация посредством упорядоченности соответствующим образом влияет на организацию пространства в той или иной системе»¹⁶.

Для полноценного описания пространственных феноменов в цифровой форме необходима их гибкая типологизация, которая позволяла бы для каждого типа обеспечить описание присущих для него характеристик и обеспечить совместимость методов анализа. Становится понятным, что при описании пространственных данных следует учитывать все социальные и когнитивные пространственные формы. Исходя из этого предлагается для цифрового описания структурировать пространственно обусловленные данные по трем взаимосвязанным уровням:

- физический (объекты природного происхождения);
- антропогенный (материальные объекты социального происхождения);
- когнитивный (когнитивные объекты социального происхождения и их описания).

К первому уровню относятся первичные географические объекты. Понятно, что уровень также может подразделяться на ряд подуровней в зависимости от видов и характеристик объектов: наземные объекты (горы, равнины, впадины и т. п.), водные объекты (моря, реки, озера), объекты флоры и фауны.

¹⁴ Soja E.W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Oxford: Blackwell Publishing, 1996. P. 62.

¹⁵ Ibid. P. 57.

¹⁶ Потемкин В.К., Симанов А.Л. Пространство в структуре мира. Новосибирск: Наука, 1990. С. 140.

Во второй уровень включены материальные объекты — результаты человеческой деятельности: локальные объекты (населенные пункты, предметы быта, строения, производственные предприятия и т. п.), протяженные объекты (дороги, улицы, тропы, каналы) и сам человек — его расселение и миграции.

Третий более комплексный уровень составляют объекты когнитивной деятельности, связанные с пространством, включая социальное пространство. Прежде всего, это объекты, отражающие или формирующие объекты двух предшествующих уровней, которые Лефевр определял, как репрезентации пространства. Сведения о них могут быть представлены в исторических источниках и других документах изучаемой эпохи, могут черпаться из археологических находок.

На первом подуровне представлены карты и чертежи, проекты и планы преобразования территорий, а также экфрасис, описание пространства и его доминант («Описание Эллады» Павсания, «География» Страбона). Другой подуровень, задаваемый навигационным типом пространственных данных, организуют сведения, содержащиеся в описаниях путешествий, итинерариях, путеводителях, либо представленные в схемах маршрутов, планах, картах, портуланах, репрезентациях, образах, формальных образованиях, элементах «метгеографии» и пр. Важным срезом представляются сведения об отношениях к пространству или «пространство репрезентаций», где фокусируется социальная роль пространственных объектов. Иным является подуровень воображаемого пространства, например, представленные описаниями в художественной литературе. Сложность структуризации усугубляется тем, что данные когнитивного уровня могут быть связаны как с личными, так и с коллективными формами репрезентации, оказывающими постоянное взаимовлияние друг на друга.

Стоит отметить, что вопрос взаимовлияний является ключевым для анализа пространственных объектов. Здесь важно выделить и описать динамические связи характеристик объектов различных уровней.

В результате предлагаемая иерархизация позволяет разделить разнотипные пространственные данные, которые обладают различными атрибутами и показателями достоверности, они также требуют разных процедур обработки и анализа. Возьмем для примера ситуацию выбора пути между двумя объектами; так, на первом уровне дистанция будет рассматриваться как геометрическое расстояние между двумя точками пространства, обусловленное растительностью и рельефом; на втором уровне — как ряд путей различной продолжительности с учетом имеющейся дорожной сети; а на третьем — как набор возможных маршрутов с различными когнитивными характеристиками (ориентирами, оценкой трудности, привлекательностью и пр.). Приведенный пример демонстрирует нам открывающиеся эвристические возможности для изучения маршрутов передвижения средневековых торговых, религиозных и политических миссий в византийском Крыму и построения моделей «быстрейшего пути» или «наиболее благоприятного пути»¹⁷. Такие модели могут быть уточне-

¹⁷ Popović M. Are the Historical Geography of the Byzantine Empire and Digital Humanities a Contradiction *per se*? // Bulgaria Mediaevalis. 2012. Vol. 3. P. 255–270.

ны благодаря современным цифровым реконструкциям и измерениям путей с помощью ГНСС-маршрутов, построенных с помощью современных навигационных устройств¹⁸.

В качестве другого интересного примера можно упомянуть исследования распространения информации (новостей, знаний, религиозных традиций, сведений о местах поклонений, научных теорий и пр.). Специалисты отмечают, что «ни один социальный процесс не существует без географической протяженности и исторической длительности, нам необходимо учитывать погруженность действия в мир реальности. В этом смысле каждое интеллектуальное новшество также географически, исторически и институционально локализовано, мы действительно можем отслеживать путешествия доктрины по мере того, как она развивается и циркулирует по земному шару, по мере того, как она транслируется, трансформируется, направляется и воспроизводится»¹⁹. Такого рода исследования призваны использовать сведения третьего когнитивного уровня.

Представленное нами структурирование пространственных данных может быть продуктивным с точки зрения изучения логики социальных отношений, оно содействует исследованиям в области историографии и интеллектуальной истории. Прозрачная взаимосвязь уровней дает возможность полнее раскрывать пространственно-исторический контекст человеческой интеллектуальной и духовной деятельности и его взаимодействий.

Список литературы

- Бедаш Ю.А. Концепция социального пространства Анри Лефевра // Вестник ТГПУ. 2012. №11 (126). С. 219–224.
- Быстрицкий Н.И., Гришин Е.С. Актуальные вопросы тематического картографирования Крыма // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы VI Международной научной конференции (Севастополь, 3–7 октября 2022 г.). М.: ИВ РАН, 2022. С. 69–72.
- Быстрицкий Н.И., Гришин Е.С. Предлагаемые подходы к формированию цифрового атласа византийского Крыма // Византийский «круг земель». Orbis terrarum Byzantinus. Тезисы докладов XXIII Всероссийской научной сессии византистов РФ (Судак, 24–30 октября 2022 г.) / Под ред. С.П. Карпова, М.В. Грацианского, В.В. Майко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С. 24–26.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Лефевр А. Производство пространства / Пер. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015.
- Потемкин В.К., Симанов А.Л. Пространство в структуре мира. Новосибирск: Наука, 1990.
- Aleynikov A.G. Spatiology, the New Science of Space: A Quick Fix for the Largest Gap in the History of Science with AI and Beyond // Science and world. 2023. No 6 (118). P. 44–52.

¹⁸ ГНСС-маршрут (GNSS-track, GPS-track) — множество координат точек пути, полученное при помощи устройств глобальных навигационных спутниковых систем (ГНСС).

¹⁹ Thinking Space / Ed. by M. Crang, N. Thrift. New York: Routledge, 2000. P. 3.

- Cresswell T. Place. A Short Introduction. Oxford: Blackwell, 2004.
- Heineberg H. Stadtgeographie. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2006.
- Lefebvre H. La production de l'espace. Paris: Éditions Anthropos, 1974.
- Popović M. Are the historical geography of the Byzantine Empire and digital humanities a contradiction per se? // Bulgaria Mediaevalis. 2012. Vol. 3. P. 255–270.
- Pred A. Place, practice and structure: social and spatial transformation in Southern Sweden: 1750–1850. Totowa, New Jersey: Barnes and Noble Books, 1986.
- Soja E.W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Oxford: Blackwell Publishing, 1996.
- Thinking space / Ed. M. Crang, N. Thrift. New York: Routledge, 2000.

BYZANTINOTAUURICA

Журнал византийских
и средиземноморских
исследований

ISSN 2949–6136

2023. Т. 1

С. 242–255

BYZANTINOTAUURICA

The Journal of Byzantine
and Mediterranean
Studies

ISSN 2949–6136

Vol. 1: 2023

P. 242–255

Научная статья

DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.14

М.Я. Сюзюмов о феодализме: замечания к определению термина

Анна Георгиевна Цыпкина¹⁻²

¹ кандидат исторических наук; старший научный сотрудник; Институт всеобщей истории РАН; Ленинский проспект 32а, 119334 Москва;

² Исторический факультет; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, 119192 Москва; anna021090@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена использованию термина «феодализм». Рассматриваются происхождение термина, эволюция этого понятия, анализируются комментарии различных ученых по современному использованию термина. Основное внимание уделено пониманию этого термина известным уральским советским византинистом М.Я. Сюзюмовым. На примере обсуждения этого термина византинистом Сюзюмовым в статьях и в письмах к коллегам показаны характерные особенности употребления этого термина и его проблемы.

Ключевые слова: феодализм, Михаил Яковлевич Сюзюмов, термины, переписка, эпистолярное наследие, эволюция понятия, византийская история, средние века.

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 22–18–00167 «Причерноморье и Средиземноморский мир в эпоху кризисов и перемен Средневековья».

Цитирование: Цыпкина А.Г. М.Я. Сюзюмов о феодализме: замечания к определению термина // Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2023. Т. 1. С. 242–255. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.14.

Original article

M.Ya. Syuzyumov on Feudalism: Some Comments on the Definition of the Term

Anna G. TSYPKINA¹⁻²

¹ Candidate of Sciences (History); Senior Researcher; Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Leninskiy avenue 32a, 119334 Moscow, Russian Federation;

² Faculty of History; Lomonosov Moscow State University; Lomonosovskiy prospect, 27/4, 119192 Moscow, Russian Federation; anna021090@yandex.ru

Аннотация: The article is devoted to the use of the term “feudalism”. The origin of the term and its evolution are considered, the comments from various scholars on its modern use are analyzed. The main attention is paid to the understanding of this term by the famous scholar of Byzantine studies Mikhail Yakovlyevich Syuzyumov. Using the example of the discussion of this term by this scholar in articles and his correspondence with colleagues, the characteristic features of the use of this term and its problems are shown.

Keywords: feudalism, Mikhail Yakovlyevich Syuzyumov, terms, correspondence, epistolary heritage, evolution of the concept, Byzantine history, the Middle Ages.

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation, project no 22–18–00167 “Black Sea Region and the Mediterranean World during Periods of Crisis and Changes in the Middle Ages”.

Цитирование: Цыпкина А.Г. М.Я. Сюзюмов о феодализме: замечания к определению термина // Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2023. Т. 1. С. 242–255. DOI: 10.34757/ByzTaur.2023.001.14.

Единого универсального определения феодализма для всех регионов в Средние века на данный момент не существует. Школьники до сих пор в качестве определения заучивают формулу «вассал моего вассала — не мой вассал». Научная деятельность историков в исследовании феодализма сводится к тому, чтобы описать особенности каждого региона того периода, который привыкли называть феодализмом, и назвать это «особенностями феодализма». Таким образом получается, что термин «феодализм» на данный момент обозначает в основном конкретный временной промежуток. По этой причине в настоящей работе мы будем использовать термин «эпоха феодализма» именно во временном значении, фактически означающем период Средневековья.

Появлением этого термина, как и словосочетания «феодальный порядок», мы обязаны Французской революции — об этом подробно написала в своей сравнительно недавней статье Л.А. Пименова. Она показала, что в декрете Учредительного собрания от 11 августа 1789 г. об уничтожении феодальных прав и повинностей, который стал «официальным свидетельством о рождении концепции феодального общества», под «феодальным» подразумевалась вся си-

стема социальных привилегий дворянства¹. Некоторое время этот термин использовали как синоним Старого порядка, но потом его распространили на всё Средневековье.

Изучить всю литературу о феодализме представляется очень трудной задачей ввиду ее огромного объема. Как писал А.Я. Гуревич, «очистить залежи толкований феодализма»² очень сложно, потому что ежегодно об этом понятии публикуются примерно десять тысяч статей ежегодно³. Получается, что в оценке проблем этого термина А.Я. Гуревич в конце XX века сошелся с мнением И.М. Гревса, который в начале века в статье для энциклопедии Брокгауза и Ефрона писал следующее: «До сих пор выходят многочисленные специальные исследования и общие сочинения о феодализме, из которых выросла огромная литература», «о нем высказываются всё новые взгляды. Вследствие большого количества теорий о сущности феодализма, особенно его возникновении, и разнообразия их исходных точек сильно осложняется задача их изложения и затрудняется классификация»⁴. Таким образом получается, что на протяжении 100 лет исследователи продолжают пользоваться термином, которому так и не выработано никакого универсального современного ни XX века, ни XXI столетию определения. В литературе последних лет уже делались попытки обсуждения термина феодализм⁵. Однако дискуссии о его употреблении либо очень сильно растягивались, либо заходили в тупик, поскольку исследователи неизбежно выходили не на выработку нового определения термина (или определенной эпохи Средневековья), а на характеристику разных обществ этого периода и дискуссии о них.

Помимо большого количества литературы для анализа употребления термина, в российской историографии добавляется специфическая дополнительная причина не анализировать реальное содержание этого термина: усталость от обязательных клише советской историографии, в которых термину феодализм сложилась традиция приписывать классовую борьбу в качестве основополагающей характеристики периода.

Однако на протяжении XIX–XX вв. дискуссии об этом термине шли постоянно, и сложились разные концепции феодализма, в первую очередь западноевропейского. В процессе этих обсуждений вырабатывались и уточнялись отдельные положения, в результате которых этот термин в своем изначальном значении стал все меньше и меньше подходить как под западноевропейские, так и под византийские средневековые реалии.

По мнению известного медиевиста Марка Блока, в такой ситуации не было ничего, что бы противоречило универсальной практике всех наук: феодаль-

¹ Пименова Л.А. Представления о «феодальном» в дореволюционной Франции XVIII в. // Одиссей. Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 63–76 (здесь: С. 74).

² Гуревич А.Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // Одиссей. Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 11–49 (здесь: С. 13).

³ Гуревич А.Я. Феодализм... С. 46. Примеч. 4.

⁴ Гревс И., Кареев Н., Любавский М., Миллюков П., Петрушевский Д. и др. Феодализм // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXXVA (70). СПб., 1902. С. 494–558 (здесь: с. 495).

⁵ Одиссей. Феодализм перед судом историков. М., 2006.

ным обществом называют общество, где фео́д не был самой значимой чертой, но разве физик не называет атомом, т. е. «неделимым», предмет, делением которого он занимается?⁶ Будучи совершенно согласными с Марком Блоком в том, что развитие науки предполагает устаревание терминов, тем не менее, обратим внимание на то, что физики, хотя и не изменили термин и само название атома, все же договорились о его новом определении и записали новые характеристики. Поэтому вопрос нового определения эпохи феодализма хотя бы для учебников остается насущной проблемой историков и преподавателей.

Медиевист П.Ю. Уваров в 2000-е гг. в дискуссиях о феодализме отмечал, что практически каждый исследователь об изучаемой стране говорит, что феодализм был где угодно, только не в изучаемой им стране⁷. Однако чтобы была возможность ответить на вопрос «где был феодализм?», нужно четко определиться, что под феодализмом понимается. Все больше исследователи сходятся в том, что «стереотип фео́до-вассальных институтов по сей день мешает в полной мере оценить публично-правовые основы общественной жизни Средневековья»⁸. Английская исследовательница С. Рейнольдс отмечает, что «понимание феодализма как альтернативы государственного порядка [новому порядку, установленному после Великой Французской революции] больше обязано историографической традиции, чем опирается на верифицируемое прочтение источников»⁹.

Стоит признать, что у исследователей западноевропейского средневековья куда как меньше повода для недовольства, чем у византинистов, поскольку термин «фео́д» не просто был не слишком распространен в Византии, но вообще не присутствовал в византийских источниках. В таком случае не корректнее ли, выбирая из зол наименьшее, говорить о возможных «процессах феодализации» общества хотя бы, но не о феодализме?

В последние годы проводилась очередная попытка ревизии этого понятия, поэтому в 2001 г. в одной из работ было предложено отказаться от понятия феодализм, при этом — что интересно! — не отказаться от давно принятого определения феодализма. То есть термин менялся на два других, а суть определения, активно используемого как в советской, так и в зарубежной историографии, фактически оставалась: историк А. Герро предложил использовать для обозначения феодализма два термина, один — «э́кклесия», что значит церковь, а второй — «до́миниум», что предполагает одновременно «и власть над людьми, и власть над землей»¹⁰, что полностью соответствует определению феодализма в советской историографии и современному российскому определению (соединение собственности на землю и управления).

⁶ Феодализм в представлении современных медиевистов // Всемирная история. Средневековые цивилизации Запада и Востока / Отв. ред. П.Ю. Уваров. Т. 2. М., 2012. С. 16–32 (здесь: С. 30).

⁷ Уваров П.Ю. В поисках феодализма // Одиссей. Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 5–10 (здесь: С. 9).

⁸ Феодализм в представлении... С. 25.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 31.

В результате обсуждений и научной сессии, проведенных историками в ИВИ РАН в 2000-е гг., выяснилось, что историки не готовы ни отказаться от этого термина, ни предложить для него новое универсальное определение, которое предполагает знание реалий феодального периода всех обществ и глубокого знакомства с юридическими текстами по всем географическим регионам — то есть предполагает коллективную работу и очень большую ответственность, а также способность к экономическим и социологическим обобщениям, что обычно выходит за рамки специфически исторической деятельности.

При этом современных российских исследователей не волновал вопрос о том, какое значение термину придавал К. Маркс¹¹, тогда как в советское время такие споры были актуальны и многие споры о феодализме велись под эгидой рассуждений об истинном марксизме. В частности, византинисту Михаилу Яковлевичу Сюзюмову тоже было важно понять и доказать, какая трактовка феодализма по-марксистски неверна, а какая — верна.

На данный момент историкам предстоит решить, что делать с этим термином: либо создавать универсальное определение эпохи феодализма, сделав этот термин универсальным: это означает обобщающую работу на основе юридических источников по разным географическим регионам эпохи феодализма, либо оставить за этим термином только его временное значение (что по сути сейчас и делается по умолчанию во многих исследовательских работах, но учить тем не менее продолжают по старым определениям).

В свое время уральский византинист, выпускник Юрьевского (ныне Тартуского) университета М.Я. Сюзюмов тоже пытался решить этот вопрос непригодности термина к новым открытым в источниках реалиям с помощью наполнения термина «феодализм» новым содержанием или изучения его «особенностей» для конкретного региона. В одной из своих статей он писал об этом прямо: «Мы всегда категорически протестовали против попыток перенесения на византийскую историю тех положений, которые Ф. Энгельс применял к обществу, непосредственно выходящему из родоплеменного строя», «минуя стадию рабовладельческих отношений»¹².

До революции наличие феодализма в Византии не то чтобы отрицалось, но подчеркивалась разница западноевропейского и византийского пути: например, в энциклопедии Брокгауза и Ефрона в статье о русском феодализме говорилось, что восточные области Древней Руси унаследовали зависимые отношения более сильного социально-военного сословия «не феодальную, а типическую восточно-византийскую форму <...>. Есть, однако, местности в России, где и экономические, и социальные отношения сложились гораздо более сходно с Западной Европой, чем в северо-восточной Руси: это именно Русь Юго-Западная. Здесь можно было бы найти не только родовые, но даже и видовые сходства с западным феодализмом»¹³. Уже в начале XX века при составлении

¹¹ Алаев Л.Б. Традиционная модель феодализма и «восточный феодализм» // Феодализм: понятие и реалии. Материалы круглого стола. Москва, 25 апреля 2005 г. М., 2008. С. 239–244.

¹² Сюзюмов М.Я. К вопросу об особенностях генезиса феодализма в Византии // Византийский временник. 1960. Т. 17. С. 3–16 (здесь: С. 3).

¹³ Гревс И., Кареев Н., Любавский М., Милюков П., Петрушевский Д. и др. Феодализм. С. 549.

словаря Брокгауза и Ефрона было понятно, что с определением термина «феодализм» один человек не справится, поэтому статьи о феодализме в разных регионах писали разные ученые: Н. Кареев, П. Милуков и др. Из приведенного отрывка понятно, что его автор отрицал наличие феодализма не только в определенных частях Московской Руси, но и в Византии. Эта же мысль прослеживается в концепции восточного феодализма, которая бытовала в советской России в 20–30-е гг. XX века¹⁴.

Поскольку византиноведение в 30-е гг. было в России запрещено, а возродилось только в 40-е, и византинистов было мало, мы предполагаем, что принятие этого термина советскими византинистами было сделано как для адекватного существования в научной среде, так и для возможности внутреннего научного обмена. М.Я. Сюзюмов, в частности, принимает использование термина «феодализм» для Византийской империи, а отличия византийских социальных отношений от Западной Европы, как уже было написано выше, называет «особенностями феодализма».

Одна из самых ярких статей М.Я. Сюзюмова по этому вопросу была опубликована в 1960 г. в журнале «Византийский временник»¹⁵. В названии статьи М.Я. Сюзюмов находит изящный выход для использования термина «феодализм»: статья называется «К вопросу об особенностях феодализма в Византии». Не отказываясь от термина в принципе, он подчеркивает его своеобразие в Византийской империи, однако по факту наполняет его содержанием, которое не предполагали его существующие на тот момент определения, записанные в учебнике С.Д. Сказкина 1977 г. и в учебнике Е.А. Косминского 1941 г. как апробированный результат научных изысканий: «Феодальное право закрепляло и освящало монополию земельной собственности феодалов, часто их права на личность крестьян, на судебную и политическую власть над ними¹⁶», что «государство, право официальная религия и церковь в средние века стояли на страже интересов феодалов и были враждебны массам народа». Таким образом, понятие феодализма приобретало политическую коннотацию, которую оно приобрело еще во время Французской революции (а русские революционеры во многом брали за образец Французскую революцию), одним из главных требований которой была отмена устаревших сеньориальных повинностей и других «пережитков феодализма»¹⁷.

Поскольку при жизни М.Я. Сюзюмова большое количество его статей появилось, не публиковалось или печаталось с грифом «в порядке обсуждения», внимание исследователей привлекает его переписка с коллегами, в которой

¹⁴ Алаев Л.Б. Традиционная модель... С. 239–244.

¹⁵ Сюзюмов М.Я. К вопросу об особенностях генезиса феодализма в Византии // Византийский временник. 1960. Т. 17. С. 3–16.

¹⁶ Без оговорок, какую именно и в каких случаях.

¹⁷ Определение феодализма в учебнике Косминского для школы было более размытым и мягким: установление феодализма в Византии — этот процесс закрепощения крестьян и подчинения их крупным собственникам, при этом отмечалось, что крестьяне также продолжали платить налоги государству (Учебник по истории средних веков для 6–7 классов средней школы Е.А. Косминского. М., 1958. С. 38).

содержатся, помимо сведений по истории развития византиноведения, некоторые его аргументы против господствующих на тот момент теорий о феодализме. В настоящем выступлении сведём воедино и обобщим его аргументы из личных писем к А.И. Неусыхину, Г.Г. Литаврину, З.В. Удальцовой, часть из которых только недавно было издана.

В письмах обсуждаются причины появления феодальной формации и её основа, определение и свойства дофеодального строя, характеристика этого строя как переходного периода, который М.Я. Сюзюмов отказывался называть «раннефеодальным», появление и усиление функций государства, воздействие римского права на варварское общество и римское влияние на варваров.

Дофеодальный период М.Я. Сюзюмов отказывался называть раннефеодальным: «Дофеодальный период считаю созданием условий для феодализма, потому что этот строй раннефеодальным назвать нельзя (иначе старую Россию, где созревали условия для феодализма — мощный пролетариат для диктатуры пролетариата — нужно было бы назвать такое „раннесоциалистическим“, что нелепо, так же и в отношении дофеодального периода — это самостоятельная ситуация). <...> Я всё-таки считаю, что энгельсо-сталинское определение о существовании особого периода, когда основой общества был свободный крестьянин — это и есть „дофеодальный период“»¹⁸. С его точки зрения, этот «переходный строй» <...> не походил ни на рабовладельческий, ни на строй высокого феодализма», и его «по недоразумению, а больше из соображений моды, называют «раннефеодальным»¹⁹».

Причину появления феодализма, который М.Я. Сюзюмов характеризовал как прогрессивный по сравнению с рабовладельческим строй²⁰, он видел в развитии производительных сил, наследии Римской империи и «ведущей роли христианства, ломавшего отношения», а не в собственности или эксплуатации²¹.

«После того как принята теория Неусыхина о дофеодальном строе как последнем этапе дикости, — отмечал он, — вообще ничего никому не стало понятно, что такое феодализм, совсем забывается основа — что феодализм прогрессивный²² в сравнении с античным строй, а таким может быть только вос-

¹⁸ Письмо от 1971 г. Письма к З.В. Удальцовой. Публикация: Куц Т.В. К истории советского византиноведения: письма М.Я. Сюзюмова к З.В. Удальцовой // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 318–392 (здесь: С. 357–358). Цитаты М.Я. Сюзюмова и далее оформлены в соответствии с современной орфографией и пунктуацией.

¹⁹ Письмо от 1960 г. А.И. Неусыхину. Сноска М.Я. Сюзюмова в письме: «Я по-прежнему считаю правым Сталина Кирова и Жданова, которые строй, «когда крестьянство было еще не закабалено», называли не раннефеодальным, а дофеодальным». Публикация: Цыпкина А.Г. «У меня много расхождений чуть ли не со всеми»: письма М. Я. Сюзюмова А.И. Неусыхину // Средние века. 2022. Т. 83. № 4. С. 210–242 (здесь: С. 237).

²⁰ Письмо от 1968 г. Г.Г. Литаврину. АРАН. Ф. 2186. Оп. 1. Д. 630. «Письма М.Я. Сюзюмова Г.Г. Литаврину». Л. 11.

²¹ Письмо от 1975 г. З.В. Удальцовой: Куц Т.В. К истории советского византиноведения... С. 380.

²² Из приведенных отрывков, характеризующих византийский феодализм, заметно, что М.Я. Сюзюмов еще в 60-х гг. в своих письмах говорил о том, что сейчас записано в томе 2 «Всемирной истории», подготовленной ИВИ РАН в 20-х гг. XXI в.: «Распространение феодальных институтов связано не с разложением раннесредневековых монархий, но напро-

приняв достижения античности и преодолев пережитки дикости». Он был не согласен с А.И. Неусыхиним, что феодализм возник на основе родоплеменных институтов²³.

Определения и характеристики феодализма, принятые на тот момент в советской историографии, вызывали у него наряду с недоумением, довольно бурную реакцию. Читал статьи своих коллег он довольно эмоционально и честно об этом сообщал: «Я всё еще негодую, как это может быть *экономическим* законом феодального способа *производства* закон *внеэкономического присвоения*??? По-моему — это коллективное умопомрачение²⁴ ... Как может быть феодальная рента *экономическим* законом для мелкого хозяйства, которое *экономически не зависело* от господина земли??? Ведь *основная* масса материальных благ в феодальном обществе производилась не на барской запашке, а в хозяйствах мелких собственников средств производства»²⁵. Такое видение основного экономического закона феодализма — во внеэкономическом присвоении — полностью соответствует как учебнику по истории средних веков под редакцией А.Е. Косминского, А.Д. Удальцова и О.Л. Вайнштейна (1941 г.), так и учебнику С.Д. Сказкина (1977 г.) и даже главе Н.А. Хачатурян в современном учебнике средних веков МГУ (2008 г.), а именно параграфу «характеристика феодализма», где тоже указано, что внеэкономическое принуждение было особенностью феодализма, и это «предопределило вторую особенность феодализма — соединение собственности с политической властью»²⁶.

Кроме того, М.Я. Сюзюмов обращал особое внимание на роль общины как фактора, разрушающего систему крупного рабовладельческого землевладения. Из письма к Удальцовой: «Панченко не увидел «количественный рост славянской общины, ее внутреннее укрепление», которое привело к качественному сдвигу — сокрушению мощи крупного, связанного с рабовладельческими традициями землевладения»²⁷. Панченко не знал теории формаций, иначе ему все оказалось [бы] ясно»²⁸.

Сущность Византии М.Я. Сюзюмов предлагал искать не в дворцовых интригах феодальной знати, характере того или иного правителя или особенностях конкретного правления, а в действующих на тот момент законах: «О Византии XI в. нужно судить не по деятельности Зои и Константина, а по Евста-

тив — с прогрессивным укреплением королевской и княжеской власти после XII в.» (ср.: «феодализм — прогрессивный строй»).

²³ Письмо от [1971] г. З.В. Удальцовой: *Куш Т.В.* К истории советского византиноведения... С. 359.

²⁴ Зачеркнуто в тексте М.Я. Сюзюмова.

²⁵ Письмо от 1954 г. А.И. Неусыхину: *Цыткина А.Г.* «У меня много расхождений чуть ли не со всеми»... С. 227.

²⁶ *Хачатурян Н.А.* Глава 1: Сущность понятий «Средние века» и «феодализм» в исторической науке; характеристика феодализма // История средних веков. Учебник для студентов высших учебных заведений / Под ред. С.П. Карпова. 6-е издание. Т. 1. М., 2008. С. 12–27 (здесь: С. 18).

²⁷ Здесь М.Я. Сюзюмов сходится с точкой зрения Ф.И. Успенского.

²⁸ Письмо от 1961 г. З.В. Удальцовой: *Куш Т.В.* К истории советского византиноведения... С. 343–344.

фию РOMEю»²⁹. Споря с коллегами, он обнаруживал логические нестыковки: «В отношении генезиса феодализма в областях, где не было римского влияния, остается загадкой, как это от состояния производительных сил, когда труд раба еще невыгоден, общество вдруг сразу переходит в стадию, когда труд раба уже невыгоден, минуя этап, когда труд раба выгоден. Это чудо, и я в чудеса не верю. Так или иначе племена варваров должны были предварительно воспринять производительные силы в готовом виде от народов, прошедших рабовладельческую стадию развития»³⁰.

Проблемы генезиса феодализма выводили его на размышления о функциях государства и его возможной верховной собственности на землю. К одному из писем Г.Г. Литаврину был приложен отдельный лист с размышлениями о государстве и частной собственности: «Классовое эксплуататорское общество покоится на частной собственности. Собственность — объект приложения труда, материал, средства и орудия производства, право собственности на продукт личного труда... Главная функция государства в интересах любого господствующего класса — охранять эту частную собственность. Частная собственность в развитом обществе всегда вызывает конфликты. Охранять частную собственность значит регулировать в законодательном порядке все конфликты, возникающие из этой собственности! Римское право идеально выразило эту функцию государства. Любая собственность защищается судом, любое владение — интердиктом. Государство карает не только незаконно присваивающего собственность другого лица, но и того, кто пользуется собственностью во вред обществу = господствующему классу. <...> Всё в государстве так тесно связано с собственностью, что появились теории, что государство — верховный собственник на землю. Если и происходили факты конфискации, то они всегда оформлялись (справедливо или нет) каким-либо законом! Но не на праве «верховной собственности»! В эпоху развитого феодализма сеньор — земельный собственник — получил функции государства — охраны владения и собственности на своей земле... он превратился в обладателя права *dominium eminens*. Получилось нелепое перенесение государственной функции в право собственности! Если есть частная полная собственность — *plena in re potestas*, то какая может быть еще более полная собственность, для римского права это нелепость! Но в эпоху господства полного иммунитета и феодальной раздробленности это единство стало квазипонятным»³¹.

Очень неравнодушно М.Я. Сюзумов относился к «варварофильским» концепциям, ставившим завоевателей выше завоеванного ими наследия и его влияния на них: «Что же? Разве в Византии по Пире судили хуже, чем во Франции в XI в.? Разве в Византии голодовки, о которых писал Иоанн Геометр, были страшнее ужасов того времени во Франции по Глауберу. <...> Откупщик фактически находился под общественным контролем, даже всякий сборщик налогов был на виду у всех. <...> Все-таки закон и суд были в Византии сильны

²⁹ Письмо от 1968 г. Г.Г. Литаврину. Л. 16 об.

³⁰ Письмо от 1955 г. А.И. Неусыхину. АРАН. Ф. 1634. Оп. 1. Д. 348. Л. 16.

³¹ Письмо от 1973 г. Г.Г. Литаврину. Л. 38.

и в результате Общественного менялись³² и Кекавмен хорошо видел значение его³³ ... <...> А разве лучше на Западе, когда каждый мелкий паршивый замок имел тюрьму и виселицу! И без всяких апелляций!³⁴ Да, жалко за Византию. Но что делать? Гиббон либо Герцен, Чаадаев, Безобразов, Каждан... Идеализация варваров — поскольку *ex eventu* варвары победили...»³⁵. Более того, М.Я. Сюзюмов писал, что «без налаженной бюрократии не может быть демократии, а может быть только патриархальный произвол»³⁶, а «специфика Византии — римское право!»³⁷

Возмущало его также бездумное использование понятия «классовая борьба» как причина любых общественных явлений: «Разве не выросли потребности и государства в связи с изменением в военном деле — вооружении армии, в снаряжении кораблей? Неужели переход на наемное войско был тоже результатом злой воли (недоверия массам, обеднения населения и снижения сумм налогов). Ведь наемные войска на Западе тоже закономерно развились <...>»³⁸.

Стремясь избежать неправомерного использования понятий и отрицательных суждений, М.Я. Сюзюмов писал, что выступает «против тенденциозности — нельзя к Византии предъявлять те требования, которые идеалом являются в наше время — а нужно относительно»³⁹.

В одном из писем М.Я. Сюзюмов сообщает, что хочет показать единство общественного строя и тесную связь развития города с деревней, которые не могут рассматриваться отдельно друг от друга: «Меня начинает одолевать безумная еретическая мысль — искать основу феодализма не в аграрных отношениях и собственности, а в городе и суверенитете»⁴⁰. Именно поэтому часть своих исследований он сосредоточил на истории города периода зарождения феодальных отношений⁴¹.

Ответ на многие из перечисленных выше вопросов, с его точки зрения, можно было бы найти при выявлении сходства и различия рабовладельческих отношений и феодальных. Поскольку про различия говорили очень много, в какой-то момент М.Я. Сюзюмов решил, что больше новых интересных ответов даст обсуждение сходства: «С тенденцией [Каждана] видеть между рабовладельческими отношениями и феодальными только разницу я не согласен! По-моему — между рабовладельческими и феодальными отношениями при всем их различии больше сходства, чем разницы! А моменты сходства и единства К[аждан] не

³² Так у автора — не отредактировано и не слишком разборчиво. Смысл один: в результате общественного мнения в Византии можно было добиться справедливого суда и исполнения закона.

³³ Письмо от [1973] г. Г.Г. Литаврину. Л. 77 об. — 78.

³⁴ По сути, в этом и состояло главное отличие «феодализма» западного от византийского — в наличии более сложного законодательства, унаследованного от Римской империи.

³⁵ Письмо от [1973] г. Г.Г. Литаврину. Л. 77.

³⁶ Письмо от 1968 г. Г.Г. Литаврину. Л. 14 об.

³⁷ Письмо от 1968 г. Г.Г. Литаврину. Л. 15.

³⁸ Письмо от 1968 г. Г.Г. Литаврину. Л. 13 об.

³⁹ Письмо от 1968 г. Г.Г. Литаврину. Л. 17.

⁴⁰ Письмо от 1969 г. Г.Г. Литаврину. Л. 20.

⁴¹ Сюзюмов М.Я. Византийский город (сер. VII — сер. IX в.) // Византийский временник. Т. 27. С. 38–70.

признает!⁴² <...> Конечно, пережитки рабовладельческого общества гибельно отражались на прогрессе, хотя и не в той мере гибельно, как пережитки родо-племенного общества на Западе!»⁴³

Как скрупулёзный исследователь-источниковед, М.Я. Сюзюмов понимал, что «многое из этих соображений и положений о сходстве и различии есть задача современного исследования источников, и от уточнения, что мы понимаем под «рабом» и под «феодально-зависимым». Ясно, что предложенная Сталиным формула — «может убить»⁴⁴ — неприложима ни для рабовладельческого, ни для феодального строя. А институт пекулия можно проследить на всем протяжении рабовладельческого строя. Разница ощутительная — между формациями, но все-таки во всех формациях классового общества больше сходства, чем разницы...»⁴⁵. Разумеется, такую критику не всегда было возможно печатать в советское время, поэтому исследование личной переписки М.Я. Сюзюмова будет интересным дополнением к его изданным статьям.

Точку зрения Сюзюмова подтверждает также наличие в Византии двух отдельных терминов для обозначения феодальной собственности и феодальной власти: «прония» (собственность на определенных условиях) и «иконмия» (управление на определенных условиях)⁴⁶. Некоторые исследователи именно пронию сближают с западноевропейской бенефицией — по словам В.П. Бузескула, «как происхождение пронии, так и процесс ее развития представляет немало аналогий с бенефицией». В то же время В.П. Бузескул отмечает, что, по мнению византиниста Ф.И. Успенского, «византийской южно-славянской пронии не удалось преобразоваться в феодал, что случилось с ее латинским двойником», и причина этого заключалась не в самих свойствах учреждения, а во внешних условиях — в том, что этому помешала византийская община и наличие свободного крестьянского землевладения⁴⁷.

Основная проблема историографии и преподавания на данный момент видится нам в том, что определение этого термина слишком давно не менялось.

⁴² Письмо от 1960 г. А.И. Неусыхину: Цыпкина А.Г. «У меня много расхождений чуть ли не со всеми»... С. 234.

⁴³ Письмо от 1965 г. З.В. Удальцовой: Куш Т.В. К истории советского византиноведения... С. 347.

⁴⁴ Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме // Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 253–282 (здесь: С. 274–275): «Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними — такова картина рабовладельческого строя. При феодальном [строе] основой производственных отношений является собственность феодала на средства производства и неполная собственность на работника производства — крепостного, которого феодал уже не может убить, но которого он может продать, купить. Наряду с феодальной собственностью существует единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде».

⁴⁵ Письмо от 1960 г. А.И. Неусыхину: Цыпкина А.Г. «У меня много расхождений чуть ли не со всеми»... С. 237.

⁴⁶ Золотовский В.А. Прония в военной организации Византии раннепалеологовского времени. Часть 2 // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 2. С. 40–51 (здесь: С. 45).

⁴⁷ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. М., 2008. С. 323.

Автор обзора термина феодализм и его употребления в историографии в учебнике Средних веков нашего времени (Н.А. Хачатурян) пишет (и в этом определении сходится с современными западноевропейскими историками)⁴⁸, что в XIX в. историческая мысль часто определяла феодализм «как особую политическую и правовую организацию общества с системой личных, прежде всего сеньориально-вассальных связей, обусловленных, в частности, потребностями военной защиты»⁴⁹.

Условный характер феодальной собственности⁵⁰ и иерархическая структура, а также соединение собственности с политической властью⁵¹ подаются как вторая особенность земельной собственности в эпоху феодализма. При этом утверждается, что феодализм принадлежит логической области познания, а не конкретно-исторической⁵² и представляет собой некий абстрактный образ социальной системы, отразивший общую суть⁵³ свойственных ей явлений и процессов, но в итоге отразить суть явления не получается, потому что в то же время в том же самом учебнике пишется, что полного «соединения феодальной собственности с политической властью» в Византии не было⁵⁴. Об отсутствии соединения в Византии собственности с абсолютной политической властью говорил как Г.Г. Литаврин в статье «Динаты перед высшим Константинопольским судом»⁵⁵, так и М.Я. Сюзюмов аккуратно и завуалированно — в своих публикациях, и прямо — в переписке. Основные прямые цитаты из писем М.Я. Сюзюмова приведены в настоящей статье, которая должна послужить более наглядным дополнением к его точке зрения.

Обнаружение логических несоответствий важно и полезно, чтобы осознать недостаточность термина «феодализм» для описания реальности в нынешнем его определении к Византийской империи. В частности, в чем сходятся практически все историки как настоящего времени, как и времен прошедших. Выход применительно к Византийской империи видится примерно таким же, как предлагают историки Средневековья Западной Европы: планомерное изучение и обобщение источников, особенно правовых, а также их сравнение со средневековым законодательством Западной Европы в отношении собственности и суда, т. е. по главным пунктам, по которым было принято феодализм определять.

⁴⁸ См. в статье выше.

⁴⁹ Хачатурян Н.А. Глава 1: Сущность понятий... С. 16.

⁵⁰ Ф.И. Успенский считал, что прония так и не стала до конца феодальной собственностью.

⁵¹ Против этого есть определенные возражения у Ф.И. Успенского, М.Я. Сюзюмова и Г.Г. Литаврина.

⁵² Хачатурян Н.А. Глава 1: Сущность понятий... С. 16.

⁵³ Выше в статье приведены мнения нескольких исследователей, что термин феодализм уже слишком прост для описания реалий Средневековья.

⁵⁴ Литаврин Г.Г. Глава 5: Византия в IV–XII вв. // История средних веков. Учебник для студентов высших учебных заведений / Под ред. С.П. Карпова. 6-е издание. Т. 1. М., 2008. С. 143–184 (здесь: С. 169).

⁵⁵ Литаврин Г.Г. Византийская знать (динаты) перед высшим константинопольским судом (X — первая половина XI в.). Из комментария к «Пире» Евстафия Ромея // Византийский временник. 2010. Т. 69. С. 8–31.

Полный отказ от этого термина, наверное, невозможен в силу привычки и долгой истории этого понятия. Однако время ввода нового определения феодализма наступило, так как пользоваться старыми определениями уже довольно трудно, поскольку требуется слишком много оговорок, которые в конечном счете уничтожают само определение. Вопрос в том, готова ли современная наука предложить новое и качественное определение, что означает кропотливую и коллективную работу не только над источниками, но и над обобщениями теоретического характера (социологического, экономического, юридического) на основе сделанных источниковедческих выводов.

Список литературы

- Алаев Л.Б. Традиционная модель феодализма и «восточный феодализм» // Феодализм: понятие и реалии. Материалы круглого стола. Москва, 25 апреля 2005 г. М., 2008. С. 239–244.
- Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. М., 2008.
- Гревс И., Кареев Н., Любавский М., Милюков П., Петрушевский Д. и др. Феодализм // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXXVA (70). СПб., 1902. С. 494–558.
- Гуревич А.Я. Феодализм перед судом историков, или о средневековой крестьянской цивилизации // Одиссей. Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 11–49.
- Золотовский В.А. Прония в военной организации Византии раннепалеологовского времени. Часть 2 // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 2. С. 40–51.
- Косминский Е.А. Учебник по истории средних веков для 6–7 классов средней школы. М., 1958.
- Куц Т.В. К истории советского византиноведения: письма М.Я. Сюзюмова к З.В. Удальцовой // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 318–392.
- Литаврин Г.Г. Византийская знать (динаты) перед высшим константинопольским судом (X — первая половина XI в.). Из комментария к «Пире» Евстафия Ромея // Византийский временник. 2010. Т. 69. С. 8–31.
- Литаврин Г.Г. Византия в IV–XII вв. // История средних веков. Учебник для студентов высших учебных заведений / Под ред. С.П. Карпова. 6-е издание. Т. 1. М., 2008. С. 143–184.
- Одиссей. Феодализм перед судом историков. М., 2006.
- Пименова Л.А. Представления о «феодальном» в дореволюционной Франции XVIII в. // Одиссей. Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 63–76.
- Сталин И.В. О диалектическом и историческом материализме // Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 253–282.
- Сюзюмов М.Я. Византийский город (сер. VII — сер. IX в.) // Византийский временник. Т. 27. С. 38–70.
- Сюзюмов М.Я. К вопросу об особенностях генезиса феодализма в Византии // Византийский временник. 1960. Т. 17. С. 3–16.
- Уваров П.Ю. В поисках феодализма // Одиссей. Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 5–10.

- Феодализм в представлении современных медиевистов // Всемирная история. Средневековые цивилизации Запада и Востока / Отв. ред. П.Ю. Уваров. Т. 2. М., 2012. С. 16–32.
- Хачатурян Н.А. Сущность понятий «Средние века» и «феодализм» в исторической науке; характеристика феодализма // История средних веков. Учебник для студентов высших учебных заведений / Под ред. С.П. Карпова. 6-е издание. Т. 1. М., 2008. С. 12–27.
- Цыпкина А.Г. «У меня много расхождений чуть ли не со всеми»: письма М.Я. Сюзюмова А.И. Неусыхину // Средние века. 2022. Т. 83. № 4. С. 210–242.

BYZANTINOTAUICA
Журнал византийских
и средиземноморских исследований
2023
Том 1

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Оригинал-макет подготовлен
Алексеем Крюковым

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна
192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция:
e-mail: aletheia92@mail.ru

www.aletheia.spb.ru

Книги издательства «Алетейя» можно приобрести

в Москве:

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Фаланстер», ул. Тверская, д. 17. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru

в Минске:

«Эпосервис», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kļ. Barona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 70x100¹/₁₆. Усл. печ. л. 16,13.

BYZANTINOTAUICA

THE JOURNAL OF BYZANTINE
AND MEDITERRANEAN
STUDIES

..... I

aletheia.spb.ru

ISSN 2949-6136

